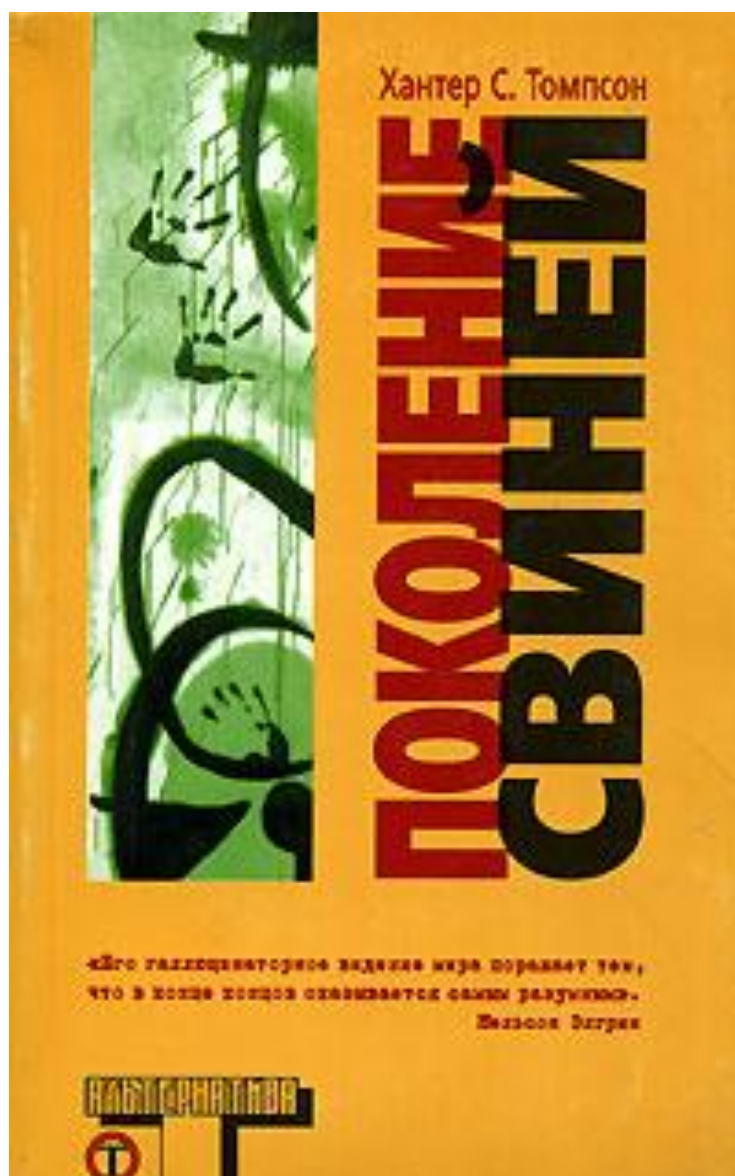


Хантер С. Томпсон

Поколение свиней (Generation of swine)



В 1986-1988 гг. Хантер С.Томпсон, знаменитый автор “Страха и отвращения в Лас-Вегасе”, вел еженедельную колонку в “San Francisco Examiner”. Статьи, собранные под этой обложкой, – это летопись жизни Поколения свиней, чьи злые дела чувствуются во всем: от дела “Иран-контрас” до сообщения в СМИ об урагане “Глория”; от аппаратов для измерения артериального давления до Суперкубка; от чудовищ, которые управляют Денверским аэропортом, до разгула телепроповедников. Несравненный “доктор Гонзо” проделала немалый путь в поисках разумной жизни, а вместо нее обнаружил лишь полное безумие.

Введение

И дам ему звезду утреннюю.

Это тоже из «Откровения» Иоанна Богослова. Я украл оттуда много цитат, мыслей и просто изящных звездных вспышек слова, больше, чем из любого другого источника, – не потому, что я большой знаток Библии, и не по причине религиозности, а потому, что я люблю дикую мощь языка «Откровения» и чистоту безумия, которая правит им и создает его музыку.

Кроме того, я провожу много времени в дороге, беру напрокат пишущие машинки и мучаю факсы в чуждых мне отелях; я всегда слишком далеко от своей большой домашней библиотеки, слишком далеко, чтобы дотянуться до мудрости, той мудрости, которая, как я иногда внезапно осознаю – душевной ночью в Майами, или в холодный День Благодарения в Миннеаполисе, – необходима мне как воздух, но я не могу ждать; четыре-пять часов – предел отпущенного мне времени. В эти моменты богатство домашней библиотеки недостижимо для меня.

Походная жизнь накладывает свои ограничения. Нельзя в три часа ночи позвонить администратору отеля «Марк Хопкинс», или «Лас-Вегас Хилтон», или «Аризона Балтимор» и попросить собрание сочинений Сэма Кольриджа или Стивена Крейна... Хотя в некоторых городах Мария ухитрилась добыть томик ГЛ. Менкена или Марка Твена, и каждый раз через некоторое время Давид Маккамбер, как фокусник белого кролика, доставал что-нибудь вроде «Круглого миллиончика» Натанаэла Уэста из своей шляпы, а может быть – из своей причудливой книжной коллекции в офисе «Examiner»....

Но такое удается не часто. В дороге даже днем, а особенно после полуночи, почти невозможно быстро найти, скажем, сто первую страницу «Снежной слепоты»¹ (1 Книга Роберта Саббага, посвященная наркоторговле), или заключительный вердикт Марлоу по делу лорда Джима² (2 Главный герой одноименного романа Джозефа Конрада), или слова Ричарда Никсона, сказанные Генри Киссинджеру той сумасшедшей июльской ночью 1974 года, когда они стояли на коленях перед портретом Эйба Линкольна в Белом доме.

Это займет слишком много времени. Кроме того, если в последние три дня вы заказывали в номер «Чивас» бутылку за бутылкой, служащие отеля нервничают, когда вы вдруг требуете что-то такое, о чем они в жизни не слышали. В такие моменты я начинаю слоняться по комнате и рыться в ящиках тумбочек и шкафов, в шатких письменных столах, на которых лежат зеленые записные книжки, предназначенные для путешествующих торговцев, – я ищу Гидеоновскую Библию, я знаю, она где-то здесь, и, если мне повезет, это окажется Библия короля Якова с полным текстом «Откровения» в конце.

Если Бог есть, я хочу сказать Ему спасибо за этих «Гидеонов», кем бы они ни были. Я имел дело с другими вестниками Бога и нашел их совершенно бесполезными. «Гидеоны» не такие. Они спасали меня каждый раз, когда я слышал недовольное ворчание и обещание вызвать охрану по мою душу, если я не выключу свет и не буду спать как все нормальные люди....

Половину своей жизни я потратил на попытки уйти из журналистики, но все еще барахтаюсь в этом низком ремесле, затягивающем хуже героина, странном, больном мире неудачников и пьяниц. Выберите любой день, сделайте групповое фото десяти лучших журналистов Америки – и вы получите памятник человеческому уродству. Журналистика – не то ремесло, которое притягивает людей с лоском; здесь нет типов в костюмах от Кевина Кляйна, нет ни одного представителя сливок общества. Мы скорее увидим пламенеющий закат солнца на востоке, чем фото человека нашей профессии – на обложке журнала «Пипл».

Пытаться выразить себя на бумаге – гиблое дело, по крайней мере, не пытайтесь сделать это в один присест. Но если ты – журналист, на всем, что ты написал, стоит твое имя, черным по белому, а журналистика – твоя работа, хорошая она или плохая. Купил билет – отправляйся в дорогу. Раньше эти слова были для меня забавной присказкой, но потом, к своему ужасу, я осознал, насколько они верны. Неприятная аксиома, которая может преследовать тебя всю жизнь. Как сказал Джо Луис накануне боя с Билли Коном: «Он может бегать, но не может спрятаться».

Когда занимаешься журналистикой или политикой – или, как я, и тем, и другим одновременно, – надо помнить еще об одной вещи, уклониться от которой невозможно. Критики будут тебя кусать, когда ты будешь прав, и когда ты ошибешься; это больно в любом случае – но перенести боль все же легче, когда ты прав.

Впрочем, бывают эпохи – одна из них досталась нам – когда даже правда чувствует свою ложь

ность. Что можно сказать о поколении, которое учится тому, что дождь – яд, а секс – смерть? Когда любовь оборачивается гибелью, а прохладный летний ливень на ваших глазах превращает кристально голубое озеро в черную ядовитую лужу, что остается в вашей жизни, кроме телевизора и непрерывной мастурбации?

Это странный мир. Кто-то богатеет, кто-то жрет дерьмо и умирает. Толстяк почувствует, как разрывается его сердце, и назовет это прекрасным. Кто знает? Если и вправду есть Рай и Ад, мы можем с уверенностью утверждать, что Ад – это такой сильно перенаселенный Феникс: чистое, хорошо освещенное место, залитое солнцем, полное снотворных, и банальностей, и быстрых машин; где все кажется почти счастливыми, кроме тех, кто осознал, что в его сердце что-то не так... кто медленно и ровно движется к окончательному безумию, которое приходит вместе с мыслью, что здесь нет как раз того единственного, что нужно по-настоящему. Утеряно. Не доставлено. No tengo. Vaya con Dios! (1 Не имеется. Идите с Богом (исп.)).

Повзрослей! Довольствуйся малым! Бери то, что есть....

Гораздо сложнее представить себе Рай – есть вещи, которые даже умник описать не берется... Но я могу догадаться. Или навести справки. Или, может быть, просто взвесить шансы, как игрок, или как дурак, или как ходячий атавизм – маньяк рок-н-ролла, и поставить восемь к одному на то, что Рай – это такое место, где у самых ворот отделят свиней и, как пойманных вражеских шпионов, покрытых синяками, рубцами и ранами, отправят подальше от Рая. Вниз по черному желобу, туда, где каждые 10-16 минут тебя захлестывает отвращение, как волны кипящего асфальта и ядовитой пены, которые сменяются толпами адвокатов и продажных полицейских, размахивающих сводом законов; а сам Рай – это место, где никто не смеется, где все лгут, где дни похожи на дохлых животных, которых волокут в могильник, а шлюхи и торчки по ночам скребутся в твои окна; это место, где налоговые инспекторы складывают кипы судебных повесток у твоей двери; где вопли обреченных вырываются из воздушной шахты вместе с белыми тараканами и красными червями, наполненными СПИДом; где гремят взрывы гнилостного газа, где никогда не восходит солнце, и утренние улицы полны проповедников-попрошак, что заискивают перед бандами жирных молодых парней, которые следуют за проповедниками....

Кажется, мы говорили о Рае... или пытались о нем поговорить... но каким-то образом вернулись в Ад.

Может быть, Рая нет. Может быть, мои рассуждения – просто бессвязная болтовня, плод больного воображения ленивого, пьяного дикаря, чье сердце переполнено ненавистью, дикаря, который нашел способ жить там, где дуют настоящие ветра, – поздно ложиться, развлекаться, быть сильным, пить виски и мчаться по пустым улицам, пока в душе не останутся всего две вещи: предчувствие любви и дорога....

Res ipsa loquitur! (1 Дело говорит само за себя (лат.)).

Давай хорошенько оттянемся!

ХСТ

Райская Долина

Субботняя ночь в городе

Я высадил Марию перед тату-салонем незадолго до полуночи. Места для парковки на улице не было, поэтому я отправил ее в салон, а сам припарковался на боковой дорожке, перед домом с темными окнами.

Почему бы и нет. Прикинем. Черная машина, темная боковая дорожка, на улице никого, кроме психованных китайских подростков... а нам необходим сюжет. Слишком долгая и чумовая неделя не располагала к мудрым, спокойным размышлениям. Примерно 166 часов подряд я читал лекции о морали, нравах и политике – в дополнение к наркотикам и насилию. Я слишком долго не спал.

Когда мы нашли адрес «Художественного тату-салона» в «Желтых страницах», до его закрытия оставался всего час. Самое время начать поиски сюжета.

Нам повезло, салон находился в нескольких кварталах от отеля, на углу Третьей и Гири, в пустынном подъезде, рядом с «Профилактикой суицида Инк.». Фасад здания был целиком покрыт толстыми стальными рифлеными щитами, как в Бейруте.

Клиника для самоубийц была закрыта, так что Мария позвонила в тату-салон и через минуту

исчезла внутри.

Когда я туда зашел, она горестно разглядывала маленькую белую карточку Дерматологической клиники Кея и Кона. На карточке было напечатано «Удаление тату с помощью лазерной хирургии» и расценки на услуги – по запросу.

На другой карточке, которую Марии дал хозяин салона, значилось: «НЕ СРЫВАЙТЕ СТРУП... ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ Я НЕ НЕСУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НИ ЗА КАКИЕ ТАТУИРОВКИ С ТОГО МОМЕНТА, КАК ВЫ ПОКИНЕТЕ МОЮ МАСТЕРСКУЮ. СПАСИБО».

Салон принадлежал огромному швейцарцу по имени Марк, руки и плечи которого напоминали о героях комиксов – ножи, змеи, скорпионы, черепа, куча девизов «Ангелов Ада»: «Живи весело, умри красиво»... «Живи, чтобы гоняться, гоняйся, чтобы убить»... «Мне надо было убить тебя вчера»... «Лучше увидеть сестру в борделе, чем брата на японском байке»...

На стенах мастерской висело много других вариантов: от утонченных изображений цветов до чудовищных фресок во все тело, типа Нанкинской резни¹ (1 Во время Второй мировой войны японцы захватили Нанкин. За несколько месяцев оккупации в Нанкине было убито 200-300 тысяч людей – военнопленных и мирного населения, в том числе женщин и детей. Убийства сопровождались изнасилованиями, пытками и издевательствами. После окончания войны американцы, по всей видимости, заключили с японцами тайное соглашение и практически отказались от преследования военных преступников (прим. перев.)) или шестиногих горгон, изрыгающих пламя и грызущих черепа своих врагов.

– Орлы и пантеры, – сказал Марк, – по-прежнему популярны... Правда, девушки чаще выбирают цветы и все такое. Но парни предпочитают орлов и пантер.

Он нервничал. Хотел уйти в полночь – но все накрылось. Не лучшее дело – в субботу, за две минуты до полуночи, на темных задворках бульвара Гири развлекать двух бродяг с блестящими глазами и непонятными замыслами.

– Мы торопимся, – сказал я ему. – Завтра в полдень кончается срок. Сколько времени нужно, чтобы сделать тату этой женщине?

Марк настороженно глянул на меня, потом долго смотрел на Марию.

– Где вы хотите сделать тату? – спросил он.

– Не имеет значения, – рявкнул я. – Пусть будет на спине.

Я быстро осмотрел стены в поисках подходящего рисунка, но хорошие картинки требовали слишком много времени. Чтобы сделать простенькое тату, надо было всего две-три минуты, на сложное у нас бы ушло восемь-десять часов.

В конце концов я сказал: «Как насчет пантеры?» и показа! на свирепого черного зверя размером с волейбольный мяч. Рисунок был большой, но несложный. Требовавший в основном много черной туши и крови от уколов мерзопакостной иглой.

Мария вытянулась на кушетке, и я задрал ей свитер, обнажив лопатки. Несчастный швейцарец долго стерилизовал свою высоковольтную иглу в лотке со спиртом и эфиром. Потом игла завывала, как бормашина, и погрузилась в плоть.

Тихое воскресное утро на бульваре Гири. Огромная оранжевая вывеска «СКЛАД» – единственное яркое пятно в пределах видимости. За ней видны авеню – темная вереница заполненных туманом котловин, протянувшихся к пляжу. Станные автомобили на дорогах, огромные мотоциклы, пристегнутые цепями к пожарным кранам.

Я прочувствовал эти авеню. Знаю их, как вены на собственной шее. Могу мчаться на предельной скорости по дороге в направлении кафе «Бич бой» в таком густом тумане, в каком даже трамваи не рискуют ездить.

Я помню ночи в старые добрые времена, когда мы в тесной связке неслись на больших мотоциклах через парк, как шумное стадо диких кабанов. Мы орали и пили виски, и взрывали «зиппо» наши косяки, мы мчались в темноте как крысы, и с нездоровым воодушевлением вписывались в изгибы дороги вокруг озер и полей для поло... банда крепких ребят, готовых к приключениям на просторе.

Теперь все по-другому. Я живу в Майако, в пентхаузе с панорамным балконом и джакузи, с высоты я разглядываю в большой черный бинокль аллеи и крыши японского квартала. Обслуга приносит мне булочки, а на стоянке припаркован мой новый черный «камаро».

Здесь меня знают. Когда мы возвращались в отель, я увидел швейцара в сомнительном черном

кимono, который стоял прямо посередине Пост-стрит и беспомощно махал потоку встречного движения... Я утопил педаль газа и сделал рядом с ним вираж. Просто чтобы проверить рефлексy.

Он с проклятиями отпрыгнул назад, а я вывернул машину на стоянку. Мария быстро забежала в отель, держа в руках сумку из меха выдры, где лежали улики и записи нашего недавнего криминального расследования.

– Хорошо повеселились? – спросил швейцар, открывая мне дверцу машины.

– С ума сошел? – ответил я. – Мне надо было сделать важную работу. Пришлось всю ночь просидеть в тату-салоне. Только так мы могли уложиться в срок.

– Что? – удивился он. – Вам сделали татуировку?

– Да нет, – ответил я. – Не мне. – Я ткнул пальцем в Марию, которая была уже далеко в холле. – Это у нее теперь есть тату, – сказал я. – Большая черно-красная пантера между лопаток.

Швейцар медленно кивнул, но на его лице ясно читалось напряжение.

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Вы заставили несчастную девушку сделать тату? Только чтобы написать статью для газеты?

– Это было правильное решение, – сказал я. – У нас не было выбора. В конце концов, ведь мы профессионалы.

9 декабря 1985 года

Срывание масок на скотном дворе

Это поколение может увидеть Армагеддон.

Рональд Рейган. «People», 26 декабря 1985 года

Когда зазвонил телефон, было около трех. Пару секунд я на него смотрел, потом схватил трубку и молча приложил ее к уху. Три часа ночи для некоторых людей не слишком поздно, но эти люди не относятся к разряду спокойных. Те, кто занимает линии междугородней связи в темные предрассветные часы, принадлежат к особой породе. Когда телефон звонит в три часа – не рассчитывай, что твой собеседник окажется человеком размеренного образа жизни и правильно выбранной профессии.

На другом конце линии кто-то молча сопел в трубку.

СРЫВАНИЕ МАСОК НА СКОТНОМ ДВОРЕ

– Говори! – рявкнул я в конце концов. – Чего тебе?

– Привет, – сказал голос. – Ты занят?

Оказалось, звонит из Вашингтона мой приятель – полит-консультант. Сила и самообладание покинули его, как сказал он. Ему надо поговорить со мной о чем-нибудь, но только не о политике.

– Позвони исповеднику, – сказал я. – Мое дело – политика, и сейчас мне как раз требуются некоторые данные.

– Какие? – спросил мой приятель. – По Сенату? – Он недобро засмеялся. – Не стоит беспокоиться. Выборы погоды не делают. Демократы могут получить контроль, но Рейган все равно имеет право вето. Наша единственная надежда – заблокировать его вплоть до 1988 года. А тогда можно будет что-нибудь предпринять.

– Остряк! – сказал я. – Помнишь, я советовал тебе воздержаться от крэка и глупых шуток. Из-за них тебя когда-нибудь посадят в клетку. Твои дети будут приходить по воскресеньям, чтобы через прутья потыкать тебя острыми палками.

– Ну и что? – ответил он. – Очень скоро мы все окажемся за решеткой. Меня будут боготворить, как Уолта Уитмена.

– Да ладно тебе! – сказал я. – Сосредоточься. Борьба пойдет за тридцать четыре места. Получить перевес в четыре кресла – это все, что нужно демократам. Какова расстановка сил в Джорджии? Еще меня интересуют Миссури и Калифорния. И что там с этим шарлатаном на Аляске? У него есть какие-нибудь шансы?

– Шутишь? – сказал он. – Это же доктор Олдс. Гвоздь сезона. Он вполне способен победить.

– Может быть, – сказал я. – Как насчет семи к одному?

Он согласился, и следующие два часа мы провели, определяя ставки по остальным тридцати трем забегам в Сенат. Больше половины имело явных фаворитов, однако нам удалось отыскать в списке десятков состязаний, достаточно интересных для того, чтобы поиграть в азартную игру.

Аляска. Предполагается, что победа обеспечена республиканцу Фрэнку Мурковски... Но эко-

номический кризис на Аляске тяжелее, чем в Техасе, и неизвестный претендент от демократов – доктор Гленн Олдс – может неожиданно выиграть состязание. Ставки: семь к одному на Мурковски.

Миссури. Том Иглтон сдает место, когда-то надежно занятое демократами. Кандидат от «Великой старой партии»¹ (1 Неофициальное название Республиканской партии США (прим. перев.)), бывший губернатор Кит Бонд имеет хорошую репутацию и огромное преимущество перед действующим помощником губернатора Генриеттой Вудс, которая, тем не менее, сохраняет шансы на победу. Ставки: три к одному на Бонда.

Луизиана. Рассел Лонг отдает еще одно место, традиционно занимаемое демократами. Теперь оно, вероятно, достанется конгрессмену-республиканцу Хенсону Муру – явному фавориту в борьбе с четырьмя демократами за пятьдесят процентов голосов на открытых первичных выборах 27 сентября. Но если Мур не получит пятьдесят процентов, ставки на демократов повысятся с восьми к одному до пяти к двум. Маловероятно, но возможно.

Калифорния. У Алана Крэнстона нет видимой причины для провала, хотя умные денежки говорят, что есть: это стандартный миллионер, конгрессмен из «Великой старой партии», Эд Шоу, златошерстое Партийное Животное¹ (1 Намек на героев книги Оруэлла «Скотный двор» (прим. перев.)), который в любой нормальный год был бы счастлив почистить ботинки Крэнстона. Ставки: три к двум на Крэнстона.

Колорадо. Освобождается еще одно место демократов, на сей раз – фаворитом президентской гонки Гэри Хартом. Его друг и соратник Тим Уирт – заметный конгрессмен и опытный борец за голоса избирателей, работающий в стиле Кеннеди. Уирт, по слухам, должен опасаться конгрессмена-республиканца Кена Кремера. Тут я не советую заключать пари. Ставки: семь к пяти на Уирта.

Невада. О победителе в этом штате бьются об заклад даже дети. Пол Лекселт – республиканец, который провел два срока в Сенате, серый кардинал и ключевой стратег династии Рейганов. Он освобождает место, за которое борются республиканец Джим Сантини и конгрессмен-демократ Гарри Рейд. На сегодняшний день оба имеют одинаковый рейтинг. Лекселт – партийный функционер классического склада. Он не оставит свое место в Сенате, пока не будет уверен в победе своего преемника-республиканца. Но и он может ошибаться. Лекселт проводит собственную напряженную президентскую компанию, где ставки очень велики. Он крадется в зарослях позади Джорджа Буша и может потерять контроль над местной политикой. Вспомните Оскара Бонавену. Прогуливаясь по парку публичного дома под названием «Ранчо мустангов», Бонавена тоже считал себя в безопасности – но пуля таинственного снайпера пробила ему шею, и он умер. Ставки: шесть к пяти на Рейда.

Северная Каролина. Терри Сенфорд, двойник Губерта Хэмфри и бывший губернатор, просто обязан выиграть выборы, а недавно назначенный кандидат-республиканец Джеймс Бройхил – нет. Бройхил дорабатывает срок за бывшего сенатора Джона Иста, недавно покончившего жизнь самоубийством при грустных и отвратительных обстоятельствах. Местное население все еще не может успокоиться по этому поводу. Ставки: три к двум на Сенфорда.

Флорида. Любимица семейства Рейганов Пола Хокинс попала в серьезную переделку. Губернатор Боб Грэм – превосходно организованный политический локомотив с большими амбициями и высококвалифицированным персоналом. У него почти нет слабых мест. Он побьет Полу Хокинс, как свою домашнюю клячу. Ставки: пять к двум на Грэма.

Джорджия. Очевидный фаворит – кандидат от «Великой старой партии» Мак Маттингли. Впрочем, демократ-конгрессмен от Атланты Уитч Фаулер, победивший на первичных выборах Гамильтона Джордана, бывшего любимчика Картера, чувствует себя очень уверенно. Маттингли похож на куклу Барби с неясным электоратом, и ему не следует расслабляться. При ставках два к одному на черную лошадку Фаулер – один из лучших объектов для заключения пари на всем игровом поле.

Алабама. Здесь мы видим двух равных свиней в луже, но некоторые свиньи равнее других, а твердолобый фундаменталист-фанатик Иеремия Дентон – настоящий придурок, который будет хвататься за любую возможность выставить себя идиотом. Теоретически он может разрушить свое подавляющее преимущество над конгрессменом-демократом Ричардом Шелби. Но более вероятно, что это у него не получится. Ставки семь к одному на Дентона.

За восемь недель до дня выборов ставки стабилизировались на уровне 50 к 50 или, может быть, 51 к 49 в пользу демократов – в зависимости от ваших предпочтений. Я лично считаю – 52 к 48.

Выборы в Сенат 1986 года будут решающими. Возможно, победа демократов не изменит мир, но она по крайней мере утихомирит озверевшую компанию белых подонков, собравшихся под лозун-

гом «Бомбы и Иисус». Эти люди достаточно повеселились. Не только «Откровения» предрекает чуму, которую несут мстительные йеху¹ (1 На американском политическом жаргоне «йеху»: 1) политик, склонный к жестоким мерам; 2) реакционер, политический мракобес.).

Нам всем нужно отдохнуть от этого погрома. Рональд Рейган – старик. А вот остальные действительно могут стать свидетелями Армагеддона.

1 сентября 1986 года

Никсон и женщина – кит

Я не был настроен вести пустые разговоры. День был отвратительный, и мое сердце переполняла ненависть к человечеству. Утро я провел во Дворце правосудия, сражаясь с законниками и бандитами, а вторая половина дня была бесполезно потрачена на преследование горбатого кита. Злополучное животное заплывало в реку Сакраменто и спровоцировало образование «медийного совета», как выражаются в нашей среде. Под нажимом моей жестокой и амбициозной сотрудницы Марии Кан я был вынужден присоединиться к этой компании.

В Рио-Виста, маленьком городке, расположенном на берегу реки в часе езды на восток от Сан-Франциско, я встретил пожилую китайку, которая, по ее собственному утверждению, когда-то была подружкой Ричарда Никсона. Она живет на барже, пришвартованной на заболоченном участке реки неподалеку от Антиохии. По ее словам, экс-президент часто бывал у нее, когда приезжал в Калифорнию.

НИКСОН И ЖЕНЩИНА-КИТ

– Иногда он прилетал на вертолете, – рассказывала она, – в сопровождении команды агентов службы безопасности. Телохранители с бутылками «будвайзера» в руках усаживались на досках, а мы уходили вдвоем за причал и играли в карты. Люди говорили, что он пьет слишком много джина, но я за ним такого не замечала. Мы встречались целых тринадцать лет, и никто не знал о нашей дружбе.

Я сидел рядом с китайкой на уютной палубе плавучего ресторана с видом на реку, в которой прятался сорокатынный кит, как чудовище озера Лох-Несс.

Никто точно не знал причину его странного поведения. На реке собрались сотни людей, которые хотели посмотреть на кита; некоторые даже приехали из Голливуда, Орегона и Виннимакки. Они следовали за китом вдоль берега реки по узким дорогам, и их машины, предназначенные для езды по скоростным автострадам, буксовали в грязи. Местные рыболовы были в ярости. Кит представляет угрозу для лодок, утверждали они, и, кроме того, он, вероятно, болен. Морской биолог из Сосалито выступил с теорией, по которой самоубийственное поведение кита вызвал смертоносный паразит, «мозговая трематода». Обезумевшее от болезни огромное млекопитающее движется на мелководье, и дело может кончиться тем, что кит выбросится на пляж где-нибудь в саду за фермерским домом и умрет со страшными стонами и шумом. Само собой, вся страна сможет наблюдать эту картину по телевизору. Кое-кто высказывал опасения, что труп кита раздуется, и, попав в русло, гора гниющего жира заблокирует речку на всю зиму.

По прогнозу морских биологов, кит погибнет примерно через неделю, и с этим ничего нельзя поделать. Капитан буксира из Питсбурга предлагал загарпунить животное и по течению вытащить из реки в море, но в ночь перед запланированной битвой с китом капитана арестовали за непристойное поведение на автостоянке возле антиохийско-го театра.

Сказать по правде, увидеть кита удавалось не часто, а когда удавалось, он выглядел просто как огромное бревно. В какие-то дни кит выходил на поверхность каждые две-три минуты, в другие – появлялся редко или не появлялся совсем.

У меня была припасена бутылка джина, которую я собирался подарить китайке – подружке Никсона, заехав к ней на обратной дороге. Репортеры продолжали следовать за китом – но без меня. Я завез джин и дезертировал.

Около полуночи я остановился в Новато, чтобы заехать на свадьбу и поздравить знакомого стриптизера с женитьбой на танцовщице из театра О'Фаррелла. Некоторые гости обалдели, когда невеста, одетая в старые ковбойские бриджи, стала браниться, как пьяная шлюха. Но я слишком долго работал в журналистике, чтобы не оценить тонкость постановки.

Было почти три часа ночи, когда, скрипнув тормозами, я припарковал машину на стоянке своего отеля. Похожий на пещеру холл был безлюден, если не считать небольшой компании дегенератов-

яппи. Они ждали лифта. Их было шестеро или семеро, всем под тридцать. По прикиду можно было предположить, что они возвращаются с дискотеки.

На мужиках были блестящие кожаные куртки и новенькие белые кроссовки «Рибок», которые поскрипывали по плиткам пола, когда яппи нервно переминались с ноги на ногу, проклиная отель за плохую работу лифтов.

– Все застряли на тридцать пятом этаже, – сказал один из них. – Там держат девочек. Без специального ключа туда не добераться.

– Наплевать, – сказал его приятель. – Мы можем найти все, что нам надо, в этой газете.

Он просматривал бульварную газетенку с гордым названием «Spectator». На обложке было тусклое серое фото – нечто похожее на голую женщину с двумя собаками. На последней странице красовалась блеклая реклама фирмы эскорт-услуг под названием «Безграничный восторг». Текст объявления гласил: «Обслуживание только на выезде – снимите классных девочек прямо сейчас!»

Одна из женщин хихикнула. В одной руке она держала стопку двадцатидолларовых бумажек, в другой – пакет с логотипом «Аристократического массажного салона». Ее спутник нес большую картонную коробку с кучей туфель на шпильках.

Ясно было, что эта компания своего рода жизнелюбов-извращенцев, приехавшая из Лос-Анджелеса на выходные. Они болтали об оргиях и плетках, а потом о бэбиситтерах и о том, что хорошо бы вернуться домой к началу любимой телепередачи. Одна из женщин спросила меня, что я думаю об Эде Мизе, новом генеральном прокуроре.

– Он до вас доберется, – сказал я. – Вы все скоро сядете за решетку.

Она отшатнулась и уставилась на меня.

– Вы кто? – недовольно проворчала она. – Еще один зануда?

– Я – ночной менеджер театра О’Фаррела, – ответил я, – этого Карнеги-холла народного секса в Америке. Высший авторитет в таких делах. Гнильцу я чувствую за милую.

21 октября 1985 года

Клуб геены огненной

Доколе, о Господи, доколе? Неужели все телепроповедники – дегенераты? Неужели они барахтаются в грязи и развлекаются со шлюхами каждый раз, когда телекамеры смотрят не на них? Неужели они все – воры, шарлатаны и содержатели публичных домов?

На прошлой неделе получил по заслугам еще один бесстыжий мошенник. Пятидесятидвухлетний Джимми Свог-гарт, луженая глотка из Батон-Руж, известный в некоторых кругах, как «Мик Джаггер телеевангелизма», засветился в мерзком дельце в Новом Орлеане и был вынужден оставить свой приход с годовым оборотом в 145 миллионов долларов из-за обвинения в сексуальных преступлениях. В прошлом году похожие дела довели до краха Джима Бек-кера, старого конкурента Своггарта.

КЛУБ ГЕЕННЫ ОГЕННОЙ

Правда, некоторые утверждают, что это Своггарт организовал тогда заговор с целью опозорить Беккера и на всю жизнь приклеить к нему ярлык отвратительного содомита и отъявленного казнокрада, у которого жена – наркоманка, а вместо Иисуса – Налоговое управление США.

Потом Своггарт, обезумев от спеси, попытался убрать еще одного конкурента: проповедника Гормана из Нового Орлеана. В ход пошли обвинения в запойном пьянстве и совращении незащищенных детей.

Но на прошлой неделе Горман сделал ответный ход и злорадно заявил, что у него есть фотографии, на которых Большой Джим вместе с известной проституткой или, скажем, женщиной легкого поведения, тайно пробирается в мотель, предназначенный для «третьесортных романов и низкопробных свиданий».

Многим это напомнило вспышку сексуального безумия, которая выбила Гэри Харта из борьбы за президентское кресло.

Тогда многие говорили, что это позор. Но вы знаете, кто возмущался больше всех... Семья, в конце концов, проникло в мозг; глаза заблестели, и синапсы стали срастаться друг с другом. Теперь вместо того, чтобы прятаться в тайных любовных гнездышках, они важно разгуливают по «Холидей Инн» и собираются на оргии прямо в городе...

Люди, стоящие у руля, мало изменились со времен Калигулы. Всю долгую историю человечества секс и власть питали друг друга. В восемнадцатом столетии английский король и половина его министров были втянуты в широкую сеть странных, жестоких секс-клубов и тайных культов. Процветали сатанизм и человеческие жертвоприношения, ужасные издевательства над белыми рабами и прилюдное скотоложество.

В начале века в Лондоне было много «Клубов разврата», где в качестве кульминации вечера члены клуба выходили на улицу и в пьяном тупом угаре насиловали, избивали и калечили любое человеческое существо, попавшее им в руки.

Барго Патридж в своей классической «Истории оргий» рассказывает: «Денди» и «кавалеры» бродили по улицам, вселяя ужас в стариков, избивая полицейских, разбивая окна, насилуя и убивая. Молодых девушек затаскивали в притоны, а пожилых женщин заталкивали в бочки и спускали вниз с горки... Клубы с названием «Могавки» и «Убийцы» пытались превзойти друг друга в отвратительной игре под названием «Убей льва». Игра заключалась в расплющивании носа и выдавливании глаз жертвы, которая на свою беду попала в злодея. Собираясь на охоту, члены клубов брали с собой приспособления для разрывания рта и отрезания ушей».

Эти садисты не принадлежали к низам общества, как отморозки в «Заводном апельсине», они были детьми аристократов. Закон был писан не для них. Только влиятельные люди с деньгами имели право носить мечи и ездить на лошадях. Безоружные бедняки оказывались в невыгодном положении, когда банды богатых пьяных вырождков нападали на них в свете тусклых фонарей на полуночных улицах...

Это был «золотой век» того, что называли «джентльменскими клубами» в Лондоне... Но это не могло продолжаться долго. По городу бродило слишком много несчастных с раздробленными носами, выдавленными глазами и такими растянутыми ртами, что можно было целиком засунуть туда дыню и с дыней во рту продолжать ленивую беседу в пабе. Общественное мнение изменило свое отношение к «диким мальчикам», их клубы были запрещены.

Во второй половине восемнадцатого столетия у джентльменских клубов появился новый круг интересов: культ секса и экстравагантного упадничества. Тогда появился печально известный «Клуб геенны огненной», в круг посвященных которого входили принц Уэльский, лорд-мэр Лондона, Бенджамин Франклин, безумный граф Сандвич и монструозный граф Бьют, ставший через некоторое время премьер-министром Англии.

Эти люди не теряли время попусту. Они подняли оргии до уровня искусства, невиданного со времен Калигулы и дьявольских орд Чингизхана, давших начало поколениям лицемерных насильников и сексуальных маньяков, которые горестно сокрушались, что человеческое тело имеет слишком мало отверстий для проникновения, и поэтому они просто вынуждены проделывать своими кинжалами новые, чтобы весь клан мог залезть на жертву одновременно.

Дилетанты вроде Харта, Беккера и Своггарта получили бы в «Клубе геенны огненной» от ворот поворот: их отвергли бы как лишенную чувства юмора деревенщину и дешевых мас-турбаторов. Ведь на самом деле их единственное «преступление» заключается в том, что они дали повод дурным слухам и инсинуациям, засветившись в общественных местах со шлюхами и голыми девками.

Если бы графа Сандвича можно было обвинить только в таких проступках, у него был бы повод для гордости. Граф принимал участие в оргиях с таким усердием, что у него просто не оставалось времени для выполнения своих обязанностей по командованию британским флотом и укреплению Империи на пяти океанах... Одним из главных достижений графа – помимо изобретения сандвича – была продажа по дешевке Гавайских островов; следующие 200 лет Англия безуспешно пыталась восстановить свое влияние в Тихом океане.

Между тем король Георг III свихнулся от собственных извращенных фантазий до такой степени, что не нашел времени заняться маленьким, но неприятным колониальным мятежом, который теперь называют «Американской революцией».

Нет, в те славные времена не было дилетантов-дегенератов вроде тех, над кем мы презрительно смеемся в наши дни. Превратить в осколки всю Британскую империю – и никаких раздумий, ни капли беспокойства по этому поводу! Когда знаменитый капитан Кук сообщил в Лондон, что Гавайи и вся Полинезия у него в руках – при условии, что Сандвич санкционирует установку новой мачты на его поврежденном флагманском корабле, – граф просто не обратил на это внимания. Через несколько недель капитана Кука убили злобные туземцы – на это событие Сандвич тоже не обратил внимания.

В общем, достаточно для краха любой империи. Ребята любили свои оргии и не желали, чтобы им хоть что-то мешало. Это были гиганты. Они придерживались высоких стандартов – не то что похотливые шалуны, которые сегодня засоряют колонки новостей своим нытьем.

Вероятно, Альфонс Кар ошибся¹ (1 Имеется в виду изречение: «Чем больше меняется мир, тем яснее, что он остается прежним» (прим. перев.)).

22 февраля 1988 года

Гэри Харт говорит о политике

Утром я позвонил своему давнему приятелю Гэри Харту в Денвер. Была пятница, он сидел в офисе и напряженно работал над докладом для совещания по внешней политике, запланированного на следующую неделю в Филадельфии. Кроме того, Харт серьезно готовился к предстоящему во вторник противостоянию с Тедом Коппелом, ведущим специального выпуска «Вечерней строкой»¹ (1 Информационная программа телекомпании Эй-би-си, выходит в прямой эфир в 23.00 ежедневно, кроме субботы и воскресенья; бессменный ведущий (с 1980) – Тед Коппел).

Во время передачи Гэри собирался объявить, что возвращается в борьбу за президентское кресло.

ГЭРИ ХАРТ ГОВОРIT О ПОЛИТИКЕ

– Меня не интересует эта чушь. Прибереги ее для раздела слухов и сплетен, – сказал я ему. – Все, что я от тебя хочу, – это небольшой помощи. Мне надо сделать ставки на следующую неделю. Знаю, ты не играешь в азартные игры, но сейчас, когда ты выпал из гонки, думаю, никто лучше тебя не подскажет, кого выдвинут кандидатом в президенты.

Он сардонически засмеялся.

– Знаешь, не думаю, что ставки для игроков – это так же серьезно, как президентская кампания. – Он сделал паузу. – Ты будешь на меня ссылаться?

– Конечно, нет, – сказал я. – Ты же меня знаешь, Гэри! Я занимаюсь этим уже пятнадцать лет. Зачем мне на тебя ссылаться? Я просто хочу получить небольшую помощь в определении ставок... Мне нет никакого смысла упоминать тебя.

ГХ: Ну ладно. Думаю, все претенденты имеют приблизительно один шанс из двенадцати... Все очень неопределенно и во многих отношениях не имеет прецедентов. Явного фаворита нет.

ХСТ: Почему выпал Нан? Мне казалось, что Юг у него в руках.

ГХ: Ну... я не знаю. Может быть, он продал свои голоса большим парням из Национального комитета демократов: он знал, что его все равно не выдвинут кандидатом в президенты. Процесс выдвижения кандидатов все еще остается левоцентристским. Поэтому большие парни из Вашингтона не могли гарантировать ему безоговорочную победу на супервторнике¹ (1 День, когда члены Демократической партии, выбирают своего кандидата в президенты США (прим. перев.)), необходимую для продолжения кампании.

ХСТ: Тогда кто?

ГХ: Думаю, произойдет вот что: гонка между Айовой и Нью-Гемпширом будет почти равной с шансами от шести-се-ми к двум-трем. Не станем говорить о Джесси² (2 Имеется в виду чернокожий проповедник Джесси Джексон, очень популярный в афроамериканской общине политик, один из кандидатов Демократической партии на пост президента).

К Джесси надо подходить с отдельной меркой. Будут два-три белых парня. Они отправятся на Юг, и один из них получит преимущество, выйдет вперед и победит. Хотя нельзя исключить возможности, что они – эти два-три парня – просто разменяют штаты в порядке бартерной сделки.

ХСТ: Ну, кажется, я знаю, что страна увидит в этом случае – можем заключить пари: республиканца в Белом доме.

ГХ: Одна из наших проблем в том, что партия не имеет стратегии поведения. Нет общего направления. И люди это видят. Они скорее пойдут за республиканцем, чем за демократом – бесом, которого они не знают.

ХСТ: Когда я смотрю на парня вроде Пола Саймона, он кажется мне среди них чужим...

ГХ: Пол не гоняется за рекламой. Он классный парень. У него простая и ясная избирательная платформа: «Я забочусь о людях, я второй Гарри Трумэн». Вот так. Знаешь, плохо, когда политики не хотят открыто говорить о болезни и искать дипломатическое, военное или экономическое решение.

Это тяжкий труд. Я потратил на него десять лет жизни... А они постоянно шарахаются от серьезных проблем. Ведь иначе им придется выполнять тяжелую работу. Звучит занудно, но я стал настоящим кандидатом в президенты только потому, что люди увидели во мне серьезного человека. У них появилось ощущение, что я выполнил работу, которую надо было сделать, чтобы выяснить, куда должна двигаться страна. Недостаточно просто встать и заявить, что ты подготовился к работе президента. Недостаточно сказать: «Голосуйте за меня, потому что я проделал большую работу». Ты должен доказать это. Ты должен писать статьи, должен выступать с речами.

ХСТ: Может ли кто-нибудь из сегодняшних претендентов-демократов добиться победы на президентских выборах в 1988 году?

ГХ: Да, может. Но не тем путем, который они выбрали. Некоторые члены моей бывшей команды работают на того или другого кандидата. Они по-прежнему спрашивают у меня совета. Я говорю, что им надо освободить себе лето, не ездить в Нью-Гемпшир, не ездить в Айову. Встретиться с умными людьми, не статистами из Вашингтона или Нью-Йорка, а с действительно толковыми людьми. Подготовить речей шесть, да таких, чтобы каждая имела мощностъ авиабомбы, – и бабахнуть стране прямо промеж ушей в сентябре или октябре. Такой кандидат западет в умы избирателей. Но пока никто не последовал моему совету.

ХСТ: Когда лучше всего провести такое совещание?

ГХ: Сейчас наступил подходящий момент. Прошлый был летом. В сентябре репортеры начнут подсчитывать шансы и заключать пари. Но ничего не изменится. Сейчас Дукакис выглядит хорошо, Джепард выглядит еще лучше, а Байден – нет. Все это ерунда. Думаю, что за ближайшие два-три месяца всем этим парням надо заново определиться в ключевых вопросах... Я не говорю, что они – плохие. Нет, они – неплохие. Хорошие. Это просто вопрос масштаба, величины и размаха. Это не хорошо и не плохо, это просто размах. Сейчас не хватает именно размаха. Мы не говорим о левизне, правизне и остальной идеологической чепухе... Открыты широкие возможности. Существует множество различных подходов. Сейчас нелепо следовать правилам, если эти правила мешают.

ХСТ: Несмотря ни на что, ты сохраняешь определенное влияние. До этого скандального дела были люди, которые не голосовали за тебя просто потому, что им не нравился, скажем, твой галстук, а теперь они говорят: «Ладно, ребята, за него стоит проголосовать». Мне кажется, отчасти это связано с феноменом позитивной реакции избирателей на негатив.

ГХ: Да, я тоже так думаю.

ХСТ: Как нам это расценивать, Гэри? Кто эти избиратели? Неверные мужья и жены? Одержимые сексом?

ГХ: Просто жертвы. Сейчас, Хантер, впервые в моей жизни темнокожие люди подходят на улице, чтобы пожать мне руку. Это поразительно. Я чувствую дух солидарности.

ХСТ: Да, Гэри, мы не можем позволить себе потерять этот дух. Иначе еще четыре года один из этих злобных, богатых и недоделанных парней будет отбивать интерес к политике у целого поколения. Настало время победить, Гэри. Пора восстановить чистоту рядов.

ГХ: Ты прав, Хантер. Но что-то не видно вокруг героев на белых конях.

ХСТ: К черту белых коней. Пусть наши герои сидят хоть на мулах или «харлей-дэвидсонах», лишь бы ехали куда надо. Мы поговорили о победе. Разговор о нехватке героев отложим до той поры, когда у нас будет для него больше времени, ну, скажем, часов шестнадцать кряду в моем «порше» с ящиком пива. Не будем забывать, парень, что несколько месяцев назад ты сам был героем. Ты был так близок к президентскому креслу, что в твоей победе были уверены абсолютно все.

ГХ: Ладно, Хантер, жди меня в Вуди-Крик через пару недель, уж тогда мы наговоримся. И, само собой, погоняем на твоём «порше».

Я повесил трубку. Мне было грустно. Гэри – по-прежнему самый блестящий и самый умный из сегодняшних кандидатов в президенты. Сейчас он собирается заново начать предвыборную кампанию. Мне нравится Гэри, и я желаю ему удачи, но игрок во мне говорит, что у него в лучшем случае один шанс из сорока четырех. Будем смотреть правде в глаза. В конце концов, ведь мы – профессионалы.

7 сентября 1987 года

В наши дни домашняя медицина превратилась в огромную индустрию. Одна из крупнейших евангелических организаций недавно провела исследование, которое показало, что каждый третий американец планирует в этом году поэкспериментировать с разными самодельными шарлатанскими снадобьями и различными способами лечения – в диапазоне от рвотных средств до сканеров мозговых альфа-бета волн и многоканальных гемоиндукционных самоприсасывающихся цилиндров для измерения действительного количества жира в организме.

Некоторые жители наших городов и гетто собираются ежедневно исследовать уровень сахара в своей крови способом, пригодным разве что для определения смертельного уровня; другие будут испытывать друг на друге причудливые и дорогостоящие тесты, предназначенные для диагностики рака бедренной кости, локтя или колена.

Мы все рабы этого синдрома, но есть вещи и похуже... В прошлую субботу я пошел в снэк-бар на Джинива-драйв рядом с «Кау-палас» и во время перерыва между «Рокки IV» и «Бледным всадником» провел исследование посетителей методом случайного отбора.

Результат оказался потрясающим...

Большие головы, тонкие шеи, слабые мускулы и толстые бумажники – вот преобладающие физические признаки восьмидесятых... Поколение Свиной.

«Рокки IV» продолжается девяносто одну минуту, а кажется – не больше девятнадцати-двадцати. Только мы расположились с кувшином ледяного пива и хорошим ужином – а мы взяли по порции «острого цыпленка» от «Кентукки Фрайд Чикен» из Дэйли-Сити – как сцены жестоких избиений внезапно завершились оргазмом подростково-политической болтовни Сильвестра Сталлоне. На этом картина кончилась.

Только когда Слай лупил огромного русского как клячу, сидевшие в автомобилях зрители оживились, и в сигаретном дыму раздались гудки и хриплые выкрики.

Вместе со всеми я нажал на гудок своего полного под завязку «камаро», а потом попытался выйти из машины, чтобы поговорить со зрителями серьезно. Тут меня атаковала стая бездомных собак, которые собрались вокруг машины, чтобы погрызть свежие куриные косточки.

Я ударил одну собак в горло, а другую схватил за переднюю лапу и стукнул о стоявший рядом пикап с тремя женщинами, усевшимися на переднем сиденье. Одна из женщин опустила боковое стекло и обругала меня – показалось, будто тяжелый грузовик внезапно с ревом завелся и, скрипя, двинулся на первой передаче, вырвав с корнями дешевый металлический громкоговоритель...

Я проехал на своем «камаро» несколько рядов, а потом сквозь тьму вернулся в снэк-бар. Там я нашел аппарат для определения частоты сокращений сердца.

Указания были достаточно ясны: «Опустите 25 центов и вставьте в лунку датчика средний палец. Чем ниже частота ваших сердечных сокращений, тем, как правило, лучше ваше физическое состояние».

Казалось, все на уровне современных медицинских технологий: на экран выводятся сложные показатели, на шкале от 60 до 100 – зловещие красные цифры. Уровень ниже 60 соответствовал «спортивной форме», от 60 до 70 – «хорошей форме», от 70 до 85 – «средней»; дальше следовали уровни, которые предвещали мрачные перспективы.

Между 85 и 100 лежал уровень «ниже среднего», выше 100 значилось: «Малоподвижный образ жизни. Проконсультируйтесь со своим врачом».

Вначале я проверил Марию. У нее оказалось 91, что вызвало сочувствие даже у привычных зрителей. Мария навзрыд заплакала и привлекла внимание крупного, подстриженного ежиком охранника в форме. Он представился как Рэй и попросил меня предъявить «удостоверение личности или какие-нибудь другие документы».

У меня не было ни того, ни другого. Мой адвокат смотался вчера ночью со всеми моими кредитками и пресс-карточками.

– Ерунда, Рэй. Дай мне свою руку, – сказал я. – Мне нужны чьи-нибудь показатели, как точка отсчета.

Между тем я сунул свой собственный палец в лунку аппарата и получил 64, что произвело на окружающих заметное впечатление. Потом позицию занял Рэй, и со всех сторон раздались вой и почтительное бормотание. Рэй выглядел молодцеватым, щетинистым и самонадеянным бойцовым быком в расцвете сил. Я кинул в щель еще один четвертак и отыскал на дисплее результат охранника.

Показатель равнялся 105; все кругом затихли. Рэй неуклюже поежился и проворчал, что ему на-

до идти в обход, чтобы проверить помещение, посмотреть, нет ли наркоманов, извращенцев и пьяных.

– Не расстраивайся, – сказал я. – Эти цифры ничего не значат. С каждым может случиться.

Он мрачно взглянул на меня и удалился, пообещав скоро вернуться для нового, более точного тестирования. Народ стал расходиться; Мария заперлась в туалете, и мне нечем было заняться, кроме нескольких слонявшихся по залу детей.

Я взял за руку маленькую девочку со светлыми волосами, которая сообщила мне, что ей десять лет, и повел к машине.

– Я доктор, – соврал я. – Мне нужна твоя помощь в одном эксперименте.

Она послушно встала на нужное место и засунула палец в лунку аппарата. Цифры суматошно замигали, а потом остановились на 104. Девочка сдавленно вскрикнула и убежала, я даже не успел спросить, как ее зовут.

– Не обращай внимания! – крикнул я вдогонку. – У детей эти цифры всегда выше.

Ее маленькая сестренка фыркнула на меня, и они убежали прочь, как две маленькие зверушки.

Я схватил еще одного ребенка, толстого маленького мальчишку по имени Джо, который оказался сыном Мэгги, ночного менеджера. Мэгги вовремя появилась и удержала Рэя от вызова спецназа, с помощью которого охранник собирался задержать меня за растление малолетних.

Маленький Джо выдал 121, такой высокий показатель, что аппарат не предложил никакого толкования. Я дал парню монетку и отправил к игровым автоматам на другой конец зала.

Рэй по-прежнему болтался вокруг с озабоченным выражением лица. Я почувствовал себя ночным охотником, огромным зверем, одиноко бегущим в неоновых джунглях на окраине города. Рей продолжал требовать у меня удостоверение личности, и я выдал ему свою старую карточку сотрудника «National Invirer», который к тому времени был давным-давно закрыт.

– Подожди, – сказал я. – Я хочу еще раз пройти тест.

Я пил горячий кофе и морозил указательный палец правой руки в пластиковом стаканчике со льдом, который Мэгги принесла из офиса.

Рей сдался, его смутило мое непреклонное поведение истинного профессионала. Когда я кинул в затертую щель последний четвертак и сунул в лунку свой замерзший палец, получилось нечто, не похожее на все, что мы видели до того момента. Сначала цифры на экране бешено крутились и дергались. Люди стояли молча и смотрели... В конце концов, табло показало цифры, которые никто не захотел бы у себя увидеть.

Два нуля. У меня не было пульса. Это было официальное заключение – такое же окончательное, как цифры на белых гранитных надгробьях где-нибудь на кладбище в окрестностях Буффало.

Окружавшие меня великовозрастные дети беспомощно таращились на экран. Я доел свой «хот-дог» и умчался в ночь... обратно в Город, к странным и порочным улицам, где вопросы таких, как я, остаются без ответа.

16 декабря 1985 года

Бизон бодается

Направлено: Издателю

Тема: Идеи для, моей новой колонки

На моего приятеля Скиннера напал бизон. Вообще-то Скиннер отправился в Вайоминг, чтобы в День Труда навестить свою бывшую жену. Никто так и не узнал, как его занесло к бизонам. Его «лендровер» с мотором в триста лошадиных сил и алюминиевым корпусом нашли через три дня на обочине зоны отдыха рядом с границей штата Монтана. На переднем сиденье обнаружили желтую памятку департамента внутренних дел США: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ЭТИМ ЛЕТОМ НЕСКОЛЬКО ПОСЕТИТЕЛЕЙ ПОСТРАДАЛИ ОТ НАПАДЕНИЯ БИЗОНОВ. Бизон может достигать веса в 2000 фунтов и развивать скорость до 30 миль в час, то есть бежать в три раза быстрее, чем вы. Все животные в заповеднике дикие, непредсказуемые и опасные. Не выходите из своей машины или стойте рядом с ней».

Скиннер проигнорировал предупреждение и заплатил страшную цену. Судя по следам на месте происшествия, зверь гнал его 2000 ярдов по грязному пастбищу среди острых, как бритва, кустов мескита, потом сбил с ног и бросил, как беспомощного котенка, на ржавую изгородь, построенную

для защиты от ураганов. Сейчас Скиннер лежит в больнице для ковбоев на окраине Коуди, и его состояние остается критическим. Когда я навел на него в больничной палате, он сказал, что ничего не помнит.

Но его бывшая жена, стриптизерша из Джилета, сказала, что Скиннер приехал в Вайоминг, чтобы провести какое-то расследование по поручению Церкви Арийской Нации – безжалостной секты сторонников превосходства белой расы, связанной с Ку-клукс-кланом, «Моральным большинством»¹ (1 Крайне правая общественная организация протестантских фундаменталистов, пользовалась поддержкой Р. Рейгана) и шиитским террористическим подпольем. Штаб-квартира секты расположена в Айдахо, недалеко от границы с Вайомингом.

Раньше Скиннер работал по контракту с ЦРУ в Египте и Индокитае. Местная полиция как-то узнала о его прежней работе и без объяснения причин конфисковала машину Скиннера со всем, что находилось внутри.

Это только одна из многих тревожных историй, публикуя которые, мы должны отдавать себе отчет в том, что официально открываем ящик со змеями и выпускаем наружу первую волну этих тварей. Когда мы устанавливали оборудование и набирали штат исследователей, мне пришлось возиться с ними гораздо больше, чем я планировал.

Нам хотелось бы хорошо платить своим людям, или, по крайней мере, не хуже, чем Церковь Арийской Нации платит своим тайным агентам, которые, по слухам, получают около двадцати тысяч долларов в год. Пожалуйста, вышлите все формы заявлений о приеме на вакантные должности. Я передам бумаги своей сотруднице Марии Кан, которая составит окончательный список.

Что касается электроники, я договорился, что наземная станция спутниковой связи будет установлена на ферме «Сова»² (2 Дом Томпсона в Вуди-Крике (прим. перев.)) до того, как снега Колорадо занесут дорогу туда. Надеюсь, ваши люди придут не позднее первого вторника октября, чтобы установить модем, принтер и прочее «железо».

Большое спасибо за отлично проведенные выходные в отеле «Марк Хопкинс» и прекрасный пикник за пятьдесят тысяч долларов на полигоне «Президио». Мне всегда нравилось стрелять и возиться с оружием, а мексиканская кухня была необычайно изысканной. Передайте мои соболезнования сотрудникам и съемочной группе. Я глубоко сожалею, что испортил рукав женской куртки, которую вы заставили меня надеть, но я просто делал свое дело. Мы ведь, в конце концов, профессионалы.

Из-за эксцентричного поведения съемочной группы – уверен, вам это ясно так же, как мне, – нам придется сделать другой, внушающий больше доверия рекламный ролик о моей новой работе «медийного критика» в воскрешенном и обновленном «Инкуайрере».

Но не придавайте значения моему ворчанию. Сейчас я больше озабочен составлением плана действий на будущее, по крайней мере, до Дня сурка. В конце концов, я фермер, и сейчас как раз созревает мой урожай – выводок снежных павлинов, рожденных на высоте 8000 футов над уровнем моря, третье поколение крупной и мужественной породы, которую я с психомиметической самоуверенностью вывел десять лет назад.

В любом случае я собираюсь провести в Колорадо большую часть футбольного сезона; буду всю долгую холодную зиму подкармливать маленьких забавных зверушек и прогонять хищников с помощью дробовика десятого калибра. Разведение павлинов – очень редкое занятие на такой высоте над уровнем моря, и я расцениваю это как свое особое достижение. Павлины – тропические птицы, обитатели джунглей. Но я вывел такую крепкую и холодостойкую породу, что недавно в Номе у меня купили пару птиц по пять с половиной тысяч долларов за каждую.

Интересный разговор, но в контексте неприятных новостей и медийного анализа не совсем по делу.

Так что давайте обдумаем другие предложения. Конечно, я должен поехать в Вашингтон и поговорить со своим старым приятелем Патриком Бьюкененом, который недавно получил в Белом доме должность начальника отдела по связям с общественностью. Нам бы хотелось получить его помощь в определении ставок тотализатора к выборам 1988 года и заодно спросить, почему президент выглядит, как будто ему 129 лет.

А также: в Ки-Уэст наблюдается также феномен «золотой лихорадки». Я должен это проверить на месте и чем раньше, тем лучше, потому что Буг Пауэлл собирается продать мою лодку из-за того, что я вовремя не оплатил стоянку на причале, а чемодан, полный испанских дублонов с затонувшего

галеона «Атоха», я оставил в «башне летучих мышей»¹ (1 Для борьбы с москитами во Флориде была построена башня, где пытались разводить летучих мышей, которые москитами питаются. Затея оказалась совершенно бесполезной. «Башня летучих мышей» сохранена как экспонат парка аттракционов и как памятник благим, но неосуществимым намерениям (прим. перев.)) на Шуга-Лоуф-Ки.

Это прекрасно сочетается с посещением съемок сериала «Майами, полиция нравов», где мой приятель Дон Джонсон организует для меня стрельбы для апробации всего спектра оружия из арсенала ударных сил Южной Флориды... и еще с посещением Суперкубка в Новом Орлеане в январе.

В марте я планирую пройти «Слоновые пороги» на реке Замбези, после чего поеду в Южную Африку с Ванессой Уильямс, чтобы сделать субботнюю вечернюю программу для «Йоханнесбургской истории». На прошлой неделе, за обедом в ресторане «Уотерфронт» в Сан-Франциско, мы с ней уже обсудили детали.

Что Чарльз Нг сказал Монти?

Будет ли Ричард Никсон следующим президентом?

Почему агенты французской секретной службы взорвали корабль «Гринписа» в Новой Зеландии?

Секс-клубы «Великой старой партии» в Джорджтауне и Ист-Сент-Луисе.

И еще: женщина из Пасифики недавно написала письмо с жалобой на то, что ее жениха, приехавшего из Венесуэлы, федеральные службы два года держали в большой подземной пещере в Луизиане.

Действительно, безумию нет конца, а йеху никогда не спят. Но у нас сейчас год Быка и круглоголовые сильно рискуют. Приход кометы Галлея – знак того, что ВРЕМЯ БЕЛОЙ ПАДАЛИ кончается. Верьте мне. Я знаю толк в таких вещах.

23 сентября 1985 года

Чокнутый из Корал-Гейблс

В четверг вечером по телевидению оживленно сообщали новости об урагане «Глория». Говорили, что всему Восточному побережью угрожает катастрофа и разрушения, невиданные со времен Ноева ковчега или, по крайней мере, со времен землетрясения в Мехико. Говорили также, что «центр урагана, где скорость ветра достигает 130 миль в час, а высота вздыбившихся, как соленые горы, волн – 40 футов», достигнет побережья где-то в районе холодных и грязных пляжей Нью-Джерси, или, может быть, Лонг-Айленда, или еще севернее, где-нибудь около Кейп-Код, или Сэг-Харбор.

«Волны высоки, школы закрыты, убежища переполнены», – заявляет служба информации Сиби-эс, следуя в освещении урагана «Глория» примеру Эй-би-си: две недели назад ураган «Елена», неуверенно повисев пять-шесть дней над океаном, добрался до побережья Мексиканского залива, а потом рассеялся где-то над Арканзасом. Тогда на территории от Нового Орлеана до Сан-Питерсбурга два миллиона сердитых и растерянных людей несколько раз эвакуировались из своих домов и возвращались обратно. Цель этих перемещений нигде и никем не была объяснена, если не считать зловещих телевизионных предостережений «Национального центра изучения ураганов», расположенного в Корал-Гейблс, штат Флорида.

Мрачная история, но есть в ней какая-то неуловимая деталь – «слабое звено», как говорят на телевидении. Теперь, после того, как я тридцать три долгих часа смотрел и обдумывал новости, мне кажется, я понял, в чем дело. Отдел теленовостей Эй-би-си в непрерывной погоне за надежными источниками нанял на работу психопата – директора «Национального центра изучения ураганов», доктора наук Ней-ла Франка. У них он теперь – наивысший авторитет во всех передачах об урагане... передачах, которые стали одним из самых заметных и позорных эпизодов на телевидении за последнее время.

«Вечерней строкой» Теда Коппела за шесть недель продала больше страховок на ущерб от урагана, чем все агенты «Олстейта» и лондонского «Ллойда».

Во время урагана «Елена» не было сообщений о потерях и ущербе – только высокие волны в Билокси и чертова куча спорных страховых заявлений из мест типа Пенсаколы и острова Дофина, где многие люди живут в фанерных или сборных домиках, которые неизбежно разваливаются на части при скорости ветра выше 50 миль в час, что далеко не ураган, а всего лишь «тропический шторм» силой в один балл.

Тем не менее, «Елена», согласно данным Американской группы страхового обслуживания, обозначена в книгах записей, как ураган, «четвертый за всю историю по разрушению застрахованной собственности» – с заявленным ущербом в 543,3 миллиона долларов.

Ну и ну! Явный перебор для «Елены», которая все больше выглядит – теперь, когда Дни Немо-ты миновали, – как параноидальный кошмар, спровоцированный Тедом Коппелом и марионеткой-консультантом «Вечерней строкой» Нейлом Франком.

Ураган бродил над океаном и землей, на пять вечеров кряду сделал «Вечерней строкой» победителем рейтингов... а потом оказалось, что не происходило ничего особенного, если не считать выдающейся страховой махинации.

А потом пришла «Глория», которую Теду и Нейлу удалось раскрутить на телевидении так, что за несколько дней уровень страха и смятения достиг немыслимого уровня. «Вечерней строкой» начала работу в прошлый четверг, когда ураган был еще над океаном. По телеканалу с помпой объявили, что шквал обрушится на берег где-то между Палм-Бич и Бостоном. Полные чувства и страдания глаза Коппела смотрели в камеру, пока он врубал прямую трансляцию из Корал-Гейблс. В прямом эфире безумный доктор Франк подтвердил свои наихудшие, ранее публично и приватно высказанные опасения. В очередной раз он повторил перед камерой мрачные пророчества, сказав, что «все 24 миллиона жителей Восточного побережья смотрят в дуло пистолета»... и еще, что ураган «Глория» «обладает почти такой же энергией, как наши первые атомные бомбы».

Неприятное известие для жителей Нью-Йорка, который ненамного больше Нагасаки, и где даже умные люди легко впадают в панику от плохих новостей. Мой букмекер закрыл свой офис на Манхэттене, сбежал, как крыса, и спрятался в каком-то грязном убежище в горах центрального Нью-Джерси. Он сидел там и отказывался подписывать чеки и отвечать на телефонные звонки родственников.

В пятницу утром, когда шторм, нацелившийся прямо на Нью-Йорк и южный берег Лонг-Айленда, еще только приближался к берегу, я позвонил своему другу Терри Макдонеллу, одному из наиболее разумных людей из всех, кого я знаю. Мне хотелось навести справки об истинном местонахождении того, что называлось пятибалльным «ураганом-убийцей» и, как я подозревал, было на самом деле очередной фальшивкой. К десяти утра в пятницу ураган ухитрился обойти стороной все города на восточном побережье к северу от Ки-Ларго. Нейл Франк неистово уточнял направление движения урагана, чтобы как-то объяснить поразительное несоответствие между созданной им устрашающей репутацией «Глории» и ее странно спокойным поведением.

Но Макдонелл все еще пребывал в смятении.

– В городе все закрыто, – сказал он. – Мы ждем, что ураган обрушится на нас часа в два. Улицы пусты. Все страшно напуганы.

– Это же смешно, – сказал я. – Вы, люди, ведете себя, как поросята в лесу. Возьми себя в руки. Дело не шторме. Просто

маньяк из Корал-Гейблс нагоняет на нас болезненные галлюцинации. Кстати, второй раз за последнее время. И выглядит он, как Оззи Нельсон под дозой.

– Ну ты даешь! – сказал Макдонелл. – Нейл Франк – директор Национального центра изучения ураганов.

– Ну и что? – спросил я. – Он просто буйный псих. Может быть, славный парень, но совершенно безнадежный. Ураганы для Нейла Франка как наркотик. Не обращай на него внимания. Иди на свежий воздух, поиграй в гольф. Думаю, сегодня тебе не будут мешать толпы игроков на лужайках.

30 сентября 1985 года

Пенсильвания-Авеню, 666

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Откр. 13:18

Мы ехали по шоссе недалеко от Сан-Диегского зоопарка, и я сказал своему другу Уиллису, бывшему политологу, который теперь живет в Ла-Джолле, что я беспокоюсь за Рональда Рейгана. Через шесть недель президент должен поехать в Женеву, чтобы лицом к лицу встретиться с коварным русским, Михаилом Горбачевым. Это будет самая важная встреча в верхах с 1961 года, когда Хрущев

как мальчишку выпорол Джонни Кеннеди.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ-АВЕНЮ, 666

В холле «Линдберг Филд», незадолго до нашего разговора, мы с Уиллисом видели Горбачева по телевизору; без сомнения, он находился на гребне успеха. Его популярности не мешало даже злоеющее пятно на лбу, которое, как говорили, напоминало Знак Зверя. Прошлой зимой он очаровал окружение Мэгги Тэтчер в Англии, а его вкрадчивая рыжеволосая жена – это признали даже мы – была блестящей парижанкой, которая к тому же организовала для Пьера Кардена лицензию на торговлю в Москве.

Франсуа Миттеран, французский президент-неосоциалист, устоял перед мощным напором Майка в вопросах, касавшихся контроля над вооружениями в Европе и ядерного разоружения США и СССР, но сегодня политические симпатии всего мира были не на стороне Рейгана.

В прессе ходили слухи, что Рейган интеллектуально не готов к разговору, что Горбачев обойдет его, если они будут говорить с глазу на глаз, и что Москва уже выиграла пропагандистскую войну, завоевав сердца и умы французов, британцев и даже некоторых параноидальных перестраховщиков из ЦРУ.

– Все это чепуха, – сказал Уиллис, поворачивая руль, чтобы объехать страшную аварию на крайней правой полосе. – Эти люди не видят проблему в целом. Рейган – религиозный детерминист, вроде Джерри Фолуэлла и Кэпа Уайнбергера. Он верит в Священное Писание, Евангелие и «Откровение»; верит, что Россия – дьявольская «Империя Зла», верит, что конец света близок.

– Точно, – сказал я. – «Иезекиль», тридцать восьмая глава. Там говорится, что Армагеддон разразится, когда Страна Израиль подвергнется атаке армий нечестивых народов, и Ливия будет среди них.

– Правильно, – сказал Уиллис. – И еще Эфиопия. Что в данной схеме принципиально.

Мы остановились на светофоре на бульваре Эль-Каджон, и какой-то черный с кальяном в руке бросился к нашей машине и схватил меня за руку.

– Пойдем со мной, брат! – сказал он. – Время пришло.

Бог творит чудеса.

Своим стальным противоударным «ролексом» я врезал ему по скуле, и он отлетел в сторону. Мы поехали дальше в сторону шоссе Альварадо...

Когда мы добрались до отеля, я взял виски и вышел на балкон, с которого открывался вид на залив Миссии. В моей руке была библия «Гидеонов». Мне захотелось еще раз перечитать «Откровение», которое представляет собой серьезную вещь: грозовой фронт; смесь Болеро, Сэма Кольриджа и бреда Катона-старшего. Я очередной раз испытал трепет от ужасающей силы языка «Откровения»... и от мысли, что эта по своей природе страшная книга от «святого Иоанна Богослова» принята в Вашингтоне в качестве долгосрочного плана действий. И Рональд Рейган берет этот план с собой, отправляясь в Женеву на встречу с Горбачевым...

Не исключено, это было бы как раз то, что надо, если бы речь шла об обращении какого-нибудь престарелого психа к сообществу писателей вроде «Йедду»¹ (Артистическая колония в Саратога-Спрингс (Нью-Йорк), существует с 1890 года, связана с именами множества известных американских писателей); но у «Откровения» – чрезвычайно активный язык, а в России к языку относятся очень серьезно, особенно если от него зависят судьбы людей.

Несколько начальных строф из главы 13 представляют собой ряд бессвязных, непонятных изречений о конце света:

«1. И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные.

2. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва: и дал ему дракон силу... и власть.

3. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонилась дракону, который дал власть зверю.

4. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? Кто может сразиться с ним?

5. И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца.

6. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя его, и жилище его, и живущих на небе.

7. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и ...и племенем.

8. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не записаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира.

9. Кто имеет ухо, да услышит.

10. Кто ведет в плен, сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем. Здесь терпение и вера святых».

Каждый умирает в свой срок

Еще когда пассажиры выходили из самолета в Денвере, мэр казался пьяным. Поэтому никто не обратил внимания, когда его очередной раз вырвало, и он уткнулся лицом в грязное пластиковое окно.

Заметки, сделанные ночью в понедельник, 7 октября.

Плохая была ночь. Один из гнуснейших эпизодов за всю историю коммерческой авиации, кошмар ошибок и обмана. Все началось как обычный сорокаминутный ночной полет из Денвера в Аспен. Самолет был полон. В салоне сидели сорок четыре слишком доверчивых пассажира, которые отправились через Континентальный водораздел¹ (Большой Континентальный водораздел – труднопроходимый зимой перевал в Скалистых горах) в погоду, грозившую неприятностями. Говорили, что из Монтаны идет необычно ранний снежный шторм. Но все пассажиры знали прогноз погоды на эту ночь до того, как сели в самолет. Надо полагать, они обдумали степень опасности и оценили ее как умеренную.

Мы взлетели в 18:51, как раз перед началом футбольного матча между «Краснокожими» из Вашингтона и «Кардиналами» из Сент-Луиса – очередной встречи, транслировавшейся в передаче «Футбол в понедельник вечером». Я сделал большие ставки на игру. Рискнув, я поставил на «Краснокожих» против «Кардиналов». К тому времени шансы «Кардиналов» оценивались в три раза выше, и команда выглядела очень уверенно. «Краснокожие» играли как последняя пьянь, и вероятность их победы была, по общему мнению, невелика. Говорили о раздразе в их команде: квотер-бэк «Краснокожих» Джо Тисманн якобы не мог вырваться из порочных объятий Кэти Ли Кросби, а у защитника Джона Риггинса, по слухам, был такой же запой, как в прошлом январе, когда он заснул прямо на полу во время официальной речи Джорджа Буша в Вашингтоне.

Это была интересная спортивная интрига, и из летевших в самолете не один я хотел прилететь по расписанию, чтобы дома увидеть игру по телевизору. Мы должны были приземлиться в 19:30, а значит – спринт из самолета к старому красному джипу, который я оставил на стоянке аэропорта несколько дней назад – и я захвачу последние три четверти матча, уютно сидя в грязноватой придорожной таверне, где я обычно смотрю спортивные передачи.

Говард Коселл¹ (1 Знаменитый спортивный комментатор Эй-би-си, имел много горячих поклонников, но многие болельщики и коллеги так же горячо ненавидели его за многословие, категоричность суждений и плохое знание технических деталей игры (прим. перев.)) ушел, ну и что? Прежде всего, я азартный игрок, и пока у меня остается свое ясное видение событий на поле, пока я могу следить за счетом, мне плевать, пусть игру комментирует хоть судья Кратер² (2 Фигура, окутанная мифами, таинственно исчезнувший в 30-е годы юрист, член Верховного суда города Нью-Йорка (прим. перев.)).

Неважно, кто диктор. Кто-то должен это делать, и лучшее, на что мы можем надеяться, это то, что он не будет много трепаться.

Как трепался Говард! Когда он готовился к очередной передаче «Футбол в понедельник вечером», вряд ли он собирал о предстоящей игре больше сведений, чем я. Если вы относитесь к игре серьезно, вам требуется информация, а не болтовня, а значит, вам нужен спокойный, взвешенный комментарий, который может предложить профессиональный футбольный знаток вроде Фрэнка Гиффорда.

Джон Мэдден³ (3 Тренер команды «Райдеров», затем – спортивный комментатор (прим. перев.)) способен сделать интересной даже скучную игру, он, без сомнения, также может оживить долгий путь на «Амтраке», когда он, как Вечный Жид, путешествует от города к городу по железной дороге. С ним – его объемистое позолоченное брюшко и ксерокопия старого игрового дневника «Райдеров».

Но Мэдден необъективен так же, как и я. Его душа по-прежнему принадлежит Окленду: слоняется там по старому тренировочному полю в болотах Аламеда в одной компании с призраками про-

чих неукротимых, вроде Фредди Билетни-коффа и Теда Хендрикса, и не исключено, что они взяли с собой даже заднего свободного принимающего, который славился тем, что каждый сезон попадал в тюрьму за дикие преступления. Изнасилование было из них самым невинным, и, насколько я помню, такие истории повторялись регулярно. Свободный принимающий имел настоящий вкус к преступлениям, и он прощал себе криминальные наклонности с оригинальным спокойствием, что делало его неприятной помехой для Мэддена и братом по духу для Эла Дэвиса, моего старого друга, который до сих пор остается «райдером» до мозга костей.

То были серьезные ребята, и Джон Мэдден определенно был своим среди них, хорошо это или плохо. Жить среди «Оклендских райдеров» значило в те дни почти то же самое, что жить среди Ангелов Ада.

Такие мысли бродили у меня в голове, когда пилот подошел к громкоговорителю и объявил, что мы летим обратно в Денвер. Причина возвращения – то ли обледенение посадочной полосы, то ли сбой противообледенительного оборудования на борту самолета, а может быть, туман в долине. Истинная причина не была названа.

Тем временем мэр поносил меня перед всеми пассажирами за то, что я осмелился закурить «данхилл» в салоне, а стюардесса, моргая поросычьими глазками, говорила, что мне придется, как она выразилась, «познакомиться» со службой безопасности аэропорта, когда мы приземлимся в Аспене... или Монтрозе... или, может быть, в Паркере, Аризона.

Мэдден был прав насчет самолетов. Все мы становимся заложниками, как только колеса отрываются от земли... Я пытался объяснить это мэру, который стал угрожать мне тюрьмой, когда я закурил еще одну сигарету. Это противозаконно, говорил он. но я знал, что он врет...

К этому времени наша вторая попытка приземлиться в Аспене закончилась неудачей. Следующие два часа нам пришлось кружить в воздухе. В салоне распространялся запах страха, смятения и рвотных масс. Стюардесса записала имена, по меньшей мере, шести пассажиров-нарушителей. Бедняги пытались пройти в туалет, но их грубо отправили на места, так как горела надпись «пристегнуть ремни». Стюардесса охраняла свой салон, как волчица. Не курить, не пить алкогольные напитки, не ходить по салону...

Потом пилот объявил по внутренней связи, что мы готовимся к новой посадке в аэропорту Аспена, причем делать это придется наполовину вслепую. Как он объяснил, при первой попытке он промахнулся потому, что не видел посадочную полосу, а при втором заходе огни он видел, но скорость была слишком велика.

И теперь, когда мы мотались, как сумасшедшие в черном октябрьском небе, он нервно бормотал насчет «еще одной попытки», если у нас хватит топлива...

– Нет! Нет! – закричал мэр. – Я больше никогда не буду так делать!

Это оказалось правдой. Около полуночи он вернулся в Денвер, откуда мы взлетели четыре или пять часов назад. Вся ночь была страшной ошибкой. Он взял билет на худший рейс в мире, и вот – попал в никуда. Игра «Краснокожих» закончилась, и мы даже не знали, кто победил.

Когда я шел по салону самолета к выходу, я заметил, что поза мэра потеряла характерную напряженную подтянутость, его шея странно выгнулась. Потом придурки из персонала аэропорта приволокли его в терминал и попытались посадить на пластиковую скамейку; мэр упал, а нервные и озлобленные пассажиры ехидно засмеялись. Я приложил к его шее сигарету, взял сто долларов из его бумажника – цена двух билетов – и сказал ему, что он, везунчик, легко отделался.

– Это тебе наука: в жизни надо опираться на серьезных людей, – сказал я. – Ты, нацист, слишком долго все делал наоборот.

4 октября 1985 года

Нервотрепка в городе толстых

– Была какая-то смутная, раздражающая неопрятность в его внешности. Он всегда казался каким-то грязным, хотя, внимательно присмотревшись, вы видели, что он выбрит гладко, как актер, и одет в безукоризненную рубашку.

Г.Л. Менкен. На смерть Уильяма Дженнингса Брайена

В тот день мне надо было закончить и сдать работу, но сразу после полудня в мою дверь громко застучали свиньи. Сначала я подумал, что за мной пришли люди из службы безопасности отеля или,

может быть, даже из полиции, чтобы арестовать по обвинению в мошенничестве. Безмозглый редактор снова не заплатил за последнюю неделю моего пребывания в отеле, и администрация стала вести себя грубо.

Такое случалось и раньше, в лучшие дни, когда я занимал многокомнатный номер в «Марке Хопкинсе». Каждую неделю, получая счет, редактор скулил как дворняжка. А потом по радио сделали платное объявление, в котором говорилось, что все деньги я потратил на пастушьи кнуты.

Конечно, полная чушь, но что с того? Около 366 тысяч людей слышали это объявление, по крайней мере, один раз, и когда в холле я попытался обналичить чек, консьержка засмеялась и назвала меня извращенцем.

– Знаю я вас, – сказала она. – Вы помешаны на оружии и кнутах.

– Чепуха, – сказал я. – Кроме наличных, мне сейчас ничего не надо. Хочу пройтись по Авеню, заодно куплю отель на Юкатане.

Все началось несколько месяцев назад, еще до того как появилась эта женщина, а «Новости на Си-би-эс» вычислили, где я снимаю номер. Неизвестные люди подсовывали под мою дверь записки и звонили по телефону, угрожая смертью. Администрацию отеля крайне раздражала сложившаяся ситуация.

Все дни напролет в мою дверь стучались и скреблись странные люди ... А сейчас у меня в номере сидели братья Митчеллы¹ (1 Братья Митчеллы – Джим и Арти, известные продюсеры порнофильмов (прим. перев.)), за закрытой дверью торчала женщина, которая, схлестнувшись в прошлый раз с Митчеллами, дважды звонила мне с угрозами подбросить бомбу... и еще у меня сидел Уоррен Хинкл. Он только что закончил статью об инспекторе Дэне Уайте, который недавно покончил жизнь самоубийством. Характеристика Хинкла была жесткой и беспощадной, о покойниках не писали ничего подобного с того времени, как Г.Л. Менкен написал об Уильяме Дженнингсе Брайене.

Мы все были сыты по горло. Я слишком долго находился в пути и занимался делами; а зачем – я и сам не понимал. Мне прислали большие счета за ремонт мотоцикла и за разбитое ветровое стекло «олдсмобилей». (Я всегда нервничал из-за помех и задержек в дороге, а университет Алабамы, где я должен был читать лекцию, прислал за мной эту машину. В ярости я двинул по ветровому стеклу, и они вычли у меня 290 долларов из гонорара.)

К тому времени, когда возникли проблемы с бухгалтерией отеля, состояние моего духа не располагало к разумному поведению. Правительство Танзании предлагало мне тысячу долларов в день, если я приеду к ним в страну и помогу истребить стаю «крокодилов-убийц», которые угрожали превратить Рувуму в реку крови и костей, но мой отлет из Сан-Франциско день за днем откладывался из-за странных событий, следовавших одно за другим.

Вернемся в день кризиса, разразившегося вокруг огромного неоплаченного счета. Оказалось, в мою дверь стучали не полицейские и не агенты по выбиванию долгов, а очень упорный деятель из «Си-би-эс ТВ». Он сказал, что притащил в отель съемочную группу и хочет взять у меня интервью.

Это было как-то связано с «Инкуайерером» и новыми инициативами в журналистике, но я заявил, что не хочу принимать во всем этом никакого участия. Я не хотел иметь отношение к статьям из «New York Times», или из «Newsweek», или к «Часу новостей Макнила/Лерера», или к иной продукции стаи медийных крыс, халтуре, которая заполнила «Examiner» до такой степени, что это стало мешать нашей работе.

Я посмотрел на парня через кривое стекло дверного глазка и крикнул:

– Пошел вон отсюда, ты, мелкий придурок! Никогда не мешай журналисту работать! Спиро Агню¹ (1 Вице-президент США при Р. Никсоне. Был вынужден уйти в отставку из-за финансового скандала) был прав. Всех вас надо сажать в клетку и тыкать острыми бамбуковыми палками.

Я позвонил в службу безопасности отеля и пожаловался, что в коридоре рядом с моей дверью крутится пушер. Когда через несколько минут они взяли парня, он все еще что-то бормотал о свободе прессы. Забравшись обратно в постель, я курил и курил индонезийские сигареты, пока по телевизору не начались вечерние новости.

Нервно настроенный Хинкл появился после захода солнца. Он приехал полуинкогнито в белом «мерседесе» вместе с собакой, братьями Митчеллами и женщиной из Окленда, которая сказала, что ищет работу. Еще она сообщила, что ее муж хочет резать меня при первой возможности.

Это чертова баба из Окленда была мне уже знакома, как, впрочем, и всем остальным в отеле. Она сутками бродила по коридорам, пугала слуг и выпрапывала на моей двери пентаграммы. Не-

сколько месяцев назад она одолжила мне мотоцикл мужа. Когда муж пришел домой и увидел, что мотоцикл исчез, он озверел.

Все вокруг было безумием, но я еще как-то мог справляться с этим до того момента, как сегодня вечером надоедливая стерва снова появилась в отеле – притащилась в одной машине с Хинклом и печально известными братьями Митчеллами. Они ее куда-то отослали, но вскоре она вернулась и стала свирепо колотить в дверь; заблудшая женщина, потерявшая контроль.

От ее стука мы все тупо прижухли. Хинкл притворился спящим, а Джим Митчелл стал звонить своей жене по телефону. Арти нервно трепался о состоянии политики и морали в штате Юта. Собака загавкала.

Через некоторое время женщина ушла, напоследок засунув под дверь очередное письмо с угрозами, в котором говорилось, что она еще вернется и в следующий раз возьмет с собой мужа, известного психопата, огромного, как Уильям Перри, и к тому же помешанного на холодном оружии.

Невозможно было работать. Эти психи испортили мне настроение. Они все делали не так, как надо. У Менкена было по-другому. Менкен жил как прусский игрок: были ночи, когда он потел почище Брайена; были и другие, когда он напивался хлеще Иуды. Окружающий мир был бесчеловечным кошмаром – а эти кретины из редакции еще имеют наглость напоминать мне о сроках сдачи работы!

25 октября 1985 года

Гонка за новостями по пересеченной местности

Телевизионный бизнес – одно из самых отвратительных явлений природы. Телевидение – это своего рода жестокая и примитивная денежная канава, проходящая через сердце медийной индустрии, этакий длинный пластиковый коридор, где воры и проститутки процветают, а хорошие люди мрут как собаки за здорово живешь.

Что более или менее соответствует действительности. Как правило, успеха здесь добиваются маленькие, грязные зверьки, у которых большие мозги, но нет сердца. Время от времени они изобретают для нас эталон человека – олицетворение всех достоинств. Получается что-то вроде Эда Брэдли, или Эдвина Ньюмена, или Хьюджса Радда... без сомнения, есть и другие, например, Стаде Теркел¹ (1 Известный американский журналист и публицист, мастер остросоциальных интервью и репортажей) из Чикаго или сдвинутый преподобный Джин Скотт, который трудится как бессонный хорек в сумасшедших потрохах Южной Калифорнии...

Но это лишь исключения, которые подтверждают отвратительное правило. В основном мы имеем дело с вырождающимся миром, живой паутиной безнравственности, жадности и вероломства – огромный бизнес, который невозможно игнорировать. Нельзя убежать от телевидения. Оно везде. На узкой тропинке от кабана не увернешься.

Я очередной раз осознал это, когда – после пятнадцати дней спертого воздуха и жуткой тесноты комнатухи в многоэтажном доме на Маркет-стрит – дохромал, наконец-то, к себе домой и увидел на лужайке перед собственной дверью машину, которая принадлежала механику телесервиса, работавшему сверхурочно.

Когда мы на такси добрались из аэропорта до дома, было девять часов вечера, светила полная луна, и чувствовался зимний морозец. Короткие дни, длинные ночи, половина футбольного сезона позади, а стекла машины затягивает инеем.

Джип и «вольво» были почти не видны среди заиндевевших кустов. Большие синие павлины с озабоченным видом сидели неподалеку. Никаких признаков «рейнджровера», а значит, Джей, скорее всего, уехал в Техас с нацистами.

Много лет назад я решил не наводить на участке порядок, чтобы пространство вокруг дома смотрелось как заброшенная лесопилка. Оно успешно отпугивало нежеланных гостей, но не служило нормальным фоном для массивного высокотехнологичного сооружения.

ТАРЕЛКА, гигантское белое блюдо, которое, казалось, было подвешено в воздухе, смотрелась довольно неожиданно. Тарелка была нацелена на спутник, как марсианская антенна НАСА. Белая шестнадцатифутовая спутниковая антенна стояла на неровном, заросшем травой холмике ярдах в ста позади дома и закрывала вид на пастбище. Прежде всего на ранчо бросалась в глаза именно тарелка.

Следы шин на снегу вели к цистерне, потом круто сворачивали в сторону свежеразрытой земли,

туда, где стояло бетонное основание нового сооружения – полноканальной, связанной с девятнадцатью спутниками наземной станции, установку которой я заказал перед отъездом в Сан-Франциско.

Я, в конце концов, медиакритик, так что телевидение попадает в сферу моих профессиональных интересов, и я просто обязан иметь все каналы в пределах зоны досягаемости наших коммерческих спутников. Мне необходимо иметь возможность смотреть все передачи, включая испанский Рейтер и утренние новости с Бермуд.

Получение свежей информации всегда было для меня проблемой. Я жил слишком далеко в горах, имея в распоряжении лишь первобытные технологии. Местное кабельное телевидение отказалось даже обсуждать проведение линии до Вуди-Крик – в качестве «особой услуги», как они выразились – для меня или любого другого заказчика. Со мной рядом жили музыкант Дон Хенли и комментатор Эй-би-си Боб Бита... и у нас были свои профессиональные причины иметь в распоряжении все телеканалы, особенно для просмотра спортивных передач по выходным. Но компания кабельного телевидения сказала «НЕТ».

– НИКОГДА, – сказали они моему соседу Бити. – Вы, ребята, живете слишком далеко, и вас там мало. Нам требуется сотня креплений на каждые две мили кабеля. До вашего дома – семь миль. Забудьте об этом. Мы никогда не согласимся.

Они сдержали слово. Кабельная линия прошла вдалеке от наших домов. Тарелки стали нашей единственной надеждой, и, в конце концов, мы все были вынуждены их установить. К лету 1985 года в нашей долине было больше спутниковых тарелок на душу населения, чем в эскимосской деревне на севере Аляски.

Моя тарелка появилась одной из последних. С самого начала я волновался из-за возможного вреда, связанного со слишком большими нагрузками. Это становится настоящей проблемой, когда имеешь дело с такими вещами. Сидение у телевизора, особенно если вы можете днем и ночью просматривать двести каналов, обеспечивает вам полную занятость – а когда весь мир кажется тупым, в запасе всегда есть возможность задвинуть в видеомагнитофон «Ночные мечты».

Когда я вернулся из Сан-Франциско, я увидел у себя дома вот что. Мой друг Кромвель установил целую галактику проводов, моторов, экранов и стальных панелей с красными огоньками, и зелеными огоньками, и хитроумными приборами, которые позволяют рассчитывать пространственную ориентацию антенны и спутниковый угол для приема передач из Лондона, и кучу разных других вещей. Теперь у меня было самое современное оборудование, и я мог смотреть любые каналы в любое время.

– Не совсем так, – сказал Кромвель поздно ночью, уже закончив работу; он выпил виски и отдал мне счет за установку аппаратуры. – Есть еще одна штука – дешифратор. Он обойдется тебе в пятьсот долларов, плюс, по меньшей мере, сто долларов в месяц на всю оставшуюся жизнь.

– Чепуха, – сказал я. – Как они могут брать с меня плату за сигнал, который я буду получать с неба с помощью этого фантастического оборудования?

– Легко, – ответил он. – Они будут шифровать свой сигнал, начиная с пятнадцатого января следующего года, и тебе потребуется специальное декодирующее устройство, чтобы что-нибудь увидеть. Каждый канал будет стоить тебе 12 долларов 95 центов в месяц, а ты, естественно, захочешь иметь не меньше десяти – или, может, тридцати или сорока каналов, что понятно для человека твоей профессии.

– Ты что хочешь сказать? – завопил я. – Что этот дорогостоящий хлам, который ты поставил в моем доме, совершенно бесполезен?

– Конечно, нет. Есть уйма вещей, которые ты по-прежнему сможешь смотреть бесплатно: «Клуб 700», «Васт брокере ТВ аукцион», – он улыбался, как хитрый лис. – И еще Джимми Своггарта, и лучшие бои рестлинга.

Я стукнул Кромвеля по голове влажным, туго скрученным полотенцем, которое прихватил из клуба знакомств на Терк-стрит, где недавно присутствовал на свадьбе. Слабака мой удар убил бы, но Кромвель только засмеялся и потопал вниз к своему фургону.

– Позвони мне, когда поумнееешь, – крикнул он. – Я могу получить необходимое тебе оборудование у Боба Эйрама.

4 ноября 1985 года

Памятка редактору: На следующее утро после дня выборов я принял окончательное решение подать заявку на участие в программе «Журналист в космосе». Всю ночь я провел на ногах, а на рассвете поехал на почту, чтобы взять официальные бланки для заявки. Прессе отводится только одно место, сказали в НАСА, и конкуренция, естественно, будет жесткой.

Предпочтительнее была бы кандидатура Уолтера Кронкайта¹ (1 Знаменитейший американский радио- и телевизионный политический обозреватель. В 60-70-е годы оказывал огромное влияние на формирование общественного мнения США), сказали они, но он слишком стар для тренировок с перегрузками, а его объективность вызывает сомнения.

Лет десять назад Уолтер проявлял большой личный интерес ко всему, что, по его представлениям, связано с «космической программой США». Тогда ребята из НАСА воспринимали его как ценного союзника и своеобразный талисман команды. Уолтер был истинно верующим: он был «в команде», как выражались в Линчбурге и других подобных местах. Кроме того, он был человеком, которому Америка верила как никому.

Я ждал телефонного звонка от политиков из НАСА. Я знал, что мне позвонят ночью. Как правило, ночью политический бизнес идет вяло, но жалуются на это только адвокаты. Никогда не отвечай на звонки после полуночи, говорят они. Ночные кошмары клиентов редко приносят хороший гонорар, так что всегда можно подождать до утра. Оставь такой подход адвокатам. Спокойные ночи – хорошие ночи, потому что твои нервы знают: рано или поздно ты услышишь то, что потрясет все твоё существо.

В доме много комнат, большинство из них – во власти загадочных сил. Политика – это не только выборы, а телефоны – не просто возможность контакта с людьми.

Если из НАСА не позвонят, если вместо меня они пошлют в космос Кронкайта, тогда наступит время вплотную готовиться к поездке в Йоханнесбург. Я планировал отправиться туда с Ванессой Уильямс, чтобы вместе провести приятный субботний вечер, поужинать и потанцевать. Эту идею «Examiner» пренебрежительно отверг по причине, которую я расцениваю как слепое невежество, нашедшее выражение в классическом психофинансовом синдроме.

Что хорошо для ревизора, то станет для нас препятствием, если когда-нибудь мы действительно попытаемся оправдать претензии «Инкуайрера» на звание прессы «нового поколения» и сдержать наши многократные обещания стать «газетой для думающих людей» восьмидесятых годов.

Такая попытка была бы важным делом в любое время, но в восьмидесятые она имеет смысл тем более, что сейчас на нашей стороне, как я это называю, сила вакуума.

«Washington Post» обскакала «New York Times» в семидесятые, в основном на Уотергейте¹ (1 «Уотергейт» – огромный административно-жилой комплекс в центре Вашингтона, по имени которого назван крупнейший политический скандал 70-х. В июне 1972 г. президент Р. Никсон направил в штаб-квартиру Национального комитета Демократической партии, расположенную в «Уотергейте», группу, состоявшую из агентов ЦРУ, мафиози и кубинских контрреволюционеров, чтобы установить там подслушивающие устройства и найти компромат. Группа была задержана. В ходе начавшегося скандального расследования Никсон пытался оказывать давление на следствие и суд, скрывал и уничтожал вещественные доказательства. В результате в августе 1974 г. Никсон был вынужден уйти в отставку – чтобы избежать импичмента. Слово «Уотергейт» стало образцом для названия крупных политических скандалов в США. Так, скандал с тайными поставками ЦРУ оружия исламистскому Ирану был назван Ирангейтом, скандал с Моникой Левински – Моникагейтом и т.д.), но хаос успеха и естественная склонность людей к странным поступкам (Джанет Кук, Боб Вудворд и другие) завели «Post» в тупик. Настрой сотрудников является важным фактором в современной журналистике, где основные действующие лица неизбежно выходят на телеэкраны.

«Шестьдесят минут» могут потряхнуть вашу лодку сильнее, чем «Times» и «Post», вместе взятые, и интерпретация событий, которая по горячим следам делается программой новостей Си-эн-эн из Атланты, оказывает более сильное влияние на заголовки утренних газет по всей стране, чем что-либо еще в нашей индустрии, исключая, может быть, пятибалльный экстренный бюллетень Associated Press.

Из оставшихся газет конструктивное оживление в бизнесе могут вызвать еще две: это «Los Angeles Times» и «Boston Globe». Я думаю, мы должны уделить внимание обеим. Они непохожи друг на друга, но обе обладают неким инстинктом несерьезности, легкомысленной манерой, с которой мы только начинаем заигрывать.

Обе газеты собирают самые высокооплачиваемые таланты и стараются вернуть инвестиции за счет перепродажи продукции этих талантов. Благодаря этому скоро придут кредиты – через договоры с национальными или даже международными синдикатами, что теоретически является неплохим бизнесом. Такая схема возвращает нас к основополагающей разнице между «вертикальными» и «горизонтальными» корпорациями, например, между «Форд» и «Дженерал моторс».

Бог ты мой! Ведь я начал писать эту статью для того, чтобы обосновать идею поездки в Южную Африку, где телекамеры вдруг стали бесполезными, а печатная журналистика приобрела, по причине отсутствия конкуренции, ненормально большое значение.

Я предполагаю, что вы следите за зловещными нововведениями на телевидении (как и я, благодаря недавно установленной наземной станции спутниковой связи), которые эффективно заблокировали все сообщения о массовом насилии в Южной Африке, поступающие от наших коллег-тележурналистов. Правительство Южной Африки установило наказание до девятнадцати лет тюремного заключения (причем речь идет о ТЮРЬМЕ в ЮЖНОЙ АФРИКЕ) за использование телекамер или даже магнитофонов во время любых эпизодов насилия.

Это нетерпимая ситуация для профессионалов, заряженных теленовостями до предельного уровня. Как правило, журналисты – это свободомыслящие, живущие в новом измерении люди, чья работа имеет единственное сходство с традиционной журналистикой: им по-прежнему нужно найти тему и выдать статью. Сегодня именно они формируют штурмовые войска журналистики, хорошо это или плохо.

В Южной Африке они непременно столкнутся с неприятностями. Принятый там закон похож на приказ рыбе держаться подальше от воды, но африкандеры серьезны, как никогда. Все – даже далекие от политики путешественники – считают их Худшими людьми в мире.

11 ноября 1985 года

Зверь с тремя хребтами

Монреаль. По ночам в Монреале холодно. Когда я последний раз сюда приезжал, была весна – оставалось совсем немного времени до боя между Дюраном и Леонардом – но улицы в центре города сковала ледяная корка. Харольд Конрад танцевал, как безумный, в ночном клубе на Сент-Кэт-рин-стрит. Мы вышли наружу подышать свежим воздухом и увидели, как пьяный француз на «камаро зет-28» сбил двух людей на узкой улице недалеко от клуба и попытался скрыться, но запаниковал и врезался в хлебный фургон. Разъяренная толпа погналась за ним и била, пока он не признал свою вину. Там, в Монреале, не нужна была полиция – до последнего времени.

У меня были свои причины присоединиться к толпе, что я и сделал – вместе с Билом Мюрреем, и Бобом Эйрамом, и с десятком панков, кричавших «Ублюдок! Ублюдок!» и «J'accuse!»¹ (1 Я обвиняю (франц.)).

Никто до сих пор не знает, кто на самом деле бил водителя, но я уверен, что совсем не те, кто приехал посмотреть на боксерский поединок, как позднее утверждал Эйрам. А у Мюррея под ногтями два дня чернели синяки.

– Я споткнулся о бордюр, – объяснял он. – Помню только, как хватал за ноги бежавших прямо по мне.

Им никто не верил, но, в конце концов, это не имело значения. Когда приходит время анализировать детали массового насилия, воспоминания становятся смутными. Истина заключалась в том, что мы сами на время стали такими же дикими, как все остальные, вели себя, как звери, слились с обезумевшей от ярости толпой... впрочем, никто не получил серьезных увечий, даже люди, сбитые машиной. Единственным пострадавшим оказался водитель хлебного фургона, чьи круассаны разлетелись, как попкорн, по всей улице.

Но это было давно; с тех пор мы все стали старше и умнее – даже Шугар Рэй Леонард. В Монреале он проиграл Дюрану, но годом позже взял реванш в Новом Орлеане.

На этот раз в Монреаль меня привели несколько причин. Моей основной темой по-прежнему было насилие, но теперь речь шла о Рональде Рейгане и Михаиле Горбачеве и об угрозе ядерной войны между Соединенными Штатами и Россией, серьезно беспокоившей канадцев. И еще они хотели знать, станет ли Ричард Никсон в 1988 году президентом.

Терренс – яркий и энергичный человек, но на нем лежит проклятие темной и извращенной лю-

бознательности, которая свойственна чересчур многим канадцам. С моей последней поездки через северную границу прошло достаточно времени, и я успел подзабыть об этой характерной особенности, но мне достаточно было пару минут пообщаться с Терренсом, чтобы освежить ее в памяти.

По дороге из аэропорта я упомянул, что взял отпуск в ночном клубе О'Фаррела, где состою ночным менеджером. Это возбудило интерес Терренса больше, чем все, что я говорил до тех пор, и он настоял на посещении самого крупного в Монреале «театра для взрослых», чтобы сравнить стили. Как любой ответственный администратор, я согласился туда сходить, чтобы посмотреть на конкурентов.

Клуб «Суперсекс» находится в доме 696 на Сент-Кэтрин-стрит, рядом с баром, где Конрад кружился в сумасшедшем танце, когда я прошлый раз был в Монреале. По словам моих коллег, менеджеров клуба «Суперсекс», у них в клубе было восемьдесят танцовщиц, но той поздней ночью в четверг на сцене работали только двадцать.

В толпе, состоявшей из проституток и их дружков – дико выглядевших канаков с толстыми золотыми цепями на черных байкерских майках с оторванными рукавами, было что-то раздражающее. Все они отличались бессмысленным и тревожным взглядом, характерным для животных, которые чувствуют, что пришла беда, но не могут понять откуда.

Что-то раздражающее было и в танцовщицах, что-то настолько не соответствующее, что я почувствовал необходимость обсудить эту тему с аборигеном, просто чтобы удостовериться, что дело не в моем незнании удивительных канадских традиций.

– У меня истерика от переутомления, – спросил я, – или у этой женщины действительно волосатые ноги?

– Нуу... Эээ... Даа... – Терренс говорил без своей обычной категоричности.

Через некоторое время другая женщина подошла к нашему столу и предложила потанцевать – жиденькая монреальская версия стриптиза перед клиентом. Терренс вежливо отказался. Когда женщина отошла на безопасное расстояние, я наклонился к Терренсу и прошептал:

– О боги! Еще одна женщина с волосатыми ногами...

– Нет, ты ошибся... сними темные очки, – сказал он.

– Не надо врать мне, Терренс, – сказал я. – У этой женщины действительно волосатые ноги. Я не зря давно работаю в этом бизнесе: у меня на такие вещи глаз, как у снежного ястреба. Неужели у всех женщин в Квебеке волосатые ноги?

Он сделал вид, что не услышал вопроса. Я принял это за ответ. Было три часа ночи – последний танец – и по своему профессиональному опыту я знал, что в это время девушки в раздевалке укладывают вещи, мечтая поскорее добраться до дома, и ни одна из них не захочет обсуждать вопросы гигиены.

Монреаль – странный город. Около четырехсот лет назад он был основан на обледелом острове посреди реки Святого Лаврентия. Первыми поселенцами были беглые французы, которые думали, что нашли Новый Мир и скоро будут владеть им.

Их надежды не осуществились – по крайней мере, пока, если верить рокерам, вешающим от имени Свободной партии за независимость Квебека, банды, которая вызывает у нас ассоциации с ИРА, пуэрториканскими националистами и призраком Чан Кай-ши. Квебекские сепаратисты утверждают, что скоро их мечта исполнится – колесо истории все еще вращается, а война еще не окончена.

Надо сказать, будет большой удачей для французских сепаратистов, если через неделю на встрече с Горбачевым в Женеве Рейган потерпит крах, и Вашингтон захватит клика безумных генералов в стиле «доктора Стрейнджлав»¹ (Герой антивоенной комедии «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил атомную бомбу»).

Южный колосс будет парализован страхом и скупостью, что даст поглощающим трюфеля и вино анархистам возможность захвата власти.

С жесткой позицией озлобленных сепаратистов мне пришлось столкнуться на следующий день, когда я поднялся на сцену, чтобы ответить на вопросы о позиции США и Канады по отношению к Кремлю, и еще – о выборах 1988 года.

День показался мне бесконечным, но в итоге все пришли к единодушному мнению: независимо от того, что произойдет в Женеве, Канада обречена на положение ядерного заложника. Рейган использует встречу в верхах с единственной целью помахать флагом и показать обновленный вариант своих рекламных роликов, снятых в старые добрые времена, а фаворитом на выборах 1988 года будет

Ричард Никсон.

Сразу после лекции я уехал в аэропорт. Садясь в самолет, я вздохнул с облегчением: мне удалось убраться из этой страны, и дело обошлось без мордобоя.

18 ноября 1985 года

Не волнуйтесь, доктор вас посмотрит

Срочно позвони мне. Время уходит. Нам обоим надо совершить что-нибудь исполинское прежде, чем мы умрем.

Послание от Ральфа Стэдмена¹ (1 Художник, сделавший иллюстрации к книге Хантера Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» (прим. перев.))

Я получаю мало писем от Ральфа. Он не беспокоит меня по пустякам. Но его редкие послания всегда очень серьезны. Постоянные темы его писем – смерть и упадок, и еще жажда денег – столь дикая и грубая, что даже лесник из «Любовника леди Чатерлей» был бы посрамлен силой этого желания.

Рассел Чатам такой же. Художники не пишут писем, пока не впадут в полное отчаяние, но к тому времени их мозги начинают буксовать. Они теряют простую логику и способность к концентрации внимания, а из их глаз льется спиртное.

Время от времени у меня возникали проблемы с Расселом, ну, а с Ральфом проблемы не прекращались всю жизнь. Оба – богатые и знаменитые художники, великие таланты своего времени, но в правильно организованном обществе их уже давно усыпили бы по закону.

Вместо этого они получают огромные деньги за свои довольно странные работы, и оба пользуются почетом во всем мире. Ральф живет, как калиф, в своем 44-комнатном замке в модном графстве Кент недалеко от Лондона и время от времени выезжает на псовую охоту.

А Рассел ходит с платиновой картой «Американ Экспресс», ездит на «кадиллаке» и большую часть времени живет в стиле Сэма Кольриджа – образ жизни, который не понимают даже его друзья.

Оба они – бесстыдные сибариты, далеко зашедшие в своих неистовых пороках, но кто я такой, чтобы их судить? У каждого из нас есть странные друзья: одни из них звонят из тюрьмы в четыре утра, другие пишут мрачные и злобные письма.

На днях я заехал на почту и нашел в своем ящике два письма – первое от Рассела, второе от Ральфа, оба исполненные гнева. Письмо Рассела я переадресовал шерифу. Но письмо Ральфа было написано в тоне серьезного медицинского бюллетеня, и я решил, что на него надо ответить.

«Дорогой Ральф! Я, наконец, получил письмо, написанное тобой в палате интенсивной терапии клиники Мейдстоуна. Письмо датировано двадцатым марта, а значит, прошло довольно много времени, если учесть, что ты писал его, стоя на краю могилы.

Ты, Ральф, как старушка. Я устал от твоего ворчания и нытья. Если ты без пяти минут покойник или просто напился, это еще не повод нести вздор о гонорарах и смысле жизни.

Никогда не упоминай при мне эти два предмета, Ральф. Два тупых и уродских вопроса. Ну да ладно. Покончим с ними раз и навсегда:

1. Никаких авторских гонораров нет и никогда не будет. Это безобразная ситуация. Мой адвокат поговорит с тобой о деньгах и проблеме клеветнических измышлений.

2. Твои вздорные рассуждения о смысле жизни – не что иное, как старческий уход от реальности. Ты румяный помещик в твидовом костюме, Ральф, человек искусства. Твоим соседям страшно даже представить, что ты делаешь с животными, которых ловишь в капканы, и им, естественно, не хочется вспоминать – когда они видят тебя, бродящего ночью по посадкам с дробовиком в руках, – что у тебя по шесть пальцев на каждой руке и твой разум представляет собой бурлящий котел противоречий.

Если бы они знали, насколько безгранично твое безумие, они бы посадили тебя под замок... и они, несомненно, так и сделают, если ты не возьмешь себя в руки.

Поверь моему слову. Не дай им повода. Я знаю этого Нар-ли, который хозяйничает в мейдстоунском пабе, и я слышал гнусные сплетни, которые он о тебе распространяет. Понятно, он не на твоей стороне.

Но не беспокойся, Ральф. У меня есть ответ. В последнее время моя жизнь тоже была весьма странной. Не так давно закончился легкомысленный период, когда я витал в облаках и верил словам,

что, естественно, закончилось неприятностями. Пройдя через это, я, как ты знаешь, втянулся в феминистско-порнографическую историю с «Плейбоем». Кончилось тем, что я завяз в проблемах, и меня то и дело арестовывали по причинам, о которых я пока не могу говорить, потому что многочисленные судебные дела все еще не закрыты.

В настоящее время «Ночной менеджер» движется с небольшим отставанием от плана из-за моей слабости к журналистике. В дополнение к моим прочим должностям, титулам и обязанностям, я теперь – что-то вроде колумниста синдиката¹ (Объединение провинциальных газет, предоставляющих друг другу свои материалы. «San Francisco Examiner» входит в один из таких синдикатов) в «San Francisco Examiner» – газете, которая когда-то была гордым флагманом так называемой империи Хёрста. Янг Уилл, продолжатель дела, решил сделать «газету для думающих людей восьмидесятых», и тут я, конечно, развернулся.

Почему бы и нет? У нас в ночную смену стоит Уоррен, который каждый раз утирает нос полиции, и я думаю, что у проекта есть будущее... что для тебя означает необходимость занять, естественно, поначалу, место «художника по договору». Приготовься к напряженным четырехнедельным гастролям. Тебе придется перебраться в Сан-Франциско и некоторое время зарабатывать свой хлеб в поте лица своего. Тебя, как обычного журналиста, будут посылать на текущие задания, а с твоими работами будут обращаться как с дерьмом – но я надеюсь, ты преодолеешь трудности, и тебе удастся создать что-нибудь впечатляющее.

Запланируем стартовый выстрел на День Сурка. Я найду тебе квартиру в своем старом районе, на Авеню. Первым твоим заданием скорее всего станет судебный процесс по делу Чарльза С. Нг из округа Калавера, которого обвиняют в серийных убийствах на сексуальной почве. Его скоро депортируют из Канады. Суд будет происходить в Городе Толстых... или, может быть, где-нибудь в глубинке. Когда мы прикатим туда, как братья Джод¹ (1 Герои романа Д. Стейнбека «Гроздь гнева», посвященного временам Великой Депрессии, – семья, едущая через всю Америку в Калифорнию в поисках работы), на нас, журналистов, будут смотреть как на приличных людей.

Ты должен мне верить, Ральф. Я знаю, все это кажется странным, но затея может и вправду оказаться разумной. Такие дела я чувствую тонко, как акробат.

Так что, собирай чемоданы и готовься в День Сурка приступить к своим обязанностям. Для начала соберемся на стратегическую конференцию в кафе «Бич-бой», а потом располземся в тумане и займемся нашей грязной работенкой. Добро пожаловать в новую жизнь.

25 ноября 1985 года

Месть недоумков

А склизких тварей миллион Живет; а с ними я! (Перевод Н. Гумилева).

Сэм Кольридж. «Поэма о Старом Моряке»

Одна из неприятных сторон нашего ремесла заключается в неизбежности злобных нападок безмозглых уродов и чьих-то фанатов. Этому нет конца. По ночам они стучат в вашу дверь или придумывают гнусные судебные иски, мастурбируя, как шимпанзе, в комнатах, освещенных 25-ваттными лампочками.

Такие вот дела. Не у всех жизнь прямая, как лезвие ножа. Некоторые перекошены, как нога Джо Тисмана, но лишь единицы из них работают на команду «Краснокожих», и никто не нянчится с ними в госпитале, когда их сломанные кости вылезут наружу через пробитые мышцы и кожу.

Все мы – жертвы этой гнусности. Злобные уроды звонят нам по телефону, а мы слушаем их визги и ругань. Они забивают своими исками графики судебных заседаний. Они наполняют наши почтовые ящики дикой чепухой, за которую им пришлось бы отвечать по закону, будь у людей время на судебные разбирательства.

Они неизлечимы. Какой-то божок с чувством юмора, как у Эда Уинна² (Троцкист, член ЦК Профсоюзной лиги политических действий, в 1984 и 1988 годах выдвигался Лигой кандидатом в президенты США), по своим личным мотивам решил направить их этим путем. Некоторые действительно опасны – может быть, один или два процента – но уж они-то способны идти до конца: крушить, убивать, жечь или приютить сотню бездомных кошек в своей квартире и молиться перед пожелтевшей фотографией Сьюзен Аткинс¹ (Член «семьи» Чарльза Мэнсона, намеревалась совершить покушение на президента США. Приговорена к пожизненному заключению).

Еще они пишут письма; за последнее время я получил целую кучу. Все они пришли из Майами, от недоумков, христианских фанатиков и нацистов – и все, так или иначе, связаны со странным и безумным культом доктора Нейла Франка и его печально известной одержимостью ураганами. За работу в программе новостей Эй-би-си Национальная правительственная ассоциация ораторов в Вашингтоне недавно присвоила Нейлу Франку звание «оратор года».

Это подходящее определение для Нейла Франка. Ведь он – именно оратор, и ничего сверх того. Его безумные полуночные комментарии по поводу недавних ураганов весьма накалили ситуацию. Ничего подобного по силе воздействия не появлялось в эфире с тех пор, как в 1938 году Орсон Уэллс поставил «Войну миров». В результате миллионы людей обезумели от страха и пришли в смятение.

На телевидении Франка называют директором некоего учреждения, так называемого Национального центра изучения ураганов. Центр располагается в Корал-Гейблс – модном когда-то пригороде Майами.

Кроме того, Нейл Франк – как утверждает житель Коко-Гроув по имени Текс – преуспел на поприще религиозных проповедей в евангелическом духе. Раньше он принимал активное участие в крестовом походе под водительством Билли Грэма. Его ли религиозная деятельность или что-то другое стало тому причиной, но множество людей в Южной Флориде прониклись к нему доверием. Апокалиптические предупреждения о заряженности ураганов «энергией, равной одной из наших первых атомных бомб», превратили Нейла Франка в святого, буквально в Божьего посланника. По его совету многие покинули свои дома и побежали, как крысы; на возвышенность – и таких людей было больше, чем тех, кто когда-то следовал за Моисеем через горы и Чермное море.

Вся заслуга Франка в том, что он напугал людей до смерти, и они бросились спасаться бегством от Божьего гнева. Правда, сделать работу Нейла Франка и заслужить восхищение тех же легковерных людей мог бы любой бабуин со здоровым сердцем, хорошей дикцией и контрактом с «Вечерней строчкой» канала Эй-би-си.

Разгневанная чета Кемпкеров (Ф.Л. и Виргиния) из Ки-Ларго в коротком и решительном письме укоряет меня: «Своим невежественным и порочным критицизмом Вы нанесли мистеру Нейлу Франку оскорбление».

«Бог простит тебя, если ты попросишь о прощении, – пишет мне человек по имени Россел, живущий где-то в южной части Майами-Бич. – Бог может простить любой грех, кроме отрицания сына своего, Иисуса. Надейся, может быть, Бог смилуется над тобой».

Некто по имени Пик Коттон из Южно-Африканской организации имени Кэт Л. Коттон-Дебур, объединяющей профессиональных врунов, назвал меня бесчувственным шакалом и предположил, что я подсознательно завидую Нейлу. «Убирайся в щель, из которой выполз, – сказал он. – Ты здесь никому не нужен».

Неделя праздника Благодарения, проведенная в горах, была небогата новостями. Встреча в верхах закончилась, «Мустанги» проиграли, а сугробы с каждым днем становились все выше. Погибло много животных. Но большинство из них съел Рассел Чатам, а его подружка, та еще бешеная сука, уехала, прихватив с собой около шестисот звериных шкурок, которые она потом продала на улицах Голливуда.

Пришлось включить полный привод на нашем джипе, иначе мы не могли одолеть длинный подъем по пути к ближайшей таверне. На участке Уэйна дорогу перегородили замерзшие быки: они мочились на асфальт и топтались на месте. Некоторые люди останавливаются перед крупными животными, но делать так – большая ошибка. Единственный способ сдвинуть их с дороги – это включить первую передачу и давить на газ. Двигай прямо на зверюг – пусть они почувствуют металл.

Иногда громкий гудок приводит в панику все стадо, и тогда можно на большой скорости преследовать их несколько миль.

Обычно по выходным в таверне спокойно. Это место, где собираются ковбои, небольшое придорожное строение в глубине долины – с единственной неоновой вывеской на десять миль вокруг.

Но в эти выходные место для парковки было запружено «поршами», «рейнджроверами»; была даже одна «BMW 735i». Местный лидер Общества друзей Роберта Веско приехал на «феррари 308». С ним была его жена – помощница шерифа. По их утверждению, раньше они жили в Шелбивил-ле, штат Кентукки, где зарабатывали на жизнь разведением чистокровных собак динго. Австралийских псин с желтовато-коричневой шерстью, весящих около тридцати-сорока фунтов – безмозглых тварей с ярко выраженным инстинктом убийцы. Пару таких собак недавно продали на собачьей выставке в

Денвере за двадцать две тысячи долларов.

Говорили именно о такой сумме, но, скорее всего, это был дешевый рекламный трюк. Торговля собаками, особенно чистокровными служебными животными вроде динго и доберманов, – ненадежный бизнес.

Однако друзей Роберта Веско все это не интересовало. Они собрались на свою ежегодную встречу, к тому же большинство из них имело собственных собак. Собралась гнусная толпа, сплоченная и большая, в парках из овчины и черных ковбойских сапогах, но они платили наличными, и никто не задавал лишних вопросов. Один из этих ребят порезал ножом свою жену, но рана оказалась пустяковой – и в понедельник женщина села в первый самолет на Денвер.

2 декабря 1985 года

APRES MOI, LE DELUGE

После меня – хоть потоп (франц.)

– Я буду считать эту проблему серьезной, пока, проработав всю ночь, вы не докажете мне обратное.

Ричард Милхаус Никсон

На прошлой неделе в Вашингтоне произошли серьезные события. В четверг вечером Скиннер позвонил мне из офиса и сообщил, что остался без работы. До этого момента он был ответственным консультантом в команде сенатора Эдварда Кеннеди, который участвовал в президентской предвыборной кампании.

– Кеннеди вышел из гонки, – сказал Скиннер. – Он только что сообщил нам об этом. Через десять минут он поедет в Бостон, чтобы зачитать свое окончательное решение в прямом эфире.

– Врешь, свинья! – закричал я. – Опять ты злишь меня своими дешевыми политическими сплетнями?

– На этот раз слухи соответствуют действительности, – сказал он. – Парень спрыгнул с поезда. Сегодня в десять утра уволили всю команду. Расставаясь, люди обнимают друг друга и плачут. Я только что потерял пятьсот долларов в день – зарплату, которую я рассчитывал получать следующие два года.

– Плевать на деньги! Что случилось?

– Безумие, – ответил он. – Наш коммутатор чуть не закоротило. К половине пятого все телефонные линии раскалились добела. Первый человек, позвонивший нам, сказал, что или у сенатора СПИД, или в его машине были еще трупы² (2 Намек на скандал 1969 г. Ночью 19 июля 1969 г. сенатор Э. Кеннеди попал в автокатастрофу на о. Чаппакуиддик – его машина упала с моста в реку. Кеннеди выплыл, его спутница Мэри Копечне утонула. Республиканцы раздули из этого дела скандал и вынудили Кеннеди снять свою кандидатуру из числа претендентов на пост президента США).

Другой заявил, что все это просто скандал. Третий дружелюбно предположил, что дело в какой-то семейной трагедии – может быть, у сына сенатора опять рак или что-то в этом роде. Четвертый сказал, что Кеннеди, видимо, собирается жениться на другой, может быть, на этой целеустремленной чехословацкой женщине, с которой он последнее время появлялся на людях.

– Отвратительно, – проворчал я. – По-настоящему отвратительно.

– И кроме всего прочего, постоянно звонят журналисты. Как перед отставкой Никсона. Ты берешь телефон, чтобы позвонить, и не можешь дождаться длинного гудка, потому что все линии в Сенате заняты. Это было как взрыв бомбы.

– Seriously? Неужели ты не знал заранее?

– Никто не знал, – сказал Скиннер. – Даже Пэт Кэд-делл и вся его новая сверхмощная фирма-консультант, которая, правда, два дня назад развалилась, – даже они не знали. Кэдделл поссорился с Доуком и Шраммом, а потом сидел в своей комнате и кричал: «Это трюк Кеннеди, это часть его предвыборной стратегии». Видишь, какое темное дело.

– Как это скажется на партии? – спросил я.

– В партии хаос. Может быть, новым претендентом станет Джесси Джексон. В пятнадцати южных штатах пройдет супервторник. В гонке примут участие девять белых и Джесси. При таком раскладе Джесси выигрывает первичные выборы в пятнадцати штатах. Все. Мне больше нечего сказать. Не будет больше никаких разговоров о Кеннеди.

– Итак, – сказал я, – из ниоткуда возникла решительная чехословацкая женщина. Если верить слухам, циркулирующим на высшем уровне в Вашингтоне, она является единственной явной причиной того, что сенатор от Массачусетса Эдвард М. Кеннеди внезапно решил выйти из президентской гонки, причем именно в момент, когда его шансы на победу были в два раза выше, чем у любого другого кандидата.

– Да, – ответил Скиннер. – Именно так скажут завтра у Дюка Зибертса, когда Боб Страус и Гамильтон Джордан сядут за ленч.

– А ты? – спросил я.

– Меня там не будет. Завтра я собираюсь отправиться на ипподром, – сказал он. – Есть вещи поважнее того, кто станет следующим президентом Соединенных Штатов.

Как правило, ночью политический бизнес идет вяло. Но через какое-то время обязательно наступает бурная ночь, взрыв ужасного вероломства и извращенности, после которого даже сильным не сразу удается разгрести дерьмо.

Заниматься этим – мерзкое ремесло, и никто из умных людей не станет утверждать обратное... за исключением, может быть, Рональда Рейгана, который, похоже, глупее трех мулов. Но, в конце концов, он – президент. Он может сбросить бомбы на любой город в мире и арестовать любого, кто будет ему досаждать.

Быть президентом – значит занимать высокое положение в обществе, из чего вытекают некоторые вопросы о глупости. Можно ли назвать дураком Хершеля Уокера, который зарабатывает миллион долларов в год, при этом вообще ничего не делая?

Президенту Соединенных Штатов не нужно быть умным.

Он может балансировать на зловещей грани, за которой – полное отмирание серого вещества головного мозга, и при этом оставаться самым могущественным человеком в мире. Если он арестует главу мафии или отправит мемориал Вашингтона арабам, никто не будет оспаривать его право.

Подобное действительно происходит... и, тем не менее, он – наш лидер, человек, который вызывает восторг нации. Опросы общественного мнения показывают, что он «одет лучше всех», он популярнее всех, и он самый желанный донор во всех банках спермы. Люди смеялись над Томасом Эдисоном, но они поскуливают, как собаки, когда Рейган подходит к воротам Белого дома.

По слухам, Фрэнк Синатра был умным человеком, но после того как он попытался играть в блэк-джек по правилам, которым научился в Неваде, перед ним закрылись двери всех казино Нью-Джерси.

«Тебя вычеркнули! Убирайся из города... Ты нам никогда не нравился...» Даже Брюс Спрингстин не мог помочь Фрэнку в Атлантик-Сити. Его гнали отовсюду как какого-нибудь пропойцу. Это было отвратительно.

Тем не менее, даже Синатра боготворит президента. Он поет песни о любви для жены президента, а его друзья пьют чай в восточном крыле Белого дома.

Мы живем в беспокойные времена. По улицам Сент-Луиса бродят отвратительные подонки, и даже госсекретарю угрожает проверка на детекторе лжи, как говорят, по обычным соображениям безопасности. Майк Дитка сидит в чикагской тюрьме за вождение машины в нетрезвом виде. Он попался в день победы чикагских «Медведей» – величайшей с 1942 года.

– Я устал от этого города, – сказал Скиннер. – Хочу обратно в Бангкок. Кажется, год крысы никогда не кончится.

23 декабря 1985 года

Серая и грязная дорога

– Сотри его имя, теперь будет он записан как еще одна потерянная душа. Еще одно дело заброшено, еще одна тропа заросла.

Роберт Браунинг. «Поверженный вождь»

На прошлой неделе Тед Кеннеди снова попал в новости, но пользы от этого уже не было. Все, включая членов его команды, были потрясены неожиданным решением сенатора – отказаться от участия в президентских выборах 1988 года. Причем даже опросы Национального комитета «Великой старой партии» показывали, что шансы Кеннеди на выдвижение от Демократической партии были в два раза выше, чем у других претендентов.

В зимних букмекерских записях рейтинг Теда Кеннеди равнялся 44 процентам, Гэри Харта – 22 процентам, Марио Комо – 18 процентам... Конечно, никто в нашем бизнесе не собирался делать окончательные ставки, ориентируясь на эти цифры. Два года – долгий срок, если речь идет о жизни лидеров высшей лиги.

Циники говорили, что все это им знакомо, они это уже видели – четыре раза за последние пятнадцать лет – и что все это, скорее всего, просто очередная уловка Кеннеди. Он залег в засаде, рассуждали они, и ждет подходящего момента для атаки.

Хорошо... может, и так... но многие люди на публике говорили о мудром маневре, а потом, в частных беседах, проклинали сенатора за шестнадцатилетнюю политическую агонию, борьбу за исполнение ущербной мечты, которая была обречена на провал с самого начала. «Лучше бы он десять лет назад эмигрировал в Австралию, – сказал профессиональный политик, в свое время работавший на Кеннеди. – Когда из-за него утонула женщина, на его карьере можно было сразу поставить крест».

Вероятнее всего, это действительно так. Происшествие в Чаппакуиддике трудно понять, если только не расценивать его всего лишь как вопиющий и отвратительный образец неумения водить машину.

Детали от нас по-прежнему скрывают – неясно, по каким причинам, – но, в конце концов, речь идет о взрослом мужчине, который находился на своей земле, управлял собственной машиной и при этом не смог проехать по прямой по небольшому мосту.

Время от времени у меня тоже случались проблемы с плохими дорогами и неправильными машинами – как сегодня.

Полная луна, на небе ни облачка. Из-за яркого света луны, отраженного белым снегом, не видно ни одной звезды. Так светло, что на пустынной проселочной дороге можно вести машину с выключенными фарами.

Хорошее время для диверсантов, индейцев и наркоманов. Не все в этом мире любят свет фар. Среди нас есть такие, кто может в темноте гнать через обледенелые горы, как в компьютерной игре, на полной скорости четко проходя повороты и успешно избегая столкновений с оленями.

Конечно, рассуждать о вождении в темноте не было бы никакого повода, если бы у моего недавно полностью отремонтированного «вольво» внезапно не выключились фары. Последние пять миль до ранчо мне пришлось вести машину с погасшими фарами при свете луны.

В такой ситуации люди обычно нервничают. Я ехал из города после ужина, в моей машине сидели гости из Майами – и когда я заметил, что лунный свет ярче моих фар, я забеспокоился...

А это неправильно, как говорил мистер Никсон. В моем мозгу немедленно возник вопрос: могу ли я полностью доверять своему ночному зрению. Если свет фар машины напоминает приглушенное мерцание древней лампы Алладина или, еще хуже – коптящей свечки, значит, настало время обратиться за советом к профессионалу.

Не рассчитывай на свет порочной луны. Что будет с тобой через неделю, когда луна исчезнет? Даже Сидящий Бык не может вести машину на полной скорости в кромешной темноте. Может быть, пришло время показаться главному врачу, какому-нибудь шарлатану из рекламных роликов, который предложит пройти все известные науке тесты... Всего 49 долларов 95 центов – и вам гарантировано излечение от слепоты, ваше зрение будет, как у горного козла.

Слишком много лет я провел на дорогах, слишком темных для изувеченной рубцами сетчатки. Я флиртовал с опасностью и зловещими предчувствиями: когда фары гасли, дорога становилась как океан, а я вел машину как лодку.

В море нет уличных огней. В море мы правим по картам, буям и отдаленным ориентирам; там нет никаких фар. Однажды, когда я думал, что нахожусь на глубине, я врезался в песчаную отмель.

Ощущения мерзопакостные. Вначале раздается неприятный шипящий звук – это киль цепляет песок, а потом кричат пассажиры. Они всегда очень боятся акул, когда ты везешь их кататься в полночь. В такой ситуации надо действовать очень быстро, чтобы успеть поднять гребной винт до того, как он согнется от удара о грунт.

Потом некоторое время вы просто сидите. Все молчат... потому что знают, какие теперь возникнут вопросы. Работает ли радио? Мы обречены? Удастся ли сообщить об аварии в береговую охрану и вызвать буксир?

Скорее всего, нет. Девятнадцатый канал не отвечает. Придется лезть в теплую соленую воду, доходящую местами до колен, местами до шеи, и самым толкать проклятое корыто.

Даже маленький катер «мако», вроде моего, весит около трех тысяч фунтов. Толкать такую тяжесть ночью в океане – сомнительное удовольствие. Скорость продвижения – два дюйма за шесть минут, да и то – если повезет с приливом. Все равно, что толкать по гравии «бьюик» с четырьмя спущенными колесами.

Вот что случается с людьми, которые ночью мотаются без света по океану или вообще где бы то ни было.

На этой неделе в город приехали Тед Кеннеди и Дональд Трамп. Вместе с Аднаном Хашогги и его эскадроном телохранителей в черных рубашках. Люди напуганы. К тому же приехал принц Фейсал – он появляется здесь каждое рождество со своими кареглазыми смуглыми женами и свитой стражей-евнухов.

Арабы – интересные люди. Они не сторонники ночного плавания по океану, но что с того? Это не их прикол. Они изучили достаточно хорошо наши дороги, с фарами и без фар. Они не пьют виски, поэтому могут делать все, что хотят.

Когда же это закончится? Вулкан Этна опять проснулся, а Джордж Шульц почти уволен в интересах национальной безопасности. Почет – не гарантия безопасности, а кабан на тропе – не один. *Capre diem* (1 Лови момент (лат.)).

Приготовься съесть или быть съеденным.

30 декабря 1985 года

Снести им головы!

– Естественный взгляд журналиста на политика – сверху вниз.

Г.Л. Менкен

Аспен. Тед Кеннеди уехал на следующий день после Рождества, и все седые призраки и привидения, кружащиеся вокруг него, отправились следом. Улетел он на одном самолете с вполне реальными Барбарой Уолтере и Джорджем Гамильтоном – по крайней мере, так эти двое сказали в аэропорту. Ходили слухи, что Тед неплохо провел в Аспене время и вполне успешно вписывался в повороты трассы, когда, взяв с собой четыре бутылки джина и двух французских девушек, среди ночи катался на супернаво-роченном полноприводном «феррари», который позаимствовал у Аднана Хашогги, самого богатого человека в мире.

Никто ничего не знает наверняка. Он или уехал в Денвер, или улетел в Даллас, или записался в частный клуб на окраине Солт-Лейк-Сити... В некоторых вопросах мормоны – люди терпимые, а Тедди – один из их любимчиков. Он не может натворить в Юте ничего плохого, никаких приключений с женщинами или других типичных штучек. Его старшим братьям поклоняются как полубогам в городках типа Вернал или Прово – там, где ненавидят виски, а в реке больше грязи, чем воды.

Еще три недели назад расклад был другим. Тогда маневры Тедди отслеживались национальными СМИ, как перемещения самца снежного барса в Гималаях. К рождеству интерес прессы катастрофически упал, и репортеры перестали следовать за ним по пятам.

Кеннеди перестал, как они выразились, «быть фактором» предстоящей в 1988 году президентской гонки. Он ушел без предупреждения, и большие боссы были очень недовольны. По слухам, взгрустнулось даже Пэту Бьюке-нуну, сидящему в Белом доме. Ведь республиканские ястребы лишились удобной мишени.

Теперь горячей темой стал Гэри Харт, новый и неожиданный лидер, хотя, надо сказать, его продвижение вперед не произвело большого впечатления. На игровом поле собрались новички и любители, по большей части – сенаторы с Востока и губернаторы с Запада. Имелась еще парочка долбанутых южан, которые придавали «списку кандидатов некоторый баланс», как выражались в отеле на Капитолийском холме в те старые добрые времена, когда мужчины были мужчинами, а женщины соблазняли их своими плечами и лопатками.

Сегодня отель закрыт. А когда-то это был настоящий дворец порока. Укромные уголки в баре были такими темными, что даже Уилбур Миллс и Рита Джентрет могли бы работать там безнаказанно. Офис Джина Маккар-ти располагался наверху, сестры Чанг жили в подвале, а остальные комнаты были взяты в постоянную аренду лоббистами разных корпораций типа «Готэм трекинг», «Сиамской нефти» и «Международного бетонного братства».

Перекресток мошенников, международное прибежище богатых убийц, темных дельцов и про-

ституты с фальшивыми паспортами. Менеджер отеля был стильным, персонал коррумпированным, а ковры в комнатах покрывала короста из пролитого виски и крошек марихуаны.

Меня там знали и всегда тепло встречали. Иногда ночами я чувствовал невыносимое отчуждение, но обычно в отеле было довольно уютно. Я останавливался там, когда у меня появлялись дела на Холме. Офис Кеннеди был за соседней дверью, а штаб-квартира команды Харта – всего в нескольких кварталах к югу, на Третьей стрит.

Со временем мои воспоминания становятся все более смутными. Рокеры уехали – кто в Лондон, кто в Ломпок или Майами. Но несколько призраков остались: Бобби Бейкер, Том Куин, Ричард Никсон и та девушка из Боп-Кабала... они скитаются по коридорам отеля и сырым аллеям, ведущим к вокзалу, стенам и выпрашивая яблочного кекса, выпивки и немного человеческого участия.

Кеннеди отошел от дел, а Харт перебрался со своим шоу в Денвер, где он встречается с прессой и пьет минералку в мексиканском ресторанчике «Эль-Ранчо» недалеко от выезда на трассу И-70.

Сегодня он развлекает там целую толпу журналистов. Они слетелись после его довольно странного решения – отказаться от должности старшего сенатора Соединенных Штатов от Колорадо, чтобы посвятить все свое время подготовке к предстоящим в 1988 году президентским выборам. Сегодня он – несомненный фаворит, с перевесом в четыре пункта над Марио Комо и в пятнадцать пунктов над всеми остальными, за исключением, может быть, Бернарда Гетца и Рональда Рейгана. Но по закону Рейган обязан подать в отставку через два года, при условии, что доживет до этого.

Хотя есть люди – среди них генеральный прокурор Эд Миз и директор ЦРУ Уильям Кейси, – которые по-прежнему называют Рейгана Датчем¹ (Семейное прозвище Рональда Рейгана сохранявшееся за ним всю жизнь) и думают, что он будет жить вечно. Они хотят изменить закон, чтобы Рейган мог остаться президентом на третий, а может быть, и на четвертый срок.

Скорее всего, ничего не получится. Он и так уже самый старый президент за всю историю Соединенных Штатов – старше, чем телевидение и гамбургер. Даже радио и электрическую лампочку изобрели уже после его рождения. Рейган старше большинства попугаев, которые, как известно, могут жить двести лет.

У моего друга и соседа Кромвеля есть большая пестрая птица, которая время от времени пронзительно кричит:

«Снести им головы!» – мрачное напоминание о временах мадам де Фарж¹ (1 Персонаж романа Ч. Диккенса «Повесть о двух городах», события в котором происходят во времена Великой Французской революции) и безумствах Французской революции. Надоедливый бессмертный попугай вылупился из яйца в трущобах Парижа и попал в Америку на корабле со своим хозяином – слугой самого Бенджамина Франклина.

Когда глядишь в глаза необразованной, но высказывающейся по существу старой птицы, которая может вспомнить отрывки беседы Бена Франклина с Аароном Бером, а иногда даже с Джорджем Вашингтоном, чувствуешь связь с потусторонним миром. Нельзя полностью доверять попугаям, но ложь не в их натуре, и большинство умных людей относится к этим тварям серьезно. Когда попугай Кромвеля начинает хрипло болтать что-то о буре на реке Гудзон, разразившейся в 1788 году ночью во вторник, он, скорее всего, говорит правду.

Смысл его слов порой трудно понять. У старого Бена было сомнительное чувство юмора, хотя он определенно разбирался в политике. А Томас Джефферсон держал хорька, который однажды вечером укусил его, что привело к заражению крови.

Харт не будет таким удачливым. У него уже есть долг в три с половиной миллиона долларов, который остался после неудачного штурма Белого дома в 1984 году, а следующая атака обойдется ему в десять раз дороже. Осилить такие расходы будет нелегко даже рожденному во второй раз фавориту с хорошими зубами, новеньким красным «пontiак» и большим домом на Капитолийском холме. Его приверженцы и спонсоры, твердокаменные яппи, теперь должны собрать кучу денег и хорошенько потрудиться, чтобы привлечь на свою сторону людей, которые их презирают и предпочитают жить, как пропойцы и проныры, в другом измерении.

Подобно тому, как у профсоюзов не оказалось достаточно голосов, чтобы обеспечить победу Фрицу Мондейлу, никогда не наберется достаточно яппи, чтобы выбрать в президенты Харта. Ненадежные и жадные, склонные к панике, как пингвины, они лишены корней и серьезных политических убеждений. Джесси Джексон найдет больше энергии, преданности и активной поддержки у десяти человек на любом углу в восточном Сент-Луисе, чем Гэри Харт получит за неделю больших полити-

ческих слетов в Нью-Йорке, Чикаго и Питсбурге.
6 января 1986 года

Американское столетие?

– *Каждый американец чувствует острое искушение разбомбить Ливию, чтобы она вернулась в каменный век, из которого пришел ее варварский диктатор.*

Передовица «Denver Post», 9 января 1988 года

На прошлой неделе в средствах массовой информации поднялся шум вокруг слухов об острой конфронтации между Рональдом Рейганом и преступником-маньяком, арабом по имени Хадафи, или Гадафи, или даже Муамар аль-Каддафи, как его называет «New York Times». Кажется, ни один человек в Вашингтоне не знает, как правильно писать его имя, несмотря на то, что теперь он стал центральной фигурой в процессе сползания к Третей Мировой войне.

Полковник Каддафи – такое написание принято у нас на Западном берегу – занимает пост председателя Революционного руководящего совета Ливийской арабской Джамахирии и главнокомандующего ливийскими вооруженными силами. Говорят, он живет с женой и семьей детьми за толстыми каменными стенами в армейских казармах Баб-Азизия на окраине Триполи. По ночам он произносит безумные речи или плетет интриги, сидя в своем убежище перед целым строем микрофонов, подключенных к сети международных коммуникаций. Так он поддерживает постоянную связь со всеми столицами цивилизованного мира, и, вероятно, с большинством остальных столиц.

На волнах эфира полковник без стеснения делится своими ночными раздумьями; он обращается даже к тем, кого планирует убить. На сегодняшний день список его врагов, подлежащих уничтожению, отличается длиной и разнообразием. Начинается этот список с Рональда Рейгана и английской королевы и кончается пилотами с авианосца «Корал си» и случайными прохожими на улицах американских городов. Полковник угрожает убить всех, если его не оставят в покое.

Так, по крайней мере, изображают ситуацию в Вашингтоне, где на Каддафи смотрят как на бешеного пса вроде Гитлера. Даже вечно улыбающаяся Джоди Пауэлл, бывший пресс-секретарь бывшего президента Джимми Картера, заявляет в печати, что «пришло время наказать Каддафи» за безумные преступления международного терроризма... А под «наказанием» в данной ситуации обычно подразумевается серьезная военная акция, такая, например, как обстрел пляжей Триполи с кораблей США или удар бомбардировщиков Б-52 по предполагаемым «тренировочным лагерям террористов» в ливийской пустыне.

Это своеобразное мышление, которое не связывает множество факторов, причем и Рейган, и Пауэлл пришли к нему задолго до сегодняшних событий. Когда Рональд Рейган последний раз вмешался в запутанную ситуацию на Среднем Востоке, он получил 264 морских пехотинца, прибывших из Бейрута в мешках для транспортировки трупов, – жестокие и необоснованные потери... Авантюра Пауэлл с использованием военной силы в исламском мире привела к катастрофе 1980 года. Тогда с треском провалилась бестолково подготовленная «операция спасения» американских заложников в Иране. Все закончилось кошмаром смерти, позора и унижения.

Наши достижения в этом регионе нельзя назвать впечатляющими. Арабы боятся наших угроз, бомб и новых военных технологий не больше, чем в свое время боялись вьетнамцы. Кажется, у них другие планы, нравится нам это или нет, и однажды у нас может появиться странное ощущение – несмотря на сегодняшний хаос в ценах на нефть, продаваемую ОПЕК, – что мы и вправду остались не у дел. Арабы глядят дальше границы «Американского Столетия», как называл его Генри Люс1 (1 Легенда американского журналистского бизнеса. Основатель журналов «Тайм» и «Форчун», владелец «Лайфа») ведь даже по арабскому календарю отрезок времени от сегодняшнего дня до 2001 года короче продолжительности собачьей жизни.

Полковник Каддафи появился на свет сорок три года назад в палатке из козьих шкур где-то в пустыне между средиземноморским портовым городом Сиртой и расположенным в глубине страны городом Себхой. В то время Себха была столицей южной провинции Феццан, быстро строившейся на открытом всем ветрам пространстве. Ливия, тогда еще итальянская колония, представляла собой отсталую феодальную область на бесплодном побережье Северной Африки. Измученная междоусобными войнами страна была похожа на кипящий котел страха и смятения.

Отца и родного дядю Муамара посадили в тюрьму за политические выступления против коло-

ниальной администрации, поэтому мальчик воспитывался в ненависти к итальянцам. В двадцать семь лет, имея чин капитана войск связи, Каддафи при поддержке шестидесяти сподвижников захватил контроль над страной. Он совершил бескровный переворот и сверг бездарного короля Идриса, который в то время имел под ружьем двадцать тысяч гвардейцев. Так Каддафи начал долгую и плодотворную деятельность в качестве лидера одной из ведущих нефтедобывающих стран мира.

Так что? Он занимает свое место уже шестнадцать лет – дольше, чем большинство остальных лидеров в сегодняшнем политическом мире, за исключением Альфреда Стесснера в Парагвае, Фердинанда Маркоса на Филиппинах и Фиделя Кастро на Кубе – примечательно, что среди политических долгожителей нет ни одного классического демократа.

Шестнадцать лет – большой срок в этой лиге и в этом столетии. Нам кажется, что Рональд Рейган стоит у штурвала уже целую вечность, а на самом деле – всего пять лет. Джон Ф. Кеннеди провел на посту президента меньше трех лет и был убит, а Уинстона Черчилля отправляли в отставку дважды, и каждый раз срок его премьерства был короче пяти лет.

На этой скоростной трассе время летит быстро. Юлий Цезарь умер, побыв диктатором пять лет, а отвратительный извращенец Калигула покинул подданных всего через четыре года – как президент США, выбранный на один срок.

Даже Франклин Делано Рузвельт не оставался на посту президента столько лет, сколько загадочный король-пастух Ливии Муамар Каддафи уже записал в свой вахтенный журнал, а ведь ему всего сорок три года. Говорят, что в Ливии у него нет врагов, или, по крайней мере, его враги не живут слишком долго. Режим Каддафи – один из наиболее стабильных в Северной Африке со времен Хайле Селассие в Эфиопии, который продержался сорок четыре года.

Селассие, «Лев от колена Иудина», не считался ни с человеком, ни с Богом, но он недооценил невежественных головорезов, и они свергли его, как за несколько лет до того свергли Муссолини.

Правление Селассие было хаотичным, а наследие еще хуже, но он сидел в своем кресле дольше, чем кто-либо в этом столетии, за исключением императора Японии Хирохито, который сохранял свой титул пятьдесят девять лет. Рекорд, который может удержаться навечно, учитывая характер и темп развития... И если сегодня есть потенциальный претендент на побитие этого рекорда, то это, вероятно, полковник Муамар Каддафи из Ливии.

Он умнее Рейгана и молчаливее Фиделя Кастро, и в совершенстве постиг философию тирании. Даже немцы не хотят спорить с Каддафи, невзирая на все его преступления.

Может быть, полковник Каддафи действительно так свиреп, вероломен и безумен, как говорит Рональд Рейган, но многие, в том числе наши ближайшие союзники, извлекают пользу из сотрудничества с ним, и, скорее всего, он продержится еще долго, если только его не убьют по приказу Рейгана.

13 января 1986 года

Неспокойное время в Триполи

На прошлой неделе в новостях было много сообщений о насилии, но нашей теме соответствовали лишь немногие из них. Не было крупных бомбардировок, угонов самолетов или массовой резни. Для разнообразия даже в Южной Африке было спокойно, и в Ливане в среду было убито всего несколько сот человек.

«Washington Post» сообщила, что произошедшее неделю назад крушение самолета, в котором погиб популярный певец Рики Нельсон, могло быть вызвано неудачными экспериментами с кокаином на борту. В результате начался пожар, и самолет с семьей пассажирами был обречен. Новость потрясла фанатов Рики Нельсона, для которых он в чистом виде олицетворял американский пригородный подростковый стиль, сложившийся в середине пятидесятых годов. В свое время Рики олицетворял этот стиль на телевидении. Ужасно, говорили фанаты, что Рики бросил их на произвол судьбы, уйдя из жизни в адском наркотическом огне.

Ну что ж... я не принадлежу к их компании. Мы с этим придурком росли вместе, и мне пришлось глядеть на его идиотскую манеру двигаться подобно мухе-дрозофиле так долго, что не хочется даже вспоминать.

То, что Рики был панком, еще не свидетельствовало о его пристрастии к наркотикам. Только бывшая жена и ее адвокат открыто называли его наркоманом. Не было никаких доказательств или хо-

тя бы правдоподобных слухов, свидетельствовавших о том, что он глубоко увяз и у него в любой момент могло снести крышу, что наркотическое пламя способно было разгореться до безумной силы и поджечь самолет в небе, убив его невесту и лучших друзей.

Это обвинение возвращает нас к делу о разводе пятилетней давности. Тогда имелись только косвенные доказательства зависимости Рики от наркотиков – осиное гнездо злых домыслов, как выражаются профессионалы в этой области... Нельзя сказать, что те слухи не похожи на поток диких обвинений, выдвинутых Рональдом Рейганом против ливийского лидера Муамара Каддафи.

На прошлой неделе полковник развлекался: то напускал на других страху, то бил себя в грудь, потом быстро переходил к демонстрации извращенного от природы чувства юмора – так, по крайней мере, видится мне, хотя многие находят в этом нечто другое. В любом случае его шуточки вызывают тревогу.

В Вашингтоне некоторые люди, в том числе крупные демократы, оценивают поведение полковника как последнюю стадию психического заболевания – глубокого и злокачественного, – результатом которого может стать конец света. Так полагает, например, сенатор от Огайо Говард Метценбаум, известный своим юродствующим либерализмом. Особенности личности этого сенатора заставляют вообразить причудливую генетическую мутацию, в результате которой объединились свойства Губерта Хэмфри, Билли Сол Эстеса и сталиниста – погонщика верблюдов из Южного Йемена. Этот давний лоббист Израиля заявил на телевидении, что, наконец, пришло время успокоить Каддафи раз и навсегда – прямой призыв к политическому убийству. «Возможно, мы подошли к такому моменту, – сказал Метценбаум, – когда мистер Каддафи должен быть устранен».

Даже министр обороны Каспар Уайнбергер не захотел заходить так далеко – даже после того, как во время длительной дискуссии с Тедом Коппелом в передаче «Вечерней строкой» полковник сообщил о своих планах уничтожения Шестого флота США и всех нефтяных скважин к востоку от Гибралтара.

Через минуту после этих заявлений полковник заверил Коппела, что абсолютно искренне приглашает Рейгана приехать в Ливию, чтобы посидеть в походной палатке и открыто обсудить все проблемы, как мужчина с мужчиной. Коппел в ответ пригласил Каддафи в Белый дом на обед – без Джорджа Шульца. Польщенный аль-Каид сказал «Почему бы и нет?». Полковник никогда не был западнее Англии, да и там – давным-давно и всего полгода, причем все это время он просидел в мерзкой полуподвальной квартире в Бриксто-не – так что, похоже, ему было приятно, когда Коппел пригласил его в Вашингтон. Как выражаются дипломаты, произошел «многообещающий обмен», а некоторые даже говорили о «прорыве».

Ну и ну! Пора закругляться с теледипломатией. Не прошло и суток, как полковник переместился в свою вторую ипостась – вновь стал «мистером Хайдом» – и заявил, что Рейган – нацистская свинья, которую надо предать международному суду за военные преступления. Он снова назвал президента «вонючим деградировавшим крестоносцем» и «стареющим третьесортным актеришкой», который еще хуже, чем старые фильмы с его участием, не сходящие с экранов ливийского телевидения.

Еще Каддафи призвал к формированию интернациональных бригад из добровольцев. Они должны присоединиться к террористическим «группам смертников», которые нанесут сокрушительные удары по всему миру, если США атакуют Ливию.

Коппел не нашел, что ответить. Шульц весь вечер хохотал в своем офисе в Фогги-Боттом, а Каддафи, по его словам, получил десять тысяч заявлений от добровольцев менее чем за сорок восемь часов.

Мой друг Скиннер не записался в их ряды; он отправился в Северную Африку с другой целью. Прошлой ночью он позвонил из аэропорта Сиэтла и сказал, что ночью улетает чартерным рейсом через Северный полюс в Амстердам, затем – в Каир, где его группу, в которую входят главным образом молодые американские школьные учительницы, должны встретить люди полковника и доставить на скоростном катере в ливийский порт Бенгази.

По его словам, из-за внезапного наплыва странных авиапассажиров, направляющихся в Триполи, египтяне занервничали. Холл для транзитных пассажиров в каирском аэропорту переполнен гнусного вида молодыми людьми в темных очках. В руках у них длинные спортивные сумки из гор-текса с застежками фирмы «Харлей-Дэвидсон», а на шее – медальоны с выгравированными идентификационными номерами «солдат удачи». От этих парней просто несет мертвечиной. Они расплачиваются швейцарскими франками, и у многих есть ливанские паспорта. Складывается откровенно гнилая си-

туация.

– Это ненадолго, – заверил меня Скиннер. – Все дело воняет, как тухлая селедка. Как только Каддафи увидит этих головорезов с куриными мозгами, которые говорят, что готовы погибнуть за него, он посадит их в тюрьму или, по крайней мере, попытается это сделать – и вот тогда начнутся настоящие неприятности. Большинство этих людей – криминальные подонки; их не нанимают на работу даже в Южной Африке.

По его расчетам, все закончится недель через шесть, и имя Каддафи исчезнет из газетных заголовков.

– Он дилетант, – сказал Скиннер. – Все претензии политиков сводятся к тому, что он слишком много говорит. Болтовня сейчас – худший проступок в напряженной арабской

политике. Каддафи не вызывал тревоги, пока втихую занимался терроризмом, но когда он начал говорить об этом каждый вечер на международном телевидении, все занервничали. Теперь его называют психом. И на него наденут смирительную рубашку, так или иначе.

Я повесил трубку и вернулся к работе. Скиннер слишком глуп, чтобы его вылечить, и достаточно умен, чтобы о нем беспокоиться, а его работа меня не интересовала.

Хотя сегодня в Триполи спокойно, скандал скоро наберет обороты. Даже маньякам надо время для подзарядки, но случается редкий каприз природы, когда все они уходят на длительные каникулы одновременно. Так что любой, кто потратил хоть сколько-то времени на изучение истории войн, скажет, что внезапный покой, наступивший без видимых причин, говорит о том, что надо сконцентрироваться и собрать силы. Очень скоро произойдут ужасные и отвратительные события.

3 января 1986 года

Непотребная слабость

Суперигра в Чикаго была намечена на вечер воскресенья. В тот день стояла неприятная пасмурная погода. Вначале шел снег, потом все затянуло холодным туманом, а когда стемнело, с озера подул ледяной ветер. Сочетание холода и ветра было особенно отвратительным, но местные жители не обращали на погоду внимания: они рвали на себе майки, поливали пивом женщин и, словно гиены, дико бегали по улицам, предвкушая еще одну великую победу.

К тому дню у меня накопилось много разнообразных проблем. И все они, так или иначе, были связаны с азартными играми. Суть дела заключалась в том, что, проснувшись утром в воскресенье, я с беспокойством вспомнил о тотализаторе, где поставил на победу «Новой Англии» с перевесом в 13 очков. И это начинало меня тревожить. Ставки я делал, последовав совету преподобного Десмонда Туту, англиканского епископа и лауреата Нобелевской премии мира из Южной Африки, который в пятницу произнес речь в Чикаго.

Епископ Туту говорит с акцентом или, может быть, неверно ставит ударения. Он посоветовал мне, по крайней мере, так я его понял, держаться подальше от «Медведей», что раздражало мой основной инстинкт игрока и шло вразрез со всеми моими расчетами. До встречи с Десмондом я ставил на «Медведей» и не беспокоился об очках...

Казалось очевидным, что «Медведи» запишут еще одну победу на свой счет, а моя затея станет предметом для шуток. В этом сезоне они выиграли все основные игры в НФЛ, а их единственный проигрыш был, скорее, результатом беспечности или пресыщения успехом, а не признаком слабости. Инстинкт подсказывал мне, что надо ставить на победу «Медведей» с перевесом в 20 очков. А потом можно даже не смотреть игру.

Но когда епископ остановил на мне свои маленькие блестящие глазки и произнес что-то вроде «каркнул Ворон: “Никогда”», я счел это серьезным знаком: «Поставь против “Медведей”».

Но я волновался, и к субботнему вечеру моя решимость испарилась. В телефонных разговорах я нес всякий бред, и умные люди хохотали, узнав, что я изменил свои ставки на основании слов южноафриканского епископа, который ни разу даже не видел футбольный матч.

В конце концов, мой старый друг Крейг Веттер обратил мое внимание на то, что в словах Десмонда не было ничего, что могло быть истолковано как указание ставить против «Медведей». В его речи содержалось только моральное предостережение: «Держись подальше от азартных игр», что не имеет никакого отношения к вопросу, на кого и сколько ставить.

Может, я на самом деле сошел с ума? Первоначальные ставки были продиктованы накопленной

за всю мою жизнь спортивной мудростью. Как я мог изменить свое решение из-за слов какого-то жалкого невежды?

Всю ночь Веттер смеялся над моей причудой, и в воскресенье к полудню я выгреб остатки своих денег, поставил на «Медведей» и перевес в 10 очков. Я надеялся уравновесить возможные проигрыш и выигрыш – старый трюк опытных игроков, позволяющий получить деньги независимо от того, на чьей стороне окажется победа. Если «Медведи» выиграют с перевесом в 11 или 12 очков, я отправлюсь домой без потерь – и такой вариант не исключался. Кроме того, я поставил крупную сумму на то, что игра закончится при отношении очков семь к одному, и еще поставил на то, что Уолтеру Пейтону не пройти 100 ярдов... Таким образом, к началу великого матча, начавшегося в воскресенье вечером, я был прикрыт по многим направлениям, а Десмонд летел в реактивном «Конкорде» где-то над Атлантикой – в Париж и Кейптаун.

Посмотреть игру по телевизору можно было много где, но для моих целей лучше всего подходил сорокафутовый экран «Даймонд-Вижн» в центре города, на Дейли-Плаза, где стоит совершенно идиотская здоровая железяка работы Пабло Пикассо. В тот день статуя с удивлением смотрела сверху вниз на шумные толпы, которые стекались всю неделю из мест вроде Сичеро или Гейлсбурга. Люди набивались на площадь, как стаи леммингов, не обращая внимания на опасные для здоровья холодные вихри, которые неслись с озера, как кошмарные замороженные зомби из «Кремации» Сэма Макги.

Ничто в мире не может сравниться со стужей, которая пронизывает вас отвратительным зимним днем в Чикаго. Страшная боль. Что-то подобное испытываешь от погружения в ледяную воду или от ожога... Но для этих людей боль – пустяк. Они срывали с себя одежду, бегали по площади и танцевали, совершенно игнорируя холод и трансляцию игры. Потом, вечером, по радио сказали, что на площади собрались трансвеститы, никчемные бродяги, приехавшие из других городов. Эти люди зарабатывают на жизнь продажей промышленного эфира в склянках, а по ночам истязают собственных собак, чтобы снять ужасное психическое напряжение, вызванное их положением отбросов общества.

Исход был ясен к середине игры. «Медведи» вели со счетом 23:3, и разрыв продолжал быстро увеличиваться. К концу матча половина толпы разошлась, а те, кто остался, напились вдрызг.

Когда мы уходили с площади, к нам присоединился парень по имени Уиллис, чье лицо показалось мне смутно знакомым. Парень утверждал, что он друг Майка Дитки. Я сразу почувствовал, что он чем-то сильно озабочен. Так и оказалось на самом деле. Он рассказал, что жена бросила его и поселилась в пентхаусе на Лейк-Шор-драйв с тремя «Медведями» – два наглых скота входили в основной состав, один был в резерве команды.

Большую часть сезона она была у них вроде талисмана команды, а потом они грубо выкинули ее и запретили появляться в лагере «Медведей» в Новом Орлеанс. Она не сделала ничего плохого, только сблизилась с молодым линейным защитником из резервного состава. Он обещал жениться на ней, как только его положение прояснится.

– Эта сука сводит меня с ума, – сказал Уиллис. – Я постоянно вижу, как она шляется по каким-то непотребным притонам на Дивижн-стрит, одетая в свитер Кевина Батлера – шестого номера. Она носит этот свитер как платье, а я вижу отвратительные сны.

Его руки дрожали, а глаза были похожи на недозрелые помидоры.

– У меня дурное предчувствие, мне кажется, что она совершит какой-нибудь отчаянный поступок, – продолжал он. – Мне необходим чей-то совет. Что бы вы сделали в такой ситуации?

Я засунул руки глубже в карманы своего вечернего пиджака «Палм-бич», поеживаясь от холода и страха. Его история была слишком серьезной, чтобы в нее вникать, а я опаздывал на ужин с Веттером в «Памп-Рум».

Уиллис повторил свой вопрос, и я видел, что он ждет ответа.

– Позвони моему другу, епископу Туту, – сказал я. – Он всегда давал мне ценные советы.

27 января 1986 года

Последний поезд из Чикаго

Он подошел ко мне в холле вокзала Юнион-стейшн и представился как друг Джона Мэддена. Судя по физиономии, приятель Мэддена был большим любителем виски.

– Я собирался здесь встретиться с Джоном, – сказал он. – Наш поезд на Западное побережье от-

правляется в два тридцать. – Он с тревогой посмотрел на свои ручные часы. – Может быть, Джон решил ждать меня в поезде, – сказал он. – Думаете, он уже в вагоне?

– Будем надеяться, – ответил я. – Проклятый поезд отходит через двенадцать минут. Буду считать, что мне крупно повезло, если на него успею.

Я толкал большую тележку с багажом и не имел представления, какой из множества тоннелей ведет к платформе калифорнийского «Западного ветра». А Мария куда-то испарилась со всей нашей наличностью и билетами.

Приятель Мэддена все еще трусил рядом со мной.

– Я увидел, что на вас куртка «райдеров», – сказал он. – Поэтому я решил, что вы могли видеть Джонни.

– Пока нет, – сказал я. – И это не «райдерская» куртка. Это память о полете «Аполлона-11».

Он наклонился поближе, чтобы рассмотреть нашивку на плече моей серебристой куртки, похожей на одежду астронавтов.

– Орлы приземлились, – вслух прочитал он. – Да, сэр! Черт возьми, я помню этот полет. Вы – тот парень, который ходил по Луне?

Я кивнул. Марии нигде не было видно, а наш поезд отправлялся через девять минут, причем неизвестно с какой платформы. В любом случае, на платформу меня бы не пустили, потому что у меня не было ни билета, ни денег.

Я посмотрел на любителя виски с новым интересом.

– Я познакомился с Джоном в Окленде, – сказал я. – С какой платформы мы отправляемся?

– С двадцать второй, – ответил он. – Мы опаздываем. Давайте я помогу вам с сумками.

Он ухватился за переднюю перекладину моей тележки с багажом, которая была размером в две ванны, и поволок ее через толпу на предельной скорости с криком «Дорогу! Дорогу Джону Мэддену!»

Я застенчиво следовал за ним в кильватере, решив, что он почти наверняка пробьется к двадцать второй платформе, а уж тогда мы точно сядем в поезд.

В конце концов, он ехал к побережью вместе с Большим Джоном! У нас не будет проблем у входа на платформу, с билетами или без... Наш поезд отходит через семь минут; времени на проверку рекомендаций от Джона Мэддена не останется.

– Джонни будет в клубном вагоне, – сказал любитель виски. – Мы занимаем целый вагон в конце поезда, но потом

Джонни всегда уходит в бар. Я достаточно с ним поездил.

Это хорошо, подумал я. Тут на нас налетел вокзальный служащий, одетый в красную форму, посмотрел на нас безумным взором и закричал:

– Отойдите от багажа, это вещи Джона Мэддена! Ну-ка, покажите ваши билеты.

Я многозначительно улыбнулся своему спутнику.

– Мы – с Джоном, – сказал я. – Билеты у него. А это часть его багажа с Суперкубка.

Парень из «Амтрака» ухмыльнулся.

– Не морочьте мне голову, – отрезал он. – У вас, ребята, есть билеты или как?

Сейчас я смутно помню дальнейшие детали. Ситуация менялась молниеносно. Мой новый приятель дико огляделся, потом неожиданно сложился пополам и прижал обе руки к животу.

– Позвоните Джонни! – простонал он. – У меня опять приступ!

Тут появилась Мария, маша стопкой билетов, и работник «Амтрака» неохотно пропустил нас на перрон. Внезапно материализовался настоящий Джон Мэдден и взял тележку со своим багажом под собственный контроль.

– Поторопимся, – скомандовал он. – Ну-ка, народ, надо пошевеливаться. Этот поезд отходит точно по расписанию.

Мы заспешили вдоль платформы, что-то смущенно бормоча, и добрались до большой двери своего спального вагона – последнего в составе – за тридцать секунд до отправления. Я услышал свисток со стороны головы поезда и шипение воздуха в клапанах. «Западный ветер» тронулся.

Множество рук подняли наш багаж в вагон, и через несколько секунд мы уже неслись через заброшенный район, этот мертвый пустырь, оставшийся от промзоны, когда-то крупнейшей к западу от Уолл-стрит. Когда выезжаешь из Чикаго по железной дороге, получаешь полное представление о со-

циоэкономических событиях недавней американской истории: миля за милей тянутся мертвые заводы и склады, огромные заброшенные кирпичные корпуса с заколоченными окнами и вывесками вроде «Симак мясо» и «Корпорация Адаме – прессованный металл».

Мы начали располагаться в нашем спальном вагоне-де-люкс № 3530: регулировать сидения, подголовники и столик для пиццущей машинки, расположенный рядом с большим окном. Внезапно я почувствовал, что мы с Марией не одни. На полу стоял убогий старый чемодан, который был мне незнаком, а в купе появился еще один человек.

Это был приятель Мэддена. Он проскользнул в купе и закрыл за собой дверь.

– Боже правый, парень! – сказал он, садясь на край сидения. – Ну, ты точно серьезный путешественник. Я думал, у меня ни за что не получится поднять все эти вещи в вагон!

– Где Джонни? – спросил я.

– Не беспокойся, – сказал он, закуривая мой «Данхилл». – Я его найду. Разрешите мне посидеть здесь пару минут или, по крайней мере, пока не проверят билеты.

Я дал ему затрещину, и внезапно он совершенно пал духом.

– Пожалуйста, – забормотал он, – не выдавайте меня! Завтра я должен быть в Калифорнии, иначе отменят мое досрочное освобождение из тюрьмы.

Он упал на сидение и зарыдал.

– Простите, что я врал вам, – простонал он. – Но мне надо было убраться из города. За мною гнались, и, кроме того, вы выглядели как фанат «райдеров» – ну, я и подумал, что вы меня поддержите.

Я скорбно покачал головой и достал из своей кожаной походной сумки маленькую пластиковую карточку, которую я давным-давно, еще во времена Никсона, прихватил на слете Национальной ассоциации прокуроров в Лас-Вегасе. На карточке стояло: «ТОМПСОН ХАНТЕР – ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ». Под именем была маленькая полицейская эмблема с серебряными весами посередине.

Любитель виски увидел карточку и пришел в бешенство.

– Ты – лживый ублюдок! – завопил он. – Я знал, что с тобой что-то не так! Ты – коп! Ты никогда не был другом Джона Мэддена. Друг Джона не подвел бы меня!

Он вскочил с сидения и схватил мою бутылку «Чиваса».

Последовала короткая схватка, потом проводник. Франк Томпсон, принес веревку. У меня не было выбора. Когда мы выкинули любителя виски из поезда в Напервилле, он все еще проклинал меня за предательство того, что называл «духом “райдеров”».

В каком-то смысле он был прав; смутное чувство вины продолжало беспокоить меня, пока «Западный ветер» мчался в направлении Гейлсбурга, Монмаут и реки Миссисипи, которую мы должны были пересечь по расписанию, на закате солнца.

3 февраля 1986 года

Убивай их, пока они не открыли пасть

Затишье в новостях – в журналистике обычное дело. В такие дни – обычно это вторники, среды и субботы – Джордж Джонс и Энгус Дрю вяло беседуют в «Вечерних новостях на Эй-би-си» с Питером Дженнингсом, а Дэн Ратер начинает свою программу с рассказа о китайских пандах в вашингтонском зоопарке, которые отказываются спариваться на виду у глазющей и улюлюкающей толпы.

Си-эн-эн заполняет «13 минут» жестокими сюжетами на тему «смерть и секс в восьмидесятые». Джерри Фолуэлл читает лекции об ужасах герпеса, СПИДа и трагической эпидемии беременностей у девочек-подростков, а Том Брокоу, засыпая перед камерой, бормочет о потерявшихся собаках, раке губы и крупных изъянах в законе Грэмма-Радмена.

Спокойные дни нередки, они составляют примерно половину всех дней в году, это подтвердят телередакторы и люди, зависящие от новостей как от наркотика... Но каждый раз через некоторое время сонное равновесие нарушается, восемь или девять больших событий прессуются в один ком, и эта лавина обрушивается раньше, чем люди типа Ратера или Брокоу успевают добраться до работы; а к закату солнца ситуация становится совсем безумной.

Прошлая пятница была одним из таких дней – истинный ураган новостей, который сам себя за-

ряжал энергией. Мой список сюжетов рос с каждым часом. Утром я собирался сделать давно намеченную работу: написать остро политическую статью о запланированном – Рейганом, Грэммом и Радменом – убийстве «Амтрака», нашей национальной железнодорожной пассажирской системы.

Они обосновывают целесообразность уничтожения «Амт-рака» логическими аргументами, достойными всех великих жлобов, начиная с Эбенезера Скруджа. Хорошая тема, хотя и не выделяющаяся из общего ряда. Но к полудню моя голова шла кругом от новых поступлений, и «Амтрак» оказался далеко за бортом.

Утренние передачи кормились с большого блюда: в суде обсуждалось несоответствие конституции закона Грамма-Радмена; младший Дювалье, Бэби Док, сбежал с Гаити после того, как толпы начали грызть кости его папочки; президентские выборы на Филиппинах превратились в разгул мошенничества и насилия.

Ошеломлен был даже Питер Дженнингс. Он беспомощно что-то мямлил перед камерой в Маниле – после того, как головорезы утащили избирательные урны в неизвестном направлении. Официальный наблюдатель от США, сенатор Ричард Лугар (когда он был мэром в Индианаполисе, его называли «любимчиком Ричарда Никсона») пришел в смятение от вопиющего нарушения демократического избирательного процесса и, выступая по международному телеканалу, резко осудил президента Фердинанда Маркоса – поступок, который может угрожать всему военному присутствию США в Юго-Восточной Азии, если Маркое все же украдет победу.

Даже этих новостей хватило бы для насыщенного дня – но часы шли, и поступали все новые известия:

В субботу праздновали день рождения Боба Марли, и еще Джеймса Дина; Клинт Иствуд предпринял нелепую затею: выставил свою кандидатуру на выборах мэра в Кармеле; в Чикаго Майк Дитка назвал бывшего тренера защитной линии «Медведей» Бадди Райана шоу-кабаном, которому стали малы его бриджи.

Райан уже переманил с собой тренера принимающей линии «Медведей» Теда Пламба, чтобы в следующем сезоне вместе заняться злополучными «Филадельфийскими орлами», а теперь, по слухам, Бадди принялся раскалывать ядро защиты «Медведей».

Защитники из стартового состава Гэри Фенсик и Дэйв Дьюрсон имеют возможность свободного выбора команды; Ричард Дент, один из лучших игроков Суперкубка, все еще не заключил контракт; а средний линейный защитник Майк Синглтери еще раньше неоднократно говорил: «Если Бадди Райан уйдет, я хотел бы отправиться вместе с ним».

Чересчур сильное потрясение даже для команды-чемпиона. Для «Медведей» удачей будет, если они в следующем году пройдут серию игр на выбывание. Игроки вроде Дента, Фен-сика и Синглтери – не мелкие сошки в хваленной «Защите 46», которая во время Суперигры сделала посмешище из банды полубезумных невротиков с окраин Бостона. Спортивный обозреватель из Филадельфии, например, писал: «Синглтери стал причиной наркопроблемы у “Патриотов”- от его игры они по всему полю впадали в ступор, как от хорошей дозы».

После той игры Раймонду Берри придется на некоторое время умолкнуть. Сегодня «Патриоты» – тонущий корабль. Им не пробиться в заключительный круг еще лет двадцать.

В пятницу произошло много новых событий. Голый Фидель Кастро плавал с двумя сотнями слепых мексиканских детей на общественном пляже в Гаване; Муамар Каддафи угрожал убить каждого еврея, который попытается пересечь Средиземное море; а фрицы в Южной Африке выпустили на свободу Нельсона Манделу...

Но все это стало неинтересно, когда грохнулся Большой Сапог. Это случилось в конце дня. К этому времени из-за свиного гриппа или другой заразы у меня совершенно пропал голос.

Из Майами позвонил Скиннер и сказал, что уже забронировал для нас номера в «Клуб Мед» на первую неделю гаитянского карнавала.

– В Порт-о-Пренсе будет классно, – сказал он. – У меня здесь наготове чартерный самолет. Сколько тебе надо времени, чтобы сюда добраться?

– Приехать-то я могу быстро, – ответил я. – Но у меня нет паспорта. У меня его украли в Спэниш-Велле.

– Паспорт не нужен! – закричал Скиннер. – Никто его даже не спросит. Повстанцы разогнали полицию. Правительство разбежалось. Теперь там нет вообще никаких законов. – Он хрипло засмеялся, и я услышал, как он бросил лед в стакан. – Я там знаю нужных людей, – сказал он. – Мы смо-

жем попасть, куда захотим.

В этот момент я смотрел по телевизору новый сюжет, в котором Бэби Док, пригнувшись к рулю своей «BMW», пробирался через озлобленные толпы в аэропорт, откуда он собирался улететь во Францию. Диктатура Дювалье, более старая, чем двадцатилетнее правление Маркоса в Маниле, в конце концов рухнула, и на Гаити наступило безвластие.

По словам Скиннера, была еще проблема вуду – из сельских районов приходили зловещие сообщения о зомби, бесцельно блуждающих по полям. Эти «умертвии», как выражаются специалисты, представляли собой оживленные с помощью магии трупы – вырытые из могил и приспособленные собирать урожай агавы.

Все эти рассказы официально проверены американскими медицинскими экспертами, утверждал Скиннер. Местные жрецы вуду создали чудовищные лаборатории, где производили все: от мячей для бейсбола до качественного рома и фирменных штанов.

Полная бессмыслица, но – сюжет, который трудно игнорировать.

– Все подтверждено расследованием ЦРУ, – заверил Скиннер. – Могу свести тебя с крутыми парнями – жрецами вуду и мастерами зомбирования.

Почему бы и нет? Прикинем. Пожалуй, сейчас самое подходящее время для путешествия на Гаити. Я велел Скиннеру задержать отлет до моего приезда и договорился в Майами насчет наличных. Мы будем в Порт-о-Пренсе сегодня к ужину.

10 февраля 1986 года

Четыре миллиона бандитов

Всю прошлую неделю на Гаити никто не улыбался. Революция получилась не очень красивой. У всех снесло крышу, карнавал был отменен, и по улицам бродили кроважанные толпы. Диктатор-яппи, Бэби Док, сбежал из страны, и нация, наконец, ощутила свободу.

Падение Дювалье – этой династии черных подонков – сопровождали грандиозные празднества. Великое событие праздновали в Бостоне, Бруклине и северной части Майами. Тысячи гаитянских беженцев заказывали билеты на самолеты до Порт-о-Пренса, аэропорт которого до сих пор значится в путеводителях как «Международный аэропорт имени Франсуа Дювалье».

Но ему недолго носить это имя. На прошлой неделе разгромили могилу Старика. Банды обезумевшей молодежи, с кирками и бутылками черного рома в руках, разбили белый мраморный мавзолей Папы Дока на мелкие осколки. А вот костей они там не нашли.

ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА БАНДИТОВ

Никто не знал, куда они делись, но вид пустой гробницы ужаснул толпу. Многие в суеверном страхе упали на колени.

Папа Док исчез. Он был запечатан в прозрачный плексиглас, как пчела, но непонятным образом ему удалось выбраться наружу. В могиле не было и одежды, в которой его похоронили. Пропали даже кнут и сапоги.

Кое-кто говорил, что военные унесли тело и спрятали его в каком-то другом месте, но никто в это не верил. Толпа понимала! В стране, где восемьдесят процентов людей – католики, и девяносто процентов – тайные приверженцы вуду, бесполезно объяснять пустоту склепа, в котором был надежно замурован сам Дьявол, банальной кражей.

Телезапись сцены, последовавшей сразу после вскрытия могилы, запечатлела странное молчание людей, впавших в достаточно долгий ступор. Затем толпа, где было много пьяных, начала безумствовать от ярости и раскаяния.

Старик не ушел. Он остался с ними. Он находился рядом. В том смысле, в котором он сам это понимал, он был здесь. Навеки сохранил свое могущество. Несколько мгновений его тень плавно покружилась над толпой, а затем, как летучая мышь, унеслась, скользя между ветвями аль-биций.

Старик был колдуном, он был мудростью мудрых и богом богов... и что с того, что его сын оказался слабаком? Он ушел. Мистер Рейган отправил его во Францию. Революция закончилась. Теперь нации нужен сильный лидер.

На той неделе у всех нас были проблемы. Три дня продолжалась снежная буря, Ли Якокка¹ (1 Знаменитый топ-менеджер, руководивший автомобильным гигантом «Крайслер» и написавший переведенную на все языки книгу «Как стать миллионером»). Довел компанию до разорения, после чего

был вынужден уйти в отставку, а «Крайслер» спасло правительство США) погорел, а в среду позвонил Скиннер, чтобы сообщить, что нашего пилота арестовали в аэропорту по обвинению в торговле оружием, а человека, которого мы наняли на Гаити в качестве персонального шофера, среди белого дня забили до смерти тонтон-макуты. Наш шофер был связан с вуду, объяснил Скиннер, он убивал из сугубо мистических соображений: черная магия и примитивный культ.

– Давай поговорим о рыбе фугу, – сказал Скиннер, – у нее самый сильный яд в мире: в пятьсот раз токсичнее цианида и в сто шестьдесят тысяч раз сильнее кокаина, если используется как анестетик.

– Хватит нести чушь, – сказал я. – У нас нет ни пилота, ни водителя. Как мы доберемся до Гаити?

– Поездка откладывается на несколько дней, – ответил Скиннер. – Почти все мои знакомые на Гаити убиты.

Но потом Скиннер сказал, что знает адвоката, выходца с Гаити – активиста-эмигранта, который занимается нелегальными морскими перевозками в Ки-Уэст и имеет связи в Порт-о-Пренсе. Он найдет надежного шофера, который встретит нас в аэропорту и окажет помощь в любых вопросах.

– На некоторое время мы ляжем на дно, – сказал Скиннер. – Поболтаемся немного в море, на лодке с Мэлом Фишером. Он добывает изумруды размером с твой палец на глубине в сорок футов всего в нескольких милях от Ки-Уэст.

Я согласился. У нас не было выбора. Скиннер потерял контроль над ситуацией. Трое из его людей были мертвы, а двое – выведены из строя.

Все эти события нанесли нервной системе Скиннера большой урон. Он начал пить скотч пинтами и так колотить кулаками по дубовой двери, что забрызгал рубашку кровью. Адвокат по имени Морис рассказал, что аэропорт на Гаити пока закрыт, но скоро откроется под новым названием: «имени Рональда Рейгана». Комендантский час отменят в пятницу.

– К тому времени на Гаити закончатся убийства, – сказал

Скиннер. – Необходимые нам люди сейчас все еще в подполье. Если мы отправимся туда одни, нас зарежут как кабанов.

Там все еще охотятся на тонтон-макутов, забивая их до смерти прямо на улицах.

Новости о событиях на Гаити были не слишком подробными. Среди немногих съемок, показанных по телевизору, был отвратительный фильм о тонтон-макутах – печально знаменитой тайной полиции, следователях-садистах, которые терроризировали Гаити три десятилетия на правах личного гестапо династии Дювалье. Теперь толпы народа вытаскивали тонтонов из их домов и мачете рубили их на части.

Показывали сцены, в которых людей избивали и подвергали публичной порке, а затем пытали огнем и забивали насмерть камнями. Это происходило всего в нескольких футах от телекамеры. Комментатор срывающимся голосом рассказывал, что все тонтоны, кому удалось убежать, спрятались в горах и отсиживают там, в пещерах, как крысы, со всем оружием, которое они смогли унести с собой. Тонтоны обезумели от страха и будут драться насмерть, как дикие звери.

Это стало серьезной проблемой для правительства. Тайная полиция Дювалье не похожа на обычные правоохранительные органы. Это особый экземпляр, частная армия наемных убийц, головорезов и сыщиков, которые двадцать восемь жестоких лет поддерживали политическую стабильность во всех уголках Гаити, имея полномочия пытать и убивать любого, кто встанет у них на пути.

По платежным ведомостям, обнародованным незадолго до бегства Бэби Дока, на Гаити было пятнадцать тысяч тонтон-макутов – в два раза больше, чем солдат в гаитянской армии, морском флоте и авиации вместе взятых.

Теперь эти обезумевшие от страха убийцы бегают по всей стране, как бешеные собаки. Уотергейтского скандала не случилось бы, если бы Ричард Никсон имел армию телохранителей в два раза больше американских вооруженных сил. Никсон оставался бы нашим президентом до сих пор. А если бы, в конце концов, он был вынужден оставить свой пост, мы столкнулись бы с адским кошмаром – четырехмиллионной бандой хорошо вооруженных, накачанных дешевыми наркотиками головорезов-убийц с приклеенными на лбах и сердцах расценками их криминальных услуг. Трудно представить себе более зловещую язву на теле страны.

Ангелов Ада было не больше пятисот человек даже в лучшие их годы. Четыре миллиона таких ребят создали бы совершенно другую ситуацию.

17 февраля 1986 года

Заметки с поля боя

По воскресеньям парк всегда переполнен.

Так в прошлое воскресенье сказал Фердинанд Маркое. Он беседовал в сдержанной манере, прогуливаясь по балкону своей резиденции в Маниле и пожимая плечами перед телекамерами. При этом у него был вид человека, который никогда не любил воскресенья – и парки, соответственно, тоже.

Фердинанд никогда не был тем, кто гоняет футбольный мяч в Рицал-парк по выходным. Он всегда занят делом, даже на праздник Дня Господня.

Политика. Всегда политика. Если не завтрак с представителем «Круппа» – то телефонный звонок из Сингапура, жалобы на последнюю партию жирных молодых людей, доставленных для правительственных мероприятий, или на цены на оружие в Бельгии.

Для семьи Маркое воскресенье никогда не было спокойным днем, а уж последнее оказалось совсем из ряда вон. Рицал-парк был не просто полон: полмиллиона людей стояли плечо к плечу на боковых дорожках, что выглядело как два или три монолитных блока, – и все они требовали голову Фердинанда Маркоса.

Плохи дела на Филиппинах. Ночью в субботу Маркое потерял контроль над армией, и мятежные генералы принялись созывать пресс-конференции, а в воскресенье началась настоящая свистопляска. Бизнес застопорился; а ведь в этом году президентские лицензии на национальные собачьи бега еще не были проданы.

Фердинанд понимает толк в этом деле – от двух до трех миллионов долларов в год за одно рукопожатие с потеющим круглоглазым посредником, который дальше будет иметь дело со всеми собаками, потом беглый автограф на контракте, умывание рук, уход от деталей или передача их Имельде. У его жены отличные коммерческие способности.

Она отлично поладит с Мишель Дювалье, вкрадчивой и экстравагантной женой обреченного Бэби Дока, когда их, в конце концов, поселят вместе где-нибудь на острове Веско, куда, заодно, надо отправить и шаха.

Нам надо найти прибежище для этих людей. Когда их самолет делает вынужденную посадку, они сами начинают лихорадочно озиаться в поисках места, где можно жить как в прежние времена и общаться с себе подобными.

Отвратительный образ – маленький остров, не принадлежащий ни одному государству, где не действуют договоры о выдаче преступников, где все соседи признаны виновными, и никакое злодеяние не рассматривается как слишком гнусное.

Представьте себе: люди вроде Маркоса, Дювалье, Иди Амина¹ (Иди Амин Дада – диктатор Уганды в 1971-1979 гг.) в одной компании с Бебе Ребозо² (Банкир-мафиозо, доверенное лицо Р. Никсона и друг его семьи.) и Д.Б. Купером³ (Угонщик самолета, при регистрации назвал себя Дэном Купером. Полиция в сообщении для прессы по ошибке назвала его Д.Б. Купером. Совершил уникальное преступление: угнав самолет, он потребовал 200 тысяч долларов и парашют. Получив требуемое в аэропорту Сизтла, приказал взять курс на Мексику, а потом выпрыгнул с самолета над штатом Вашингтон. Несмотря на все усилия полиции, так и небыл найден. Выданные ему деньги нигде никогда не всплыли (прим. перев.) живут в своего рода чудовищной гармонии – со своими слугами и изобилием виски; они навеки отрезаны от тревог внешнего мира.

Использовался Никсоном для «грязных дел» и финансовых махинаций; с помощью завуалированных взяток (например, подарил дочери Никсона Джулии особняк стоимостью 100 тыс. долларов) незаконно получал привилегии для своего бизнеса.

А теперь вернемся к реальности и посмотрим по телевизору новости: несколько сюжетов из Манилы. Обе стороны проявили образцовый экстремизм. Но Фил Хабиб сделал свою работу лучше: Фердинанд отправится на остров Веско еще до следующего полнолуния.

Поверьте мне на слово – и, пожалуйста, перешлите официальную расписку за коричневую сумку с командировочными, которую я вам отправил назад, что было главным образом вопросом дисциплины.

Что касается Гаити: пока нет ни известий от Мика Джаггера, ни свободных комнат в отеле «Грейт Олафссон» – по крайней мере, пока туда не прибудет Мик. Кроме того, мне еще надо повидать

некоторых людей в Майами. Все сложится вместе в нужный момент.

Вчера метель намела в тарелку тонны две мокрого снега. Мне пришлось чистить антенну щеткой.

Съемочная группа снимала мою напряженную борьбу со стихией. Хозяин дома, нацист Джей, вышел на улицу, чтобы поиздеваться надо мной, пока я барахтался в сугробах.

У него не было никаких прав на «Большой глаз». Хорошо, что у него не было также возможности огородить его проволокой: это неизбежно ослабило бы сигнал и нарушило связь.

Мы могли бы сделать это, говаривал босс, но это было бы неправильно. Нет смысла искать что-то в небесах, если у вас нет самого тонкого и чувствительного оборудования.

Прошлой ночью я поймал черно-белый сигнал, который даже не записался. Это был старый концерт Джима Моррисона, может быть, пиратское видео. Такие вещи никогда не удастся выяснить.

Тарелка принимает сигнал с двадцати двух спутников с запада на восток, с интервалом в шесть-восемь секунд – примерно двести каналов, заполненных старыми фильмами, речами фанатичных поборников Иисуса, новостными прямыми включениями из мест вроде Икс-игрек-зет в Детройте, передачами НАСА из Хьюстона и мексиканскими фильмами для сорокалетних мужчин.

Слишком много отбросов – гораздо больше, чем может вынести психически здоровый человек. С правильным оборудованием – или даже неправильным оборудованием, но искусными руками на пульте управления – вы можете найти собрание речей Генри Киссинджера, лицензионную версию «Глубокой глотки» и «101 знаменитую игру Харлема Глобетроттера». Этому нет конца: все дни и все ночи без сна в режиме безостановочного автореверса.

Но вы не найдете там концертов Джима Моррисона. Они уникальны – незамысловатые черно-белые кадры с Бешеным Джимом на сцене, старые добрые дни, его голос, как у Фреда Нила, его глаза, пронизательнее, чем у Джеймса Дина, и его группа, которая была достойна своего Короля. В моменты подъема The Doors становилась лучшей группой в мире.

Понимание своих возможностей не давало Моррисону покоя всю жизнь. На концертах он был иногда шумным и непристойным, иногда – просто рутинно отработывал программу – но обязательно через некоторое время заводился, выходил и танцевал вместе с группой и публикой, и тогда он был более чем уникален. Джим Моррисон мог встряхнуть кого угодно.

На днях мы обсудим имена, которые должны быть записаны в Зале славы настоящего рок-н-ролла – живого, изменчивого королевства, расположенного за пределами владений Элвиса, Чака Берри и Литтл Ричарда, – и тогда разговор пойдет о таких именах, как Боб и Мик, и таких мелодиях, как моррисоновский «ОТЕЛЬ».

Слушайте их иногда. Возьмите огромный старый, сжигающий проводку усилитель «Макинтош» и пару мощных колонок, поставьте их в большом пустом доме. Потом встаньте на другом конце зала и почувствуйте, как музыка поднимается через ваши бедра... хо, хо... и потом вы можете уверенно говорить, что однажды слышали, как играют настоящий рок-н-ролл.

24 февраля 1986 года

Гонзо – спасение затонувших ценностей

Шугарлауф-Ки, Флорида. Сегодня вечером телевизоры не работают. Экраны почернели на середине очередной серии «Майами, полиция нравов», как раз в тот момент, когда Дон Джонсон подстрелил кагэбэшного киллера из своего суперсовременного пистолета.

Потом шторм усилился, а настроение людей стало резко падать. Эти недоумки начали избивать друг друга акульими баграми в ночных барах и придорожных тавернах, стоящих вдоль хайвея А1 А. Местные жители могут вынести почти все, но только не срыв трансляции «Майами, полиции нравов».

В такие ночи лучше не отвечать на телефонные звонки. Они могут означать только неприятности: или вашего приятеля прибило на дороге рухнувшим электрическим столбом, или береговая охрана хочет сообщить, что ваш катер украли наркоманы, и минуту назад ворюги передали по радио, что тонут где-то недалеко от Санд-Ки, и что вы – их местный финансовый поручитель, который оплатит спасательную операцию.

В моем случае, речь шла о кораблекрушении, которое потерпели какие-то залетные недоумки. Мне сообщили, что 88-футовая прогулочная моторная яхта под названием «Там-пабей куин» натолк-

нулась на риф в Хоук-ченнел. Все матросы покинули судно.

Оказалось, что на корабле было всего три человека. Их доставили на берег, и теперь они возбужденно несли какой-то бред о зеленых акулах и коралловых отмелях. Они путано описывали, как их корабль разваливался на части подобно спичечной коробке, как они звали на помощь, отчаянно крича в вышедшее из строя радио.

«Почему бы и нет?» – подумал я. Мы, в конце концов, занимаемся ремеслом – и, кроме того, за свою жизнь я не написал ни одной статьи о кораблекрушении, пусть даже маленьком... кроме того, вокруг болтали о «потерянном грузе» и жестоких законах, утверждающих «права спасателя».

Ни один из этих предметов не казался достаточной причиной, чтобы выходить на улицу в шторм, но ремесло подчиняется собственным законам. Через некоторое время, около полуночи, я обнаружил, что разговариваю с незадачливыми мореплавателями в местном мотеле, где они нашли приют на ночь... а вскоре я был так захвачен этой историей, что нанял 36-футовый катер-«ракету» и на рассвете вместе с капитаном потерпевшего крушение парусника отправился к обломкам, чтобы собрать имущество, которое еще можно было спасти.

– Нам надо двигаться быстро, – сказал капитан, – чтобы добраться туда раньше людоедов. К полудню они разденут яхту догола.

Яркое солнечное утро было жарким. Шторм закончился, и волны в проливе уменьшились до трех футов. Такое волнение на море – для быстроходной «ракеты» пустяк. К моменту, когда мы вышли из бухты, наша скорость достигла сорока миль в час, и через сорок минут мы пришвартовались к «Тампа-бей куин». Яхта сидела днищем на рифе, наклонившись под углом в сорок пять градусов; в корпусе зиял большой разлом.

Не было надежды спасти что-нибудь, за исключением новых нейлоновых парусов, мотора и шести никелированных лебедок, каждая из которых, по словам обезумевшего от горя капитана, стоила пять тысяч долларов. Следовало заняться также 80-футовой мачтой из тика, которую можно было продать в Ки-Уэст по сто долларов за фут. Кроме того, мачта привлекала внимание своей красотой и изяществом.

Когда мы вскарабкались по крутой заиленной палубе, капитан сказал, что нам надо срезать паруса ножом, а своего первого помощника отправил к лебедкам.

– К черту отвертку, – крикнул капитан. – Просто выломай их топором!

Первый помощник не был настроен выполнять приказ капитана. Он заявил, что ему не платят денег уже три недели. Кроме того, на нем были забавные черные кожаные ботинки с высокими каблуками и скользкими кожаными подметками. Из-за них он постоянно поскользывался и терял равновесие. Время от времени мы слышали крик, а потом – всплеск от падения в воду. Большую часть времени я занимался тем, что втаскивал помощника обратно на палубу; в конце концов, мы с капитаном привязали его стальным страховочным тросом к мачте, что дало ему возможность сосредоточиться на работе.

К тому моменту мне уже надоело потеть, а притягательная таинственность нелепого кораблекрушения давно улетучилась. Капитан – свинья, его первый помощник – сорокалетний юнга из Нью-Джерси, а корабль, скорее всего, краденный... Тем не менее, я здесь, в открытом море с этими людьми, с раннего утра занимаюсь физическим трудом, и все суставы на моих руках сбиты в кровь. Я почувствовал, что пора выпить пива.

Осторожно, как краб, я стал перемещаться по палубе, целеустремленно продвигаясь к переносному холодильнику с холодным пивом, который мы оставили на «ракете». Вот тогда я и увидел приближавшихся стервятников. Они сделали вокруг нас несколько кругов – два голых по пояс бандита в небольшой лодке. Капитан сразу их узнал.

– Помогите нам, Господи, – пробормотал он. – Пришли. Те самые, которых я боялся.

Он нервно поглядел на двух здоровенных бугаев в людоедской лодке и сказал, что ясно видит в их глазах намерение взять нас на abordаж и присвоить себе все добро с корабля.

– Эти ублюдки хуже пиратов, – сказал капитан. – Может быть, нам придется сражаться с ними.

Я пожал плечами и двинулся к холодильнику с пивом. Было очевидно, что капитан сошел с ума, а я потерял ощущение Сюжета. Все, чего я хотел, – это банка холодного пива.

Но пока я добирался до «ракеты», головорезы завершили маневры и пришвартовались рядом. Влезая на борт между мною и ящиком пива, они улыбались как волки. Я глядел на них и про себя клялся никогда больше не поднимать телефонную трубку после полуночи.

– Это было ваше судно? – спросил один из них. – Мы всю ночь слушали по радио ваши вопли. Это был просто позор.

Следующие несколько минут были довольно напряженными, но, когда они истекли, у меня появились два новых партнера и собственный бизнес по спасению имущества жертв кораблекрушения. Условия соглашения не были окончательно доработаны, но его дух был глубоко гуманным.

Капитан вначале отказывался от сотрудничества и хрипло визжал с другого конца корабля, что у него есть друзья в Тампе, которые скоро приедут и всех нас убьют...

Но здесь, на побережье, все так говорят, поэтому мы не стали обращать на него внимания. Выпив все пиво, мы заключили трехстороннее соглашение, по которому капитану предоставлялось время до заката солнца, чтобы забрать все, что он хочет, а потом корабль переходил в наши руки.

Это морской закон, сказали мои новые партнеры. Цивилизация кончается за ватерлинией. За этой границей все мы вступаем в пищевую цепочку, причем не всегда попадаем точно на ее верхушку.

Казалось, что капитан через некоторое время понял это так же, как и я. Его счастье, если он привезет на берег хоть что-нибудь, а я радовался, что мне не перерезали глотку.

Когда мы высадили капитана в порту, где он быстро продал все, что привез, за пять тысяч долларов наличными какому-то кубинцу, почти стемнело. Океан-отец еще раз одержал победу, а я теперь занимался бизнесом спасения имущества жертв кораблекрушений.

3 марта 1986 года

Спасение затонувшего имущества – не мародерство

– Команда провела голосование, и девушка проиграла, так что мы продали ее за два ящика пива на первую лодку, которую встретили за сотню миль к северу от Арубы. Ловцам креветок из Саванны. Они возвращались в порт... Это было четыре года назад, но девушка до сих пор находится в психиатрической клинике недалеко от Уэст.

Капитан лодки из Ки-Уэст

Ки-Уэст, Флорида. Сегодня вечером штормит. Приближается еще один холодный воздушный фронт, и северный ветер закручивает белые барашки на верхушках волн. «Ма-ко», привязанный канатом к дереву прямо напротив моей двери, яростно дергается, как дикий зверь, пойманный в ловушку. Время от времени я выхожу, чтобы проверить узлы. От рывков каната с дерева слетает кора, а мой новый японский ветровой конус под порывами ветра разлетелся в клочья.

Соседей раздражают мои проклятия и крики, но их жалобы похожи на лай глупой собаки, лишенный смысла. Эти люди не моряки. Лодки интересуют их только тогда, когда они хотят арендовать одну из них для морской прогулки, а во время шторма они прячутся в своих комнатах, как домашние кошки.

У меня другое положение. Теперь мой бизнес – спасение имущества жертв кораблекрушений, а жестокие шторма – живительная кровь нашего ремесла. Такова природа профессионального спасателя имущества – питаться смертями и бедствиями.

Мы с моими новыми партнерами быстро выработали единую точку зрения. Прозорливо сформировали корпоративное прикрытие по нескольким направлениям и распространили сферу наших интересов на коммерческое подводное плавание в рифах и подводную охоту, которые должны были обеспечить постоянный доход, пока мы будем грабить обломки довольно нерегулярно случающихся кораблекрушений и искать затонувшие сокровища.

Капитан Эглин взял на себя заботу о рыбалке и подводных операциях, Безумный Гнусный Брайен должен был заняться грабежом, а я контролировал поиски затонувших сокровищ.

Фортуна повернулась к нам спиной меньше чем через сутки после того, как мы захватили наш первый потерпевший крушение корабль. Элегантная тиковая мачта с погибшей «Тампа-бей куин» оказалась изъеденной от верхушки до основания: длинные спиральные ходы в ней были заполнены термитами, черным порошком и морскими червями. Мачта не представляла никакой ценности, а на следующую ночь останки корабля были дочиста обглоданы парнями, которых мои партнеры называли «грязными ковбоями из Биг-Коппит-Ки». Эта банда, морской вариант Ангелов Ада, терроризировала округу на протяжении многих лет.

– Однажды они за одну ночь обчистили целую подводную лодку, – сказал капитан Эглин. – Военные моряки открыли ее местным школьникам – для экскурсии. Начался шторм, и военные отпра-

вились ночевать на берег. А к утру лодка была полностью разграблена. Даже торпеды исчезли.

В нашем активе, кроме гнилой мачты, было одно старинное пушечное ядро, которое притащил Безумный Гнусный Брайен. Правда, он отказался сказать нам откуда, потому что, как он выразился, у нас могут возникнуть серьезные проблемы с «юридическими обоснованиями».

– Там еще много пушечных ядер, – сказал он. – И еще две медные пушки, но их надо тащить под водой, по меньшей мере три мили, прежде чем мы сможем заявить о наших правах спасателей затонувшего имущества.

Каждая пушка весит около полутора тысяч фунтов, кроме того, из-за кучи запутанных и противоречивых претензий, уже заявленных другими ворами, грабителями и конкурирующими корпорациями искателей сокровищ, их будет непросто продать официально.

– Никто не принимал все это крючкотворство всерьез, пока не появился Мэл Фишер, – объяснил капитан Эглин, – но теперь, если ты не хочешь, чтобы вся федеральная судебная система обрушилась на твою голову, ты не можешь взять ничего древнее зеленой стеклянной бутылки из-под кока-колы. – Он горько засмеялся. – Если мы попытаемся продать это пушечное ядро в городе, Мэл Фишер посадит нас в тюрьму за пиратство.

– Чушь, – сказал я. – Я знаю Мэла много лет. Он будет рад нам помочь.

Они с сожалением посмотрели на меня.

– Мы лучше попытаемся вырвать у живой акулы зуб в качестве сувенира, – сказал Безумный Гнусный Брайен. – В деле спасения имущества жертв кораблекрушений друзей не бывает.

Я позвонил Мэлу Фишеру, и он обещал показать мне свою штаб-квартиру на военно-морской базе в центре Ки-Уэст.

Мы встретились в «Баре двух друзей», шикарной забегаловке на Фронт-стрит, куда после работы заходит вся команда Фишера, потому что, по их словам, пока бар не заполнится посетителями, им дают там бесплатную выпивку.

В те дни Фишер купался в золотых слитках и изумрудах. Он поднял со дна больше сокровищ, чем можно собрать во всех нью-йоркских ювелирных магазинах вместе взятых; незадолго до нашей встречи он в очередной раз появился в передаче «Доброе утро, Америка», чтобы рассказать о новых триумфальных находках.

Несколько лет назад аквалангисты Фишера обнаружили обломки легендарной «Атохи», испанского галеона, затонувшего во время шторма недалеко от Ки-Уэст в 1622 году. Серебро и золото, лежавшие на дне, оценивались в 400 миллионов долларов, но Мэл сказал, что все это корм для цыплят – теперь, после того как он нашел изумруды. «Камни тянут на миллиарды», – сказал он.

Мэл начинал в конце пятидесятых – с магазинчика, где торговал принадлежностями для подводного плавания. Магазин располагался на заднем дворе куриной фермы его родителей в Редондо-Бич. Затем Фишер переехал из Индианы в Калифорнию. Его ждала судьба наследника птицеводческой империи. Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что Мэл нашел более перспективный путь.

Сегодня вечером в гавани стоит двенадцать лодок, и четыре из них наши. Мой 17-футовый катер «Мако» самый маленький из всех, но он очень быстрый и маневренный. Он может пройти везде, днем и ночью.

Безумный Гнусный Брайен привязал свою лодку рядом с ним. Местные рыбаки беспокоятся от одного взгляда на нее, потому что она напоминает им о «старых добрых днях», когда безумными были все вокруг. Это 27-футовая изготовленная на заказ безымянная посуда, оборудованная двойным джонсоновским мотором в двести лошадиных сил; бака хватает, чтобы сходить до Кубы и обратно.

Напротив стоит 23-футовая яхта «Бобби Линн», принадлежащая капитану Эглину, на которой капитан возит клиентов – любителей подводного плавания в рифах. Крайняя в ряду, она окутана туманом и подпрыгивает на волнах, как заколдованный древним заклятием призрак из Ки-Ларго.

Опять пришел этот малый и украл из лодки аккумулятор. Это случилось после обеда, второй раз за последние три дня.

Первый раз он стащил аккумулятор, чтобы его продать. Глупо, конечно, но я, по крайней мере, мог это понять. Парень был просто недоумком, созданием, почти лишенным серого вещества. Он напоминал одну из тех больших ящериц, которые совсем не чувствуют боли, когда им отрывают хвост, или одну из ног, или даже голову – как делают в Чили, – потому что все это отрастет к следующему рассвету и никто не заметит разницы.

10 марта 1986 года

Рассвет в “Бока-Чика”

Ки-Уэст, Флорида. «Бока-Чика холл» имеет несколько характерных особенностей, но, вообще-то говоря, это дикий ночной байкерский бар, куда вы ходите на свой страх и риск, и где с вами могут случиться самые отвратительные происшествия.

Ки-Уэст – последнее звено в причудливой цепи островов, которая, как копчик раздутого хребта Флориды, тянется к югу от Майами, а «Бока-Чика» – единственное место в городе, где настоящие мужчины продолжают веселиться и в пять часов утра.

Мы пришли туда в три минуты шестого – после неудачной прогулки по пляжу, где собралась толпа, чтобы посмотреть на комету Галлея, – и заняли два места у большой подковообразной стойки. Я заказал пиво и коку, а Мария немедленно спуталась с рядом стоявшим кубинцем. У парня были печальные глаза, он страдал от одиночества.

– Я хотел бы когда-нибудь поговорить с кем-нибудь подушам, – сказал он. – Я неплохой. Я добрый.

Бармен размахнулся и треснул парня по шее.

– Ну и что, – сказал бармен. – Не приставай к людям со своими соплями.

Кубинец съежился, но бармен никак не мог остановиться.

– Ты, маленький грязный зверек, – сказал он. – Лучше иди, потанцуй.

Напротив бара, в тошнотворном густом дыму, за ограждением из противоураганных щитов, разделявшем зал на квадраты, вокруг бильярдных столов двигалась толпа из двадцати-тридцати загорелых байкеров. В воздухе стоял тяжелый запах пива, а резкий стук шаров не мог заглушить даже грохот музыки.

Ди-джей, сидевший над нами в своей закопченной стеклянной кабинке, довел публику до полного диско-неистовства. В ярких вспышках стробоскопического света все вокруг были похожи на привидения, а музыка напоминала многократно усиленный рев «студебеккера», который едет по ухабам.

Плаксивый кубинец танцевать отказался, но на площадку уже выходили другие игроки. Рослого трансвестита, одетого в черный корсет и красные подвязки, зажал между двумя парнями из палубной авиации США. Сидевший недалеко от нас бородач в шортах и панаме отложил в сторону шариковую ручку и толстую записную книжку, с которыми не расставался всю ночь, и бросился неистово отплясывать.

Он двигался по-своему грациозно. Казалось, в душе он верит, что в любой момент способен взмыть в воздух и парить вместе с морскими птицами. Бородач махал руками, как крыльями, и высоко подпрыгивал.

Он был немного не в себе – но я понимал дух его танца и чувствовал, что он хочет им выразить. Он наблюдал ночную тусовку в «Бока-Чика», сделал столько записей, что едва мог обработать, а теперь – самовыражался.

Его подруга, пухлая блондинка в мокрых коротко обрезанных джинсах и майке с надписью «Пей виски или умри», сначала восхищенно любовалась его ужимками. Но потом, когда стало казаться, что его душа вот-вот вылетит из тела, блондинка прыгнула на танцплощадку, подбежала к мужчине сзади и обняла его крепкой хваткой.

Мария стонала от боли в ногах, а снаружи начинался рассвет. Я повернулся к сидевшему рядом человеку – похожему на Стинга – и спросил, правда ли, что где-то неподалеку похоронен Теннесси Уильямс.

Он крепче сжал в руке маленькую бутылку «Раша», из которой время от времени отпивал по маленькому глотку, и нервно посмотрел на меня.

– Не думаю, – сказал он. – Почему вы спрашиваете?

– Так, случайно пришло в голову, потому что о Уильямсе недавно говорили по телевизору, – ответил я. – А вчера вечером, когда мы отправились посмотреть на комету Галлея, я проезжал мимо кладбища.

Я предложил ему «Садем» из пачки, которую нашел недавно на дорожке парка.

– У меня вчера были серьезные неприятности, – сказал я. – Моя лодка наскочила на скалу, и мне пришлось голышом плыть на берег, держась за весло.

Он пожал плечами.

– Мистер Уильяме похоронен где-то в другом месте, – пробормотал он. – Самая высокая точка острова – всего два фута над уровнем моря. Здесь нельзя выкопать яму глубже двух футов без того, чтобы она наполнилась водой.

– Неужто? – сказал я. – Если вы пройдете три фута, то доберетесь до скального грунта. Вчера я разбил о камни днище своей лодки, и, пока я карабкался на берег, все надо мной потешались. Мне пришлось нести одежду и сигареты в пластиковом мешке, перемотанном скотчем.

Я предложил ему пива, но он сказал, что пьет джин и вообще собирается скоро уходить.

– Этот бар никогда не закрывается, – сказал он. – Но после восхода солнца здесь становится довольно скучно.

Он ушел, а я приклеил на воротах причала Буга Пауэлла листок, где написал, что моя лодка попала в шторм и нуждается в серьезном ремонте. Лобовое стекло было разбито, а аккумулятор выскочил из гнезда. Вылившаяся серная кислота залила генератор и вывела из строя соленоид. Провода закоротило, а подъемник винта заклинило, пока я дрейфовал в сторону скал в Найлс-ченнел.

Мегафон сломался, сигнальные ракеты промокли насквозь, а в морском радиопередатчике каждый раз, когда я нажимал на кнопку, сгорал предохранитель. К счастью, мы сели на дно у самого входа в канал, который шел прямо к доку капитана Эглина, сразу за пристанью Саммерленд-Ки.

Мне понадобилось все мое смирение, чтобы, раздевшись догола, покинуть корабль и ковылять к берегу на виду у компании местных ловцов омаров. Ощущения мне пришлось пережить крайне неприятные!

Я оставил Марию на тревожно поскрипывающем катере с бутылкой джина и небольшим запасом еды. Большой мотор «Меркьюри» работал на нейтральной передаче, чтобы поддерживать электричество.

У капитана Эглина был свиной грипп, но соседи не бросили его в одиночестве. Все они от души повеселились, когда на закате я вышел из моря с мешком одежды в одной руке и сломанным веслом – в другой. Один из членов их компании – преуспевающий моряк, обвешанный золотыми цепями и акульими зубами, в это время рассказывал, как его босса арестовали прошлой ночью с шестнадцатью фунтами кокаина, и что жизнь, как он это знает по своему опыту, стоит на распутье.

Но у меня были собственные беды. Солнце опускалось, моя лодка все еще сидела на скалах, а прилив должен был начаться только после полуночи.

– Ерунда, – крикнул капитан. – Сейчас парни притащат ее сюда. До сих пор мы ни разу не теряли лодку.

Спасательная операция удалась и на этот раз. Мы вернулись в док к началу вечерних новостей. На следующий день я обналичил крупный чек и уехал в Майами. Добравшись до Денвера, я сделал несколько звонков и, в конечном итоге, продал свой катер Гэри Харту для использования в предстоящих через два года первичных выборах во Флориде.

17 марта 1986 года

Не мешай собачкам кушать

– Девятерых собак, специально выращенных для профессиональных боев, отправили на лечение с множественными ранениями, полученными вчера во время схваток на арене, спрятанной в укромном уголке предгорья Сьерры, рядом с Портервиллем.

В ходе облавы, проведенной в воскресенье помощниками шерифа, приехавшими на трех машинах, арестовано шестьдесят шесть человек. Питбули были натренированы на бой. «Это одна из самых отвратительных картин, которые мне пришлось увидеть в жизни, – сказал помощник шерифа, принимавший участие в операции. – Бойцовский ринг был покрыт кровью, а две собаки лежали, вцепившись друг в друга. Пришлось раздвигать им челюсти деревянными рычагами».

«San Francisco Chronicle», 9 мая 1969 года

Когда мы сошли с самолета в Денвере, я купил газету. На первой полосе была напечатана статья о коммерческих собачьих боях. В последнее время в этом бизнесе отмечается большой подъем. Как на рынке акций, а также в рестлинге и еще в процессе выведения новой породы студентов-юристов, каждый из которых хочет быть похожим на Эда Миза.

Мы живем в тошнотворные времена. Космическая программа взорвалась прямо на наших гла-

зах, «Роллинг стоунз» выступили против марихуаны, а теперь наш престарелый крысоподобный президент заявляет нам, что в глубине души он всегда был никарагуанским революционером.

Мы больше не смотрим на мир сквозь розовые очки. Времена изменились: свиньи вышли из за-сады. Пэт Бьюкенен свободно разгуливает по Белому дому, а демократический кандидат в помощники губернатора Иллинойса заявляет, что английская королева руководит международной сетью нарко-торговцев, которая протянула свои щупальца в Гарлем и южный Чикаго.

Ладно... может, и так: поколение свиней способно на все. Но мысль, что Букингемский дворец – это прикрытие для наркобизнеса, процветающего в Кендлстик-парке, «Макдональдсе» и «Мэдисон-сквер-гарден», относится к разряду идей, которые трудно кому-нибудь продать – ну, разве что Эду Мизу или Джен Уэннер.

У безумия круглоголовых должны быть пределы, иначе каждый раз перед тем, как сесть в авто-бус, всем нам придется мочиться в пластиковую бутылочку. Даже Пэт Бьюкенен не сможет, сохраняя честную мину, сказать, что все американские провалы – начиная от взрыва «Челленджера» и кончая Фердинандом Маркосом и вонючими следами Бэби Дока на Гаити – берут свое начало в «проблеме наркотиков».

Никого из тех, кто занят собачьими боями, ни разу не обвиняли в употреблении наркотиков. На наркотики там просто не остается времени. «Надо держать ситуацию под контролем, когда вашей со-баке выгрызают глазное яблоко, – делится опытом один организатор боев. – Это очень серьезный бизнес».

Заголовок в «Пост» гласит: «Осторожно! Принадлежащие вам щенки могут быть использованы для натаскивания бойцовых собак». Статья рассказывала о женщине, которая по неведению отдала щенков неправильным ребятам, и теперь «каждый день тратит часть своего времени на звонки лю-дям, которые получают предложения отдать своих домашних питомцев в хорошие руки».

Не верьте, говорит она. Их убьют – скормят, как сырое мясо, для практики, огромным питбулям, которым требуется вкус свежей крови, чтобы настроиться на летний бойцовый сезон.

«Весной кражи домашних животных происходят чаще, – говорит специальный агент Уолт Чин из Бюро расследований штата Колорадо, – потому что в это время начинаются тренировки бойцовых собак».

Каждый год, приблизительно в это время, по всему Западу курсируют низкооплачиваемые по-донки и скупают на рынке всех молодых животных. Хорошая бойцовая собака в расцвете сил прино-сит своим хозяевам тысяч двадцать долларов, а натренированный пес-убийца дает просто огромные деньги.

Это еще и азартная игра, хотя не широко распространенная, но с очень высокими ставками; иг-ра, которая держит в крайнем напряжении тех, кто принимает ее серьезно. Такие люди, вожаки мира собачьих боев, готовы обеспечить своих зверей всем, что, по их мнению, необходимо для достижения наилучшей формы. Обычно это означает два-три убийства в день.

«Тренеры готовы использовать любую собаку или даже кошку, – рассказывает Уолт Чин, – что-бы разбудить в бойцовых собаках – обычно это питбули – жажду крови и подготовить их к битве за деньги».

Когда такой приземистый узкоглазый зверь разорвет половину домашних собак, кошек, кроли-ков и бездомных щенков в Денвере, он будет готов сражаться с себе подобными – и он привлечет многих игроков, которые поставят на него очень большие деньги.

Когда идет речь о шлифовке навыков собаки, которая три раза в неделю на протяжении всего лета будет выигрывать для своего хозяина сумму, равную стоимости нового «кадиллака эльдорадо», щенки, принадлежащие другим людям, – просто корм.

Несмотря на традиционные обвинения в жестокости и отсутствии гуманизма, собачьи бои с крупными ставками переживают новый всплеск популярности. С точки зрения общества, они значи-тельно хуже петушиных боев. Большинство людей скорее предпочтет обнародовать результаты своего теста на наркотики, чем увидеть себя на опубликованном фотоснимке, среди орущей и топающей толпы на подпольном собачьем поединке.

Животные бьются до смерти – или до того момента, когда проигравший будет изодран в клочья, и его хозяевам останется только утащить его с арены – и только победитель получает еду. Приюта для питбулей-пенсионеров не существует.

На прошлой неделе в газетах продолжали горячо обсуждать собачью тему. Главный медицин-

ский эксперт штата Коннектикут была уволена с должности, приносившей ей 78 тысяч долларов в год – согласно «Denver Post», «после того, как она признала обвинение в том, что допускала своих собак в морг во время вскрытия трупов».

Размеры и порода собак в газете не указаны, но это и неважно. Специальная комиссия, созданная для расследования дела доктора Катарини Голвин – типа Глории Стейнем¹ (Известная журналистка-феминистка (прим. перев.)) – сообщила, что собаки «в лаборатории морга пробовали на вкус человеческие органы».

Даже друзья доктора Голвин не предложили ей выступить публично, чтобы оспорить обвинения... А в Сан-Франциско человека по имени Гордон Макверни, которого «Examiner» описал как «кочующего владельца собак, проживающего по временному адресу» (пожалуйста!), приговорили к году тюрьмы за то, что он «отрезал пилой ногу у принадлежащего ему щенка немецкой овчарки».

У собаки было что-то вроде чумки или нервного расстройства, в свое оправдание говорил Макверни, поэтому он завязывал ей морду и держал над огнем, чтобы выжечь болезнь.

...И наконец, в пятницу вечером в Канзас-Сити банда здоровенных домашних собачек из Канзасского университета – второго по рангу в стране – последовала рекомендации Фердинанда Маркоса и с помощью мошенничества вывела Скотта Скайлса² (Известный баскетболист, игрок НБА (прим. перев.)) и его мичиганских товарищей по команде из соревнования, которое могло бы стать величайшей победой неудачников в Национальной ассоциации студенческого спорта.

Альфонс Карр был прав.

24 марта 1986 года

Бык, забитый в Триполи

– Сегодня, прежде чем отправляться на Ближний Восток, следует тщательно взвесить необходимость поездки.

Рекомендация Госдепартамента, 29 марта 1986 года

Всю последнюю неделю приходили сумасшедшие новости. Даже Пол Харви не мог с этим справиться. На Аляске вулканы извергали пепел, а из Беркли-Хиллс протянулась еще одна лапа в сторону Китая. Ясир Арафат вел себя вызывающе, на улицах Палм-Спрингс прошли оргии, а молодые нацисты развалили Демократическую партию в Чикаго.

В понедельник, за один день, Соединенные Штаты вступили сразу в две войны, а остаток недели на телевидении был похож на непрерывные повторы событий в Гренаде. Большая собака решила покушать, но не всем это понравилось.

Вечером накануне Пасхи из Триполи пришло жуткое и омерзительное сообщение: Муамар Каддафи публично забил быка, у которого на боку краской было выведено «Рейган».

Никто этого не отрицал, даже Каддафи, и тому моменту, когда отгрохотал камнепад – вечером в воскресенье, – миллионы людей в Америке полагали, что все это, скорее всего, так и было на самом деле.

Почему бы и нет? Есть же «Апокалипсис сегодня», а Си-эн-эн показала документальные кадры, на которых толпа диких ливийцев бесилась вокруг только что зарезанного быка. Они размахивали заляпанной кровью кулаками и вопили: «Долой США!»

Действительно ли полковник сам заколол животное, было уже неважно. Конечно же, он на это способен. Мы все верим в это, ведь мы видели по телевизору, какие вещи он делает публично... В любом случае, большого быка по имени «Рейган» на площади Триполи искромсала толпа, которая явно не была на нашей стороне. Как было сказано в «Главных новостях», «они танцевали в крови».

Мы потихоньку привыкаем к таким сценам. По всему миру наши люди пускаются в бега – начиная с Бэби Дока и Маркоса и кончая Чон Ду Хваном в Южной Корее... А другие, чье положение пока стабильно, вроде немцев и японцев, перестают быть надежными.

Даже итальянцы не с нами. В пятницу в Риме суд освободил большинство обвиняемых по делу о покушении на папу, кроме одного турка и одного болгарина, и публика, кажется, этим удовлетворилась.

Никто не заговаривал о грязном соглашении с преступниками или о коммунистическом заговоре. Единственная демонстрация, которая прошла в Италии на прошлой неделе, была направлена против «провокационного поведения» Шестого флота США недалеко от берегов Ливии.

Даже Белый дом не отрицает этот факт. Мы вынуждены защищаться, говорят там. Маньяк стрелял в нас. Он пытался разрушить Йорктаун.

Что, возможно, соответствует действительности, хотя в таком поступке нет никакого смысла... правда, бессмысленные поступки все больше и больше становятся нормой сегодняшнего дня, но кого это беспокоит?

Си-эн-эн, например, только что передала сообщение из экваториальной Гайаны об успешном запуске французской космической ракеты, которая «несла американский спутник».

Кто знает, что значит это сообщение? Старт ракеты сильно напоминал катастрофу «Челленджера», не считая того, что все происходило ночью и не было последующего взрыва.

Неделя была полна бессмысленного насилия, охватившего весь мир. На Филиппинах люди выстраивались в очередь на распятие, а в Альбукерке полицейские застрелили человека, который непонятно зачем захватил четырех заложников в «Пицца-Хат».

Некоторые говорили, что разгул безумия связан с полнолунием, другие обвиняли мартовские иды, но на самом деле не было никаких других причин, кроме немотивированного страха и случайных конфликтов. Многие рыбаки во Флориде были поражены отвратительной кожной болезнью – розовым лишаем, который по внешним проявлениям похож на сифилис. Медики не назвали ни одной возможной причины болезни, кроме «ношения нового нательного белья».

Мой врач, известный в своей области человек, сказал, что болезнь вызвана загадочным вирусом, который хотя не поддается лечению, но не вызывает серьезных последствий, кроме стыда и отвращения.

– Я и сам одно время болел розовым лишаем, – сказал он. – Многие люди страдают от этой болезни, поверьте мне на слово, это очень мерзкая вещь.

«Что ж, – подумал я, – мы живем в мерзкие времена. Ленточные глисты могут пробраться в ваше тело и вырасти до пятидесяти футов за пять-шесть недель. А кровососущие черви с крюками – анкилостомы – могут проникнуть через кожу ваших босых ступней и поселиться в печени или головном мозге, и никто не сможет вам помочь – даже в клинике Джона Хопкинса или в медицинском центре Хьюстона».

Одно из моих самых ранних воспоминаний о Пасхе: субботним вечером бабушка объясняет мне, что когда она разбудит меня в воскресенье утром, то скажет мне: «Христос воскрес», а я должен сесть в кровати и ответить: «Воистину воскрес».

Я никогда не мог этого понять, но она делала так из года в год, хотя даже сейчас для меня этот ритуал по-прежнему лишен смысла.

С тех пор я стал понимать почти все, за исключением женской души, розового лишая и новостей прошедшей недели.

Но я разбираюсь в политике, и я знаю Пэта Бьюкенена. И когда играют не по правилам, я сразу это вижу.

Мы все знаем Патрика – в некотором смысле. Он – директор отдела общественных связей в Белом доме. Свою должность, которая дает большое влияние, он чуть не потерял неделю назад, когда при голосовании в Конгрессе по вопросу отправки бомб, ракет и автоматов на сумму 100 миллионов долларов – то ли для никарагуанских «контрас», то ли в Тегусигальпу1 (1Столица Гондураса) – Босс не досчитался 12 голосов.

Бьюкенен воспринял результат голосования как личное оскорбление и поклялся в ближайшее же время отомстить. Сенат должен был голосовать через неделю, и Патрик взялся поправить дело.

Что ему блестяще удалось. В ход были пущены все грязные приемы – от «линии смерти» в заливе Сидра до слухов о новой войне в Гондурасе (всего двухдневный марш-бросок до Харлинджена в Техасе, если верить вычислениям Рейгана), – и никто не удивился, когда в четверг Сенат проголосовал (53 к 47) за то, чтобы дать президенту все, что он просит, для продолжения войны в Никарагуа и для спасения должности Бьюкенена.

Волна превосходно организованного безумия захлестнула даже Била Брэдли, знаменитого баскетболиста-ветерана из Нью-Джерси. Он проголосовал вместе с Стеннисом, Термондом и Голдуотером2 (2Крайне правые сенаторы-республиканцы), не испытав при этом никакого смущения.

В нашей истории можно найти немало таких авантюр, и они были, как правило, в высшей степени прибыльными. Так что строки из гимна морских пехотинцев – «от холмов Монтесумы до берегов Триполи» – не случайность.

31 марта 1986 года

Никогда не сходи с корабля

– Как правило, нам требуются телки. Бычков мы кастрируем и продаем на мясо в Чикаго.

Джордж Странахан,

хозяин скотоводческого ранчо в Колорадо

Сегодня вечером у моих соседей – аврал. Ковбои работают сверхурочно. Коровники освещены фонарями. Работают переносные обогреватели. Сильный снежный буран в Скалистых горах испугал коров, и они все начали телиться одновременно.

Около полуночи, по пути в таверну, я заметил на горизонте странное облако. В сельской местности такая картина обычно не предвещает ничего хорошего. Но когда я подъехал к повороту, за которым дорога пересекает ручей, я увидел, что это всего-навсего коровник Уэйна, освещенный как футбольный стадион. Вокруг коровника стояло много машин. Раздавалось мычание коров; в полутьме взад-вперед бегали люди с руками по локти в крови.

Это сустились работники фермы. Здесь выращивают крупный рогатый скот на продажу. Каждый теленок, рожденный сегодня ночью, через два года будет весить тонну. Тогда его продадут на коммерческой бирже в Чикаго по 58 центов за фунт.

Я дважды посигналил и поехал дальше. Было холодно, шел мокрый снег, который налипал на провода. Из-за снега у меня на два часа отключалось электричество. Я хороший сосед большую часть года, но не в сезон отела. Литературная работа – трудный хлеб, но писать все же намного легче, чем лезть внутрь обезумевшей коровы, чтобы вытащить теленка за ноги.

– Иногда приходится тянуть их веревкой, – сказал один из парней, сидевших в таверне. – Когда у телят путаются ноги, приходится забираться рукой внутрь и цеплять теленка за морду веревочной петлей. Первый раз я проделал эту штуку, когда входил в «Клуб четырех эйч»¹ (1Созданная Министерством сельского хозяйства США молодежная организация, цель которой – «патриотическое воспитание, привитие подрастающему поколению традиционных ценностей и уважения к сельскохозяйственному труду»).

После этого я завязал с фермерством и отправился в Скотсдейл. Там я стал работать на теннисном корте – просто чтобы быть подальше от коров.

Он рассказал, что в те годы вел беспорядочную жизнь. Поступил в дилерскую школу в Вегасе, но это занятие не соответствовало его характеру. Потом переехал сюда, на Север, где нашел работу укладчика снега на горнолыжной трассе. Это бесперспективное занятие, сказал он, но дает бесплатные билеты на подъемник и остается достаточно свободного времени, чтобы работать над техникой скоростного спуска.

– Однажды мы утрамбовали снег так, что он стал твердым, как лед, – рассказывал парень. – По приборам, я разогнался до восьмидесяти одной мили в час просто чтобы испытать острые ощущения. На такой скорости невозможно даже дышать.

– Разве? – удивился я. – Рекорд – сто тридцать миль в час.

– Только сто двадцать девять с половиной, – быстро ответил он. – Правда, один парень сделал сто шестьдесят шесть, встав на крышу машины. Это было на соляной равнине в Бонневилле. На ста пятидесяти он чуть не потерял сознание, а водитель потом сказал, что не чувствовал сопротивления, и решил идти на рекорд. – Мой собеседник задумчиво улыбнулся. – Они действительно установили рекорд, – сказал он. – Должно быть, парню на крыше пришлось туго. К тому времени, когда они остановились и отстегнули крепления, ветер снял у него с лица два слоя кожи. С тех пор он больше ни разу не встал на лыжи.

Некоторое время мы молча пили, потом он отправился к себе в трейлер, где жил с женщиной, которая когда-то работала у Фердинанда Маркоса. Парень сказал, что завтра ему надо рано вставать, чтобы до восьми часов, когда начнутся гонки, закончить последнюю проверку трассы. В тот день человек по имени Маккини собирался поставить рекорд, перекрыв отметку в сто тридцать миль в час.

Немного погодя мы тоже отправились домой. У меня были собственные проблемы, о сне не было речи. Буран превратил трассу для скоростного спуска в кашу, волна отелов пошла дальше на восток вдоль Континентального водораздела. В Денвере навалило сугробов в два фута глубиной, закрылись школы и аэропорт.

«Близлежащие отели и мотели были выделены для скопившихся в аэропорту пассажиров», – сообщает Ассошиэйтед пресс из Денвера. Официальный представитель «Стэплтон Интернэшнл» сказал, что все полеты отменены из-за глубокого снега, сильного ветра и нулевой видимости. «Вероятно, некоторым пассажирам придется заночевать здесь, – сказал он. – Но мы о них позаботимся».

Сообщений о беспорядках не было, а по радио рассказывали: «Группа туристов с Фиджи развлекала окружающих игрой на гитаре и народными танцами; другие путешественники, ожидая объявления о вылете, собрались в ресторане». Хо-хо! Счет за обслуживание получите по почте... Денверский аэропорт знаменит такими приколами. Когда-то здесь встречались только богатые лыжники и ковбои, а теперь это пятый по загруженности аэропорт в Соединенных Штатах и живой кошмар для всякого, кто видит в воздушных путешествиях нечто большее, чем шанс проспать всю ночь на кафельном полу среди толпы народа, слушая народных исполнителей с Фиджи. «Отделение Красного Креста в Майл-Хай отправило в аэропорт своих представителей, – говорилось в сообщении, – чтобы доставить детские пеленки, туалетные принадлежности и другие вещи первой необходимости людям, которым приходится долго ждать вылета».

Говорили, что эта ночь в Денвере была тяжелой. Не все были довольны пеленками и туалетными принадлежностями. Бары закрылись в полночь, а продукты в ресторане кончились уже к закату. За весь день взлетело только три самолета. В пятницу аэропорт был по-прежнему закрыт.

В аэропорту застряли тысячи людей, но только немногие из-за задержки потеряли самоконтроль или понесли серьезные материальные потери. Первые пали духом, вторые предъявили большие иски.

Некоторые вещи можно понять, например, внезапную волну отелов во время бурана на западном склоне или безумца, который привязал себя к крыше усиленного прототипа «шелби-форда» и помчался со скоростью сто шестьдесят шесть миль в час навстречу ветру по соляной равнине Бонневилля. Со многими вещами можно смириться, но только не с сидением в Денверском аэропорту в ожидании вылета. Такой способ провести ночь ни при каких условиях неприемлем.

Такие мысли бродили у меня в голове, когда я возвращался из таверны. Снегопад продолжался. В такую погоду хорошо сидеть дома, но, когда я входил в дверь, мой телефон уже звонил. Это был Джордж, мой сосед с «Фраинг дог ранчо» в пяти милях выше по холму. Он сказал, что с отелом большие проблемы: не хватает рабочих рук.

Мое сердце исполнилось ненавистью, но, ясное дело, выбора у меня не было.

– Мне захватить с собой веревку? – спросил я.

– Нет, – ответил он. – Мы используем цепь – просто заводим ее за копыта и тянем.

Все это казалось странным, но Джордж знает толк в коровах, а я, в конце концов – фермер. Я взял свой фонарь, забрался в джип и медленно поехал вверх по дороге.

7 апреля 1986 года

Они называли его “Глубокой глоткой”

– Вы не будете пинать ногой бешеную собаку. Если перед вами собака, больная бешенством, вы возьмете пистолет и застрелите ее.

Пэт Робертсон, телепроповедник-евангелист

На прошлой неделе на рынках продолжалось оживление. Воодушевились даже проповедники, а на Уолл-Стрит заговорили об отлове и отстреле животных. Цены на мясо упали, страховые ставки взлетели вверх, а Пэт Робертсон выступил по телевидению и лично потребовал голову Муамара Каддафи.

Для полковника прошла еще одна неудачная неделя. Он уже получил очень сильный удар, который нанесли вооруженные до зубов пилоты Шестого флота США, а теперь ему следовало ожидать новой атаки – на сей раз ракетной – чреватой большими потерями в его ближайшем окружении... Кроме того, полковника показали по американскому телевидению в старой нацистской фуражке и с розовым платком типа «бабушка» на плечах. Выглядел он как дешевый двойник Муссолини. Каддафи заявил, что Белый дом выбрал его в качестве козла отпущения и теперь наказывает за все грехи арабского мира.

Учитывая жестокую политическую реальность, скорее всего, это соответствует действительности. Но и попытки полковника объяснить свою позицию не отличались уравновешенностью и миролюбием. В довольно путаном сообщении Ассошиэйтед пресс из Триполи приводятся цитаты из его

выступления. Полковник заявил, что «план ливийской контратаки» доработан окончательно, что скоро будет уничтожена «вся Южная Европа, без исключения» и что «Ливия презирает незаконные и наглые военные угрозы, которые никого не пугают».

Каддафи сказал также, что Ливия получит помощь «сил Варшавского Договора для защиты от атаки США». В это никто не поверил, а Георгий Арбатов из советского ЦК в Москве назвал заявление полковника нелепыми домыслами и заявил, что Россия не собирается принимать участия в конфликте между Триполи и Вашингтоном.

Пэт Робертсон – гениальный хозяин очень популярной передачи на кабельном телевидении, которая называется «Клуб 700». Передача является флагом христианского телевидения и представляет собой непринужденное ток-шоу с участием представителей различных религиозных направлений. На Си-би-эн утверждают, что зрители смотрят передачу в 50 штатах каждый вечер в течение всей недели. Для телебизнеса Робертсон – очень ценная находка. У «Клуба 700» больше зрителей, чем у передач Джимми Свогарта и Джерри Фолуэлла, вместе взятых. В некоторых местах Пэт Робертсон популярнее Джонни Карсона¹ (Известный телеведущий (прим. перев.)).

Он вещает из Роанока, вотчины Линдона Лароша, но никто не знает, где он живет. Робертсон – раскрепощенный и доброжелательный человек, вроде Энди Руни. Людям нравится Пэт Робертсон. В этом году он собирается выдвинуть свою кандидатуру в президенты – впрочем, как и все остальные политики за исключением Рональда Рейгана – и относится к этому очень серьезно.

К полуночи в пятницу военный корабль США «Корал си» находился в 400 милях от Триполи, а Белый дом хранил молчание относительно «ливийского вопроса». В этот момент Робертсон обскакал всех кандидатов, выступив в своем телешоу с предостережением против бесхребетных полумер против Каддафи.

«Есть старая-престарая пословица, – сказал он, – согласно которой, чтобы победить короля, надо убить его». Так Робертсон заявил о том, что ему надоели старые методы и что пришло время прикончить полковника.

Да уж! У ветеринаров тоже есть старый анекдот на эту тему. Они утверждают, что есть только два способа обращения с взбесившимся животным: связать и отрезать голову или оттащить за гараж и там выстрелить в затылок.

Кульбит Робертсона не нашел одобрения в Белом доме. Единственным ответом стала стандартная фраза «без комментариев». Рональд Рейган Робертсону не ответил. Промолчал даже Патрик Бьюкенен. В такие дни люди, сидящие в Западном зале, вздыхают о старых добрых днях, когда подобные дела можно было уладить одним звонком Гордону Лидди¹ (Работник аппарата Белого дома, один из двух руководителей (второй – Э. Говард Хант) тайной операции в «Уотергейте» в июне 1972 г.) в его офисе напротив Авеню.

Но тогда было другое время. Теперь Гордон далеко. Три года он сидел в тюрьме, где занимался тем, что накачивал мускулы. Сейчас он может предложить окружающим только свое имя и карточку социального страхования. Все остальные участники Уотергейта признали вину или сломались, не вынеся давления. Многие были призваны, и в итоге все они оказались избраны.

Кроме Гордона. Он все еще остается недостающим звеном в Уотергейтской истории, полуночным голосом из подземелья. Вероятно, именно он был тем, кого Боб Вудворд и Карл Бернштейн² (Сотрудники «Washington Post», соавторы книги «Вся президентская рать», посвященной Уотергейту (получили за нее Пулитцеровскую премию). Б. Вудворд позднее стал известным мэтром журналистских расследований) называли «Глубокой глоткой».

В фильме эту роль играл Хол Холбрук и смотрелся очень убедительно. Он говорил как Джон Дин и выглядел как Леонард Гармент, личный консультант Ричарда Никсона.

Никто не сомневался в том, что Карл и Боб открыли следствию основной источник. «Глубокая глотка» был стержнем всего дела, человеком, заслуживающим полного доверия. Его мотивы так и не были выяснены: предполагалось, что они связаны с причудливой и смутной сферой «морали» и давлением личных нравственных представлений.

По легенде, он был фигурой вроде Сократа, человеком больших связей и большой мудрости, слишком умный для своей работы и, очевидно, не такой как все остальные.

Он работает на президента, но его герой – Уильям Берроуз. Суставы, его пальцев срослись, как узловатые корни деревьев. Когда он приезжает в Вашингтон – из Нью-Йорка, где он живет, – ему предоставляют собственную комнату в южном крыле Белого дома, с камином и пианино «Смит-и-

Барнс».

Он чувствует себя уверенно у Дюка Зиберта – так же, как и на Четырнадцатой и «У», где он пользуется популярностью у шлюх и случайных прохожих.

Они зовут его просто Гордон; в федеральной лицензии на оружие, которую он носит в своей черной кожаной сумке, значится Г. Лидди... а для журналистов на Пятнадцатой и «Л» его имя было «Глубокая глотка».

Некоторые это знали, но таких было немного. Знал Скотт Армстронг, Оскар Акоста и главная стюардесса на одной из авиалиний. Мы сохранили это в секрете даже от Фрэнка Манкевица, который знал почти все остальное.

Это была одна из тем, о которых в то время предпочитали молчать.

14 апреля 1986 года

В защиту порки

ПРИМЕЧАНИЕ: Нижеследующее является ответом доктора Томпсона на отчаянное письмо его друга Ральфа Стэдмена из Англии. В письме шла речь о воспитании детей.

Дорогой Ральф!

Я получил твоё трагическое послание, в котором ты рассказываешь о своём ужасном, невоспитанном, нюхающим клей сыне. Письмо я читал, завтракая в половине пятого утра в «Ваффл-хаус» на берегу Мобил-бей... тогда же я сделал некоторые заметки, но порядочный человек никогда не высказывает своему другу такие мысли... Поэтому я отложил твоё письмо, пока не нашел возможности сосредоточиться на нем и детально проработать вопрос... И я пришел к следующему выводу:

Пошли этого малолетнего оболтуса в Австралию. Там мы найдем ему работу, пусть выращивает овец где-нибудь в глуши. Это исправит его или, по крайней мере, займет на некоторое время.

Англия – неподходящее место для мальчика, который хочет бить окна. Потому что в этом он прав. Он просто обязан бить окна! Каждый ребенок, который живет в Англии и не испытывает острую потребность бить окна, скорее всего, так глуп, что ему уже невозможно помочь.

Вы там, в Англии, пожинаете бурю, Ральф. С чего ты взял – может, в книжках прочитал? – что сам можешь рисовать сомнительные карикатуры на своего премьер-министра и называть ее гнусной свиньей, а твой собственный сын не возмемет желание бить окна?

Мы не владеем логикой на уровне, который позволил бы доказать такую возможность, Ральф. Такому не учат даже в Оксфорде.

Мой сын, слава Богу, спокойный и практичный мальчик, сейчас как раз заполняет заявления о приеме в Йель, Тафте, Беннингтон и другие элитные школы на Востоке. До сих пор все мои расходы на него сводились к довольно неприятной утечке десяти тысяч долларов в год. Этого было достаточно, чтобы держать его подальше от улицы и проклятых окон...

Почем сейчас окна, Ральф? В то время, когда я сам их бил, они стоили пятьдесят пять долларов за штуку – даже большие, сделанные из листового стекла, – но теперь, полагаю, цена поднялась долларов до трехсот. На самом деле, если подумать, это дешево. За один год свирепый мальчик с сильными руками может разбить около тридцать окон из листового стекла, но в итоге это будет меньше, чем мои ежегодные десять тысяч.

Правильно? Я верно посчитал?

Да. Точно. Если Хуан за год разобьет тридцать больших окон, экономия составит тысячу долларов.

Так что присылай мне парня, Ральф, – вместе с чеком на десять тысяч долларов – и я превращу его в ходячую машину, приносящую прибыль.

В самом деле! Присылайте мне столько злобных маленьких английских ублюдков, сколько сможете отловить. Это будет хороший бизнес. Просто загрузите их в самолет – с каждым должен быть чек на десять тонн – и после этого вы сможете со спокойной совестью вернуться к вашему грязному деструктивному бизнесу

Ваш премьер-министр – действительно гнусная свинья, Ральф, и вам следует колотить ее, как боксерскую грушу. Нарисуй страшные карикатуры на эту суку и продай их за хорошие деньги «Times»- или «Private Eye». Только потом не беги ко мне с рыданиями, если у твоего собственного сына возникнет мысль разбить парочку окон.

Ты когда-нибудь разбивал кирпичом большое окно из листового стекла, Ральф? Чертовски красивый звук, а люди внутри помещения начинают бегать, как крысы во время пожара. Это весело, Ральф, за это не жалко любых денег.

Как ты думаешь, чем мы занимались все эти годы? Ты думаешь, тебе платили за твое дебильное искусство?

Нет, Ральф. Тебе платили за разбитые окна. Это занятие – само по себе уже искусство. Фокус в том, чтобы получать за него деньги.

Что? Алло? Ральф, ты меня слышишь?

Ты, сопливый, лицемерный ублюдок! Если бы у твоего сына были твои инстинкты, он бы застрелил премьер-министра вместо того, чтобы всего-навсего бить окна.

Ты к этому готов? Как ты себя будешь чувствовать, когда проснешься однажды утром у себя в Олд-Луз-корт и включишь свой телевизор как раз во время передачи новостей, в которой сообщат, что премьер-министр убита выстрелом в горло на Пикадилли... а через некоторое время какой-нибудь раздолбай из Би-би-си покажет эксклюзивные снимки грязного уроды, который в нее стрелял, и ты увидишь, что это – твой собственный сын?

Подумай об этом, Ральф. И не беспокой меня больше своими пустяковыми проблемами. Просто пришли парня ко мне. Я сломаю его дух на земляных работах, а потом, когда истечет срок его разрешения на пребывание в США, мы отправим его в Австралию. А через пять лет ты получишь приглашение на свадьбу с овечьего ранчо в Перте...

Довольно об этом, Ральф. У нас есть свои проблемы. Обращайся с детьми как с телевизором. Если с ними что-то не в порядке, тресни их между глаз большим ботинком с резиновой подметкой.

Как насчет здравого смысла?

Что-то неправильно?

Нет. Не думаю. Сегодня – окна, завтра – сюжет Би-би-си. Держи это в голове, и ты не ошибешься. Просто присылай мальчиков и чеки...

Надеюсь, ты понимаешь мою мысль. Что будет, если все увидят по телевизору, как сын известного английского художника с дымящимся пистолетом в руках стоит рядом с дергающимся в конвульсиях телом премьер-министра?

Потом от этого не убежишь и не спрячешься, Ральф. Так что если ты допускаешь возможность такого поворота, все, что я могу тебе посоветовать, – запастись виски и кодеином. Это поможет тебе перенести потрясение, когда твой спятивший от клея малолетний наркоман, в конце концов, сделает свое дело...

Реакция общества на убийство премьера станет кошмаром. Но не волнуйся – за тобой будут стоять твои друзья. Я сяду на один из рейсов, следующих из Денвера через Северный полюс, и через восемь часов буду у тебя. Нам придется собрать гигантскую пресс-конференцию в... холле отеля «Брауне».

Ничего не говори, пока я туда не доберусь. Даже не признавай родственную связь с мальчиком. Молчи! С прессой буду говорить я – ведь это, в конце концов, моя профессия.

Твой старый друг, ХСТ

P.S.: Боже мой, Ральф, я вспомнил, что оговорился, когда сказал, что десяти тысяч хватит, чтобы покрыть расходы на маленького кровожадного ублюдка. Нет. Давай договоримся о тридцати, Ральф. У тебя на руках – настоящий монстр. Я даже не дотронулся до него меньше, чем за тридцать тысяч.

21 апреля 1986 года

Просто еще один террорист

... применили то испытанное средство, которое, конечно, легче всего побеждает разум: использовать террор насилия.

Адольф Гитлер. Майн Кампф, ч. 1, гл. 2

На прошлой неделе во всем мире наблюдалась повышенная активность. Эд Миз отправился в Голландию, Аляске угрожали извержения вулканов, и почти везде, за исключением Гавайских островов, международные террористы преследовали американских туристов и расстреливали их, как диких зверей.

Президент Рейган прилетел на Гавайи, чтобы восстановить силы после посещения Бали и по-

болтать со своим старым приятелем Фердинандом Маркосом, прибывшим с Филиппин. Маркое по-прежнему сидел в своем доме на побережье недалеко от Даймонд-Хед, проклиная перебои в финансовом потоке и расходуя большую часть своих карманных денег на приобретение новых туфель для жены.

Эта женщина ненасытна. Она должна получать новые туфли во что бы то ни стало. Даже сейчас – после того как она оставила три тысячи пар в Маниле, – она требует доставки новых туфель каждый день. Пристрастие похуже чистого героя. Она готова покупать все подряд: черные туфли на шпильках, и ботинки для стэпа, и даже шлепанцы на микропоре, только бы обувь подходила по размеру и была новой.

Над этим смеялся весь мир, но Маркое был серьезен. В конце концов, он был президентом, и если для его жены туфли были фетишем, что с того? Туфли дешевы, а те, кто недоволен, – коммунисты. Не так давно они превращались на восходе солнца в соляные столбы. А он тем временем крушил их и сжигал все их избирательные бюллетени. Ясное дело, только так и надо было с ними поступать.

Или кому-то так тогда казалось. Но реальные действия правительства на Филиппинах были разновидностью тупого, кулачного терроризма, и выглядели они почти так же отвратительно, как и преступления, в которых обычно обвиняют Каддафи, Арафата и Абу Нидаля из Сирии.

Простых людей избивали и расстреливали прямо в избирательных участках. Головорезы, купленные президентом, терроризировали целые города. Их услуги оплачивались из государственной казны.

Беззаконие достигло такого уровня, что недовольны были даже филиппинские генералы. Когда у Имельды в шкафу нашли три тысячи пар обуви, весь англоговорящий мир говорил об этом с отвращением.

Даже Тед Коппел не смог проявить терпимость. Когда он беседовал с Маркосом в «Вечерней строкой», на закуску он приберег «обувной вопрос». Но Фердинанд только пожал плечами и сказал, что дело выеденного яйца не стоит. «Почему все говорят об обуви? – проворчал он. – Мы все носим обувь».

В некотором смысле он прав. Сколько стоят новые туфли? Может быть, сто долларов за пару? Пусть даже пятьсот долларов.

Ну и что?

Но мы говорим о человеке, который целых 26 лет так управлял Филиппинами, как будто это был его личный собачий питомник. Он использовал шелковые носовые платки как одноразовую дешевку и крал по 10 тысяч стволов красного дерева, всего лишь позвонив для этого по телефону.

В те дни в Маниле дилетантам нечего было делать. Даже Боб Арум¹ (13 знаменитый промоутер боксерских поединков) не смог вести там бизнес. Однажды, много лет назад, после разговора с Имельдой он решил, что государственная концессия на проведение собачьих бегов находится у него в руках. Но когда на следующий день он отправился во дворец для заключения окончательного договора, Имельда встретила его весьма холодно и потребовала такой задаток, что даже Дон Кинг¹ (1. Легенда «черного» бокса: крупнейший чернокожий промоутер, организовывал поединки виднейших боксеров, начиная с Мохаммеда Али и кончая Майком Тайсоном) не назвал бы его разумным.

Арум впал в депрессию, уехал домой и с тех пор на Филиппины не возвращался. Лицензию на собачьи бега отдали картелю из Сингапура, который некоторое время процветал, но превратился в дым, когда режим Маркоса рухнул.

Тогда многие вложения пошли прахом. Даже умные люди впадали в панику и шли за советом к уличным предсказателям. Биржа металла в Гонконге впала в ступор, а клуб землевладельцев в Лусоне закрылся после того, как разбежалась вся прислуга. Радостно улыбающийся Боб Арум заказал бутылку «Дом Периньон» в свой офис на Парк-авеню.

Такое случается. Сегодня вы правите как бог, завтра – бегае как собака. Когда Фердинанда забирали из его дворца, он думал, что отправляется в короткую прогулку на самолете на побережье, чтобы посетить свою родную провинцию

Илокос-Норте.

Но проснулся он на Гуаме, как заключенный, в окружении конвоя из агентов секретной службы США. Потом его переправили в Гонолулу, где его багаж официально конфисковали.

Там были чемоданы, полные драгоценностей, и пачки швейцарских ценных бумаг, и два ящика, в которых лежали только что напечатанные филиппинские песо – такие новые, что даже краска не

успела высохнуть, – на сумму в 26 миллионов долларов США.

Все это конфисковали – вместе с двумя ящиками денег, принадлежавших генералу Фабиану Веру, попутчику президента и бывшему главнокомандующему филиппинской армии. И вскоре имя генерала исчезло из сводок новостей, приходящих с Гавайских островов.

Генерал Вер испарился вместе с двадцатью миллиардами долларов, в незаконном присвоении которых первоначально обвинили Маркоса. Никто не знает, куда делись деньги. Записи пропали, а банковские книги не внушают доверия. Только Имельда знает наверняка, но каждый раз, когда она поднимает телефонную трубку, она слышит щелчок, который говорит ей, что секретная служба прослушивает линию.

Почему бы и нет? Они оплачивают счета за телефон, а приз в этой игре очень велик. Двадцать миллиардов долларов – это половина внутреннего валового продукта Филлипин в 1984 году.

Этого хватит, чтобы купить половину Каулуна или оснастить совершенно новыми советскими МиГ-23 военно-воздушные силы Муамара Каддафи – по официальным данным «Солджер ов форчун» за 1986 год, у него сейчас всего 584 боевых самолета.

Если полковник получит современные боевые машины, все мы окажемся в серьезной беде... А если Фердинанд Маркос действительно располагает теми двадцатью миллиардами долларов, которые он предположительно украл в Маниле, пока был президентом, он может купить славеньское ранчо в Триполи и снова зажечь по-королевски.

Ливия – большая страна. Здесь много места для богатых изгнанников, которым закрыта дорога домой. В пустыне – миллионы акров земли, где свиньи, вроде Маркоса и Дюва-лье, могут жить в больших поместьях с золотыми стенами и поддерживать приятельские отношения со своими соседями. Со временем они станут старыми и жирными как кастрированные коты, с толстыми маленькими пальцами и мягкими волосами на загривке... и, может быть, тогда авантюры международного терроризма потеряют для них прежнюю привлекательность.

28 апреля 1986 года

Женщина из Киева

– У меня появилось ощущение, что американская пресса не очень рада тому, что жертв оказалось так мало.

Владимир Б. Ломейко,
начальник пресс-службы МИД СССР

Большую часть времени в новостном бизнесе царит затишье. Отдельные люди попадают в серьезные передраги, но это происходит довольно редко. Когда-то Джек Лондон сражался с волками, а Эд Марроу1 (1Американский комментатор. Освещал на Си-би-эс события ВтО'рой Мировой войны из Лондона (прим. перев.)) постоянно работал в кошмарных условиях – во время бомбежек, ракетных обстрелов, среди рева сирен воздушной тревоги, отчего лучшие микрофоны, предоставленные ему Си-би-эс, выходили из строя...

Сегодня такие сюжеты – экстраординарные события. Ежедневный рацион пехоты скуден. Рев Сэма Дональдсона и нытье Робина Лича нынешним продвинутым ребятам из Северо-восточных штатов или из округа Колумбия режут ухо. Эти парни потратили пять лучших лет своей жизни на изучение журналистики, а следующие десять – будут делать репортажи о деятельности мэрии Сент-Луиса или о финансовой войне между «Сейфуэй» и «Албертсон».

То же самое, что поступить на службу на флот в надежде летать на серебристом самолете, который стартует с палубы авианосца, стоящего больше, чем весь Египт, или, скажем, обстреливать сумасшедших арабских коммунистов в Бейруте и Триполи ракетами «Томагавк» по цене два миллиона долларов за штуку.

Это то, чем вы время от времени хотите заниматься, но, как правило, обычно все сводится к тупой и скучной рутине – как в армии, так и в журналистике.

Я не раз пытался завязать с писаниной, и для этого у меня всегда было достаточно справедливых оснований. Умный парень с хорошими зубами может заработать в Форт-Уорте в качестве жиголо больше, чем получает за свою работу большинство спортивных обозревателей в Далласе или даже редактор национальной информационной службы.

Но некоторые, вроде Пэта Бьюкенена, всегда выбирали не такой проторенный путь – а другую

дорогу. Они просто пристраивались к команде-победителю. Патрик в который раз отправился прямо в пасть зверя, взявшись за работу директора отдела общественных связей Белого дома.

В нашем цехе его назначение не осталось незамеченным. Сильные люди не таясь рыдали, а остальные называли это насмешкой, похожей на злобные шутки из «Калигулы».

Мои собственные связи с информационным бизнесом никогда не были такими прибыльными и респектабельными. Скорее, они напоминали хаотичные столкновения бильярдных шаров в стиле Фрэнка Манкевица, который когда-то направлял ход предвыборных кампаний Кеннеди, а теперь работает координатором в «Грей и К°», одном из самых крупных и влиятельных лоббистских объединений в Вашингтоне.

Фрэнк всегда точно попадает в цель. Мне кажется, что он один из самых умных людей в своем деле. Точно не знаю, правда ли это, так же как не знаю, работает Фрэнк Терпил на ЦРУ, но он – мой старый друг, и когда я не могу понять некоторые странные изгибы в темном лабиринте политики, я звоню Фрэнку Терпилу

В очередной раз я набрал номер учреждения в Джорджтауне на прошлой неделе, когда меня поставило в тупик колоссальное расхождение данных, полученных из разных источников, о числе погибших во время ядерной катастрофы в Советском Союзе – от двух до двух тысяч.

– Кто, черт побери, сказал, что в Чернобыле погибли две тысячи человек?

– Это сообщение ЮПИ из Киева. Они ссылаются на какую-то женщину.

– Какая-то женщина из Киева?

– Ну да, она говорила с сотрудником ЮПИ по телефону.

– Брось, Фрэнк! Мы все знаем эту «какую-то женщину» из Киева.

– Мы все знаем женщину из Киева, и мы все знаем ЮПИ, правда?

– Ну, я не уверен, что до конца. Правда ли, что ЮПИ куплено мексиканцами?

– Хм?

– Я слышал, что какой-то мексиканец купил агентство.

– Да, правильно, так оно и есть на самом деле.

– Таким образом, мы имеем дело с мексиканской службой новостей, и она заявляет, что в Киеве погибли две тысячи человек? Единственный источник информации – таинственная женщина, и мы не знаем даже номера ее телефона?

– Интересно, что парни из ЦРУ продолжает утверждать, будто они могут сказать нам, когда проклятые русские косят лужайки рядом со своими домами. У них есть такие большие камеры, знаешь? Они могут сказать, какой сорт сигарет курят прохожие на улицах Киева... но они не могут сказать, горит этот чертов город или нет.

– Ты, должно быть, все проспал, Фрэнк. Я думал, ты-то должен знать, что кроется за сообщением о двух тысячах.

– А я и вправду знаю. Я только не знаю имя той женщины.

– Ты веришь, что было сообщение, в котором говорилось о двух тысячах жертв? И что это правда?

– Я верю, что кто-то сказал это – ради всего святого – но я не думаю, что это правда. Хотя, может быть, за следующие десять лет погибнет сто тысяч людей.

– Что? Брось, Фрэнк! Давай не будем так небрежно обращаться с сегодняшними фактами. Две тысячи погибших означает две тысячи погибших вчера – а не через десять лет. Я думал, вы умные ребята.

– Ладно, скажем так: ЦРУ понравилась эта информация, поэтому они не оспаривают ее.

– Это выше моего понимания. В последнем сообщении, которое я получил, изображено огромное желто-серое облако, плывущее над Европой и направляющееся в сторону Северного полюса.

– Через Скандинавию.

– А потом в Сиэтл и Ванкувер.

– Жители спасаются бегством прямо в ночном белье.

– И по последнему прогнозу погоды, переданному Си-эн-эн, облако обязательно накроет Сиэтл.

– Полиция не исключает возможность поджога.

– Конечно. Срочно проверить всех подозреваемых!

– Это старая история о пожаре, причина которого не обнаружена.

– Так это все проделки ЮПИ?

– Ну да! Позвони им. Они тебе сами скажут.

Так и вышло. Я позвонил Энди Талли, ночному редактору ЮПИ в Вашингтоне. Он занял очень неопределенную позицию относительно «женщины из Киева» – первоначального источника информации о двух тысячах погибших на Украине в результате взрыва реактора.

Когда я спросил о ней, на другом конце телефонной линии повисла длинная пауза.

– Никто ничего не знает, – в конце концов сказал Талли. – Мы не можем ее найти. Она всегда была для нас надежным источником, но сейчас она пропала – исчезла в наступившем там хаосе. Это было неподтвержденное сообщение, – объяснил он. – Оно исходит от разведки Соединенных Штатов. Там сказали, что та женщина была кем-то вроде сестры милосердия, добровольным помощником в госпитале. Она заявила, что видела тысячи трупов. – Спасибо, – сказал я. – Теперь я понимаю.

5 мая 1986 года

Еще два года

– Подводя итог, можно сказать, что у него все в порядке, – сказал консультант Белого дома. – У него нет запущенных вопросов, поэтому все его проблемы разрешимы.

Из статьи «Newsweek» о Джордже Буше, 31 апреля 1986 года

На прошлой неделе Джимми Картер появился на телевидении в шоу Ларри Кинга¹ (1 Знаменитый телеведущий).

Он рекламировал свою новую книгу и немного порезвился, обсуждая действующих вашингтонских политиков. Дэвид Стокмен² (2Известный журналист) уже пустил кровь в воду, и запах стоял такой дразнящий, что невозможно устоять. Джимми был в хорошем настроении – мудрый и непринужденный, – но он определенно хотел поживиться на проблемах, возникших в Белом доме.

О книге беседовали не слишком много. Картер разговаривал с Кингом по телемосту, сидя где-то в Алабаме, на безопасном расстоянии от Вашингтона. Когда он говорил, перед зрителем возникал отчетливый образ снайпера, залегшего в засаде.

ЕЩЕ ДВА ГОДА

Ему жаль президента, сказал Картер. Рейган выглядит глупо и фальшиво, советники его предали, а весь мир обращается с ним, как с чучелом совы, потому что всем известно, что через два года он уйдет.

Картер особенно напирал на последний пункт. Ничего личного, сказал он, никакой подрывной политики. Но должен же кто-то сказать, что нынешний президент Соединенных Штатов не пользуется доверием нигде в мире, за исключением Санта-Барбары.

Все мировые лидеры понимают это, объяснил Джимми. Они знают, что Горбачев еще на какое-то время сохранит власть, а Рейган – нет. Поэтому они будут поддерживать с Советами деловые отношения. Они могут ублажать Рейгана, как делали это на саммите в Токио, но на самом деле их внимание будет обращено на Горбачева, потому что они знают, что с ним придется разговаривать еще не раз.

Все думают о серьезных политических планах на следующие два года. Самая значительная в мире должность скоро освободится, причем она может освободиться внезапно. Если говорить о том, кому она достанется в таком случае, то первым и единственным в очереди стоит Джордж Буш. Он бесспорный наследник, к тому же у него просто нет выбора.

Сложилось то, что у политиков называется «интересной ситуацией». Сегодняшняя ставка на Буша оборачивается для него обратной стороной медали.

После многих лет вынужденного бездействия в качестве вице-президента Буш внезапно вышел из подвала и теперь получает основательную порку каждый раз, когда открывает рот. Люди называют его тупым обывателем. Когда речь заходит о его шансах на победу в выборах, в Вашингтоне открыто смеются. Он похож на механического зайца на собачьих бегах: просто кукла, необходимая, чтобы задать темп. Скоро рядом с ним в очередь станут многие другие претенденты, и преимущество будет не на стороне Буша. Со времен Томаса Джефферсона в президенты был избран только один действующий вице-президент. Это был Мартин Ван Бьюрен в 1836 году, демократ, и выиграл он только благодаря дефолту. Когда-то могущественные виги к тому моменту дошли до того, что не смогли даже выдвинуть своего кандидата.

Такая удача Бушу не светит. В 1988 году никто не собирается выходить из состязания. Ставки слишком высоки, и заклинания религиозных проповедников не повлияют на ход событий. В этот раз стартующая группа будет напоминать марафон в Гонолулу – несмотря на то, что большинство претендентов пока еще не вышло из засады и не заявило о своих намерениях.

О своих планах пока не говорит даже Пэт Робертсон, хотя, как заметил Картер, каждый раз, когда он появляется в Айове, он собирает огромные толпы. Говоря об этом, Джимми улыбался своей знаменитой улыбкой. Вряд ли Пэт Робертсон победит в 1988 году, как, впрочем, и Джордж Буш. В политике сейчас все очень быстро меняется, и лидеры недолго пользуются доверием. Линдону Ларошу понадобилось всего два месяца, чтобы возникнуть на арене и уйти в небытие. Скорее всего Джордж Буш задержится ненамного дольше.

По расчетам аналитиков нефтяных компаний, Буша ждет крах в июне, когда цены на бензин поднимутся на 15 центов за галлон по сравнению с майскими, и сердца людей переполнятся ненавистью.

Любому лидеру неприятно получить славу «человека, который отобрал дешевый бензин у американцев», но Буш продолжает усердно работать в этом направлении.

Избиратели могут перенести почти все, за исключением внезапного и необъяснимого прыжка цены на бензин на 15 центов за галлон в то время, когда нефтяной рынок во всем мире перенасыщен.

В год, когда американцы боятся путешествовать где-либо в мире, за исключением собственной страны, это политически неприемлемо. Выбирая между угрозой терроризма и дешевым бензином, многие рассудили, что лучше ехать в Ванкувер или даже Сент-Луис, чем лететь в Каир или Грецию, рискуя быть выкинутым из самолета «Трансуорлд эр лайнз» на высоте тридцати тысяч футов над Средиземным морем.

Это унижительный, но не такой уж плохой выбор – при старых ценах. Ходили слухи, что если на рынок будут продолжать выбрасывать дешевую арабскую нефть, к середине лета цена может упасть ниже 50 центов за галлон.

Тогда Джордж Буш попытался протаранить лбом стену – по просьбе своих друзей из Хьюстона. Ему, конечно, не хотелось этим заниматься, но его вынудили политические соображения. Ночным рейсом он прилетел в Джидду. Там он попытался склонить короля Саудовской Аравии Фатха присоединиться к афере, которая, как было сказано, призвана «стабилизировать цены на нефть», то есть предотвратить их дальнейшее падение.

Первого апреля цена нефти упала до 9,70 доллара за баррель, и на этом шутки кончились. Техас оказался на грани банкротства, у серьезных людей возникли большие проблемы. Зачем тогда все это время они продвигали Буша в Вашингтоне?

Но Буш, как настоящий боец, не подвел тех, кто на него поставил. К тому времени, когда он вернулся из Джидды, цены на нефть резко подскочили. А в четверг цена поднялась еще на 53 цента. Президент корпорации «Мобил» сказал, что скоро стоимость одного барреля стабилизируется на уровне 20 долларов, «если в этом году ОПЕК, в конце концов, согласится на новую политику добычи».

Король Фатх пожал плечами. Он дал Джорджу уехать из страны, а потом назвал его тупой скотиной. Когда Буш вернулся в Белый дом, его личная судьба представлялась довольно печальной. Техас он спас, а себя нет. При росте цены бензина на 15 центов за галлон Буш обречен на судьбу Старого Моряка¹ (1Отсылка к хрестоматийной для англоамериканской литературы «Поэме о Старом Моряке» С. Кольриджа. Герой поэмы убил альбатроса и за это обречен на вечные скитания).

У него на шее висит альбатрос, и лучше бы ему сойти с дистанции. Другие придут и продолжат бег, пока он будет умирать в тумане, как Джордж Ромни. Мы будем маршировать по костям, заявил Ромни, а потом – исчез как призрак.

12 мая 1986 года

Все они утонули

Новости последней недели были невеселыми. Темп событий был высоким, характер жестоким, и не было в них ничего смешного. Заголовки кричали о безумии, ошибках и предательстве... Везде стояла гнилая погода, за исключением Лонг-Айленда, где местные члены «комитета бдительности» убили белого кита. Когда мертвого кита прибило к берегу, у него в голове зияла дыра от пули как ми-

нимум 22 калибра. Бойню устроили без видимых причин.

Смерть белого кита сразу стала предметом федерального расследования – наряду с делами Майкла Дивера, Джеки Прессер и Курта Вальдхайма¹ (1Австрийский политический деятель, в 1968-1972 гг. – министр иностранных дел Австрии, в 1972-1981 гг. – генеральный секретарь ООН. Оказался в центре политического скандала, когда выяснилось, что во время Второй Мировой войны Вальдхайм, офицер вермахта, участвовал в карательных операциях против партизан и мирного населения в Югославии).

Неожиданно налетевший буран убил девять человек на горе Худ в Орегоне, а сельские террористы-отморозки обстреляли начальную школу в деревушке Кокевиль в Вайоминге... В Нью-Йорке умер Тедди Уайт, в Лас-Вегасе собрались «тимстеры»² (2Профсоюз водителей большегрузных автомобилей), Рональд Рейган вышел из договора ОСВ-II с Россией, а генеральный прокурор Эд Миз объявил войну сексу и насилию.

Это была одна из тех недель, когда кажется, что все кругом идет не так, как надо. Космическая программа Соединенных Штатов сдохла, после того как у НАСА начались серьезные проблемы, команданте Зеро¹ («Майор Ноль» (исп.) – Эден Пастора Гомес, один из известных «полевых командиров» Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО). После победы Сандинистской революции стал ренегатом, на деньги ЦРУ организовал «южный фронт» борьбы против сандинистов (с территории Коста-Рики)) закончил войну в Никарагуа и приступил к работе в Красном Кресте, две торговые палаты в Техасе были закрыты из-за обвинения в содомии и каннибализме, а Ричард Никсон оказался на первой странице «Newsweek».

Пока в мире происходили эти события, мой друг Скиннер приехал в Колорадо, чтобы заняться тем, что он называет «продолжительным отдыхом и основательной рыбалкой».

За последние шесть-восемь недель он побывал в Триполи, Тунисе и Каире, и увиденное привело его в состояние глубокой печали. «Арабы не похожи на нас, – сказал Скиннер. – Они просто дьяволы».

Неделю он жил в нашей комнате для гостей. Каждое утро, взяв духовое ружье и зеленый пластиковый сачок, Скиннер шел ловить рыбу. Он крался по берегу ручья от одного омута к другому, и когда видел большую форель, палил в нее из ружья, а потом подцеплял сачком, пока рыба не оправилась от потрясения. В удачное утро он приносил пять-шесть больших форелей, и мы ели их на завтрак. Проблемы с рыбьими костями возникали редко, потому что от выстрела кости обычно превращались в кашу. Мы ели рыбу, как яйца, с черным перцем и мексиканским соусом. Но такой способ ловли нервировал соседей, так что когда Скиннер уехал, мы вздохнули с облегчением.

Он отправился в Мичиган, на Второй мировой конгресс по крупным озерам, который начался в прошлое воскресенье в Лансинге. Большинство увлечений Скиннера связано с оружием, властью и политикой. Однако есть исключение – Скиннер серьезно интересуется проблемами защиты окружающей среды, кислотными дождями и токсическим загрязнением источников чистой воды.

«Мы все находимся в рабской зависимости от воды, – говорит он. – Это последняя чистая вещь на Земле».

Одна из его самых больших забот (почти навязчивая идея) – постоянно возрастающий подъем уровня Большого Соленого озера в Юте, которое сейчас является самым быстро растущим водоемом в мире.

К 2000 году Юта окажется под водой, говорит Скиннер. Озеро удваивает свой объем и глубину каждые четыре года, несмотря на все попытки людей остановить этот процесс.

Если верить Новой Энциклопедии, в 1975 году Большое Соленое озеро представляло собой «мелкий соленый водоем площадью в 1000 квадратных миль и средней глубиной в 13 футов, или 4 метра».

Через десять лет глубина составляет уже 24 фута и продолжает увеличиваться. Вода уже причинила ущерб на 175 миллионов долларов: пострадали фермы, автострады и железные дороги.

На прошлой неделе Законодательное собрание Юты одобрило неотложный план уменьшения уровня озера с помощью перекачки миллионов галлонов воды в пустыню на западе штата. В результате работ, которые обойдутся в 78 миллионов долларов, будет создан водоем, который губернатор Норман Бангертер назвал «временным дочерним озером». Размеры его составят примерно треть от 30 миллионов акро-футов Большого Соленого озера.

Это странный план, изобилующий несуразностями. Отчаянный проект, основанный на исполь-

зовании примитивных технологий. Никто в Юте не рад такому решению. Но, как говорят, дренаж озера – необходимая мера, и к тому же не первая драматическая попытка белых людей в Западном полушарии осушить озеро.

Одна из самых отвратительных затей такого рода описана в саге об осушении Лаго-де-Амор, застойного пруда в высокогорьях Колумбии, где в гнилой черной грязи до сих пор лежат легендарные сокровища Эльдорадо.

Об этом рассказывает книга «Дворец плодов», написанная британцем Чарльзом Николлом, который попал в эти места, когда бродил в поисках кокаинового рая.

«Эльдорадо вначале не было названием места, – говорит Николл, – в переводе это слово означает “позолоченный человек”». В империи индейцев чибча он был ключевой фигурой в обряде коронации местных вождей (касиков).

«На берегу пруда этого человека раздевали догола, намазывали клейкой резиной и посыпали золотой пылью. Наготове стоял камышовый плот, на котором курились жаровни с благовониями и лежали груды золота и драгоценных камней».

На плот садились четыре касика и эльдорадо. Они выплывали на середину озера. Там эльдорадо прыгал в воду и смывал с себя золото. Обряд завершался сбрасыванием всего золота и драгоценных камней в озеро.

Когда испанцы узнали об этой традиции, они несколько раз пытались осушить озеро. Первую такую попытку предпринял Эрнан Перес де Кесада в 1545 году:

«Цепочка индейских невольников с кувшинами из тыквы черпала воду. Так удалось понизить уровень воды на десять футов; этого оказалось достаточно, чтобы достать 3 тысячи золотых песо». Удавалось осилить три фута в месяц, но дождь наполнял пруд почти с такой же скоростью. Через 40 лет Антонио де Сепульведа привел 8 тысяч индейцев и понизил уровень воды на 60 футов. Он нашел немного золота и драгоценных камней, в том числе «изумруд размером с куриное яйцо». Де Сепульведа не получил от правительства денег для дальнейшей работы и умер от «нищеты и истощения».

В 1825 году некий французский ученый заявил, что в озере все еще лежат сокровища стомимостью в 1 миллион 120 тысяч фунтов.

Озеро было полностью осушено в 1899 году, когда британская акционерная компания «Контракторс лимитед» купила право на «использование пруда».

«Сначала они просверлили тоннель прямо под озером, потом – в его центре, и вода вытекла через это гигантское сливное отверстие. Чтобы не упустить ценности, воду пропускали через специальное сито».

Дно озера оказалось покрытым слоями грязи и липкого ила. По топкому дну было невозможно ходить. Под горячими лучами солнца грязь вскоре высохла и приобрела твердость бетона. Даже буровое оборудование не смогло освободить забитый грязью сливной тоннель, и через некоторое время озеро вновь наполнилось водой.

19 мая 1986 года

Еще четыре игры

Прошлая неделя была богата новостями. Казалось, весь мир пришел в движение, даже в заголовках газет чувствовалась его скорость... В ЮАР произошли выступления нацистов, бомб в Бейруте взорвалось больше, чем обычно, на Соломоновы острова обрушился тайфун; ученые США вновь провели ядерные испытания в Неваде.

В воскресенье «Хьюстон рокетс» выиграли у «Лейкерс», а во вторник вечером добились их окончательно. Сумасшедший удар, предопределивший исход схватки, сделал Ральф Сэмпсон на последней секунде.

Вначале «Лейкерс» отчаянно бились, но к концу игры сдохли, как крысы во время потопа... «Ракеты» улетели обратно в Техас и стали готовиться к серьезной взбучке, которую им предстоит получить от «Бостон Кельтикс».

Это должно произойти завтра. По прогнозу, они должны победить с перевесом в 9 очков, но, скорее всего, «Кельтикс» выиграют с перевесом в 14 или 15, и вторая игра пойдет по тому же сценарию. У «Кельтикс» шансы 7 к 1 выиграть серии игр, и по меньшей мере 2 к 1 – сделать это в четырех следующих друг за другом сериях. Такой прогноз кажется верным или даже немного великодушным

к неудачникам... Ставки в кассе Тихоокеанского бассейна могут докатиться – если добавить немного смазки – до 10 к 1, и на депозите окажется серьезная сумма.

Впрочем, не все видят ситуацию в таком свете. Есть люди, которые думают, что «Хьюстон» может даже выиграть серии, потому что игроки в этой команде, взятые по отдельности, крупнее и атлетичнее. Сэмпсон и Аким Оладжувон могут сломать переднюю линию «Кельтикс», как они сломали Ка-рима на Форуме.

Даже Джек Николсон, по слухам, был ошеломлен. Служащие стадиона вывели его через боковой выход, а потом на автостоянке грубая толпа осыпала его насмешками.

В это время, в Вашингтоне, директор ЦРУ Д. Кейси обвинил в государственной измене «Новости Эн-би-си», а Рональд Рейган лично испытал на прочность «Washington Post». Когда Кейси не смог удержать «Пост» от публикации большой статьи Боба Вудворда о сегодняшних операциях ЦРУ, наш старый добрый президент просто улыбался и болтал бессмысленный вздор – а потом снял телефонную трубку и лично поговорил с издателем газеты Катариной Грэм. После их беседы статья была отозвана для доработки, что означало удаление больших фрагментов, важных для смысла, и заполнение пробелов водой.

Вудворд злился и ругался, но законники называли его параноиком. Статью выпотрошили, как было сказано, по соображениям национальной безопасности. Операция, проведенная Белым домом, была настолько вопиющим примером цензуры и кастрации журналистского труда, что даже «USA Today» назвала произошедшее позором. «“Post” уступила, – пишет обозреватель газеты Майкл Д. Гартнер, – и опубликовала отредактированную статью, которая приобрела длину в пять футов и девять дюймов. Мягкость и вежливость статьи теперь соответствовала ее многословное™».

Поражение «Post» породило волну страха и смятения во всем журналистском сообществе. Это было похоже на слухи в Бостоне о мошенничестве Ларри Берда1 (известный баскетболист, игрок НБА) или на истории о священниках, которые торговали пухлыми мальчиками прямо из микроавтобусов рядом с Фенуэй-парком.

Всем неприятно слышать такие вещи. Если можно запугать «Post», то кто может чувствовать себя в безопасности? Эн-би-си все еще держится, но Кейси настаивает на серьезном наказании. Окончательное решение – за генеральным прокурором Эдом Мизом, который продолжает увлеченно бороться с порнографией. Возглавляемая Мизом комиссия должна скоро опубликовать результаты своей работы.

Я еще не видел ДОКЛАД МИЗА. Официально он будет готов через несколько недель, но многие его пункты уже сейчас обсуждаются в программах новостей. Нам придется расхлебывать последствия этого доклада так долго, что от этого перестанут получать удовольствие даже адвокаты. Они будут по горло завалены работой до тех пор, пока ажиотаж не закончится.

Все, кто даже отдаленно связан с порнобизнесом, подвергнутся публичной порке на обоих бережьях. Охота будет продолжаться около шести месяцев – пока Миз будет пытаться найти доказательства связи между сексом и насилием. Кажется, наличие такой связи является главным вопросом его долгожданного доклада. Работа Эда Миза зацепит всех нас. Для подготовки своего доклада он запустил колоссальные ресурсы федерального аппарата. Теперь не меньше двух лет понадобится, чтобы демонтировать созданные структуры и немного успокоиться...

На самом деле это вряд ли произойдет так быстро. Заряжено уже слишком много артиллерийских орудий. Федералы теперь не смогут отступить без скальпов и трофеев. Сотни младших прокуроров и помощников окружных прокуроров по всей стране уже строят свою карьеру на профессиональном участии в войне Большого Эда с порнографией.

Федеральный правительственный аппарат, это чудовище Франкенштейна, всю последнюю неделю, так или иначе, имел дело с преступлением и наказанием. Миз занимался сексуальными маньяками, Кейси поймел прессу, а Джордж Шульц фактически отвечал за все остальное, кроме Майами и Саудовской Аравии, где ситуацию пока еще контролирует Джордж Буш.

Эти парни управляют кораблем, слишком упрямым для старого, доброго стиля руководства, основанного на невмешательстве в частную жизнь, и, кажется, в защите у них не так много игроков. Единственной хорошей новостью из Вашингтона была сага о Капитане Полночь. Этот таинственный видеотеррорист стал легендой после того, как заблокировал трансляцию фильма на канале Эйч-би-оу и показал собственный четырехцветный ролик, в котором выступил с протестом против кодировки спутникового сигнала и новой схемы налогов и платежей и против того, что миллионы владельцев

спутниковых антенн вынуждены покупать дорогое дешифрующее оборудование.

Капитан Полночь до сих пор не найден, несмотря на все усилия ФБР, ФКС и многочисленных правительственных агентов в самых разных местах – от Роттердама до «Локхида» и «Моссада».

Люди вроде Миза, Кейси и Уэбстера отправили представителей ФКС в Конгресс, чтобы подготовить проект закона, по которому наказание за вмешательство в спутниковое вещание увеличится со штрафа в 10 тысяч долларов и/или года тюрьмы до 100 тысяч долларов и/или 10 лет тюрьмы.

Реальные последствия выступления Капитана Полночь незначительны, но факт взлома спутникового канала сам по себе – серьезная проблема. Лучшие умы телекоммуникационных компаний говорили руководству Эйч-би-оу, что никакой пират не может вмешаться в трансляцию – но никто никогда даже не думал о возможности того, что какой-то чужак взлетит в преобразователь с помощью мощного 2000-ваттного сигнала.

Той ночью Эйч-би-оу вела трансляцию на 125 ваттах, и посторонний сигнал Капитана Полночь вначале не приняли всерьез. Это произошло в 12 часов 32 минуты в Нью-Йорке. Дежурные инженеры на главном преобразователе Эйч-би-оу, расположенном на Лонг-Айленде, сначала попытались сами справиться с дьявольски мощным сигналом передатчика Капитана Полночь – но когда нелегал урубил 2000 ватт, парни из Эйч-би-оу сдались и позвонили в ФБР.

26 мая 1986 года

Последний танец в тупом городе

На прошлой неделе я сидел в «Таверне» в Вуди-Крик и, как обычно, отхлебывал виски из большой бутылки. Я дожидался момента, когда концентрация алкоголя в крови дойдет до уровня, который мне требуется, чтобы начать безумную гонку на машине по местным хайвеям, объездным дорогам и бездорожью. Тут в таверну вошел парень, приехавший, по его словам, из Майами, и сказал, что хочет продать скоростной мотоцикл за пять тысяч долларов наличными.

Его мотоцикл был предназначен для гонок по городским улицам. Маленький, забавный и навороченный. С серебристым мотором размером не больше футбольного мяча и сиденьем, обтянутым итальянской кожей. Мотоцикл стоял, привязанный розовыми упругими веревками к платформе маленького грузовичка.

Никто из сидевших в таверне не обратил на парня внимания. По телевизору шел фильм о французских ученых, которые пытались погрузить белого медведя на корабль, напоминавший карибскую туристическую яхту. Зверь ревел и махал лапами, но на него накинули сеть, а потом появилась женщина с обнаженной грудью, одетая в бикини, и выстрелила в спину медведя усыпляющей пулей.

Середина скучного дня в Скалистых горах, в баре мало посетителей, и все они поглощены собственными проблемами. Местные жители – ковбои и азартные игроки. В ту минуту они меньше всего думали о покупке скоростного итальянского мотоцикла.

Приезжий огляделся вокруг, потом плюхнулся на скамейку рядом с окном и заказал порцию тернового джина.

– Кому интересны эти белые медведи? – проворчал он. – Они глупее собак и могут броситься на тебя без всякой причины.

Я увидел, как Кромвеля передернуло. Все утро он сидел в дальнем конце бара, нянчил бутылку «Музхеда» и беспомощно бормотал о ставках на 9-очковый разрыв в матче «Кельтикс» и «Рокетс». Показ игры по телевизору должен был начаться поздно вечером. Кромвель сделал большие ставки на «Рокетс» и поставил 16 к 1 против серии четырех непрерывных побед. Теперь он понял, что оказался глубоко в заднице.

Стоял странный день. Утро было теплым и солнечным, но в полдень стал накрапывать дождь, а небо угрожающе почернело. В половине третьего раздался раскат грома и засверкали молнии – первая весенняя гроза в этом году.

Фильм о белых медведях продолжался. Животных привезли в зоопарк на окраине Парижа, имплантировали им в мягкие части тела электрические датчики, а потом выпустили на склонах горы Арарат.

Вопрос «зачем?» остался без ответа. Типичный фильм о работе секретных служб. Такие фильмы умеют снимать только французы. А на другом конце земного шара, на высоте 8000 футов над уровнем моря, в Скалистых горах, на берегу реки, в придорожной таверне какой-то нервный малень-

кий фрукт из Майами, пребывающий в состоянии полной поведенческой дезориентации, пытался продать ковбоям итальянский мотоцикл, предназначенный для езды по городу.

Некоторое время Кромвель мрачно наблюдал за ним, потом встал и достал из своего кармана пару рифленых кожаных перчаток.

– Ну ладно, – сказал он. – Ты выбрал правильное место, чтобы предложить свой товар. Давай посмотрим на мотоцикл.

– Что? – спросил приезжий. – Вы действительно хотите его купить?

– Пока нет, – сказал Кромвель. – Но я куплю, если он развивает хорошую скорость. Я только что вернулся из Вегаса, и у меня на руках куча денег.

Откуда-то сзади, из кухни, раздался глупый смешок, но я сумел сохранить серьезное выражение лица.

Настоящая цена мотоцикла – десять тысяч, сказал приезжий, но так как он здесь человек новый, то скинет до пяти. Во всем мире есть еще только один точно такой же мотоцикл, и он был куплен Стивом Маккуином за сорок тысяч долларов.

– Кто из нас на нем поедет? – спросил Кромвель. – Я хочу устроить гонку: мотоцикл против моего джипа – мило по дороге до каменного карьера.

Он вышел под дождь и снял маленький симпатичный мотоцикл с платформы.

Потом Кромвель надел свои перчатки для мотокросса.

– Если мотоцикл окажется быстрее моего джипа, – сказал он, – я дам тебе десять кусков, но если наоборот – ты отдашь его даром.

Приезжий вытаращил глаза. Все кругом молчали.

– Вы с ума сошли? – наконец пробормотал парень. – Вы хотите устроить соревнование моего «дьюкати» с вашим чертовым джипом? За десять тысяч долларов?

– А почему бы и нет? – сказал Кромвель. – Давай начнем, пока не налетела гроза.

Нам всем понравилась его идея: «Победитель получает все». Кромвель вывел из угла стоянки свой страшный заляпанный грязью джип и развернул его вдоль дороги, а парень из Майами вывел свой мотоцикл. Я обошел машину Кромвеля и плотнее закрепил задний бампер. Его машина была таким быстрым и мощным чудовищем, что ездить по проселочным дорогам Колорадо на ней было страшно. На машине стоял 600-сильный мотор – турбо «форд-кос-ворт».

Окружающие стали делать ставки. Были слышны разговоры о «честных долларах» и депозите. Парень по имени Текс выступил вперед и сказал, что согласен держать наличные до конца гонок.

Мы все вели себя, будто бы нас увлекла эта затея, хотя на самом деле всем было наплевать... А через мгновение весь мир взорвался: грохот и яркая вспышка отбросили нас в сторону. Джип Кромвеля вспыхнул голубым огнем, как зажигательная бомба, и, окутанный облаком отвратительного электрического дыма, упал на мотоцикл.

Всех нас оглушило. Теперь я вспоминаю: следующее, что я услышал, был женский крик: «О господи! Текс, не умирай!» Я чувствовал, как меня тащат через дорогу. Я не узнавал окружающих. Везде стоял запах паленых волос; я слышал, как говорили о «кислороде», «сердечной недостаточности» и «человеческом пепле».

В тот день все деньги остались у своих хозяев. Мы никогда больше не видели того парня из Майами. Через несколько дней я опять заехал в таверну, и мне рассказали подробности происшествия. В нас ударила молния, большой голубой шар, который упал на стоянку, а потом прокатился по дороге двести футов до ручья и там взорвался.

Текс остался в живых, но его сердце превратилось в маленький кусок угля, а лицо сморщилось, как изюмина. Доктор из Феникса сказал, что тело Текса состарилось, теперь ему лет четыреста, и если он случайно ударится обо что-нибудь твердое, то он скорее всего расколется, как дешевый стеклянный стакан.

Я больше никогда не видел Текса. Семья поселила его в сельском отеле, где-то в Аризоне. Там он, совершенно беспомощный, будет доживать до конца то, что осталось от его жизни.

На стоянке напротив «Таверны» Вуди-Крик до сих пор виднеется большой кратер. Края ямы покрыты черной обугленной коркой, а на дне – лужа гнилой застоявшейся воды... Я больше не возвращался сюда с тех пор, как закончил работу и переехал на Север по причинам, связанным с моей профессией.

2 июня 1986 года

Расцвет телепроповедников

– *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.*

Мтф. 7:15

В последнюю неделю в среде евангелистов воцарился совершенно новый дух: радостно-авантюрный. Служители Бога вошли в американскую политику с энергией, невиданной со времен Уильяма Дженнингса Брайена, и их переполняло предвкушение увлекательных приключений.

Спасение душ всегда было прибыльным делом. Тем не менее в последние годы среди «Движения Иисуса» все шире распространялось ощущение страха и неисполненных надежд. Они все больше утверждались в мысли, что воля Всемогущего может быть лучше выражена – и стать более действенной, – если Его слуги будут работать в Белом доме, а не в обшарпанной церкви где-нибудь в Молайне.

У них и раньше возникали такие мысли; хотя, как правило, они не доводят до добра, от искушения никогда не удава-ется избавиться до конца. Похоже на похоть или малярию, но если вы хоть раз увидите, как человек, который ничем вас не лучше, стоит рядом с президентом на балконе Белого дома и машет рукой, приветствуя радостные толпы, ваша жизнь уже никогда не будет прежней.

Такая же история приключилась в прошлом году с популярным проповедником из Виргиния-Бич по имени Пэт Робертсон. Однажды утром он включил телевизор и увидел, как преподобный Джерри Фолуэлл – воин-евангелист, похожий на самого Пэта, но с куда меньшим списком почитателей, – неспешно прогуливается по овальному кабинету и перекидывается шутками с Рональдом Рейганом.

Для Робертсона это было мучительное зрелище. К тому же прошло совсем немного времени с того момента, когда Пэт услышал Глас Божий, призвавший его принять участие в борьбе за кресло президента США в 1988 году – от Республиканской партии. Вначале, сказал Пэт, его испугало это Откровение. Он хотел бы услышать другое предложение, но Бог редко ошибается в таких делах, и Пэт понял, что выбора нет...

Особенно теперь, в момент важнейшего исторического поворота, когда его старый конкурент Фолуэлл уже увидел новый свет и начал карабкаться на политическую вершину. Теперь нет ничего сверхъестественного в бескомпромиссных евангелистах-пятидесятниках, к которым прислушивается президент и которые оказывают влияние на национальную политику.

Фолуэлл уже преуспел в этом. Он пролез в ближайшее окружение в Белом доме: теперь он борется с порнографией плечо к плечу с генеральным прокурором Эдом Мизом и пишет речи для вице-президента Буша. Он официально признан, его мнение имеет большой вес, а охрана у ворот Белого дома называет его Джерри.

Пэт Робертсон взял все это на заметку и соответственно выстроил свои планы. В конце концов он самая крупная фигура в телеевангелизме. Список людей, пишущих ему письма, длиннее, чем у Фолуэлла. Он владелец телеканала, который каждый день смотрят в 28 миллионах домов.

Вначале Пэт немного колебался, но искушение было невыносимым. Через короткое время он сформировал комитет советников, который назвал «Свободным собором», и серьезно занялся политикой.

Отдельные люди над ним посмеивались – но не Фолуэлл, который понимает правила игры так, как не дано понимать Джорджу Бушу. Или, по крайней мере, достаточно хорошо, чтобы увидеть зловещую черную тучу, нависшую над его собственным политическим будущим. Угроза стала явной, когда на прошлой неделе преподобный Робертсон победил Буша и молодого консервативного лидера Джека Кемпа в неприметных местных выборах, состоявшихся в Мичигане. Результаты подобных выборов не имеют значения для политиков за исключением, может быть, общепринятых лидеров вроде Буша – в том случае, если они каким-то образом ухитряются проиграть.

Что Буш и сделал. Причину его провала никто вразумительно не объяснил. Результат стал хорошей рекламой для Робертсона, хотя он все еще далеко позади Буша в гонке, и пока я не стал бы биться об заклад, что он опередит хоть кого-нибудь, кроме, может быть, Линдона Лароша.

Политические профессионалы назвали результат голосования в Мичигане нелепым, но не все они говорили искренне. Пэт Робертсон показал, что способен неожиданно напасть на лидеров из засады. Кроме того, нет ничего странного в унижительном провале двух политиков – действующего вице-президента и главного поборника рейганомии в Конгрессе, – которым не удалось отбить наглую

вылазку «темной лошадки», пусть это был всего-навсего проповедник-шарлатан из захолустной виргинской церкви.

Насчет того, что произойдет на последнем отрезке дистанции, когда самые сильные игроки по-настоящему разогреются, не существует единого мнения... но парни в красных галстуках и синих костюмах, которые периодически появляются в вечерней передаче Дюка Зибертса и которым платят за то, что они разбираются в политике, – так вот, эти парни не советуют своим друзьям ставить на то, что в решающий момент победят Буш или Джек Кемп.

По той же причине они не делают больших ставок на Пэта Робертсона. В конце концов он – просто очередной раскрученный проповедник-миллионер, который видит в большой политике не более чем новый способ передачи по кругу тарелки для сбора денег. Пэт выглядит как Джонни Карсон и говорит как любой другой богатый дядя. Но на фоне Джорджа Буша – законченного обывателя, и Джека Кемпа – пустого болтуна, преподобный Пэт смотрится очень хорошо. По крайней мере, он будет помехой для лидеров, будет отбирать у них голоса избирателей, выжидая, пока не подвернется дело поинтереснее. Может быть, Робертсон никогда не станет президентом, но он говорит, что Бог на его стороне, и в таких штатах, как Техас и Флорида, одолеть его будет непросто.

Он приятный человек, а в политике это много значит. На счету у Ричарда Никсона было много великих побед, но он был лишен привлекательности, и в итоге его выгнали из Вашингтона как отвратительного тролля. Ему еще повезло, что он унес оттуда ноги живым...

Судьба Пэта Робертсона сложится по-другому. Пэт – исцелитель, как он сам говорит, истинный пророк Господа. Он повторял это так много раз, что, кажется, сам в это поверил.

Всем известна история, когда он исцелил перед телекамерой больного, чьи легкие были «поражены раком».

«С кашлем выходят куски легких, – сказал Робертсон. – Не знаю как, но Бог исцеляет тебя прямо сейчас. Аминь».

9 июня 1986 года

Сделка со свиньями

– Нужно освободить всю нашу общественную жизнь от затхлого удушья современной эротики, нужно очистить атмосферу от всех противоестественных и бесчестных пороков... Право индивидуальной свободы должно отступить на задний план перед обязанностью сохранения расы.

Адольф Гитлер. Майн кампф, 1924 год

На прошлой неделе доклад Миза был отправлен в печать. Кажется, никто так и не понял, в чем смысл проделанной работы. Проблема «порнографии» очередной раз потерялась в идиотской неразберихе среди противоречивых и бессмысленных слухов. Расходы на подготовку доклада стоили бюджету половину суммы, которую в прошлом году братья Митчелл израсходовали на почтовые марки.

Комиссия из одиннадцати членов – сомнительная компания церковных проповедников, законников, моралистов и профессиональных поборников карательных мер – провела последний год, блуждая по всей стране и проверяя слухи о мнимых сексуальных преступлениях в таких местах, как Хьюстон, Ньюарк и трущобы восточного Сент-Луиса.

Первоначально идея расследования заключалась в том, чтобы найти связь между сексом, насилием и растлением детей. В итоге, комиссия не пришла к полному согласию ни по одному вопросу; единственным исключением стал вывод, что непристойные видеозаписи продаются по завышенной цене.

Пока неизвестно точно, какие именно умозаключения были сделаны, но две женщины – члены комиссии уже выступили с заявлением, которое наводит на мысль, что остальные девять человек – фанатики-фундаменталисты, хуже Фрэнка Каша1 (Известный игрок в американский футбол, «гордость штата Аризона») или Германа Геринга, – потратили почти все время на прогулки вокруг общественных писсуаров и школьных раздевалок.

Жалобные стенания слышались из стана проституток, проповедников, коррумпированных копов и торговцев непристойностями. Завшивевшие люди с открытыми язвами на теле трясли своими кулаками перед пожилыми женщинами и ломали антенны стоящих на улице машин. Среди профессионалов секса нарастали беспомощность, смятение и страх.

Служба новостей «Нью-Йорк тайме» поместила на первой странице аналитическую статью, которую можно поставить в один ряд с худшими примерами бессмысленного вздора в англоязычной журналистике.

Окончательный вариант доклада Миза будет, скорее всего, объемным справочником по всем аспектам сексуального бизнеса. В него войдут сотни цветных фотографий, тысячи фильмов, описание и обсуждение всех отклонений, отвратительных извращений и преступлений, начиная со времен императора Нерона и доисторической Японии. Книга должна выйти в июле, и ей гарантирована судьба бестселлера.

«По количеству проданных экземпляров она побьет “Праздник кулинарии”, – сказал один специалист в издательском бизнесе. – Если бы у меня была маленькая толстенькая дочка, я бы запер ее в подвале, обрил бы ей голову и перебил пальцы, чтобы они стали как крендели, и она никогда не смогла бы водить машину. Последний раз такая штука появилась в печати в 1970 году, когда боссом был Никсон, и это стоило мне должности, а моя первая жена превратилась в маленькое грязное животное. Она сбежала с фермером из Юмы, который потом запер ее на ферме и заставил ухаживать за свиньями».

Сейчас многие готовы заключить пари, что благодаря изданию этого нового пособия по сексу Эд Миз получит место в Верховном суде США – даже если ни один из сегодняшних пожилых судей к тому времени не умрет. В Вашингтоне ходят упорные слухи о сделке, заключенной между Белым домом и председателем Верховного суда Бергером, который, как известно, страдает серьезным заболеванием нервной системы.

Итак, рынок и обширная подпольная индустрия секса будут зачищены. Другие ответные шаги на доклад Миза будут еще в большей степени связаны с насилием. Многие производители порнофильмов, вероятно, попадут в тюрьму еще до того, как Миз закончит исполнять обязанности генерального прокурора и уйдет в Верховный суд.

Одна моя знакомая из Сан-Франциско, которая долго работала стриптизершей в разнообразных секс-шоу на Западе, включая притоны и публичные дома в Неваде, настаивает, что между сексом и насилием нет связи, если не считать некоторых «профессионалов» и отдельных полицейских с неустойчивой психикой.

– Я знала только одного парня, который был действительно опасен. Он был очень верующим. Писал мне письма два или три раза в неделю. Разговаривал с Богом по радио, а со мной общался телепатически, – рассказывала она. – Я испугалась и написала его психиатру, но это не помогло. Тогда я позвонила своему другу – копу, который работал с психическими. Он поговорил с парнем, и тот больше ко мне не приматывался.

Другой раз у меня была проблема с сорокалетним мужчиной, который предлагал развлечься вместе с его старушкой, – продолжала она. – Но это было тридцать лет назад. Тогда мне это показалось немного странным.

Я продаю сексуальные фантазии, и в этом занятии есть свои неприятные стороны, – она сделала паузу. – Многие мужчины плохо относятся к женщинам. Но меня никогда не преследовали, и, насколько я знаю, ни одну из девушек, с которыми я работаю, не насиловали.

Я не думаю, что, когда наши клиенты выходят на улицу, они кого-нибудь насилуют. Иногда меня на улице пытаются зажать в угол программисты из Сан-Хосе, – сказала она, – но после многих лет занятия стриптизом такие попытки предвидишь заранее.

16 июня 1986 года

Высылка в Малайзию

Вчера утром я отправился на пляж, чтобы встретиться со своим адвокатом. Авеню были окутаны густым туманом. По календарю восход солнца начинался в 5:47 – но это только для людей, живущих на возвышенности в центре города. На Сорок четвертой авеню никакого восхода солнца не наблюдалось до девяти тридцати или десяти, а на некоторых участках Большого хайвея восхода не было вообще.

На рассвете адвокат позвонил мне из «Ботхаус-Холла», дома на берегу озера Мерсед, и сказал, что столкнулся с трагической ситуацией. Ему требовалась моя помощь. Пожилой китаец, один из его самых состоятельных и влиятельных клиентов, всю ночь пытается покончить жизнь самоубийством.

В последнюю минуту адвокату удалось остановить старика. В непроглядном тумане старый китаец отплывал от берега на маленькой лодке. К шее у него были привязаны железные бруски. После тяжелой борьбы китаец сдался, потом немного успокоился и согласился зайти в помещение, чтобы выпить последнюю чашку горячего кофе.

Я сказал, что приеду немедленно.

– Там недалеко от вас площадка для гольфа, где я всегда играю. Я захвачу свои клюшки.

– Ты с ума сошел? – закричал мой адвокат. – У меня тут такой ужас, а ты собираешься играть в гольф? Безумие!.. Кроме того, туман такой густой, что даже озера не видно.

– Ничего страшного, – сказал я. – Я купил новую железную – первый номер – и хочу опробовать ее перед тем, как рискну использовать при всем народе.

– Железная, первый номер? – сказал он. – Боже! Избавься от нее. Даже Иисус не может хорошо играть железным первым номером.

Потом адвокат рассказал, что старый китаец начал думать о самоубийстве уже несколько месяцев назад – после того, как Служба иммиграции и натурализации приняла решение депортировать его в Малайзию, откуда он приехал около 30 лет назад.

Китайца арестовали за рыбную ловлю без лицензии, когда он учил двух своих внуков забрасывать спиннинг на озере. Незначительное нарушение, штраф за которое составляет около девяти долларов, но, когда инспектор отправил его имя в большой компьютер, выяснилось, что старик живет в стране нелегально.

У него не было документов, подтверждающих американское гражданство, поэтому ему дали тринадцать дней, чтобы выехать из страны – несмотря на протесты всей азиатской общины. Хозяин сети цветочных магазинов и старейшина большой китайской семьи, он пользовался всеобщей любовью и уважением. У него было девять детей и двенадцать внуков. Его семья имела большое влияние в китайском квартале с 1933 года.

Когда я добрался до «Ботхаус-Холла», они сидели в темном углу зала, уставившись на озеро. Атмосфера была накаленной, оба пили джин. Заведение еще не открылось, но старый китаец хорошо знал тайваньскую семью, которая арендовала здание. Здесь он прятался уже три недели, с тех пор, как забрал свой залог и официально стал беглецом.

Его искали федералы. Его вышлют, как только попадет к ним в лапы. Ситуация была безвыходной, хотя мой адвокат отчаянно пытался помочь. Но даже он говорил, что надежды почти нет.

Старик ударил по столу и крикнул:

– Почему Малайзия? Меня там убьют, как только я туда попаду! Семья моей матери была полностью уничтожена за сотрудничество с японцами.

Я положил руку ему на плечо.

– Я вас понимаю, – сказал я. – Это ужасно. Малайзия превратилась в одну из самых жестоких стран в мире. На днях я разговаривал с одним парнем из Гонконга, он сказал, что двух его друзей из Австралии чуть не повесили за незначительное нарушение закона о наркотиках.

– Повесили? – застонал он. – Вы имеете в виду виселицу?

– В Куала-Лумпуре часто вешают, – сказал я. – В последнее время там жуткие порядки. У вас нет ни единого шанса. Люди в черных капюшонах схватят вас в ту же минуту, как вы сойдете с самолета.

– О Боже! – закричал он. – Это правда. Они прикончат меня, как больного зверя.

Китаец вскочил и схватил металлический гарпун, висевший на стене, позади бара, однако прежде чем он успел ударить себя, мой адвокат обхватил его за плечи.

– Не делай этого, Бенчжи! – сказал он с некоторым раздражением. – Все не так плохо. Может быть, нам еще удастся переправить тебя в Гонконг.

Тут в комнату с громким криком ворвалась китаянка. Она обняла старика и прижалась к его груди.

– Не дай им убить себя, папа! – вопила она. – Не дай им себя повесить!

Старик старался успокоить женщину, которая, судя по всему, была его дочерью, но сам явно оставался угнетен.

– Уходи, – пробурчал он. – Все кончено. Нас всех перебьют, одного за другим. Они истребят всю семью, всех твоих скулящих щенков.

Он безумно захохотал и снова схватил гарпун. Женщина быстро убежала, а мы опять набросились на старика. Он сопротивлялся пару секунд, потом осел на пол и начал бормотать по-китайски. Неприятное зрелище – особенно ранним утром и в густом тумане – и, честно говоря, я больше не хотел участвовать в этой истории.

– Давай позавтракаем, – сказал я своему адвокату. – На холме, рядом с площадкой для гольфа, мы можем взять по порции отличной кровяной колбасы.

Некоторое время адвокат рассматривал высокий деревянный потолок, потом медленно кивнул и сказал:

– Конечно. Перекусим, а потом сделаем пару ударов по мячу твоей новой железной клюшкой.

– Что нам мешает? – сказал я. – Все эти преступники-иностранцы создали нам достаточно проблем. Пусть теперь имеют дело со своими соотечественниками.

Мой адвокат резко встал и пошел по холлу в сторону платного телефона. Старик горько рыдал. Но его проблемы не имели к нам отношения. Он был виновен. Это было как-то связано с рыбой. Ему следовало побеспокоиться о том, чтобы документы были в порядке.

По дороге на автостоянку мой адвокат остановился и шепотом перекинулся несколькими словами с дочерью старика. Она улыбнулась и сказала, что все в порядке. Она еще встретится с нами.

Когда мы отъезжали, я увидел, как к двери «Ботхаус-Хол-ла» подъехал черный микроавтобус. Из него выскочили четыре человека в зеленых комбинезонах и лихо ворвались в дверь.

– Кто это? – спросил я.

– Ла-Мигра1 (1Служба иммиграции и натурализации США (прим. перев.)), – сказал адвокат. – У меня не было выбора.

Он мрачно покачал головой.

– Не волнуйся, – проворчал он. – Они разберутся с этой свиньей. Нам больше не придется о нем беспокоиться.

Мы ехали по дороге, ведущей к площадке для гольфа. Последние клочья тумана растворялись в прозрачном воздухе, поднималось солнце. Теперь нас интересовал только гольф. Воскресное утро в парке было прекрасным.

23 июня 1986 года

Укромное логово

На прошлой неделе внимание американского секс-бизнеса было обращено к Голливуду. Там, в роскошном зеркальном отеле с видом на студию «Universal», магнаты секс-индустрии собрались на десятый ежегодный фестиваль эротического кино. Они приехали с обоих побережий, чтобы отдать дань уважения лучшим из лучших в своих рядах.

Гости прибывали без лишнего шума и селились в пентхаусах блестящего отеля «Шератон-премьер» со своими женами или даже детьми. Многие регистрировались под чужими именами или под корпоративным прикрытием. Случайный человек принял бы их за акционеров корпорации «Крайслер». Мужчины щеголяли в вечерних костюмах, а женщины были одеты в шелковые платья.

В небе над отелем не шарил прожекторы, и Робина Лича1 (1Журналист и телеведущий; его телепрограммы были посвящены знаменитым и богатым людям, здоровому образу жизни, путешествиям (прим. перев.)) не пригласили.

Фестиваль был почти частным мероприятием. Он проходил в рамках восемнадцатого ежегодного собрания американской ассоциации производителей «фильмов для взрослых», этого старого консорциума владельцев порностудий. Сейчас всему их племени угрожала опасность.

Здесь были люди, которые долгое время обеспечивали укромные тайные прибежища для людей вроде презренного Ри-кардо Рамиреса2 (2Серийный убийца (прим. перев.)) из Лос-Анджелеса – «Ночного охотника», – или Альберто Дисальво3 (3Серийный убийца-душитель (прим. перев.)) из Бостона. У нас много «кинотеатров для взрослых», где традиционно болтаются грязные старички в дешевых черных плащах. Часто они висят там неделями – между припадками безумия, во время которых они блуждают по улицам и преследуют маленьких детей.

В списке гостей значились только очень влиятельные люди. Оттуда вычеркнули даже Сина Даниеля, исполнительного продюсера «Universal»... Но там были Ларри Флинт и Эл Голдстейн, изда-

тель «Screw», из Нью-Йорка. Там были также Рас Гемпшир, президент влиятельной студии VCA в Голливуде, и еще братья Митчелл.

Мы прибыли около полудня в аэропорт Бербэнк. Там нас встретили и доставили на белом «линкольне» в гостиницу. Шофер ни слова не говорил по-английски. По пути, на светофоре, в нас резко въехала серая «BMW» – прямо на бульваре Виктори, перед погребальной конторой братьев Пирс – но наш шофер поддал газу и умчался, сделав вид, что ничего не заметил. От толчка голова у меня дернулась в сторону, как у резинового цыпленка. Потом, всю конференцию, я мучился от болей в позвоночнике. В отеле мне делали массаж и вытяжение, но боль так до конца и не прошла.

Фестиваль стал заметным событием. Он напоминал легендарный слет в Аппалачах, правда, здесь никого не арестовали и не избили. Никто не занимался сексом на людях, а единственный эпизод насилия был связан с приступом агрессии у восходящей рок-звезды Мисси Мэннерс. Весь вечер она ходила в одном белье и визгливо ругала своего патрона Арти Митчелла. Но специалистам из службы охраны в конце концов удалось ее успокоить.

Человек по имени Гриссим пытался прыгнуть с балкона пятого этажа. При этом он не выпускал из руки бутылку с джином. Полицейские задержали его и засунули под холодный душ. Друзья и коллеги Гриссима хохотали, когда копы уводили его, держа за шиворот.

Победителем стал режиссер Генри Пачард. Его картина «Американские табу» получила премию «Лучший фильм года».

Фильм был безусловным фаворитом фестиваля и собрал почти столько же призов, как «Шлюхи “новой волны”» – жестокий и очень современный вариант устаревших фильмов о наркоманах, роке-рах и других обреченных подонках, болтающихся в местах вроде Ньюарка или заброшенных причалов Лонг-Бич. Тема фильма имела какое-то отношение к музыкальной «новой волне» и юным проституткам, но к концу зрелище все больше напоминало «Космический десант» или грязную португальскую бильярдную в Нью-Бедфорде.

«Табу» был ненамного лучше. Речь там шла о предательстве, инцесте, загубленных жизнях и издевательствах над детьми. Фильм состоял из четырех мини-серий в стиле «Далласа» и в общей сложности продолжался шесть часов.

На фестивале показывали ретроспективу лучших фильмов 1985 года, который был также не богат на хорошие фильмы. Маятник качнулся назад, в вялую серую зону, если сравнивать с семидесятыми годами – временем, известным как «Золотой век порно».

Тогда была снята такая выдающаяся классика, как «Глубокая глотка» и «История О».

С тех пор бюджеты фильмов усохли, а кинематографическая концепция съезжилась до такой степени, что «Проклятые бедра», «Тайные хозяйки дома» и «Шведские дети и животные» оказались эталонными образцами порнопродукции.

В том же ряду стоят «Аморальный мотель», «Спермина-тор» и «Кен Чен – человек из прачечной»... а в Сан-Диего ежедневный сдвоенный показ двух фильмов – «Горячие нацисты» и «Огромный лифчик» собирал зрителей 155 недель кряду.

Возвращаясь к теме, надо сказать, что Генри Пачард был на гребне волны. На той же неделе, когда он получил премию за «лучший фильм» в Голливуде, другой его фильм – «Оргазм» – был включен в обзорный просмотр «фильмов для взрослых» в «Сономарино». Здесь зрители смотрели кино, не выходя из своих машин – в открытом кинотеатре рядом с отметкой 101 в округе Сонома, сразу за границей округа Марин, в шести милях к северу от Новато.

Однажды ночью я отправился туда на арендованном «мер-седесе-280». Со мной была Мария, давняя фанатка Пачарда.

Поворот к кинотеатру отмечал большой белый щит, на котором от руки было написано: «Открыто». За щитом начиналась дорога, усыпанная гравием. По ней мы доехали до будки, в которой сидел пожилой джентльмен, уроженец «третьего мира», и продавал билеты по шесть долларов. Было три часа утра. На площадке, заросшей бурьяном, стояло всего шесть машин. Только что закончился фильм «Горячие губы»... «Оргазм» должен был начаться позже.

Ларек, где днем продавали попкорн, был закрыт. На вопрос, где можно купить чашку горячего кофе, билетер ответил коротко: «Нигде». Здесь нет никаких услуг, объяснил он, кроме изображения на экране.

Все колонки в кинотеатре были давно сорваны со своих опор, и надпись на будке билетера предупреждала зрителей, что им следует включить радио в машине на волне 540.

– Давно вы здесь работаете? – спросил я билетера.

– Двадцать лет, – ответил он. – Мне нравится это дело. Это искусство, – продолжал он. – Деньги не играют роли. Я еще помню старые добрые времена, когда мы показывали здесь «Розовых Фламинго».

«Оргазм» Пачарда был одним из самых любимых фильмов билетера, и он принял как должное то, что Генри на днях получил большой приз в Голливуде.

– Я знаю его много лет, – сказал он. – Мы с ним оба давно работаем в секс-бизнесе.

30 июня 1986 года

Скучный день в аэропорту

Во второй половине дня Четвертого июля я сел на рейс 346 до Денвера. Комфортабельный самолет был почти пуст. В двухсотместном пассажирском отсеке сидело всего двадцать-тридцать человек. Большинство из них расселись поодиночке. Пассажиры, среди которых явно преобладали мужчины, казалось, чувствовали себя неловко.

Кто они? Почему одиноко сидят в самолете в День Независимости? Нормальные люди не проводят этот день в самолете, если у них нет серьезных проблем. Есть гораздо более приятные способы провести национальный праздник, чем сидеть в белом пластиковом салоне самолета на высоте 37 тысяч футов над Ютой, бормотать в диктофон и делать записи в блокноте. В этом нет ничего стильного, шикарного или оригинального.

Рейс 346 из Сан-Франциско прибывает в Денвер на закате. После чего самолет отправляется в Вашингтон и садится в международном аэропорту имени Даллеса около полуночи... а потом 50-минутная поездка на машине до ближайшего отеля, скорее всего, в Арлингтоне. Там прибывших постоянно донимают проверки. Администрация отеля следит, чтобы постояльцы не пили нелегальное виски, не употребляли наркотиков и не нарушали закон о содомии.

Ко мне все это не имело никакого отношения. Я сходил в Денвере, а теперь, в самолете, мне надо было прочитать кучу газет. У меня не было настроения разговаривать со случайными попутчиками.

В салоне сидело полдюжины пилотов, летевших пассажирами – «мертвые головы», как они сами себя называют. Они расположились на крайних сидениях, по обе стороны от прохода. Пилоты были одеты в полную форму и напоминали в ней императорских пингвинов. Все они сидели поодиночке.

Компанейский дух напрочь отсутствовал, но меня это устраивало. Со мной случился очередной приступ малярии – ничего серьезного, но после него осталась сильная слабость.

Я продвигался по проходу к своему месту и вдруг почувствовал прикосновение чьей-то руки к моему колену. Снизу, из кресла, раздался голос:

– Привет, Док! Что ты здесь делаешь?

Вот собака, подумал я. Кто там еще? Я опустил глаза и увидел одного из пилотов, симпатичного парня лет тридцати арийской внешности, который протягивал мне руку для рукопожатия.

Он был одет в синий щегольской пиджак с золотыми эполетами и серебряными крылышками на груди и держал в руках летный кейс из черной кожи.

– Сколько лет, сколько зим, Док, – сказал он. – Куда направляешься?

– Домой, – проворчал я тоном, не располагавшим к продолжению беседы.

Малярия опять пошла в атаку. В голосе парня было что-то знакомое, но я не мог вспомнить, как его зовут.

Мы взлетели точно по расписанию. Я растянулся в своем кресле «для курящих» и развернул свои газеты.

Минут через десять я, наконец, вспомнил имя этого пилота. Несколько лет назад, когда я с ним познакомился, он занимался перевозкой наркотиков. Тогда у него была кличка «Жирный», и он был одним из самых высокооплачиваемых специалистов в своем деле.

Раньше он постоянно летал на самолете из Аспена и обратно. Тогда он носил бирюзовые браслеты на руках и золотые толстые цепи на шее... Потом на некоторое время я потерял его из виду.

Работа увела меня далеко от тех мест... Но теперь я его вспомнил и не удивился, когда, бросив взгляд поверх «New York Times» – вскоре после того как мы набрали высоту, посмотрели фильм по

технике безопасности и выслушали инструкции для пассажиров, – увидел, что мой старый знакомый стоит рядом.

– Привет, Джулиан, – сказал я. – Садись. Выпьешь со мной? Ты в форме пилота? Я думал, ты в тюрьме.

Он ухмыльнулся и сел рядом, пристроив под сидением два черных кожаных кейса. Совершенно одинаковые, размером с небольшую телекамеру, по виду очень дорогие.

Мы поболтали, обменялись сведениями о наших общих знакомых. Некоторые уже умерли, другие сидели в тюрьме или сошли с ума.

– Я завязал как раз вовремя, – спокойно сказал он. –

Этот бизнес стал слишком опасным. Кругом сплошное предательство.

Он бросил тоскливый взгляд в сторону, в его глазах появились слезы.

– Спасибо Богу, меня спасла моя старушка, – сказал он. – Она направила меня на путь истинный. Поставила мне ультиматум.

– Невероятно! – сказал я. – Ты действительно завязал с наркобизнесом?

– Полностью! – ответил он. – Мне не оставалось ничего другого, иначе я бы погорел. Дошло до того, что я уже не мог доверять своей семье.

– Жене? – спросил я. – Ну, она у тебя всегда была злобной сукой.

– Нет, – сказал он. – У меня были проблемы с ее братом. Он сошел с ума от наркоты. Дважды! – со стоном продолжал он. – Он дважды пытался убить меня!

Я пожал плечами.

– Такое случается, – сказал я. – Многих убили, ты же знаешь.

– Да, – процедил он. – Но я должен встретиться с этой свиньей сегодня в аэропорту и отдать деньги, которые ему должен. Я жду любых неприятностей. – При этих словах он стукнул кулаком по ладони. – Ты мне не поможешь?

– Что? – сказал я. – С ума сошел? Ты хочешь, чтобы я принял участие в драке?

– Никакого насилия, – сказал он. – С этой скотиной я разберусь сам. Просто возьми на время один из моих кейсов.

Мы встретимся в баре «Ла-Кантина» минут через десять.

Он протянул мне кейс.

– Здесь мои бумаги и инструменты. Я не хочу, чтобы они были со мной, если в аэропорту со мной будут неприятности...

Неприятности у него начались сразу, как только мы вышли из пассажирского шлюза. Двое мужчин, по виду латиносы, схватили Джулиана, цеплявшегося за второй кейс, и уволокли в мужской туалет.

Это было ужасно, но я не хотел принимать никакого участия в их разборке. Не оглядываясь, я пошел в бар «Ла-Кантина», где просидел около часа.

В конце концов пришел Джулиан и жадно схватил свой кейс.

– Слава Богу! – радостно закричал он. – То, что надо! Давай убираться отсюда.

– Не получится, – сказал я. – Мы опоздали на последний рейс.

– Что? – сказал он. – Издеваешься? В нашем бизнесе нет последних рейсов. – Он бросил официантке сто долларовую бумажку и сказал мне: – Пошли! Мы полетим чартером.

Он не соврал. Рассвет мы встретили в самолете, летевшем в Аспен. Армейским ножом Джулиан распорол свой кожаный кейс и достал из подкладки пачки новеньких зеленых купюр.

– Ну, ты и свинья! – сказал я. – Что было в другом кейсе? Что ты отдал тем людям?

– Сигареты, – сказал он. – Они получили целый кейс дешевых сигарет.

– Вот черт, – проворчал я. – Вы, наркоманы, не меняетесь.

7 июля 1986 года

Лестер Мэддокс жив

– *Вопреки картине, которую рисует пресса, вы увидите, что доклад написан объективно и с полным уважением к свободам, перечисленным в Первой поправке.*

Генри Е. Хадсон, председатель комиссии Генерального Прокурора по порнографии

На прошлой неделе в горах было спокойно. Зима закончилась, но лето все никак не наступало.

Каждый день после обеда шел дождь, иногда появлялась радуга, по ночам случались грозы. Один из местных жителей сел в тюрьму за инцест, другого арестовали на улице в центре города за поведение, которое «Aspen Times» описала как «непристойные предложения женщинам ... и неприличные, оскорбительные высказывания».

Вода в реке стояла высоко, луна в небе не появлялась, а дороги были скользкими от свежей грязи. Даже заядлые гуляки сидели дома. Бары пустовали, бизнес шел вяло. Нацист Джей уехал в Рино искать себе подружку, а Текс упал с мотоцикла на скорости 80 миль в час и ободрал руку до мяса.

Никто ничем не интересовался. Даже Эд Брэдли сидел дома и развлекался с молоденькой толстушкой из Миссури, несмотря на долетевший из Нью-Йорка слух, что в понедельник Си-би-эс планирует уволить семьсот сотрудников. До сих пор никто не знает, кого именно должны уволить; список, вместе с последними рейтингами, будет обнародован на пресс-конференции через неделю.

Целый день валяться в постели — лучшее занятие, которое можно было придумать на этой неделе. Некоторые пытались играть в гольф, но эта была безнадежная затея. Поле для гольфа напоминало торфяное болото. После дальнего удара мяч, как пуля, уходил на два дюйма в грунт, а мячи, лежавшие на траве, просто смывало потоками воды. К тому же бар гольф-клуба закрыт второй сезон подряд — на этот раз по причине банкротства, — а бассейн покрылся слоем липкой зеленой плесени.

А вот сидеть дома в такое время хорошо, несмотря на страх и шизоидную погоду. По прогнозу, скоро должно появиться солнце — по крайней мере, не позднее Дня труда. Индекс Доу-Джонса достиг 2000. В Нью-Йорке и Сан-Франциско по 349 долларов за штуку все еще продаются золотые монеты из Южной Африки, а в Аспене желающие полетать на воздушном шаре за 150 долларов в час записываются в длинную очередь.

У руля сегодня стоят толстые пацаны, и у них собственная система ценностей. Верховный суд США в Вашингтоне поддержал законы о гомосексуализме, принятые в Джорджии. К тому же был принят закон, по которому местная полиция получила право арестовывать подозреваемых прямо в спальнях частных домов, даже при отсутствии достаточных улик и ордера.

Эд Миз еще раз грохнул сапогом — выпустил огромный «Окончательный доклад» комиссии генерального прокурора по порнографии. Доклад уже стал основным оружием Белого дома в атаке на все формы секса в Америке, за исключением акта произведения потомства.

Эта неделя была удачной для проповедников. Фолуэллы и Свогарты яростно разглагольствовали о мщении. Пэт Ро-бертсон тоже рекомендовал мщение, но делал это с обаятельной улыбкой. Большой Эд немного отступил в сторону и сказал, что ему все равно, как будет сделано дело, лишь бы месть была тотальной. Миз намекнул, что у него есть черный список, который он начал составлять еще в 1964 году — когда во времена «большой смуты» он работал заместителем прокурора в Окленде и Беркли.

Решение суда и доклад Миза были с восторгом встречены твердокаменными евангелистами — этим по существу профашистским слоем населения, — а также бывшим губернатором Джорджии Лестером Мэддоксом, давним врагом гомосексуалистов.

Мэддокс — это тот самый знаменитый фанатик, который однажды изобрел способ не пускать темнокожих в свой дешевый ресторанчик, где подавались жареные цыплята. Прямо в дверях он раздавал белым клиентам, пришедшим на ужин, ореховые дубинки.

В сегодняшней Америке нет более отвратительного представителя белой падали, чем Лестер Мэддокс. Когда Самый Главный Судья будет проводить окончательный подсчет очков, Лестер получит такую же отметку, как Кнут Рокне1 (1 Футбольный тренер (прим. перев.)).

Разговор пойдет не о том, победил он или проиграл, а о том, как он играл. И в самом гнусном уголке ада для этой твари будет приготовлена отвратительная навозная куча.

Мэддокс, отошедший было от дел, снова выступил публично. Он в очередной раз осудил гомосексуализм, а заодно призвал Теда Тернера (телемагната из Атланты, президента Ти-би-эс и нескольких других каналов) к насильственной высылке «на Кубу или в Москву» — за то, что тот спонсировал «Игры доброй воли», спортивные соревнования между командами США и России. По мнению Лестера, такое поведение Тернера свидетельствует, что он — тайный коммунист, который собирается продать и свою страну, и Царство Божье.

Всем нам приходится мириться с тем фактом, что Рональд Рейган имеет сейчас такую популярность, о которой Джон Уэйн не мог и мечтать. Он скачет на белом жеребце, по воскресеньям работает в лесу на свежем воздухе, а его жена ненавидит секс и наркотики. Почти все люди высоко ценят такие

вещи. По данным Гэллапа, рейтинг Рейгана составляет 68 процентов – такого высокого показателя не имел ни один президент с момента начала исследований. Может быть, его рейтинг даже выше, чем был бы у Джорджа Вашингтона, если бы тогда провели такой опрос.

Так бывает. Однажды, на короткое время, самым популярным человеком в мире стал Тайни Тим, который нашел себе жену на шоу Джонни Карсона. Известный грабитель банков Уилли Саттон к моменту своей смерти был народным героем. И миллионы людей боготворили Великолепного Джорджа, человека, который прокладывал путь для Мохаммеда Али...

Но согласитесь: в том, что голос Лестера Мэддокса вновь громко звучит в национальной политике¹ (130 июля 1985 года Мэддокс объявил в Атланте, что, вероятно, заражен вирусом СПИДа, который мог получить при переливании крови в онкологической клинике (прим. авт.)), несмотря на его прежние позорные дела, есть что-то совершенно особое. В каком-то смысле это хуже, чем, если бы Ричард Никсон был переизбран и вернулся в Белый дом.

Есть вещи, с которыми нельзя мириться, какими бы политическими мотивами они не объяснялись. Неуклонное наступление свиней вроде Мэддокса – из явлений такого порядка... Этот человек вызвал бы замешательство даже в Южной Африке. Там у него для начала отобрали бы паспорт. А потом он составил бы компанию Иди Амину или доктору Йозефу Менгеле. Если Лестер Мэддокс жив, значит, что-то лучшее умерло.

14 июля 1986 года

Секс, наркотики и рок-н-ролл

– Да будет путь их темен и скользок, и Ангел Господень да преследует их.

Пс. 34:6

Мой друг Кромвель только что вернулся из Палм-Спрингс, где он заработал кучу денег на занятии авиационным бизнесом. Теперь его называют магнатом, и он путешествует первым классом... Когда на День Независимости тысячи почетных гостей собрались на палубе авианосца «Джон Кеннеди» в нью-йоркской гавани, чтобы полюбоваться фейерверком, Кромвель, одетый в черный шелковый костюм, был среди них. Он вел светские разговоры, улыбался и пил шампанское.

В наше время есть много способов получить приглашение в Белый Дом на коктейль, но лучший из них – внезапно разбогатеть. Пока что Кромвель чувствует себя в новой роли неуютно, но он понимает правила, и у него есть дар предвидения.

В конце июня он вернулся домой, в горы. Приехал на рассвете в сопровождении четырех машин, двух трейлеров и пяти мотоциклов. Всю ночь они гнали через Юту на полной скорости, с включенными мигалками и радарам.

Я услышал гул моторов еще за милю. Звук напоминал рев приближающейся флотилии гоночных катеров или стада диких зверей в вельде. Не успел я выйти из своего «порша» с дробовиком в руках, как они уже пронеслись мимо... А через некоторое время они исчезли вдаль, как поезд-призрак – никаких стоп-сигналов, никаких гудков.

Я уселся на капот и некоторое время рассматривал Марс, красный шар, висящий над самым горизонтом в направлении примерно 220 градусов на юг... А потом сел в машину и позвонил Пэту Бьюкенену в Белый дом, но мне сказали, что Пэт застрял в пробке на Ки-Бридж и что его завтрак с президентом отменен.

– Плохи дела, – сказал я. – Скорее всего, теперь ему крышка.

Сотрудница Пэта рассмеялась.

– Вы знаете лучше меня, – сказала она, – что мистер Бьюкенен переживет нас с вами. Он бес смертен.

Вероятно, это соответствует действительности. Бьюкенен выбирался невредимым из многих передраг, а ведь у него было больше проблем, чем у Ирвинга Фрайарал¹ (1Футболист, игрок «Филладельфия иглз» (прим. перев.)) и «Ойл-Кэн» Бойда² (2Известный бейсболист, у которого были нервные срывы и другие серьезные проблемы со здоровьем (прим. перев.)).

Более двадцати лет своей жизни Бьюкенен провел в оживленном центре национальной политики. Он писал речи для Агню и Никсона, а теперь стал начальником отдела общественных связей Белого дома и специальным помощником президента Рейгана. Бьюкенен контролирует или, по крайней мере, пытается контролировать программы новостей. Ему удалось сделать из этого занятия отличную

профессию.

«Посмотрите, – сказал он недавно в интервью «USA Today», – на ваших глазах происходит рейгановская революция. Мы будем биться, биться и биться с противником, мы будем последовательно переходить от одного предмета разногласий к другому. В конце концов, мы победим».

Сегодня ночью на склонах холмов горели костры, грохотали барабаны, раздавались дикие крики. В темноте сидели преуспевающие люди и что-то говорили друг другу. Йеху собрались вместе. Они решили, что пришло их время.

Когда на следующий день мы вместе обедали в таверне, Кромвель со мной согласился. Он полностью разочаровался в традиционной политике и собирался уехать из страны лет на десять.

– Эд Миз останется у руля до 1996 года, – сказал он. – Все это время в стране будет отвратительный климат.

Следующие несколько часов мы пили вино. Мы уже собирались уходить, чтобы вместе вернуться в горы на его новом четырехприводном вседорожнике, но в этот момент служащий «Федерал экспресс» принес мне посылку.

– Тяжелая штука, – сказал рассыльный. – Прислано Министерством юстиции, а на наклейке указано, что здесь порнографические материалы.

– Так и есть, – сказал я. – Это доклад Миза. Один из первых напечатанных экземпляров.

– Ты – злобный алкаш, – проворчал рассыльный. – Знаю я твои штучки. Тебя давно надо было засадить в тюрьму.

Он недобро засмеялся. Но в следующую секунду громко завопил, потому что Текс ухватил его одной рукой за ремень, другой – за шею и выкинул из таверны.

Зал в это время был почти пуст, и бармен даже не поглядел в нашу сторону. У одной из женщин началась истерика, но через пару секунд она успокоилась.

Бывалые адвокаты знают старую зловещую аксиому, которая гласит: «Обычно самое слабое звено в судебном процессе – это обвиняемый». Некоторые сказали бы «всегда», но это, пожалуй, чересчур цинично.

Об этом вспомнили в новостях, когда молодая звезда кинематографа «для взрослых» дала показания следователям полиции Лос-Анджелеса. Она признала, что ей было 15 лет, когда она начала сниматься. Фильмы с ее участием принесли большую прибыль.

Эта новость вызвала в порноиндустрии ужасную панику. Продюсерам меньше всего хотелось слышать о том, что одна из самых крутых порнозвезд на самом деле – беглянка с фальшивым удостоверением личности. Во многих штатах использование несовершеннолетних в порнографии является уголовным преступлением. В Колорадо к 10 годам тюремного заключения были приговорены муж с женой – за продажу по почте непристойных фотографий своих детей.

Эта парочка нигде не вызвала симпатий – даже в сомнительных массажных салонах или ночных забегах рядом с Бродвеем, где стоят такие маленькие кабинки, где, кинув в щель четверть доллара, там можно в одиночестве посмотреть 40-секундный кусочек фильма.

Десяти долларов хватит ненадолго. Фильмы очень короткие, в них нет сюжета. Но они в основном безобидные. У людей, посещающих такие забежки, насилие не пользуется популярностью. Столь же непопулярна детская порнография. Вульгарный секс – вот что посетители хотят увидеть за свои монетки. Никаких плеток и педерастии. Для этого просто не хватает времени.

Настоящие криминальные извращения – не для ленивых. Они требуют глубокой увлеченности и элемента безумия, которых отсутствует у большинства туристов и моряков, болтающихся по таким местам. Все, что они хотят увидеть – это стандартная, ordinaria оргия.

Но доклад Миза готовит этим людям серьезные неприятности. Комиссия рекомендует убрать все двери с так называемых кабинок для наблюдателей, чтобы сидящие там клиенты были видны публике или, по крайней мере, другим клиентам. Это должно удерживать их от «сексуальных действий».

Это был бы умный и практичный план – для какого-нибудь перекрестка в джунглях Малайзии. Но в большинстве цивилизованных стран концепция срывания дверей в качестве средства борьбы с сексом вряд ли окажется приемлемой. Может быть, это подходит для автобусных остановок, но не для увеселительных заведений.

21 июля 1986 года

Добро пожаловать в тоннель

– *Мы в тоннеле. Здесь темно, и тьма продлится еще долго.*

Хью Хефнер. «Плейбой»

Ну так вот... президент на днях прошел тест на наркотики, или, по крайней мере, так нам сказали. Окончательный результат пока неясен. Говорят, анализ был затруднен тем, что он принимал урологические препараты. Но будьте уверены, президент сдаст этот экзамен. Если же нет, то ему дадут возможность повторить попытку.

Не стоит беспокоиться. В Белом доме сегодня, как всегда, используют много сильнодействующих препаратов, но не тех, на которые проверяли нашего Джиппера¹ (Прозвище Рональда Рейгана (прим. перев.)).

У него могут найти следы лития и мощных антибиотиков, но никакого крэка, экстази или черного ливанского гашиша.

Президент использует только законные препараты, продукцию мультимиллиардного фармакологического бизнеса, который в свое время предлагал почти все: от чистого гидрохлорида кокаина до талидомида. Сегодня в аптеках продается гормон роста – только по рецепту, – который может за три месяца увеличить Нэнси Рейган до размеров Джона Мэддена, если она этого захочет.

На рынке можно купить препараты, с помощью которых можно вырастить густые волосы – или даже иглы, как у дикообраза – на груди Ракель Уэлч, причем за более короткое время, чем понадобилось Лютеру Бербэнку, чтобы вырастить мутантные помидоры рядом со своим домом в Санта-Розе.

Возможно все, если вы знаете правильных докторов – или даже неправильных, например, шарлатанов, которые проводят эксперименты в тюрьмах, пытаясь сделать безобидными насильников и сексуальных маньяков. Гениталии дикого вепря, если надо, могут быть уменьшены до таких размеров, что они легко поместятся в маленькую рюмку... А можно добиться того, что хрупкий мексиканский ребенок станет выглядеть и вести себя, как Уильям «Рефрижератор» Перри из команды «Чикагских медведей».

Не все одобряют такие слепые прыжки в загадочные сферы медицины и физиологии. А некоторые идут дальше: есть категория людей, которые во имя некоего высшего блага требуют установить для науки границы. С ними трудно бороться. Время от времени полезно вспоминать, как они смеялись когда-то над Томасом Эдисоном, а Альберта Эйнштейна – большую часть его жизни – считали бесполезным мятежником.

Не стоит внимания и то, что новый бомбардировщик F-111 обходится в 30 миллионов долларов, что в два раза дороже недавно предложенного проекта «электронного щита безопасности» вокруг Капитолия в Вашингтоне. Это ограждение могло бы обеспечить защиту от атаки ливийских «команд смерти» и фанатиков из «Исламского джихада».

Последнее время о них никто не вспоминает, но эти тайные провокаторы просто на время затаились и наблюдают из засады за действиями Конгресса. В сфере политических приоритетов угроза терроризма внезапно отступила на второй план, уступив место новым задачам, таким как война против коммунизма в Никарагуа, война против наркобаронов в Боливии и война против всего в Мексике, за исключением мексиканских маисовых лепешек.

Одновременно идет война с наркотиками, война с сексом и непрерывная война с демократами – все они направляются с неисчерпаемой энергией из специально оборудованного военного штаба в Белом доме, где Пэт Бьюкенен честно отрабатывает свой оклад начальника отдела общественных связей.

Нет сомнений, кто сейчас на коне. Эти люди хорошо сделали свою домашнюю работу по всем предметам, за исключением катастрофического роста внутреннего долга, достигшего триллионов... Но Джиппер по этому поводу не волнуется. Он покинет Белый дом задолго до того, как решение этой проблемы станет неотложным делом. Ответ придется искать другим, более слабым и мелким людям – вроде Джорджа Буша, Боба Доула или даже преподобного Пэта Робертсона.

А вот Джек Кемп сам рвется в бой. Кажется, ему даже хочется принять участие в решении бюджетной головоломки. Ха-ха! Это будет интересно. Вся река Потомак закипит, как Огненное озеро, когда этот маленький тупой пустозвон попытается совместить свои шарлатанские экономические теории с тем фактом, что в следующем году Пентагон собирается тратить на национальную безопасность полмиллиона долларов в минуту.

Если вам кажется смешным Джимми Картер, подождите, пока конгрессмен Кемп начнет сражение с мультимиллиардным дефицитом. Ему придется иметь дело с бюджетом, который сбил бы с толку даже Герберта Гувера.

Бредовым называет бюджет даже Дэвид Стокмен, а ведь когда готовилось это варево, он стоял на кухне. Любой малолетний уличный продавец крэка скажет вам, что нельзя сократить доходы, в три раза увеличив расходы, – и не столкнуться с проблемами вроде тех, что привели к катастрофе Билли Сол Эстеса и Национальный банк, а также обанкротившиеся правительства Бразилии, Аргентины и Гаити.

Ну и что? Когда в Вашингтоне придет время платить по счету, Джиппер будет тренировать своего белого жеребца в горах рядом с Санта-Барбарой... К тому же он может уйти даже раньше, чем мы думаем. В «Великой старой партии» есть люди, которые еще долго будут стоять у руля – они останутся даже после того, как Рейган удалится в великое ранчо на небесах. Эти люди смотрят далеко вперед и планируют следующее десятилетие под знаком господства республиканцев. Они нашли напечатанный мелким шрифтом пункт Двадцать Пятой Поправки (и не обращайтесь внимания на Двадцать Вторую!), который дает им возможность осуществить свои планы. Согласно этому пункту, если вице-президент сменяет действующего президента по чрезвычайной причине до 20 января, он имеет законное право избираться на два срока.

Это маленькая лазейка для Джиппера, Джорджа Буша и прочих, кто остается в тени. Сейчас у республиканцев нет кандидата, который мог бы во время кампании 1988 года повторить успех Рейгана. Большое искушение – упростить политический процесс: можно до рождества создать видимость острого ухудшения здоровья у Рейгана и посадить в президентское кресло Джорджа. Момент общенационального страха подходит для этого лучше всего. Для Буша это, скорее всего, единственная возможность стать президентом.

Может быть, все будет не так, но сегодня такое развитие событий кажется не менее вероятным, чем любой другой вариант. Пока Джиппер может устоять: он неплохо себя чувствует и у него есть запас выигранных очков, который он может использовать в оставшиеся два трудных года, – но все это было у Джона Уэйна, тем не менее он отправился на покой.

Впереди нас ждут интересные времена. Хью Хефнер прав насчет тоннеля. Эд Миз все еще с нами. В поколении свиней королем становится самый грязный поросенок.

11 августа 1986 года

Суровый бизнес

Феникс. Я сижу рядом с бассейном в «Аризоне Балтимор» и жду звонка от Гордона Лидди. На большом дисплее цифры: 15:16 – время и 104 – температура. Официант крутится, как большой пудель, выбирающий кусочки колбасы из ржанных сухариков. Пью джин с тоником и чувствую, как из каждой поры течет пот. Для пустыни – относительно мягкая погода, но мне кажется, что я умираю.

По маленькому черно-белому телевизору, висящему за баром, можно посмотреть очередную историю на тему «местный парень творит добро». Уильям Ренквист – живущий на Палмкрофт-драйв в Фениксе – медленно, но верно пробирается, к должности шефа юстиции Соединенных Штатов. В ближайшее время его кандидатуру наверняка утвердит Сенат.

Это станет великим событием для всех соседей Ренквиста в Билтморе. На той же улице, неподалеку от дома Пола Харви, стоит дом Сандры Дей О'Коннор, еще одного служителя закона из Феникса, недавно получившей место в Верховном суде.

На соседней улице – дом в стиле ранчо, который принадлежит Эдит Дэвис, матери Нэнси Рейган. А неподалеку – «Клейндинст», где когда-то жил Ричард Никсон... пока не стал шестьдесят восьмым Генеральным Прокурором Соединенных Штатов. Сегодня эту должность занимает Эд Миз, бывший из Окланда.

Сейчас старая банда рассеялась, разбежалась в разных направлениях. Но над Фениксом, по крайней мере, над Скотсдейлом, где появился новый Большой Пацан – Гордон Лидди, который раньше жил в Вашингтоне, округ Колумбия, – все еще реет флаг.

Номер телефона Гордона Лидди есть в справочнике Феникса. Обращение его автоответчика не оставляет сомнений в том, кто на самом деле руководил Уотергейтом. Инструкция очень четкая: «Нас нет дома. Говорите быстро и ясно. Если вы услышите шесть гудков, значит, ваше сообщение стерто».

Вот-вот начнется эпоха Ренквиста. В четверг его кандидатура была одобрена в совете судей 13 голосами при 5 голосах «против», хотя в последнюю минуту лечащий врач Ренквиста признал, что несколько лет назад у его пациента было опасное пристрастие к успокоительным препаратам.

Но это не повод для дурной славы в Фениксе и Вашингтоне. Многие люди сидят на транквилизаторах. Есть вещи похуже: крэк, черный героин, пи-си-пи1 (1Наркотик фенилциклидин (прим. перевод.)).

Если этого мало, всегда можно загрузиться кетаминот – мощным транквилизатором для животных: больших кошек и приматов средних размеров, вроде шимпанзе, гиббонов и бабуинов.

Все зависит от ваших целей. Судья – друзья в Фениксе зовут его Биллом – хочет облегчить хроническую боль в спине, которая вызывает бессонницу. Только поэтому он принимает таблетки.

И что с того? Бывают дни, когда всем нам нужны таблетки. Ренквист – тоже человек, и если ему, чтобы мирно спать ночью, надо выпить сильнодействующее лекарство, кто его упрекнет? Во всяком случае, не я.

В пятницу утром мне надо было лететь на конференцию. Десятичасовой самолет был полон, и я с большим трудом получил место в первом классе. Пришлось пережить несколько отвратительных минут – сдерживая злость, спорить с сотрудником аэропорта, но, в конце концов, я добился своего.

Не успел я расположиться в кресле, как рядом сел еще один пассажир. Мой сосед-его звали Сквейн – сказал, что работает в Министерстве юстиции или, точнее, в Федеральном бюро тюрем. Работа его состоит в «приобретении территории» для новых тюремных учреждений, которые, по его словам, крайне необходимы стране.

– Мы уже на 51 процент превышаем плановую мощность, – рассказывал он. – Ситуация выходит из-под кон

троля. Сейчас в федеральных тюрьмах сидит в два раза больше людей, чем пять лет назад. – Он важно кивнул головой. –

В 1981-м у нас было 24 тысячи заключенных, – продолжал он. – Сегодня – 41 тысяча, и тюрьмы переполнены.

Видимо, эта мысль угнетала его. Он опустил голову.

– И, несмотря на наши старания, ситуация в ближайшее время значительно ухудшится, – сказал он. – Со следующего года больше не будет таких поблажек, как досрочное освобождение. Когда мы получим окончательный вариант доклада Федеральной комиссии по уголовным наказаниям, тюремное заключение будет автоматически назначаться за любые нарушения – за исключением перехода улицы в неположенном месте.

Сквейн попросил у стюардессы еще один стакан вина.

– Вы думаете, сейчас плохо? – он мрачно посмотрел в пространство. – Вот увидите, что будет, когда отменят досрочное освобождение, испытательный срок, апелляции...

Через год все федеральные судьи получают обязательные предписания по назначению наказаний... Они будут действовать как роботы: просто ставить отметку на карточке: косяк?

Три года. Три грамма? Девять лет... Фунт? Сорок лет и порка.

Он замолчал и уставился на свои руки. Я почувствовал было симпатию к нему, но она быстро прошла.

– Подожди, – сказал я. – Давай посмотрим на вещи трезво. – Я дружески похлопал его по плечу. – Это был ты, Чарли... Ведь не какой-то хренов аист арестовал всех этих людей.

Нет. Это был ты – ты и этот монстр, Эд Миз.

Я опять хлопнул его по плечу – немного сильнее.

– Сколько денег ты получаешь? – спросил я.

Он тупо уставился на меня.

– Неважно, – продолжал я. – Это не имеет значения. Сейчас меня больше интересует, сколько вы платите за землю, которую покупаете для новых тюрем?

– Как договоримся, – сказал он. – У нас много денег. А то, что нам не удастся купить, мы всегда можем конфисковать по закону о принудительном отчуждении частной собственности. – Он печально покачал головой. – Ненавижу, когда дело доходит до этого, – продолжил он. – Но у нас действительно нет выбора. Речь идет о национальной трагедии. Мы не можем допустить, чтобы всякие подонки свободно разгуливали, как сейчас. Время пришло. Они должны быть уничтожены.

– Необязательно, – сказал я. – У меня есть несколько акров в Скалистых горах, которые вы, ре-

бята, можете использовать. Там можно сделать отличную тюрьму.

– Неплохая мысль, – ответил он. – Если в понедельник ты позвонишь мне в Вашингтон, думаю, мы сможем договориться о сделке.

– Замечательно, – сказал я. – У меня заключенным будет обеспечен чистый воздух. Мы заставим их работать. Работа восстанавливает чувство собственного достоинства.

Сквейн согласился со мной, и когда самолет приземлился в Чикаго, мы пожали друг другу руки... Теперь я занялся тюремным бизнесом. *Res ipsa loquitur*.

18 августа 1986 года

Полночь в пустыне

К полуночи я добрался до Феникса. Жара в 103 градуса, и вымершая багажная карусель. Старик с метлой в руках сказал, что несколько часов назад конвейер выключили из-за угрозы взрыва бомбы.

На ломаном испанском он объяснил мне, что багаж выдаваться не будет – его больше нет. Все вещи разорваны полицейскими собаками, затем увезены и свалены в реку Солт.

Я стоически выслушал эту новость и пошел наверх, в зал аэропорта, который в этот поздний час был все еще открыт. В зале царил оживление. В полутемном углу, на грязных сидениях сгрудились люди, которые, судя по их внешнему виду, не летали на самолете лет двадцать. Бармен был слишком занят, чтобы отвлекаться на разговоры. Поэтому я сел рядом с маленьким человеком с бородкой. Одет он был в белый спортивный костюм и читал спортивную страницу в «Аризона репаблик», растерянно посмеиваясь себе под нос и постукивая золотой зажигалкой по стойке бара.

Он улыбнулся мне.

– Вы готовы к Хершелю? – спросил он. – Вы готовы к вступлению в новый мир?

– Будьте уверены, я готов ко всему, – проворчал я. – Но что вы имеете в виду?

У меня не было настроения разгадывать тонкие намеки – мой багаж только что официально уничтожили злые собаки.

Мой новый знакомый буквально кипел от возбуждения. Он завелся из-за недавнего приобретения «Далласских Ковбоев». Они купили Хершеля Уокера – обладателя приза Хейсмана. Мой приятель заявил, что теперь «Даллас» точно выиграет Суперкубок, а Хершель разорвет всех и сделает 2000 ярдов.

– Ерунда, – сказал я. – Если ему повезет, он сделает 500. «Даллас» ни за что не выиграет даже в своей подгруппе.

– Что? – завопил он. – Вы с ума сошли? Уокер крупнее Джима Брауна и быстрее Боба Хейса. Он раздавит их как клопов. Ставлю на кон свою жену.

– Зачем мне ваша жена? – сказал я. – Что у вас есть еще? Я бизнесмен, торгую недвижимостью. У вас есть какая-нибудь собственность?

– Ну и дурак! – сказал он. – Моя жена – самая красивая женщина в Скотсдейле. – Он закатил глаза к потолку. – Что вы хотите? – простонал он. – У меня есть собственность. У меня есть деньги. Здесь, внизу, стоит мой золотой «мерседес-600»... Бог свидетель, чувак, я самый богатый человек к югу от Кэмелбэк-роуд. – Он яростно жестикулировал. – Ты видишь эти автостоянки рядом с аэропортом, чувак? Они мои. Я делаю так много денег, что мне приходится складывать их в ведро, когда я вечером несу их домой.

Я понял. Это было все равно, что иметь дело с «Окридж Бойз».

– Хорошо, – сказал я. – Пусть будет так. – Я сунул руку

в свою сумку и достал стопку новых канадских денег. –

Вот, – сказал я. – Меняю деньги на ключи от твоей машины. – Я протянул ему руку. – В этом году Уокер не наберет 666 ярдов. Заключим пари или оставим этот разговор.

Он тут же схватил мою руку.

– Идет, – сказал он. – Хершель наберет больше ярдов, чем Уолтер Пейтон и Эрик Дикерсон вместе взятые. Он уничтожит Майка Дитку. Про Тони Дорсетта все забудут.

Некоторое время мы спорили, потом он подозвал бармена, чтобы тот засвидетельствовал подписи на договоре. Нашего свидетеля звали Эдди, и у меня было ощущение, что он был готов к такому повороту дела. Я обменял свою стопку канадских денег на большой «мерс».

Подготовка бумаг заняла у Эдди какое-то время. Мой новый компаньон представился как Джек.

Джек Паркер.

Когда он называл свое имя, у него вырвался смешок, но то же имя стояло в документах на «мерс», поэтому я сохранил спокойную мину – только попросил у официантки вилку. Согнув вилку в дугу, я мимоходом спрятал ее в ладони правой руки.

Джек, казалось, ничего не заметил.

– Кем вы работаете? – спросил он. – Вы не похожи на торговца недвижимостью. – Он снова хихикнул. – Вы федерал? – спросил он. – Ведь так?

Тут Эдди вернулся и сказал, что я должен еще пять с половиной тысяч долларов за «мерс» – даже при ставках четыре к одному.

Я поднял свой кулак и показал ему зубцы вилки.

– Понятно тебе? – сказал я. – Принеси мне кредитный ваучер – только не заполненный.

Несколько секунд он тупо глядел на меня, потом ушел. Когда он принес мне то, что я просил, я положил билет лицевой стороной на стойку бара, поверх своей карточки «Амери-кан экспресс» и взял шариковую ручку. Используя ее как скалку, я получил довольно приемлемый оттиск... Старый прием, который используется в массажных салонах. Я освоил этот фокус много лет назад, одной безумной ночью в Трейв-Лодж.

Джек не возражал. По нашему контракту мы должны были встретиться еще раз, здесь в баре, в последний день сезона, и один из нас должен был уйти отсюда с деньгами и машиной – в зависимости от спортивных достижений Херше-ля Уокера в этом сезоне.

– Даже и не надейся, – сказал я. – Он не сделает и 500 ярдов. Ему сломают ноги. К Хэллоуину он будет калекой.

Джек вертел в руках и разглядывал кожаный брелок с ключом от машины.

– Правильно, – проворчал он. – Ты федеральный агент, так?

– Чепуха, – сказал я. – Я занимаюсь совершенно другим бизнесом, как и ты.

– Что это за бизнес? – спросил Эдди.

– Очень подходящий к ситуации, – сказал я. – Я профессиональный азартный игрок, и в декабре мы еще встретимся.

Я поднялся и на всякий случай немного выдвинул острие вилки.

– Уже поздно, – сказал я Джеку. – Я собираюсь в Билтмор. Подбросить тебя?

– Пожалуй, нет, – ответил он. – У меня есть дела в другом месте. – Он приятно улыбнулся и поднялся. – Вот дьявольщина! – сказал он. – Я, правда, хотел бы, чтобы ты познакомился с моей женой. Она обожает азартные игры.

Он проводил меня до эскалатора. По дороге он сказал, что все страховки и документы на машину я найду в бардачке.

– Не волнуйся, – заверил он меня. – Мы будем в контакте.

Я ему верил. Они тут, в этом городе, убили Дона Боллеса,

а от Феникса до границы штата Колорадо – путь неблизкий. Интересно, чем все это кончится? Мне надо просто спокойно делать свое дело и ничего не бояться.

Машина стояла точно там, где она должна была стоять по их словам, – большой золотистый «шестисотый» с тонированными стеклами. Ключ подошел, и через пару минут я въезжал на стоянку в Билтморе.

На следующее утро я отправился в Уикенберг, где обменял «мерс» на новый джип. Потом на полной скорости я полетел на Север. Мне казалось, что, учитывая безумные обстоятельства, я поступаю правильно. К закату я пересек границу штата. Никто меня не преследовал, и мое настроение улучшалось с каждой милей. На Америку спустилась субботняя ночь, а я – ее родной сын.

25 августа 1986 года

Впадает в сонный океан

Газеты пишут о росте злоупотребления алкоголем на Северном побережье Аляски.

Когда это кончится? Сначала крэк на Уолл-Стрит – а теперь целые деревни эскимосов отвернулись от окружающего мира и впали в пьяную спячку. Неделями они беспрерывно пьют.

Никто не знает, как с этим справиться. Цена на нефть сильно упала, и у эскимосов больше нет денег. Теперь они налегают на спиртное. Пять-шесть человек загружают грузовик дешевым виски,

отправляются в какую-нибудь хижину на льдине и начинают безнадежно, дико квасить.

Это новое явление на Клондайке, или, по крайней мере, раньше на него не обращали внимания. Раньше Нэнси Рейган не занималась пьяницами, а теперь ей уже не до того – просто не осталось времени. Война с алкоголем закончилась пятьдесят пять лет назад, когда отменили закон Волстеда. Сейчас виски разрешено, а эра «сухого закона» оценивается большинством историков как вредный и неудачный эксперимент.

Сегодня приоритеты изменились: идет война с наркотиками, и по мере того, как эра Рейгана клонится к закату, эта война все больше напоминает крестовый поход.

В воскресенье президент и его жена приняли участие в беспрецедентном телемоете из Белого дома на тему «избавления нации от наркотиков». Было сделано великое заявление – так его, по крайней мере, оценил представитель президента Ларри Спикс – самое значительное с тех пор, как Джон Кеннеди произнес свою грозную речь во время Карибского кризиса.

Что ж, может быть, и так. Нам остается только ждать и наблюдать. Опиумные притоны в Сингапуре пытаются закрыть вот уже три тысячи лет. Каждое правительство, начиная с династии Хань, клялось сокрушить торговлю опиумом, но до сих пор на этом бизнесе нет даже вмятины. Сегодня цена на опиум приблизительно та же, что была за 900 лет до Рождества Христова.

Рушатся царства, гибнут империи, появляются и исчезают могущественные государства... Но опиумный рынок по-прежнему так же стабилен, как рынок риса или золота. Никто не задается вопросом, почему так происходит. Полмира выращивает эту культуру, и урожая ждет огромное множество людей. Они любят опиум. Они наслаждаются курением, уплывают в счастливый мир грез. Трудно убедить их отказаться от этой привычки.

Как говорят, к опиуму надо приобрести вкус. Лично мне с этим не повезло. Требуется соблюдать слишком много ритуалов, и неизбежно приходится иметь дело с посторонними, которые не обязательно захотят помочь вам, когда дракон начинает петь. Для того чтобы серьезно отдаться опиумании, необходимо иметь много денег и кучу свободного времени. Этот наркотик не повышает работоспособность.

Однако из этого правила есть несколько ярких исключений. Одно из них – поэт Сэмюэль Кольридж. Несколько лет он принимал опиум и погрузился в страшную Трясину – но, утонув в ней, написал «Поэму о Старом Моряке» и «Кубла Хан».

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, потом священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан¹.
(1Перевод К. Бальмонта)

Ну, как, подойдет для первой полосы в газете, Джек? Да... Здравомыслящие люди инстинктивно жмутся к дверям автобуса, освобождая переднее место для наркомана, которому удалось это написать. Рональд Рейган может прожить еще двести лет, и все равно ему не написать таких строк. Есть работа, на которую нельзя наняться по своему желанию.

Если бы Джордж Буш мог найти профессионала, который писал бы для него речи и при этом имел талант Сэма Кольриджа, он нанял бы такого человека немедленно, даже если бы у того были вредные привычки. На скоростных трассах, где мчатся без тормозов, не принято отказываться от помощи любой Божьей твари. Никто и никогда не спросил генерала Макатура, как он сумел родить свою знаменитую речь о том, что «старые солдаты не умирают», – а ведь она стоит в одном ряду с великим бредом Кольриджа, и По, и того чертовски талантливому парня, который написал «Откровение».

Может, все они употребляли опиум. Кто знает? В сущности, это мягкий наркотик – для тех избранных, которые способны правильно им пользоваться; но у большинства людей он неизбежно приводит к конфликту с законом и к проблемам на работе. На Востоке опиум был широко распространен еще до изобретения колеса. И он всегда был помехой для бизнеса и грязным пятном на лице общества.

Ну и что? Лежать и курить – вот все, чего хотели его приверженцы. Они становились тупыми и бесполезными – но не жестокими и опасными... Перл-Харбор бомбила не банда опиумных наркоманов, и не они прятались на «Иводзиме», как спятившие кроты, и не они убили двести тысяч амери-

канцев и миллионы людей, близких им по крови.

Нет. То были трезвые люди, толковая команда. Лучшие из японцев. Вы не найдете фотографий адмирала Того, где бы тот валялся на бамбуковой циновке с опиумной трубкой во рту. Он был слишком занят, чтобы заниматься такими глупостями. Были бомбы, которые надо сбросить, и были глотки, которые надо перерезать. И целый мир, который надо завоевать. На опиум просто не оставалось времени.

До сих пор неизвестно, какой тип логики преобладал тогда в коридорах японского министерства обороны. Ясно только, что японцы, как и нацисты, не были любителями наркотиков. Они не были склонны и к прочим дешевым порокам.

Они жаждали нефти и власти. Каждому из них хотелось, чтобы десятки тысяч людей называли его «господин» и повторяли его имя, как молитву, при каждом его появлении на публике.

Все они хотели быть в команде. Похоже на Суперкубок – на прорыв Фриджа вместе с остальными ребятами. Тупо, но эффективно... В то время было трудно спорить с могучей силой, которая сокрушила Испанию, Китай и Францию за время меньшее, чем требуется для выдержки хорошего вина.

А наркоманы всегда были с нами. Они виновны во многих грехах, но почти никогда – в жестоких попытках установить мировое господство. Властолюбцы встают рано утром – а потребитель опиума спит долго. Адмирал Того вставал вместе с солнцем. Гитлер, как настоящий параноик, вообще никогда не спал.

У четы Рейганов – собственный стиль. По их словам, они хорошо спят ночью. Они оба твердо убеждены, что всех наркодилеров надо пороть до смерти. Не все с этим согласны, но поезд вот-вот отправится со станции, и в вагон пытаются втиснуться все – от Типа О'Нила до Сонни Боно и Сирхана Сирхана. Масло вылили в огонь.

8 сентября 1986 года

Смутные времена в медиабизнесе

На прошлой неделе канал Си-би-эс оказался на грани банкротства, и это тревожило многих людей. За последние годы крупные специалисты по минимизации расходов растащили на части Эй-би-си и Эн-би-си. А теперь легендарный король бизнеса теленовостей – Си-би-эс – выпускает дух и, вероятно, скоро пойдет с молотка.

Это зловещая перспектива. Начиная с первых шагов телевидения, Си-би-эс была лидером информационного вещания. Эдварду Мюррею и тогда приходилось бороться с дельцами и бухгалтерами, но все же ему удавалось выбить два часа телевизионного времени для специализированного выпуска новостей. Сегодня цельность и глубина Мюррея вызывает у телевизионных администраторов благоговение, но в те времена, когда он делал свои лучшие работы, они считали его капризной примадонной и нарушителем спокойствия.

Заслуга Мюррея – и таких героев, как Уолтер Кронкайт, Эрик Северейд, Хью Рад и Билл Мойерс, – в том, что Си-би-эс традиционно лидировала в теленовостях.

Те времена закончились. В прошлом году чистый доход Си-би-эс составил всего 27,4 миллиона долларов, это при 212,4 миллионах в позапрошлом году. Такое падение прибылей раздражает держателей акций. Ведь сегодня уменьшение дохода даже на 20 процентов вызывает злорадство соседей и конкурентов.

В наши дни никто не рассматривает новости как хорошее капиталовложение – кроме тех из нас, кто сам занимается этим ремеслом. Я часто размышляю об этом. И я не одинок в своих раздумьях. На прошлой неделе, солнечным ясным днем, я снял телефонную трубку и позвонил человеку, хорошо известному в нашем профессиональном клане, – Эду Тернеру, вице-президенту Си-эн-эн в Атланте, – чтобы получить профессиональную консультацию.

ХСТ: Все эти годы я был горячим приверженцем Си-би-эс. ЭТ: Проклятье, я там раньше работал ... Тогда существовало всего три канала, точнее, два, потому что Эй-би-си можно не считать – там никогда не придавали значения теленовостям... Итак, до начала семидесятых было всего два канала, по которым транслировали новостные программы. На новости отводилось полчаса вечером и час-два утром... Сейчас конкуренция гораздо острее, потому что появились независимые студии, которые выпускают собственные программы; теперь есть кабельное телевидение; кроме того, все быстрее

растет огромный монстр под названием видео, и вовсе позволяющий обходиться без телеканалов. К тому же сегодня работает больше радиостанций, чем когда-либо, и такая же ситуация с журналами.

ХСТ: Но как же вам удастся успешно вести дела?

ЭТ: Мы – профессионалы в этой области. Мы поставляем на рынок скоропортящийся продукт под названием «новости». Остальные каналы решили бороться за внимание тех зрителей, которые хотят развлечений, – и мудро сделали.

ХСТ: Почему «60 минут» имеют такой высокий рейтинг?

ЭТ: Потому что там всегда есть место для чертовски хороших новостных программ.

ХСТ: Что вы скажете о «Узст – 57-я стрит»?

ЭТ: Эта программа делается в ярком, остроумном стиле.

ХСТ: А «20/20»?

ЭТ: Это более громоздкая версия «60 минут», в которую входят интервью Барбары Уолтер со знаменитостями. Она проводит их очень хорошо, но это не новости в традиционном смысле.

ХСТ: А «Вечерней строкой»?

ЭТ: «Вечерней строкой» – замечательная программа. Первый класс.

ХСТ: Раньше она шла час. Почему ее сократили до получаса?

ЭТ: Поддерживать интерес зрителей сложно, и во вторую половину часа рейтинги резко падали.

ХСТ: Правда ли, что новостное вещание – экономический груз на шее телевидения?

ЭТ: Новости могут принести много денег – при правильной работе менеджеров. Что касается региональных студий, новости, кажется, – самое прибыльное из всего, что там делают. Но и в национальной телесети можно вести дело таким же образом. Эн-би-си заявляет, что в этом году потеряет на новостях 50 миллионов... В первую очередь речь идет о программе «1986», их версии «60 минут». Поверишь ли, они планируют потратить 20 миллионов долларов, пытаясь создать передачу в таком формате! Мне надо было бы оставаться там и ждать, пока деньги сами не потекут мне в руки ...

ХСТ: Да, эта сумма больше, чем я мог бы потратить на выпивку, наркоту и все остальное... Программу будет вести Линда Эллерби?

ЭТ: Нет, она сейчас занята в новом шоу на Эй-би-си, которое запустят через несколько недель. А «1986» некоторое время будет выходить с Роджером Маддом и Конни Чанг.

ХСТ: Почему они начинают выпуск новой информационной программы, если теряют на этом деньги?

ЭТ: Вспомни недавнее прошлое. Давно, лет шесть назад, программа «60 минут» была убыточным проектом. Она не могла собрать зрителей, приходилось платить людям за то, чтобы они ее смотрели. Потом время передачи перенесли – она стала выходить после футбольного матча вечером в воскресенье. С этого момента она стала самым прибыльным проектом Си-би-эс.

ХСТ: Почему? Хотя про себя я знаю, почему я ее смотрю. Я люблю футбол и новости.

ЭТ: Вот и ответ: тебе нравятся новости и тебе нравится футбол. Передача выходит в удобное время, когда многие расположились перед экранами.

ХСТ: Переманивают ли региональные студии работников из национальных сетей?

ЭТ: Региональные студии все более активно занимаются новостями, и это серьезная проблема, с которой сегодня столкнулись крупные телекомпании... Теперь сотрудники небольших студий выезжают на все значительные события и передают свои репортажи с помощью спутниковых технологий. Так они могут показать свои журналистские навыки и создать свой собственный имидж. К съезду Демократической партии, который состоится в 1988 году, уже подано 280 заявок на парковку машин с телевизионным оборудованием... Технология спутниковой связи стала настолько мобильной, что необходимость в традиционных телесетях отпала. Теперь региональные студии делают все сами, а на родине телеведущих считают настоящими героями.

ХСТ: Хорошо ли это для нас?

ЭТ: Да, конечно. Чем больше информации, тем лучше для обозревателя. Чем больше получаемый объем информации, тем больше возможностей у людей вроде Билла Мойерса... И хороший тренинг для начинающих. ХСТ: Что мы имеем в итоге?

ЭТ: Местные новостные программы становятся лучше, телевизионные гиганты делают программы новостей, которые хороши настолько, насколько это сейчас возможно. Три кита сетевого телевидения по-прежнему сохраняют своих зрителей, но сегодня активная работа не ограничивается тремя нью-йоркскими студиями.

ХСТ: Что вы собираетесь делать дальше?

ЭТ: Жить и зарабатывать деньги. Когда ведущий программы сам понимает то, о чем говорит, неважно, какой глубокий у него голос и хорошо ли он выглядит. А когда ведущий не понимает, о чем говорит, смотреть на него скучно, он теряет зрителей, а потом теряет работу. Потребность в настоящих журналистах, знатоках своего дела, сегодня остра, как никогда.

15 сентября 1986 года

Дешевая распродажа на «Стрип»

Лас-Вегас. Восход солнца не обрушивается на «Стрип» – главный бульвар Лас-Вегаса как гром среди ясного неба. В шесть часов утра холл отеля пуст, если не считать горстки «ранних гуляк», как их называют на «Стрипе». Но в казино гудит народ.

«Звездная пыль» никогда не закрывается. Ряд стоек, где принимают ставки, и телеэкраны, размером в половину футбольного поля, предложат поставить деньги на все, что только можно себе представить, – от забега в Пимлико до боя между Брамблом и Розарио. Вы можете даже поставить 250 к 1 на то, что «Северо-западные» выиграют «Розовую чашу».

Три к двум на Брамбла против Розарио – разумный расклад. И три к двум – на Камачо против Эдвардса. И что с того? Кому интересны такие ставки? Три к двум – это отлично, если это совет Е.Ф. Хаттона или чикагской Коллегии по торговле; но поутру в «Солнечной пыли» все, что меньше пяти к одному, вызывает у людей, сидящих в передних рядах, пренебрежительный смешок. А потом они встают и уходят через боковую дверь – в жаркое сияние раннего утреннего солнца.

Снаружи не было ни одного такси. Всю ночь на бульваре дул сильный ветер, и все разумные люди давно отправились по домам. Ветер, разбросавший ветки по автостоянке и перед «Сиркус сиркус», просто выдул меня из-за двенадцатифутового противоураганного ограждения на дальний конец новой стоянки рядом с «Лас-Вегас Хилтон».

Лилипут, одетый в майку «Смерть приходит сверху», про-дошел ко мне возле «Гей-Му» и спросил, не хочу ли я провести с ним время.

Я просто проигнорировал его предложение, но человек, шедший следом за мной, наклонился якобы завязать шнурок, а потом оглушил лилипута 50-тысячевольтовым разрядом пистолета «Нова XR-5000».

«Солдаты удачи» разбирают свое коммерческое шоу и выставку, на которые мы смотрели издали, с восемнадцатого этажа «Хилтона». Соревнования по рукопашному бою закончились, участники семинаров по борьбе с терроризмом разошлись, боезапас почти полностью израсходован.

В последний момент, когда выставка в «Сахаре» уже закрывалась, я пришел туда, чтобы сделать покупки. На обычных съездах вы становитесь обладателем пластиковых блокнотов, удостоверений участника и шариковых ручек. Здесь – другое дело. Большинство сувениров не только дороги, но и представляют опасность для окружающих, если их, скажем, забыть в гостинице. С другой стороны, можно потратить много времени в «зеленом коридоре» в аэропорту, пытаясь пройти металлодетектор, а если вас все-таки выпустят, напротив вашего имени будет стоять красная отметка.

Учитывая это, я разложил свои приобретения на просторной кровати и попытался решить, как их следует упаковать.

Багажная декларация

1. Три дюжины трассирующих пуль, некоторые для 0,357, другие для 0,44 «Магнума». При выстреле оставляют длинные желтые трассы. Зажигательные патроны имеют голубую маркировку

2. Сто разнообразных наклеек со знаменитыми надписями, в том числе «Грабь кого-нибудь другого», «Встретил меня – встретил смерть», «Если ты войдешь в эту дверь, ты будешь убит» и «0,44 “Магнум” – любимый калибр Господа Нашего».

3. Одна наплечная кобура «Галко-Интернэшнл» для 39 модели «Смит-и-Вессон» или 9-миллиметровой автоматической «беретты».

4. Одна настоящая панама солдата Африканского корпуса генерала Роммеля – цвета хаки, с шелковой подкладкой.

5. Двадцать красных пиротехнических сигнальных огней, время горения 6,5 секунд.

6. Две книги: «Расквитайся: подробное руководство по грязным трюкам» и «Ваше поведение в бою – законы войны».
 7. Два ножа спецподразделения морской пехоты с 9-дюймовыми лезвиями.
 8. Один плакат, посвященный десятилетию «Солдата удачи». На нем приписано от руки: «Дорогой Хантер, взорви кого-нибудь! – Роберт К. Браун».
 9. Один комплект боевой формы спецназа, стопроцентный хлопок, не рвущаяся, камуфляж с узором вьетнамской листвы.
 10. Одна снайперская винтовка «Стейер SSG» с 26-дюймовым тяжелым стволом, синтетическим ложе CBS «Сайколак» и стальным прицелом ZF 6-X.
 11. Одна система ночного видения «Ночной захватчик ЗОЮ» с инфракрасным сигналом и усилителем изображения со сменными линзами на 35 мм.
 12. Один жилет «солдата удачи», черный нейлон, размер L, эмблема в виде земного шара и перечень стран – Афганистан, Ангола, Бирма, Камбоджа, Коста-Рика, Куба, Сальвадор, Гренада, Гватемала, Гондурас, Израиль, Корея, Лаос, Ливан, Никарагуа, Пакистан, Южная Африка, Таиланд, Вьетнам и Зимбабве, – где «солдаты удачи» принимали участие в боевых действиях.
 13. Один стальной стилет – «выглядит как игла – ваш лучший друг в рукопашной схватке».
 14. Две коробки пластиковых пуль калибра 0,45 с медной оболочкой – «надежная, простая и недорогая альтернатива настоящим боеприпасам».
 15. Шесть дымовых гранат для разгона толпы, диаметр 2 дюйма, длина 4 дюйма.
 16. Одна банка спрея для выявления бомб в письмах, 6 унций.
 17. Одна 120-футовая нейлоновая сверхпрочная веревка.
 18. Одна военно-морская нашивка с золотыми буквами и эмблемой: «Секретная служба Соединенных Штатов».
 19. Один полуавтоматический 9-миллиметровый пистолет «Ругер Р-85», с обоймой «Сей».
 20. Две хромированные восьмиугольные самурайские цепи, каждая 21,5 дюймов длиной.
 21. Один кожаный, расписанный от руки, пастуший кнут «Каттл-Бейрон», 12 футов.
 22. Один серебряный «медальон мести» с изображением черепа.
 23. Один нейлоновый военный парашют «Бруггеман и Бранд» Т-3, с тройным куполом, размер в сложенном виде 22х13х10 дюймов, грузоподъемность 330 фунтов.
 24. Один европейский стилет, нержавеющей сталь, 4 7/8 дюйма в сложенном виде.
 25. Одна противотанковая ракета «ААСР», полностью управляемая, с 4-секундной задержкой, низкоскоростная, особенно эффективна в городских условиях; с кевларовой реактивной трубкой.
- В конце концов мне удалось все это упаковать, но коридорный отказался дотрагиваться до моего багажа. Даже мой старый друг Джин Килрой из лагеря «Али», работавший администратором казино в Хилтоне, не мог мне помочь. Но тут как раз Кен О'Брайен вывел на поле Уэсли Уокера, и они победили Майами в дополнительное время. Букмекерская контора заплатила мне новыми сотенными и доставила меня до аэропорта на машине.
- 22 сентября 1986 года

Проблема Южной Африки

Ребятишки из Большого дома развлекались на этой неделе как могли. Президент Рейган – по рекомендации оставшихся в тени «ближайших советников» – наложил вето на законопроект Конгресса, по которому США должны были ввести экономические и политические санкции против реакционного режима в ЮАР.

Предложенные санкции не были жесткими, но теперь это неважно.

Важно то, что Рейган решил наложить вето на законопроект, который имел поддержку большинства в Сенате и Конгрессе. Президент пренебрег очевидной возможностью, что его вето будет отменено. И в самом деле, Конгресс не согласился с решением Белого дома, а Сенат – который в августе проголосовал за проект 84 голосами против 14 – скорее всего, снова проголосует «за».

ПРОБЛЕМА ЮЖНОЙ АФРИКИ

По конституции для отмены президентского вето требуется, чтобы обе палаты проголосовали двумя третями голосов. Обычно это сложно. Но в случае с ЮАР Конгресс уже подтвердил свое решение. Теперь, чтобы заблокировать проект, двадцать сенаторов должны публично изменить свою пози-

цию, а им будет трудно найти для этого достойный повод.

Сейчас год выборов – и двадцать два сенатора-республиканца собираются бороться за переизбрание. Четырнадцать из них работают свой первый срок, и по меньшей мере у половины из них есть проблемы – так же, как у многих других, в том числе у группы демократов, послушных Белому дому.

Голосование в Сенате обещает быть интересным. Впервые со времени одобрения Нанкинской резни двадцать сенаторов должны будут развернуться и подставить свои филейные части под кнут слабоумного президента.

Эту отвратительную сцену будут транслировать в прямом эфире. Как толстые евнухи, они будут по очереди выходить к микрофону со своими грязными оправданиями.

«Когда я голосовал первый раз, то был пьян – мне велели положить черный шар... Президент – прекрасный человек. Не обращайтесь внимания на то, что говорят о финансовых нарушениях в моем фонде».

Они будут травить мерзкие байки. Избиратели не выдержат такого позора, и их терпение лопнет...

Нет, двадцати сенаторам сложно одновременно изменить свое решение. Сегодня такое упражнение в политической наглости встречается редко.

Если Сенат не отменит президентское вето, это будет таким позором, которого история не знает со времен «короля-солнца» и Катона-старшего.

Речь идет не о пустяке, не о фурункуле на теле нации, который со временем рассосется от травяных примочек. Проблема Южной Африки останется надолго. Ребята отправились в прогулку верхом на тигре, и, кажется, веселье скоро закончится. К 1988 году может постигнуть судьба Родезии еще одно государство...

А после катастрофы все они свалятся нам на голову – несколько поколений полоумных африкандеров, которых туземцы выкинули с «черного континента». Десятки тысяч людей прилетят в аэропорты Майами, Атланты и Далласа. Их чемоданы будут набиты оружием, еще теплым после боя. Некоторые отправятся на Север – в Монтану и Айдахо, – чтобы подключиться к «арийцам» и другим сторонникам превосходства белой расы. К концу столетия – если Рейган продолжит нынешнюю политику, – бывшие африкандеры будут контролировать огромную зону на американском Западе – от Блэк-Хиллс до океана.

Такая перспектива тревожит многих, но Рейган спокоен. К тому времени, когда эти злобные псы придут к власти, ему будет 88 лет, и к тому же они будут почитать его как живого бога. Ни один человек, носящий имя Рейган, не будет иметь проблем в западных штатах до тех пор, пока будет существовать государство, или до Большого землетрясения, во время которого Калифорния провалится в море.

В Бостоне или Вашингтоне такие рассуждения могут показаться проявлением паранойи, но в городах вроде Скотсдейла, Бузмана и Карсон-Сити они совсем не выглядят шуткой. В Техасе говорят о расселении миллиона перемещенных африкандеров на берегах Рио-Гранде, на длинной полосе земли, которая станет буфером против мексиканцев.

Не все в центрах политической власти придерживаются мнения, что Рейган является тайным вождем «арийцев». Даже люди из его ближайшего окружения видят в нем просто одаренного от природы старика из Голливуда, который войдет в историю как величайший посредник своего времени... Но не как глубокий философ или политический мыслитель, в отличие от других президентов, которых он так часто цитирует.

Друзья оценивают его так, как оценивали бы Вилли Ломана¹ (1Главный герой пьесы А. Миллера «Смерть моряка», человек, верящий в Американскую мечту), если бы тот прошел через увеличительное стекло и стал президентом Соединенных Штатов.

Между тем кампания 1986 года, хромая, идет к тому, что букмекеры называют финишем. Все лето ставки упорно держались на уровне 50 на 50, но сейчас расползаются слухи о грядущих переменах. Говорят, в таких штатах, как Колорадо, Миссури и Флорида, «Умные денежки», склоняются к республиканцам.

Никто по-настоящему не верит в отступные. Результаты голосования сегодня зависят от грубой рекламы и загадочных противоречий между региональными политиками... Но если в наши дни вы верите в отступные, вам следует поставить 51 к 49 на республиканцев.

Правда, некоторые мудрецы говорят, что голосование в Сенате по санкциям против ЮАР может

изменить все. Позор отказа от своего мнения, как мертвый альбатрос, будет висеть на шее у слабаков. В глазах избирателей они будут выглядеть как бесстыдные кастраты.

Республиканцы, которые не могут обойтись без поддержки Белого дома – вроде Полы Хокинс из Флориды, Мака Маттингли из Джорджии и несчастного простофили Слейда Гортон из Вашингтона, – будут голосовать по указке президентской команды.

Но троих мало. Ребятам из Большого дома требуется изменить двадцать решений – в дополнение к четырнадцати голосам твердокаменных правых, которые уже поддержали президентское вето.

Четырнадцать – это еще не тридцать четыре, и нехватка двадцати сложно будет получить. Опытный азартный игрок плакал бы на публике по поводу всемогущества президента, а втихую сделал бы ставки приблизительно 8 или 9 к 1 против него. В действительности шансы не так велики, и некоторые люди в Вашингтоне скажут, что наш игрок может в таком случае потерять свои деньги. Разумная точка зрения. Что ж, если на самом деле шансы приблизительно равны, будем считать, что наш игрок по-настоящему азартен.

29 сентября 1986 года

Пушка со сбитым прицелом

– Пресс-секретарь президента Ларри Спикс заявил, что Соединенные Штаты попросили Советы присоединиться к ограничению на распространение информации во время летнего саммита... «Президент полагает, что сейчас не время для публичной риторики. Пока следует ограничиться приватным разговором».

«Denver Post», 4 октября 1986 года

Ну, что ж... может быть, так и надо. Исландия, говорят – хорошее место для приватной беседы, и русские, скорее всего, согласятся со схемой ограничений на распространение информации, если так хочет Рейган.

Почему бы и нет? Кажется, в голове у президента бродят мрачные мысли. Всем видно, что у него отвратительное настроение, и даже его близкие друзья в Вашингтоне не особенно хотят посылать президента в Рейкьявик для встречи с жестоким и хитрым Горбачевым с глазу на глаз, за закрытыми дверями.

Слишком многое идет не так, как надо, а Датч не может этого понять... На прошлой неделе Большой дом потерпел еще одно поражение или, по крайней мере, так это выглядело по телевизору. В четверг в Сенате проходило голосование по санкциям против ЮАР. Обычно в таких случаях сенаторы в последнюю минуту капитулируют. На этот раз голосование обернулось для рейгановской администрации публичным унижением.

Президентское вето было отменено 78 голосами против 21. Таким образом, Рейгану не хватило 13 голосов, необходимых, чтобы предотвратить крупное политическое поражение. В первый раз за свою карьеру Рейган проиграл в важном вопросе, и удар был особенно жестоким, потому что был нанесен Сенатом, где доминируют республиканцы и где Рейган побеждал почти всегда.

Результат был настолько унижительным, что возникло сомнение: а не хитрый ли это стратегический ход, сделанный за месяц до выборов в Сенат? Может быть, это попытка сохранить контроль Республиканской партии в Сенате? Или рейгановская революция действительно стоит на распутье?

Никто не помнит, чтобы Рейган проигрывал серьезный спор с Сенатом. Последний раз он был публично бит двадцать лет назад, после выхода картины «Дни в Долине смерти».

Нелегко смириться с мыслью, что «Рейган, в конце концов, просто взорвался как старая шина», как заметил один вашингтонский игрок, который попросил не упоминать его имя в печати. Наверно, президенту нелегко читать умные замечания и ехидные намеки в газетных статьях, посвященных тому, что выглядело как ошеломительный политический провал. Против президента голосовали даже те сенаторы-республиканцы, которые сейчас, перед переборами, наиболее зависимы от Белого дома.

Говорят, когда объявили результат, в воздухе раздался гул. Это выражали недовольство Доул, Лэкселт, Дентон, Армстронг и семнадцать остальных, среди которых были деревенщина и йеху вроде Барри Голдуотера, Строма Термонда и Джесси Хелмса.

Их убогая команда поддержала президента, но пользы от этого никакой не было... Раньше, каждый раз выступая на его стороне, они выигрывали и наслаждались плодами победы. Сегодня Датч привел их к позору и проигрышу; они не видели смысла в его действиях и поэтому нервничали.

Какие у него были мотивы? Почему он слепо шел вперед, не обращая внимания на общественное мнение? Зачем пытался унижить Конгресс, наложив вето на законопроект? Даже подчиненные президента с самого начала оценивали вето как проигрышный ход.

Через день после сокрушительного провала в Сенате Рейган появился на телеэкране. В трансляции, которую канал Эй-би-си вел с лужайки перед Белым домом, явно прослеживался конфликт президента и пресс-службы его собственной администрации.

Не было больше старомодного хлама, небрежных шуток, походя брошенных через плечо в ответ на острые вопросы Сэма Дональдсона, когда Рональд шагал вместе с Нэнси от вертолета к своему убежищу в Восточном зале... Нет. В этот раз он выглядел просто убого: растерянно размахивал кулаками и приближался к камере слишком быстро, так что объектив не успевал изменить фокус, из-за чего лицо президента казалось деформированным и ненатурально опухшим.

Два заложника в Ливане обвинили Рейгана в том, что он бросил их на произвол судьбы, а все свое президентское влияние использовал, чтобы нажать на русских и заставить их выпустить на свободу американца Ника Данилоффа – журналиста с подмоченной репутацией.

Президент отмел упреки, раздраженно настаивая, что одно дело – вести переговоры с относительно цивилизованными врагами из Кремля и совсем другое – с бандами безумных арабов из трущоб Бейрута и Дамаска.

Он выглядел изможденным и подавленным, как старик, которому не дали выспаться. Последние 48 часов были заполнены неудачами, к которым он не привык. Вначале он потерпел поражение в Сенате и уже тогда погрузился в меланхолию. А потом, почти одновременно, стало известно о утечке негативной информации из его ближайшего окружения – что всегда является плохим признаком в Вашингтоне: это значит, что большие крысы покидают корабль. За последние дни было продано много президентских секретов.

Вот, например, Боб Вудворд, этот порочный змей из «Washington Post», как-то умудрился получить записи встречи между Рейганом и его советниками по национальной безопасности. Встреча состоялась 14 августа. По словам Вудворда, разговор напоминал одну из старых записей Никсона. Это грубая смесь гомосексуальных шуток и вероломных планов заговора против ливийского полковника Каддафи.

Датч находится во власти старческих страхов. Идея послать его в Исландию популярна в Белом доме не больше, чем в Национальном комитете Республиканской партии.

– Он проявляет признаки безумия, – сказал один из ветеранов нефтяного лобби. – Его слишком сильно нагружали во время турне по сбору денег для партийного фонда, а теперь всем на него наплевать. Он собрал для этих грязных кандидатишек в Сенат миллионы долларов, а теперь они бегут, как крысы, когда ему требуются их голоса по ЮАР. Они третируют его как старого тупого расиста.

– Ни один человек в здравом уме не отпустит Рейгана в Исландию на встречу с русскими, – продолжал он. – Президент непредсказуем. Бог знает, что он может там сказать и какие бумаги подписать.

– Рейгану нечего терять, – добавил мой собеседник, – и никто не может его контролировать. Он может делать все что захочет, а нас всех могут прибить гвоздями к полу.

6 октября 1986 года

Давай повеселимся!

– Лас-Вегас, Невада. Человек, чья личность до сих пор не установлена, нанял летчика, свидетеля и фотографа, чтобы сделать видеозапись своего трюка. Потом он прыгнул с самолета с высоты 10 тысяч футов. Однако трюк не удался. В среду полиция нашла тело. На мертвеце был белый вечерний пиджак и нераскрывшийся парашют. В двух милях от места находки была обнаружена машина. Два сигнальных огня были направлены вверх через ветровое стекло, а на переднем сиденье лежала карта Лас-Вегаса.

«USA Today», 9 октября 1986 года

На прошлой неделе под окнами многих людей завывали зловещие привидения. Эта неестественно мрачная полоса дней была похожа на времена Великой Чумы. Многие были призваны, и многим пришлось несладко. Список жертв был длинным и содержал интересную смесь имен.

Там был Бернارد Колб из Госдепартамента, Джон Заккаро из Квинса, Линдон Ларош из Вирги-

нии... Кроме того, Роджер Клеменс из Бостона; Джон Делорен из Нью-Джерси; Ясир Арафат, еще недавно обитавший в Тунисе; Дэн Ратер с Парк-авеню и еще один неудачливый тупица от природы по имени Юджин Хейзенфус, который сейчас сидит в бамбуковой тюрьме в Никарагуа.

Другие имена из списка известны не так хорошо. Там числится рыбак по имени Иоганн из Рейкьявика, шериф-философ из Аспена и тренер по бейсболу из команды «Калифорнийских ангелов». Самый таинственный экземпляр из всех — он хорошо известен только игрокам в Лас-Вегасе — Дональд Грегг, человек из команды вице-президента Буша, сотрудник спецподразделения, проводящего тайные операции за границей. Грегг объявлен основным виновником провала, в результате которого разыгрался омерзительный спектакль, во время которого банда улыбающихся маленьких человечков утащила Хейзенфуса в джунгли.

Очень скоро они оба предстанут перед судом: Хейзенфуса будут судить сандинисты, а Грегга — такие же, как он, тайные агенты, которые будут вершить справедливость по своим правилам.

...Которые в своей основе похожи на наши, но отличаются терминологией. В прозрачном мире такие слова, как «уход» или «завершение», используют в своеобразном смысле, не так, как это принято у людей, занимающихся обычными делами.

«Уход», к примеру, — это то, что случилось с двумя американскими пилотами, которые погибли в самолете, сбитом ракетой в Никарагуа. А «завершение» — это то, что скоро случится с Юджином Хейзенфусом, который каким-то образом сумел выжить в катастрофе, а теперь уселся на пути Буша к президентскому креслу и громко протестует, подобно вещему Ворону.

Если бы он погиб, он был бы героем — как другие, — но он позволил взять себя в плен вместо того, чтобы вырвать с корнем свой язык или проглотить яд, который он должен был все время носить с собой в полый рукоятке своего десантного ножа. А теперь он стал обузой — «свободным концом», как выражаются профессионалы в данной области. В деле, которым он раньше занимался, у него нет перспективы.

Если он переживет суд, и не сойдет с ума, и его не убьют свои, как Ли Харви Освальда, ему надо бы жениться на местной индианке из племени мескито или даже на толстом мальчике из какого-нибудь племени каннибалов в Эквадоре. Это гораздо разумнее, чем, выйдя из зала суда после окончания процесса, прилететь первым рейсом в Майами. Там ему работу не найти. Его схватят прямо в аэропорту и кинут на съедение аллигаторам. Когда найдут его труп, в местных газетах появится маленькая заметка: «Бывший наемник найден мертвым в болоте Хайли. На месте жестокого убийства не найдено никаких улик».

Многие происшествия последней недели стали насмешкой над старым изречением, утверждающим, что «плохой рекламы не бывает».

Эти слова часто повторяли Ричард Никсон и Уилбур Миллс. Но обоим пришлось уйти — после того, как они на своем опыте поняли, что это правило работает только в шоу-бизнесе.

Дэн Ратер, возбужденный собственной политической деятельностью на Си-би-эс, попал в историю, более захватывающую, чем он мог пожелать. Во время ночной прогулки по Парк-авеню два головореза жестоко избили его, потому что он не смог ответить на их вопрос: «Кеннет, что такое частота?»

Никто точно не знает, как все было, но Ратера отлупили как трусливую собаку за то, что он не смог объяснить, что такое частота.

На другом конце спектра новостей находилось сообщение корреспондента «Нью-Йорк тайме» Джона Кифнера из Каира. Корреспондент рассказал, что глава ООП Ясир Арафат выслан из Туниса президентским указом. Причина высылки не объявлена, вероятно, это просто результат очередной ссоры в жестоком мире панарабской политики; однако сюжет содержал кое-какие тонкости.

Слухи, доходившие в последние месяцы из Туниса, были неопределенными — у арабов не принято открыто говорить о таких деталях частной жизни, как супружеская неверность, обман и предательство... Но когда Кифнер написал статью и прислал ее в свою газету, «Times» не наградила его обычной премией, которая обычно следует за сенсацией.

Заголовок на третьей странице гласил: «ООП переезжает из Туниса в Йемен». Первые девять абзацев были написаны невнятным обтекаемым языком. Но десятый абзац отличался от прочих: «Согласно арабским дипломатическим источникам, старый и больной президент Туниса Хабиб Бургиба поссорился и развелся со своей женой Вассилой, которая чересчур симпатизировала господину Арафату и ООП. По словам арабских дипломатов, это стало основной причиной того, что Арафату при-

шлось освободить виллу в Тунисе».

В Лиге арабских государств Ясира всегда недолгоблюдали. Он отвратителен и криклив. Когда он разговаривает, с его губ летит слюна. У него неопрятная борода, а глаза похожи на два мешка с грязной водой. Его накрахмаленная форма начинает вонять тухлятиной через два-три дня, потому что она густо пропитывается жирными кислотами. Даже его друзья избегают контактов с ним в частной жизни.

Самые тупые и бессильные писаки из бейрутского пресс-клуба не стали бы подписываться под этой омерзительной статьей, такой же отталкивающей, как сама сага о Ясире и Вассиле. Эти постыдные ночные посиделки на подушках президентской виллы – на глазах слуг и прессы – конечно, выходили за пределы приличий.

Эпизод закончен. Во вторник на пресс-конференции Арафат заявил, что теперь штаб-квартира ООП будет располагаться в Южном Йемене, Восточном Бейруте или на острове Харг.

13 октября 1986 года

Смерть в семье

«Рыжая лиса поставила своеобразный рекорд, многие столетия символизируя пронырливость, хитрость и храбрость... Она оставила следы на страницах художественных произведений и в преданиях. Даже в современном разговорном языке можно услышать имя этого зверька. Лисой называют ловкого и умного человека. Например, "он – старая лиса" или "хитрый лис"».

Новая Энциклопедия охотника, с. 147

Хорошо, ребята, я расскажу вам историю о рыжей лисе, о том, как я с ними встречался. Такие сюжеты не увидишь в газетах для семейного чтения. Это повесть о вероломстве, насилии и мести. Хотя я в жизни сталкивался с такими вещами, случившееся показалось необычным даже мне.

Даже самые тупые животные способны учиться на собственном опыте. Поэтому я давно отказался от насилия, хотя раньше получал от него такое же удовольствие, как от спорта (это прошло, когда я понял, что не все понимают дело таким образом, и некоторые люди действительно хотят причинить тебе боль).

То же было с мстостью. Строить планы мщения и рассуждать о них было весело, но само действие требовало слишком много времени и энергии – больше, чем борьба со смертельной болезнью. Кроме того, даже удачная месть не всегда окупала затраты.

Язык содержит немало слов, начинающихся на букву «м», которые обозначают разные неприятности. Кроме «мести» и «мучений», есть еще слова «мертвец», «могила», «мусор», «монстр», «малодушие», «мерзость»... список можно продолжить.

Правильно. Не обращайтесь внимания на эти загадочные свойства языка. Оставим их мошенникам вроде Эдвина Ньюмена и Робина Макнила.

Сейчас мы говорим о непростой жизни и ужасной смерти рыжей лисы, которую многие эксперты считают умнейшим из зверей.

«Каждая лиса имеет индивидуальность. Хитрость, порой доходящая до гениальности, стала основой легенд о чрезвычайной изобретательности лис».

Там же.

Но со мной хитрость им не помогает. В двухстах ярдах от моего крыльца есть целое гнездо этих маленьких и порочных рыжих пройдох. Сейчас я занимаюсь их истреблением. Несколько дней назад я хорошенько проучил самую большую – и остальные попрятались.

Они сильно испугались, когда старая лиса вернулась из своего последнего путешествия по полям. Она ослепла на оба глаза и покрылась твердой коркой из павлиньего навоза и перьев. С задних лап стекала кровь.

Стоял полдень; отвратительные птицы как раз подумывали о еде, но они не торопились. Здесь всегда достаточно пищи. Как и все падальщики, павлины едят много – даже при 20 градусах ниже нуля. В их распоряжении – горы пшеницы, кукурузы и жареной картошки.

Но не гора мяса, которое они любят больше всего... Они, как акулы, готовы сожрать все, что кровоточит, включая представителей собственного вида. Если один из павлинов случайно поранится, его быстро заклюют остальные. Вначале они съедят глаза и внутренности, а потом доберутся до мяса.

«Некоторые охотники полагают убийство лисы грехом. Эти энтузиасты считают, что на лису

можно охотиться только с гончими собаками и требуют придерживаться этого правила».

Там же.

По «шкале элегантности» от одного до десяти рыжая лиса получит никак не меньше восьми очков. Это очень изящный зверек с красивым мехом и социальным поведением на уровне великолепных лошадей и быстрых собак.

Даже Джордж Вашингтон любил рыжих лис. Он «проводил много счастливых часов, скача с гончими по лесам в своем поместье Маунт-Вернон».

На некоторых фермах охотятся за другой добычей – серой лисой – одной из самых примитивных и уродливых разновидностей семейства *Vulpes vulva*. У этого зверька глаза – как бородавки, шерсть – как иголки морского ежа, а мозг – как у цыпленка, обжеванного дури.

Есть еще койот, на которого охотятся или, по крайней мере, пытаются охотиться банды нуворишей в местах вроде Вейла и Палм-Спрингс... Но это совсем другое, потому что койот всегда побеждает.

В отличие от рыжей лисы койот, совсем не похож на самодовольного воришку. Он лишен ее разнузданной нетерпеливости и склонности к изнеженной жизни. Койот – подлый, угрюмый мясоед, который, в конце концов, убьет и съест любую собаку, которая, преследуя его, зайдет достаточно далеко.

Но я никогда не ссорился с койотами, хотя в долине их полно. За пятнадцать лет нашего сосуществования ни один койот, даже бешеный, ни разу не подошел к моему крыльцу и не пытался убить кого-нибудь из моих домашних животных или съесть павлина.

У рыжей лисы совсем другой характер. Самоуверенная, жадная и недалекая, она – не знаю, в какой момент нашего соседства, – почувствовала непреодолимую тягу к бифштексу «Солсбери». Кроме того, она загрызла моего домашнего кота. После этого она при свете дня бесстыдно бегала по двору, запрыгивала на мой «порше» и принималась к клетке с павлинами.

Ловушка «Хэвахарт» представляет собой тяжелый металлический ящик высотой в четыре фута, с двумя дверцами и симпатичной маленькой кормушкой посередине. Когда лиса, привлеченная запахом бифштекса «Солсбери», вошла внутрь, обе дверцы захлопнулись. Путь к бегству был отрезан.

После того как рыжая лиса попала в клетку, я некоторое время разговаривал с ней – пока готовил смесь перьев и павлиньего навоза. Потом, прямо через прутья решетки, я начал кидать лопатой эту гадость, метя в зверя. У лисы началась истерика, она билась в грязи и пыталась укунить лопату. Периодически я поливал ее жидким клеем, а перед тем как выпустить, кинул лопату вонючей массы прямо ей в глаза.

После этого зверь напоминал скорее шакала, чем лису. Клей быстро схватился и, смешавшись с перьями и навозом, образовал прочный слой. Тявкая и подвывая лиса выбралась из клетки и неуклюже побежала через поле к своей норе в зарослях колючего кустарника.

На своем пути это жутко выглядевшее, вонючее, полуслепое, пережившее нервный шок животное должно было пробежать между двумя годовалыми павлинами. Птицы клевали насекомых в траве, не обращая внимания на зверя, в котором они даже не узнали лису. Поразительно, но я увидел, как лиса отклонилась от курса и сделала нерешительное, дебильно-порочное движение в сторону одной из птиц. Тогда, чтобы помочь лисе выбрать правильный путь, я выстрелил ей в корму зарядом картечи. Последний раз, когда я видел старую лису, она была окровавлена, а сверху кружились два краснохвостых ястреба, явно собираясь включить ее в пищевую цепочку.

20 октября 1986 года

Назад в Ормсби-Хаус

Примечание редактора: предсказания Хантера Томпсона относительно результатов выборов в Сенат США оказались поразительно точными.

Несколько примеров из его колонки от первого сентября, где он дает оценку ситуации в некоторых ключевых штатах:

Флорида. Любимица семейства Рейганов Пола Хокинс попала в серьезную переделку. Губернатор Боб Грэм – превосходно организованный политический локомотив с большими амбициями и высококвалифицированным персоналом. У него почти нет слабых мест. Он побьет Полу Хокинс, как свою домашнюю клячу. Ставки: пять к двум на Грэма.

Джорджия. Очевидный фаворит – кандидат от «Великой старой партии» Мак Маттингли. Впрочем, демократ-конгрессмен от Атланты Уитч Фаулер, победивший на первичных выборах Гамильтона Джордана, бывшего любимчика Картера, чувствует себя очень уверенно. Маттингли похож на куклу Барби с неясным электоратом, и ему не следует рас-слабляться. При ставках два к одному на черную лошадку Фаулер – один из лучших объектов для заключения пари на всем игровом поле.

Миссури. Том Иглтон сдает место, когда-то надежно занятое демократами. Кандидат от «Великой старой партии», бывший губернатор Кит Бонд имеет хорошую репутацию и огромное преимущество перед действующим помощником губернатора Генриеттой Вудс, которая, тем не менее, сохраняет шансы на победу. Ставки: три к одному на Бонда.

Колорадо. Освобождается еще одно место демократов, на сей раз – фаворитом президентской гонки Гэри Хартом. Его друг и соратник Тим Уирт – заметный конгрессмен и опытный борец за голоса избирателей, работающий в стиле Кеннеди. Уирт, по слухам, должен опасаться конгрессмена-республиканца Кена Кремера. Тут я не советую заключать пари. Ставки: семь к пяти на Уирта.

Северная Каролина. Терри Сенфорд, двойник Губерта Хэмфри и бывший губернатор, просто обязан выиграть выборы, а недавно назначенный кандидат-республиканец Джеймс Бройхил – нет. Бройхил дорабатывает срок за бывшего сенатора Джона Иста, недавно покончившего жизнь самоубийством при грустных и отвратительных обстоятельствах. Местное население все еще не может успокоиться по этому поводу. Ставки: три к двум на Сен-форда.

Невада. О победителе в этом штате бьются об заклад даже дети. Пол Лэкселт – республиканец, который провел два срока в Сенате, серый кардинал и ключевой стратег династии Рейганов. Он освобождает место, за которое борются республиканец Джим Сантини и конгрессмен-демократ Гарри Рейд. На сегодняшний день оба имеют одинаковый рейтинг. Лэкселт – партийный функционер классического склада. Он не оставит свое место в Сенате, пока не будет уверен в победе своего преемника-республиканца. Но и он может ошибаться. Лэкселт проводит собственную напряженную президентскую кампанию, где ставки очень велики. Он крадется в зарослях позади Джорджа Буша и может потерять контроль над местной политикой. Вспомните Оскара Бонавену. Прогуливаясь по парку публичного дома под названием «Ранчо мустангов», Бонавена тоже считал себя в безопасности – но пуля таинственного снайпера пробила ему шею, и он умер. Ставки: шесть к пяти на Рейда.

Гэри Харт – снова на телевидении. На этот раз в «Вечерней строкой»; он выступает в паре с Полом Лэкселтом, бывшим сенатором от Невады. У Лэкселта был тяжелый день, и выглядит он изможденным. До вторника Лэкселт оставался главным конкурентом Харта. Все знали его как «лучшего друга президента» и великого тактика, который дирижировал двумя успешными предвыборными кампаниями Рейгана... Лэкселт был загадочной фигурой – профессиональный политик из Невады с длинным послужным списком: бывший председатель Национального комитета Республиканской партии, бывший губернатор, бывший помощник губернатора и – до полуночи вторника – бывший ведущий кандидат в президенты.

О боже, да это Эд Шоу собственной персоной, в своей штаб-квартире в Санта-Кларе! Шоу подошел к микрофону с очень странным видом. Вначале я подумал, что он здесь для того, чтобы сделать заявление, как положено кандидату после выборов, в том числе кандидату проигравшему, – но в его глазах читалось что-то необычное, что оставило у меня неприятное ощущение: это был голодный взгляд глубоко безумного низкопробного политика, который решил было, что выиграл, а оказалось, что он потерпел поражение. Он напоминал Роберто Дюрана, который поднес кулаки к голове и тупо скалился на рефери, повторяя при этом «No mas, no mas...»

Лэкселт, скользкий тип, «серый кардинал» «Великой старой партии», кардинал Ришелье своего времени, казался наиболее вероятным победителем президентской гонки 1988 года – до прошлого вторника, когда место сенатора, которое он освободил, ушло из-под его контроля и было подхвачено демократами.

Лэкселт заметил: мол, не произошло ничего особенного. Но на самом деле для Республиканской партии результат выборов стал фундаментальной катастрофой. И этот провал навсегда лишил Лэкселта шанса поселиться в Белом доме.

Теперь Лэкселту остается потихоньку красться домой, обратно в «Ормсби-хаус» в Касон-Сити, где расположены его апартаменты и клуб с казино, пользующиеся дурной славой, – излюбленное место отдыха богатых политиков. Долгое время «Ормсби-хаус» был для Лэкселта штаб-квартирой, клубом и убежищем, но вечером во вторник здание было окружено толпой поносивших его гнусных пья-

ниц.

Значит, политическая карьера Лэкселта закончилась. Ему больше никогда не поверят. Бабка-уборщица, которая по ночам драит в «Ормсби-хаус» полы, ругала и высмеивала Лэкселта за то, что он не сумел сохранить свою власть.

Следующие два года Лэкселт вряд ли будет часто встречаться с Рейганом. Слишком много вопросов Сэма До-нальдсона, заданных президенту, остались без ответа. Во время интервью Сэму пришлось перекрикивать шум винтов президентского вертолета, а фотокорреспонденты были вынуждены довольствоваться снимками с дальнего расстояния.

Старый пацан был потрясен случившимся. Это было крайне унижительное поражение – после всех усилий, после того как он разменивался по пустякам, разъезжал по стране и пытался поддержать своих ноющих и плачущих сенаторов, которых он посадил в кресла шесть лет назад. Они заискивали перед президентом и бормотали какой-то вздор о выборах и «звездных войнах» и местах для парковки на Холме.

«Эти выборы решают все, – три недели назад сказал президент перед стадом толстых и угрюмых табачных фермеров из Северной Каролины. – Потеря контроля в Сенате – это нечто большее, чем экономические трудности для наших людей. На кону стоит безопасность наших соседей и нашей собственной страны».

Что ж... посмотрим. Джеймс Бройхилл ушел в прошлое, как и республиканский Сенат, что стало причиной мрачных и безумных пророчеств Рейгана. Теперь демократы имеют в Сенате перевес в 10 голосов, а мстительный Роберт Берд и его демократическое большинство готовятся дать президенту хорошую взбучку.

В дополнение ко всему, республиканцам пришлось пережить позорный провал Джеральда Стессена в Миннесоте. Никто не знает, чем он теперь займется, но ходят слухи, что в свете фиаско Лэкселта Стессен собирается принять участие в президентских выборах 1988 года.

5 ноября 1986 года

Сад агонии

– Он – человек блестящих способностей, но крайне коррумпированный. Сверкает и воняет, как протухшая макрель в лунном свете.

Джон Рэндольф

На прошлой неделе наблюдался бум в политике. Правда, прямое отношение к нему имели только некоторые. Профессионалы, политики и серьезные игроки поработали на славу: на кону стояли 34 места в Сенате, 36 губернаторских поста и 435 мест в Конгрессе. Политический бизнес ежедневно превращал миллионы долларов в то, что штатные адвокаты на-зывают «быстрыми деньгами».

Этот процесс стар, как сама политика. Даже Джорджу Вашингтону в решающие часы требовались деньги. Всегда есть что-то, что приходится оплачивать, – корм для лошадей, телефонные переговоры... Раньше в коричневых сумках носили наличные – плотные стопки грязных десяти – и двадцатидолларовых банкнот. Теперь деньги приходят через компьютер – и никаких отпечатков пальцев. Деньги поступают в большом количестве и непрерывным потоком. В «новой политике» восьмидесятых они являются фактором, определяющим исход борьбы.

Мы не говорим о долгосрочных векселях. Результаты выборов сегодня определяют «быстрые деньги». Они могут изменить соотношение голосов на 5 процентов – за неделю до дня выборов – и значат гораздо больше, чем блестящая речь или доверие по важному вопросу. По сравнению с денежными ресурсами кандидата все остальное – лишь довесок.

Когда Губерт Хэмфри боролся за кресло президента в 1968 году, он в последний момент увидел, что проигрывает, и предпринял отчаянный рывок. Хэмфри изменил свою позицию по Вьетнаму в надежде получить голоса противников войны, которые требовались ему, чтобы победить Никсона... Он проиграл, хотя перевес Никсона оказался не слишком большим. Из поражения Хэмфри сделало выводы целое поколение молодых политиков. Чтобы победить на выборах, недостаточно продать идеологию – даже если вы отдаете ее в залог за чечевичную похлебку. Один мой приятель, опытный организатор выборов, сказал мне: «Черт, если бы я стоял на перекрестке и раздавал двадцатидолларовые банкноты, я получил бы для Губерта больше голосов, чем удалось самому Губерту с помощью этой от-вратительной лжи».

Сейчас мой приятель работает в Вашингтоне политкон-сультантом и зарабатывает тысячу долларов в день. Его нанимают политические партии и отдельные кандидаты, которые могут оплатить его услуги.

– Положение вещей изменилось, – сказал он мне на прошлой неделе. – Теперь имеют значение только деньги. Ситуация стала гораздо хуже, чем десять лет назад. Не хочется даже говорить об этом. Сегодня Вашингтон отвратительнее, чем когда-либо. У новых ребят нет ни стыда, ни совести.

Жить здесь – все равно, что жить в публичном доме. Я собираюсь отсюда уехать.

На следующий день после этого разговора мне позвонил мой старый друг Патрик Кэдделл, большой политический мудрец. Он занимается изучением общественного мнения. Кэдделл сказал, что тоже собирается «завязать с политикой». Его заявление меня ошеломило.

– Не шути, Патрик, – сказал я. – Ты рожден для этого бизнеса. Это твоя жизнь.

– Теперь уже нет, – ответил он. – Вся политическая система стала зоной катастрофы, и положение все ухудшается. Некоторые люди от этого просто устали. Из лучшего и блестящего все превратилось в худшее и гнуснейшее. Я занялся политикой, потому что я во что-то верил. Поэтому же я сегодня ухожу. Все настолько плохо, что я все время чувствую себя грязным. В конце концов я распорядился сделать в офисе душевую, но это не помогло.

Штатный советник одного из кандидатов в президенты на предстоящих в 1988 году выборах объяснил ситуацию языком цифр: «Комитеты политических действий вложили 342 миллиона долларов в предвыборные кампании кандидатов в Сенат и Конгресс. Все мы знаем, что это значит. Когда в этом бизнесе деньги переходят из рук в руки, 10 процентов суммы исчезает. Это минимум. Я дал сдержанную оценку. В других странах испаряется 50 процентов».

Сегодня в Вашингтон пришло столько денег, что они достаются не только членам Конгресса, но и штатным сотрудникам. Раньше денежки получали только конгрессмены. Теперь обычной практикой стала и покупка профессионалов.

«В ходу наличные и кокаин, – продолжал советник кандидата. – Здесь все этим занимаются. Иначе победить невозможно».

В этом году выборы сенатора от Калифорнии обошлись дороже, чем вся президентская кампания Никсона в 1972 году. Некоторые люди ужаснулись, а некоторые сказали, что выборы за 20 миллионов долларов – это дешево, по крайней мере, на 10 миллионов дешевле, чем один «Фан-томШ».

Тем не менее это серьезные деньги. Причем больше половины всей суммы составили затраты Эда Шоу. До этого года Шоу был ничем не примечательным конгрессменом, владельцем прибыльного хай-тек производства. У него хорошие связи на Потомаке и политические инстинкты акулы-молота.

Республиканцы сочли Алана Крэнстона легко уязвимым соперником и решили, что нельзя упускать такую возможность. Шоу с трудом пережил первичные выборы. Ему удалось выстоять потому, что он выбрал выгодную позицию «наиболее умеренного» среди кандидатов. Шоу благоразумно молчал о своих рекордах во время голосования в Конгрессе, которые ставили его в один ряд с парнями Джесси Хелмса и меньше всего соответствовали имиджу «умеренного».

Когда начался настоящий бой, Шоу вновь изменил позицию и пополз назад, к правым. Ему пришлось выслушать насмешки Крэнстона, который назвал его кандида-том-«флюгером»... но, казалось, такая тактика сработала. Еще в сентябре опросы общественного мнения, проведенные сотрудниками Крэнстона, показывали, что демократический кандидат ведет с перевесом в 12 процентов, хотя в лагере Шоу утверждали, что Крэнстон выигрывал не больше 5 или 6 процентов голосов... В октябре Шоу набрал очки, и разговоры о его бизнесе в Южной Африке никак ему не повредили... В конце концов Датч занимался тем же.

На прошлой неделе в Вашингтоне шептались, что у Крэнстона большие проблемы, а за пять дней до выборов независимые опросы общественного мнения показали, что установилось равновесие.

Посвященные утверждают, что удивительный взлет Шоу произошел только благодаря акции Рейгана по сбору денег для избирательной кампании кандидата. Каждое такое мероприятие приносит около миллиона долларов. Очередное из них Рейган провел в субботу в Лос-Анджелесе – и если вы верите в новую политическую арифметику, эта акция могла дать Шоу достаточно очков для победы. То же может случиться в Колорадо и Неваде, где также сложилось очень не-устойчивое равновесие сил.

Выборы во вторник не обязательно станут де-факто «референдумом по президенту», как нам

твердят дрессировщики из Белого дома, но они наверняка будут референдумом по новой денежной политике восьмидесятых.

Если эта теория верна, все разговоры о возможной победе демократов и восстановлении их контроля в Сенате с самого начала были несбыточными мечтаниями. Большой белой ложью, которую надо питать, лелеять и рассказывать обществу как своего рода сказку. Никто не ходит на тусовки, где собирают средства для кандидатов, имеющих хорошие шансы на победу. На дворе восьмидесятые, Джек! Ты хочешь мой голос? А сколько у тебя денег?

3 ноября 1986 года

Богатенькая “Белая падаль”

Мой телефон в Билтморе зазвонил сразу после полуночи, но я не стал подходить к нему. В Аризоне только два человека знали, что я в городе, и один из них находился рядом со мной, в комнате отеля. Второй сидел в камере шестого блока – камере смертников – в государственной тюрьме в 60 милях отсюда, в маленьком городке под названием Флоренция.

В такой ситуации не стоит сразу поднимать телефонную трубку. Подождите, пока загорится огонек на аппарате, потом позвоните оператору и предоставьте себе возможность выбора... Мы, во всяком случае, сделали именно так. Мария позвонила вниз, и через пару секунд я услышал такие слова:

БОГАТЕНЬКАЯ «БЕЛАЯ ПАДАЛЬ»

– Мистер Паркер? Что? Из «Небесной гавани»? Хершель Уокер? Вы уверены, что у вас правильный номер?

Я слушал вполуха, но потом, когда вспомнил имя звонившего, почувствовал, как от ужаса по моей спине побежали мурашки.

– Мы знаем человека по имени Джек Паркер? – спросила Мария. – Из гаража в аэропорту? Он оставил сообщение: «Хершель Уокер сделал 522 ярда после 10 игр. Позвони мне в субботу вечером после игры в Сан-Диего». Что это значит? Ты опять заключил пари?

Я собрался с мыслями только через некоторое время.

– Вот черт, – пробормотал я. – Как ему удалось меня найти?

Я познакомился с ним в аэропорту Феникса – «Небесной гавани» – около месяца назад. Мы заключили с ним пари, и он отдал мне свой золотистый «мерседес-600» в качестве залога. Я утверждал, что Хершель Уокер не сделает больше 600 ярдов пробежки в этом году, и был так уверен в этом, что давно обменял «мерседес» на джип и забыл о Джеке Паркере.

Это было одно из тех безумных маленьких пари, которые вы заключаете время от времени – обычно в состоянии депрессии, – и вот теперь в воскресенье «Ковбои» встречаются с Сан-Диего, и, чтобы перешагнуть отметку в 600 ярдов, Хершелю надо средненько выступить против слабой команды. Шансы футболистов Сан-Диего на победу были в четыре раза ниже, чем у «Ковбоев». К тому же, что касается защиты против прорывов нападающих, команда Сан-Диего имеет самый низкий рейтинг в лиге.

Ситуация выглядела неприятно. Особенно зловещим казалось то, что Паркеру удалось меня выследить, несмотря на пять-шесть уровней конспирации. Каким образом он это сделал? И если меня смог найти Паркер, то что думать об остальных?

Все это время я находился в напряжении. Я прибыл в город по очень деликатному делу и зарегистрировался в отеле под именем «Уокер». В Аризоне уже трижды обещали расправиться со мной, если я еще раз появлюсь в штате. На этот раз я был крайне осторожен и старался не светиться. Феникс – не из тех городов, где можно пренебречь угрозами. Слишком много людей попали здесь в беду – избиты, зарезаны, заперты, украдены или еще каким-нибудь образом уничтожены и разорены по совершенно заурядным причинам.

Здесь процветает уникальная разновидность комитетов бдительности с их своеобразным «правосудием», которое сильно отличается от общепринятого и встречается только в Тихуане, на Сицилии и в трущобах Манилы. Кое-кто говорит о «законах Старого Запада» или «правосудии первых поселенцев», но в новеньком стандартном благополучии городов вроде Тусона и Феникса это явление приобрело совершенно новое качество.

Майкл Лэйси, редактор «New Times» в Фениксе, знаком с нравами «Нового Запада» почти де-

сять лет, но до сих пор считает их загадкой. «В мире не так много мест, где происходят сенсационные убийства... что может быть сенсационнее убийства журналиста, которого взорвали динамитом в его машине?... То, что мы здесь видим, – это проявление нравов Дикого Запада... Но Дикий Запад постепенно исчезает, хотя многие здесь думают, что болтаться с хулиганами и панками – это очень по-ковбойски. Сюда приезжает много новых людей, которых совершенно не интересует, что они пьют: свежую воду или отфильтрованные сточные воды... Они думают только о том, как делать деньги... И их не беспокоит ситуация, когда журналиста взрывают только за то, что он пишет об этих явлениях...»

Лэйси говорил о самом страшном преступлении, совершенном в Аризоне со времен Уинни Рут Джадд, печально известной «женщины-тигра», которая расчлняла жертвы и в ящиках отсылала в Лос-Анджелес.

«Дон Боллс, опытный репортер газеты «Arizona Republic», был тяжело ранен 2 июня 1976 года при взрыве самодельной бомбы, заложенной под его машиной на стоянке отеля в центре города.

После взрыва Боллс, 47 лет, успел сделать несколько заявлений, которые слышали люди, бросившиеся ему на помощь. Некоторые свидетели утверждали, что журналист назвал «Эмпрайз корпорейшн», мафию и человека по имени Джон Адамсон и обвинил их во взрыве. Боллс много лет расследовал деятельность «Эмпрайз» – которая, в частности, была совладельцем шести собачьих беговых дорожек в Аризоне – и писал о тесной связи корпорации с мафиози. Тридцатидвухлетний Джон Харви Адамсон был хорошо известен как алкоголик, мошенник, грабитель и вор.

Полиция считает, что он заманил Боллса в Кларедон, пообещав информацию о некой криминальной афере. Пока Боллс ждал его в отеле, Адамсон прикрепил бомбу под днищем машины журналиста, а потом отправился в ближайший бар, откуда позвонил Боллсу и отменил встречу. Через некоторое время, когда Боллс выезжал со стоянки, бомба была приведена в действие с помощью дистанционного приспособления, похожего на то, которое используется для управления моделями самолетов.

Боллс умер 13 июня, через одиннадцать дней после взрыва. Он оставил семерых детей и жену Розалию. Адамсона арестовали по обвинению в убийстве через несколько часов после смерти Боллса.

Специальное сообщение «New Times», июнь 1986 года

Это убийство не раскрыто и сейчас, через десять лет. Позади остались расследования, приговоры, апелляции, уничтожение основных улик, откровенное предательство и заявления о причастности преступного мира, сделанные крупными политическими фигурами вроде сенатора Барри Голдуотера и бывшего губернатора Брюса Бэббитта, который теперь баллотируется в президенты.

Сага о Боллсе была одной из причин моего приезда в Аризону, но это другая история, к которой мы вернемся позже.

Между тем воскресный вечер долетел как гром из Сан-Диего... и Хершель Уокер прибавил только 15 ярдов в сражении против «Чарджеров», которые оставили его с 537 ярдами и тяжелой травмой, вроде тех, что получают люди в Фениксе. В этом сезоне Хершелю больше не выйти на поле.

Я не стал звонить мистеру Паркеру, а в понедельник улетел в Нью-Йорк. Нам было не о чем говорить – по крайней мере, до следующей недели, когда «Краснокожие» добьют «Ковбоев» как бродячих псов.

17 ноября 1986 года

Господь Бог и хороший адвокат

Политический бред, в отличие от джаза или массированных бомбардировок с безопасной высоты, не является чисто американской формой искусства. Но всего за двести лет мы подняли политическую тарабарщину до уровня ораторского искусства, оставив позади все лучшие образцы, созданные со времен Цезаря и Чингизхана... Поэтому когда Пол Керк высказал совершенно бессмысленные идеи относительно стратегии Демократической партии в предстоящей президентской кампании 1988 года, он сразу получил признание в Вашингтоне – в среде высокопоставленных политических деятелей, в чьи обязанности входит выдвижение кандидатов в Зал Бредовой Славы.

Правда, заявление это из Керка просто вытянули. Природные свойства вакуума – ничто по сравнению со жгучей потребностью редакторов «New York Times» напечатать великую политическую

статью на первой полосе номера, выходящего в День Благодарения. И вот, признанный во всем мире кулинарный эксперт Р. У. Эппл-младший отозван из Европы, где он занимался исследованием особенностей приготовления пищи в Лондоне, Париже и Риме. Ему доверили сделать первый журналистский залп в президентской кампании 1988 года.

Ни один человек в Демократической партии, включая Керка, не ожидал таких вопросов. По общему мнению, рано было даже думать, и, уж тем более – рассказывать корреспонденту «Нью-Йорк тайме» о том, как демократы собираются «организовать предвыборную борьбу». Ведь до выборов еще так много времени. Публичное обсуждение конкретных планов должно было начаться, по крайней мере, через год.

До этого интервью тактика демократов заключалась в том, чтобы залечь в засаде и вести себя как универсальные неудачники: просто компания хороших парней, которые стали жертвами жестокости и невежества Рональда Рейгана. А потом, зимой 1988 года, они собирались выступить с пакетом здравых политических решений и выдвинуть двух-трех кандидатов, живых и обаятельных, которые почти наверняка победили бы и Джорджа Буша, и любого другого республиканца.

Но теперь президент, слишком умудренный опытом, чтобы позволить управлять страной продавцам подержанных автомобилей из Сан-Диего, стал искать новые пути. Между тем Олли Норт прямо из комнаты в Белом доме провел блестящую операцию по незаконной торговле оружием. Вырученные деньги он использовал для финансирования своей войны в Центральной Америке¹ (Оливер Норт, подполковник военно-морских сил США, одна из ключевых фигур в операции «Иран-контрас»).

А те демократы, до которых Джонни Эппл смог добраться в праздники, проявили беспокойство.

Они чувствовали себя не на своем месте, как Майк Томчак и Терк Сконерт. Им навязали такие стартовые роли, в которых они не упражнялись много лет. Барни Фрэнк явно беспокоит, что члены его команды впадут в предвыборную горячку и начнут говорить глупости. Призывая их к сдержанности, Фрэнк сказал: «Мы не видим смысла в попытках реформирования Совета национальной безопасности... У нас нет возможности держать ковбоев вроде Норта подальше от государственного аппарата. Плохая идея – пытаться компенсировать изъяны личности с помощью правительственных мер». Этими речами Фрэнк заработал себе место в одном ряду с такими бессмертными, как Губерт Хэмфри, Александр Хейг и йог Бера.

Неважно, что Датч слишком стар и слишком виновен, чтобы уклониться от ответственности. Эппл заставил Фрица Мондейла выглядеть таким же испуганным, как и два года назад: «Если люди считают, что наша партия получает удовольствие, нанося стране вред ради собственных интересов, страна отвернется от нас, она просто обязана отвернуться от нас».

Несмотря на пессимизм демократов, на прошлой неделе записи в букмекерских книгах стали меняться. Закулисные игроки в Вегасе и Вашингтоне стали вносить серьезные поправки в свои ставки на президентской гонке 1988 года. Недавние события «изменили политический ландшафт», как выражаются в этом бизнесе, а затем изменились и имена в списке.

Оказалось, что большинство проигравших – республиканцы. Среди них были те, кто потерял членство в «самом эксклюзивном клубе Америки», как они называют Сенат. Попадались среди неудачников и другие ключевые фигуры, могучие столпы рейгановской революции, такие как вице-президент Буш и бывший сенатор от «Великой старой партии» Пол Лэкселт из Невады. Даже Рейган понес невосполнимые политические потери и в результате потерял свой магический имидж. За последние три недели он перестал выглядеть как Джон Уэйн; теперь он скорее напоминает «Рац-цо» Риццо¹ (1«Крысенок» Риццо, сыгранный Дастином Хоффманом герой фильма Б. Шлезингера «Полночный ковбой», умирающий от туберкулеза нью-йоркский бомж).

Мало того, что Рейган потерял контроль над Конгрессом, что сильно скажется на отношении к нему избирателей, но он потерял и личное доверие госсекретаря Шульца, уважение всей японской нации и 88 процентов собственного чувства юмора.

День за днем в течение трех месяцев Рейган выезжал на политические мероприятия в места вроде Френзо, Батон-Руж, Рино; однажды он произнес речь в жестяном ангаре в денверском аэропорту. Он умолял избирателей «оставаться с ним» и поддержать его воинов на этих важных выборах и грозил, что в противном случае он может публично отречься от всех своих президентских обязательств, а это приведет к катастрофе.

Избиратели ответили тем, что отвергли почти всех крупных политиков в стране, которые сдела-

ли ошибку, публично связав свое имя с Рейганом. Большинство сторонников президента провалились, были избраны лишь немногие. Сенат стал демократическим, причем до такой степени, которая раньше казалась невозможной самым отъявленным пессимистам в Белом доме. Президент был сбит с толку и унижен русскими в исландском Рейкьявике на безнадежной, отвратительно спланированной «конференции на высшем уровне». А через две недели Рейган погряз в скандале, внезапно принявшем более угрожающие размеры, чем Уотергейт.

В конце концов Оливер Норт – не какой-нибудь кубинский грабитель. Он подполковник ВМС США (хотя на этой неделе его шансы стать полковником резко упали)... Присвоение нового звания было бы торжественной церемонией в Роуз-Гарден, сам президент приколол бы орлов на его погоны... Но сейчас у Норта хорошие шансы попасть в тюрьму Левенворт, если только он не найдет хорошего посредника, который уладит все проблемы. Норт как раз занимается поисками. «Сейчас я надеюсь на Бога и хорошего адвоката», – сказал он в субботу.

Ну что? Как насчет Даймонда Дона Ригана, чья способность отрицать очевидные факты имеет больше брешей, чем могла бы сделать Розмари Вудс (1Секретарша президента Никсона, которая случайно или умышленно стерла кусок аудиозаписи разговора Никсона с сотрудником Белого дома. Пленка фигурировала в качестве улики во время Уотергейтского скандала (прим. перев.))?

Или Эда Миза, который дал Норту несколько дней и только потом отправил в его офис агентов ФБР? За это время Норт успел уничтожить улики. (Помеха правосудию? Кто-нибудь желает выдвинуть обвинение?) Теперь, по слухам, Миз собирается отступить в сторону и назначить независимого прокурора для ведения дела, кого-нибудь, у кого нет таких приятельских отношений с президентом.

А как насчет больших псов? Рейган говорит, что все проспал. А Буш не заметил, что Макс Гомес, Роберт Макфарлейн и половина Саудовской Аравии бойко торгуют оружием у него за спиной.

Первым все-таки должен уйти Буш. Тогда Рейган может начать поиски своего Джерри Форда, чтобы передать ему управление – преемником могли бы стать Боб Доул или Пэт Робертсон. Но вряд ли одному из них удастся улучшить положение. Так или иначе, Датчу надо уносить ноги, пока демократы не проснулись и новый Конгресс не почувствовал запах крови.

1 декабря 1986 года

Рональд Рейган обречен

– Для нас непозволительная роскошь – иметь слабого американского президента, который останется в Белом доме еще на два года.

Политик из Западной Германии

Не только немцы беспокоились на прошлой неделе по поводу того, что у Рейгана подкашиваются ноги. По всему Вашингтону слышались бурчание и крики джентльменов крысиной породы. Одни убегали сами, других силой выбрасывали с корабля. Теперь рейгановская революция напоминает подержанный «студебеккер» с лысыми шинами.

Пресс-секретарь президента Ларри Спикс прыгнул за борт не первым, но именно его решение оставить правительственную службу и заняться работой в частном секторе было отмечено как важный знак. Спикс займет должность директора общественных связей в брокерском конгломерате «Меррил-Линч, Пирс, Фернер и Смит». По данным «Утренних новостей Си-би-эс», «прыжок на Уолл-Стрит» утроит его зарплату. Спикс вяло отрицает предположения, что его уход связан с предчувствием близкого краха президента Рейгана, который из-за последствий роковой «иранской сделки» может отправиться в изгнание, подобно Никсону.

Рейган создал для Больших Пацанов серьезные проблемы, и теперь ему не жить. Всю свою жизнь он был героем, но не в этот раз. Джон Уэйн – покойник, и теперь то же можно сказать о Рональде Рейгане. Мы смотрим последние кадры его последней картины, только теперь финал будет не таким, как всегда.

Сейчас Рейгану 77 лет. Раньше он был блестящим политическим посредником, но сегодня президент напоминает Уилли Ломана. Друзья его покинули, жена оказалась плохой, а враги больше не боятся. Те же самые люди, которые еще недавно называли Рейгана «величайшим американским президентом со времен Джорджа Вашингтона», сегодня относятся к нему как к слабоумному старику. Они считают его больным и глупым альбатросом, висящим на шее у партии.

В этом столетии республиканцам больше не удастся победить на крупных выборах. Рональд

Рейган выполнил свое предназначение, и теперь ему остается одиноко бродить в рубище. Теперь он похож на короля Лира – нищий, дряхлый и презираемый старик.

Азартные игроки из Вегаса скажут вам, что за последние 10 дней шансы Рейгана остаться в должности президента до окончания второго срока упали с 13 к 1 до 7 к 1 или даже 6 к 1.

А надо ли ему нести этот крест до конца? Старик сделал свое дело. Последние двадцать лет он был знаменосцем на переднем крае. Он преданно служил банде новоиспеченных магнатов из Южной Калифорнии, которые уже получили всю возможную прибыль. Старик им больше не нужен. «Рон по своей природе замечательный человек, – недавно сказал один из них, – действительно достойный. Но давайте смотреть правде в глаза – все, что сейчас требуется для его досрочной отставки, это одна хорошая простуда». Вполне возможно, что Рейган больше не вернется в Вашингтон в январе, после рождественских каникул.

Его сходство с Лиром бросается в глаза. Он «сам отдал власть, а хочет управлять по-прежнему» (первый акт, третья сцена)¹ (Перевод Б. Пастернака).

Действительно, сегодня кое-кто из политиков высказывает мысль, что Рейган – единственный простодушный и невинный игрок в этом низкопробном спектакле. Некоторые скажут, что это относится и к Эду Мизу, а кто-то добавит, что и Джордж Буш может сдать экзамен на благоразумие и человечность... (но это вранье).

Почему все эти люди – президент, генеральный прокурор, вице-президент, советник по национальной безопасности и другие близкие помощники президента, а также высокопоставленные сотрудники республиканской администрации – почему все они были так безрассудно и безоговорочно преданы делу «контрас» в Центральной Америке? Они поставили на карту свою репутацию, доверие, пренебрегли вероятностью, что они займут в истории такое же позорное место, как Никсон. И все ради того, чтобы отправить лишние 30 миллионов долларов жирному, косноязычному латиноамериканскому яппи из Никарагуа – Адольфо Гальеро.

Стоило ли это еще одного Уотергейта?

Еще одного кошмара в истории «Великой старой партии»?

Кто такой Дэнни Ортега?¹ (Даниэль Ортега Сааведра – один из лидеров Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), после победы Сандинистской революции – президент Республики Никарагуа).

Насколько он опасен? Неужели он такой плохой человек, что целое поколение профессиональных республиканцев готово рискнуть всем (своими жизнями, своими идеалами, своей честью) ради того, чтобы убрать его прямо сейчас, немедленно?

И вообще, кто такие эти «контрас»? И почему им нужно так много денег? С кем мы имеем дело: со свихнувшимися патриотами? Или с обычными техасскими ворами?

Давайте разберемся. У кого есть мотив? Кто получит выгоду от этого омерзительного тайного сговора?

Конечно, не Рейган. Кошмарный скандал, сотканный из лжи и преступлений, – гигантская операция по отмыванию денег – нужен ему меньше всех. Этот кошмар отравит последние дни Рейгана на посту президента. Какой бы крупной ни была прибыль, полученная от незаконной торговли оружием, – тем более, оно было продано в Иран дьявольски жестокому аятолле Хомейни, – деньги не могли заставить Рейгана принять участие в этом заговоре. Для него ситуация была стопроцентно проигрышной.

С другой стороны, Буш очень много получает и почти ничего не теряет. Его шансы стать в 1988 году президентом Соединенных Штатов никогда не были слишком высоки. Конечно, он вице-президент... Но у него нет друзей в политике, по крайней мере, друзей того сорта, который ему необходим. Его не поддерживает даже Рейган. Если Рейгану придется все же передать полномочия Бушу, мы, вероятно, вспомним ту унижительную процедуру, через которую пришлось пройти Никсону в 1960 году. Тогда президент Эйзенхауэр обращался с ним как с шелудивой собакой, а не как с престолонаследником.

Никсон проиграл выборы Джону Кеннеди с такой незначительной разницей, что ее было почти не видно, и он в глубине души понимал, что его жизнь могла сложиться по-другому, если бы Айк в свое время не посмеялся над ним.

«Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы»¹ (Перевод Б. Пастернака).

Это тоже из Лиры: первый акт, вторая сцена. Бушу следовало бы вытатуировать эти слова на ладони своей левой руки до того, как он начнет строить планы предвыборной кампании.

Для подмазки ему, конечно, необходим поощрительный фонд – вроде того, который Гордон Лидди и Морис Стэнс создали для Никсона в 1972 году. Когда презренному неудачнику приходится бороться за президентство, никогда не бывает слишком много денег.

Буш – не новичок в большой политике. Он крутится в ней дольше любого другого, за исключением Никсона, который когда-то назначил Джорджа руководить ЦРУ, где тот и прошел интенсивный курс обучения секретным «теневым» операциям вроде «Иран-контрас».

Он также единственный высокопоставленный чиновник в Вашингтоне (не считая директора ЦРУ Уильяма Кейси), имевший доказуемые связи со всеми участниками операции – от Роберта Макфарлейна и Оливера Норта до израильской разведки, саудовского короля Фатха и Адольфо Гальеро.

На этой неделе сенатская комиссия по разведке начинает публичные слушания по делу о торговле оружием, которые будут транслироваться по телевидению. К пятнице ставки на то, что Джордж Буш станет нашим следующим президентом упадут до 1 к 33.

8 декабря 1986 года

Боже, благослови полковника Норта

– Эта была небольшая сделка. Были поставлены только мелкие партии товара.

Манушер Горбанифар,

торговец оружием из Ирана, «Вечерней строкой», 11 декабря 1986 года

Этот человек выступал по телевидению, развалившись на серебряной парчовой кушетке в Монте-Карло. Рядом с ним сидел Аднан Хашогги, самый богатый человек в мире. Горбанифар непринужденно болтал с Барбарой Уолтере о том, как вместе со своим черноглазым приятелем «Шогги» организовал злополучную сделку, которая внезапно обернулась реальной угрозой для президента Рональда Рейгана.

Космополита Манушера Горбанифара не очень беспокоила паника в Белом доме. Настоящая проблема, сказал он, заключается в том, что они с Шогги не получили ни одного доллара из своего «посреднического гонорара», равного 33 процентам. Они потратили уйму времени и усилий, а их надули: то, что начиналось как обычная операция для привлечения внимания к товару, закончилось кошмаром, который бросил тень на достойных бизнесменов.

Вся затея была организована неумело, жаловался Манушер. В деле принимали участие евреи, канадцы и даже филиппинцы. Но отсутствием профессионализма удивили именно американцы, горько заметил он; из-за них торговля оружием приобрела дурную репутацию.

Международная торговля оружием – гнусный бизнес, и занимаются им не только легкомысленные и бесчувственные иностранцы. К 17 января – по сообщению ЮПИ из Вашингтона – список международных торговцев оружием расширился. В него вошли хорошо знакомые имена Миза, Кейси, Ригана и Буша.

Генеральный прокурор Соединенных Штатов, директор ЦРУ, начальник аппарата Белого дома и вице-президент, который к тому же является сегодняшним фаворитом Республиканской партии на предстоящих президентских выборах. Именно они уговорили президента Рейгана, формально «ответственного за деятельность спецслужб», принять решение от 17 января, которое разрешало продажу американского оружия Ирану. Это решение должно было сделать всю операцию законной.

Кажется, никто не знает, сколько денег было прокручено и куда они ушли. По разным оценкам, сумма колеблется от 12 миллионов до 2 миллиардов долларов – но никто из участников сделки никогда не признает, что получил из этих денег хотя бы один цент: ни «контрас» Адольфо Галеро, ни друга Оливера Норта. Даже Мэнни и Шогги будут все отрицать.

Детали по-прежнему покрыты тайной. И так будет до января, пока Конгресс не вернется с каникул, чтобы разгрызть этот орех.

Тогда в Вашингтоне заварится серьезная каша. Праздники в Белом доме будут не очень веселыми. Под елкой будут лежать только прах, хлысты и повестки в суд. Остаткам несчастной семьи Рейганов повезет, если им удастся добраться до базы военно-воздушных сил «Эндрюс» до того, как их лишат привилегии пользоваться вертолетами.

Когда распутают весь клубок, Уотергейт будет выглядеть как выходка расшалившегося подростка.

ка, а Ричард Никсон – заурядным мелким политиком, который поплатился за жадность и пристрастие к дешевому джину. Грязная «иранская сделка» войдет в историю, как самое отвратительное событие в Вашингтоне с 1814 года, со времен Уилбура Миллса, который сошел с ума и сжег половину города.

Главное пугало Белого дома – Патрик Бьюкенен – обезумел от ненависти и гнева. Для него это было дежа вю. Бьюкенен находится в Белом доме в то ужасное время, когда та же самая банда проныр, которых он называет «прилипчивые выскочки-негативисты», эти умеренные либералы и журналисты беспощадно уничтожили еще одного республиканского президента и оставили самого Бьюкенена без работы.

То был Уотергейтский скандал, мрачный эпизод в его жизни, потрясающее отрицание всего, что он поддерживал. Когда оказалось, что «босс» виноват, как уличная проститутка, у Бьюкенена появилось ощущение, что его предали. «Это был Сизифов труд, – писал он. – Мы катили камень в гору, а теперь он катится назад, прямо на нас».

Но это было давно. Бьюкенен пережил Уотергейт, проскользнул через плохо заделанные щели. Агню отказался оспаривать обвинение, а Никсон ушел в позорную отставку...

А сегодня Патрик снова в Белом доме, в качестве начальника отдела общественных связей. Он снова служит коррумпированному президенту – хотя ему это видится в другом свете. «То, что задумали либералы и левые, – предостерегает Бьюкенен, – это развал республиканского президентства, уже второй при жизни одного поколения».

Отвратительная перспектива, и никто не может уверенно назвать причину этого. Почему каждый президент-республиканец со времен Авраама Линкольна был коррумпирован до такой степени, что каждое утро, чтобы натянуть штаны, ему требовалась команда агентов секретной службы?

Начиная с Юлиссиса С. Гранта и кончая Большим Биллом Маккинли и Уорреном Хардингом, все президенты-республиканцы были настолько грязными, что не могли спать по ночам.

Даже у Айка был Шерман Адаме. «Он мне необходим, – говорил Аик. – И мне нет дела до его моральных устоев».

Преступные наклонности Никсона были обусловлены генетически. У Агню с рождения было что-то не так. Форд был настолько коррумпирован, что, давая прощение Никсону, не постеснялся заработать на этом несколько миллионов. А Рейган начал перенимать некоторые характерные испанские черты у прибывшего из Никарагуа клана Сомосы.

Сегодня Бьюкенен – единственный активный участник обоих скандалов. Сначала Уотергейт, а теперь, через десять лет – новый ужас, который Патрик пытается называть «Кон-трагейтом» – как будто все, что случилось, сделано из самых лучших побуждений в слишком усердном порыве истинного патриотизма.

Что не соответствует истине. «Иран-контрас» – нечто большее, чем игра «Захват флага» в военной академии; игра, которая непонятным образом вышла из-под контроля. Сегодня у Бьюкенена большие неприятности, и к Дню Сурка он уйдет, второй раз уйдет из Белого дома – искать работу в частном секторе вместе со своим шефом Дональдом Риганом. Они оба пользуются спросом, по крайней мере, на сегодняшний день, и им не потребуются талоны на бесплатное питание, когда, в конце концов, их выбросят за борт. Риган вернется на Уолл-Стрит, а Патрик вновь окажется на телевидении, где будет изводить журналистов и получать тысячу долларов в день.

Адмирал Пойндекстер и полковник Норт будут сидеть в одной камере в лучшей из федеральных тюрем, а Датч уйдет в отставку и отправится на свое «Небесное ранчо» в горах под Санта-Барбарой. Он возьмет с собой жену, собаку и Майкла Дивера, которого вскоре поглотит федеральная программа по защите свидетелей. Когда Майкл станет лесорубом, ему понадобится надежный спонсор, чтобы финансировать его новый образ жизни.

15 декабря 1986 года

Разгул некомпетентности

Только в пятницу к вечеру нам в конце концов удалось взорвать джип. Вся долина вздрогнула, а куски красной шрапнели пролетели через крышу дома до самого леса, где начинается заповедник Уайт-Ривер. На дороге остановились все машины, а стадо лосей в панике разбежалось.

Все закончилось через двадцать две секунды. Никто из людей не пострадал, и ни одно животное

не было убито, несмотря на зловещее присутствие Рассела Чатама, знаменитого художника – любителя мяса из Монтаны.

Рассел, кроме всего прочего, знаменитый повар – и где бы он ни появился, умирают живые существа. Он выловит тарпона в море и антилопу в прериях только для того, чтобы подержать в руках мясо.

Это его кулинарный фетиш, соединенный с высоким художественным чувством и волчьей тягой ко всему, откуда капает кровь... И когда он услышал о том, что мы собираемся взорвать огромную бомбу в самом центре стада лосей, он прилетел из Сан-Франциско – за день до акции.

Но в тот день мяса не досталось никому, даже Расселу. Единственной жертвой взрыва стал джип, который упорно больше 55 часов боролся с грубой и тупой смертью. Но мы, в конце концов, победили.

Бомба была огромной – по местным стандартам. Ира-мит – зверская взрывчатка, известная среди профессионалов как супердинамит. Мы заложили четыре бруска под капот старого красного джипа, оборудованного мотором 278HP V-8 «Шеви» и четырьмя новыми зимними покрышками фирмы «Мишлен»... Получилось то, что в этом ремесле называется «крайне опасной оболочкой».

Так оно и оказалось. Старый стальной джип был реликтом старых и лучших дней, когда эти машины делали так, что они походили на маленькие танки! Он стойко выдержал атаки самых подлых и хорошо оснащенных представителей международного бизнеса насилия. Они набили Джип динамитом, облили бензином и стали расстреливать прямой наводкой из ракетниц, автоматов и новехонькой снайперской винтовки стоимостью в две с половиной тысячи долларов. Дикие парни, сотрудники журнала «Солджер ов форчун», притащили все это оружие через горы из Баулдера.

Все оказалось бесполезно.

Зажигательные «высокоэффективные» патроны для дробовика 12 калибра, которые должны были взрываться после выстрела точно в 150 ярдах, беспомощно падали в высокую траву пастбища, не пролетев и половины дистанции, и поджигали столбы старой изгороди и стога сена.. Автоматическая винтовка M-16S оказалась совершенно дебильной: сплошные очереди попадали во что угодно, но только не в джип, до которого было всего 100 ярдов.

Это была серия гнусных шуток. Большое ружье – индивидуальный заказ, вес 29 фунтов, оптический прицел – по описанию должно было быть столь точным, что «гарантировало» попадание в арбуз с трех тысяч ярдов. На самом деле ружье оказалось хуже церковной свечки в руках пьяного подростка.

Если верить рекламе, ружье представляло «самый современный уровень» во всем, что касалось точности, эффективности, гашения вспышки, отсутствия отдачи, в общем, совершенное оружие... Но первый же человек, который из него выстрелил, – местный спортсмен и торговец лыжами Дэн Диббл – повалился на землю. Из ссадины у него на лбу била сильная струя крови. Ужасная отдача рассекла кожу между глаз. Это было похоже на удар девятифунтовым топориком.

Кровотечение продолжалось часа два-три, пока Дэн не добрался до дома. Его заряд прошел в 8 футах над целью – большой огненный шар, который упал в снег далеко за джипом.

Ребята из «Солдат удачи» были смущены, но никто из них не смог выстрелить лучше.

Они были великими стрелками, сливками общества в среде наемников, у них был доступ к любому оружию – в Вуди-Крик, Анголе и Никарагуа. И все же им никак не удавалось попасть в динамит или еще как-нибудь организовать большой взрыв, который мы ждали.

За весь долгий день торжества безумной некомпетентности появился один-единственный просвет, когда один наемник сумел-таки попасть зажигательным зарядом в переднее сидение джипа и поджег обивку салона.

Мы ужасно разозлились из-за того, что цель не хотела взрываться. Никто не знал, как это объяснить. Джип все дымился, но с бомбой (причем с настоящей бомбой, к которой никто не мог приблизиться) ничего не происходило... И так продолжалось следующие 50 часов.

Наемники сбежали, прихватив с собой все свое хозяйство. Мы гнались за ними по дороге до самой таверны, где они попытались спастись, прикинувшись обычными туристами.

Один толстяк заперся в туалете, но Текс выбил дверь и вытащил его оттуда за волосы.

Другой, называвший себя «шефом», выбежал в боковую дверь и попытался спрятаться между трейлерами на стоянке. Два других забаррикадировались в прачечной и грозили покончить с жизнью, если им не дадут поговорить с Эдом Брэдли и сообщить общественности о конфликте.

Когда в полночь таверна закрылась, они все еще сидели там, а джип все еще горел на заднем пастбище.

Динамит по-прежнему лежал на аккумуляторе типа «Умри тяжело» и кипел от жара; одна из приехавших с наемниками женщин сбежала в их автофургоне. Она умчалась в Ба-улдер на предельной скорости.

Когда в три часа ночи я отправился домой, сердитая толпа все еще стояла перед прачечной, злобно ропща и время от времени скандируя сандинистские лозунги.

Кошмар продолжался еще два дня и две ночи, пока в пятницу, во второй половине дня, мой сосед Джордж Странахан, знаменитый фермер, не пришел с горстью разрывных пуль и не разнес мой джип на тысячи мелких красных кусочков. «Счастливого рождества, – сказал он мне, уходя домой. – На второй странице газеты ты найдешь много международных новостей».

22 декабря 1986 года

Год свиньи

– *Это поколение может увидеть Армагеддон.*

Рональд Рейган, «People»

За все рождественские каникулы никого из Белого дома не арестовали и не обвинили в преступлении. Но это выглядело скорее как тревожное перемирие, но никто из политиков не думал, что оно продлится долго.

На следующей неделе Конгресс возвращается с каникул, и темп событий резко вырастет. Многие головы полетят с плеч еще до Дня Сурка. В вечерних новостях покажут ролики, в которых законники, глядя безучастными глазами, поведут обанкротившихся политиков в зал суда. В руках прокуроров будут портфели с письменными показаниями и загадочными магнитофонными записями. На расследование потратят кучу денег. Политиков повезут на тележке по улицам рядом с Капитолийским холмом, как возили приговоренных к гильотине аристократов во времена Французской революции.

Наступающий год почти наверняка будет очень странным. Даже Пэт Бьюкенен и тот влез в президентскую гонку. На днях он говорил с Эвансом и Новаком на телевидении и, казалось, без колебаний подтвердил слухи о выдвижении своей кандидатуры.

Я был потрясен. Республика сегодня явно стоит на зыбучих песках... Но это никого не волнует. Дрейф не слишком беспокоит людей Хашогги и толпу из «Меррил-Линч», которая постоянно перемещается то в Белый дом, то обратно и при этом получает все возрастающие оклады...

Неприятная правда заключается в том, что трижды за последние двадцать лет одна из двух ведущих партий сажала в президентское кресло людей порочных и откровенно коррумпированных настолько, что их приходилось досрочно убирать из офиса... И два из трех были избраны на второй срок при шумном одобрении публики.

Никсон победил в 48 штатах в 1972 году, а Рейган – в 49 штатах в 1984-м. Избиратели любили их, но они оба были порочны как черви-паразиты, и даже их близкие и друзья в конце концов были вынуждены осудить их... Джеральд Форд, в отличие от них, не был переизбран и представляет собой совершенно особый случай. Его затащил в офис – на самом деле просто назначил в последний момент – бесстыдный президент-преступник, который сел бы в федеральную тюрьму, если бы преемник не помиловал его. Это и было задачей Форда, и за это он получил основательную трепку в 1976 году. Тогда избиратели предпочли ему губернатора-йеху из Джорджии.

Это напоминало один из «полицейских скандалов», которые постоянно происходят в Нью-Йорке. Кто-то бежит на Бермуды, другие кончают самоубийством или передают свою судьбу в руки богатых иностранцев.

Можно многое сказать о Джимми Картере, но никто никогда не называл его «коррумпированным». Его ни разу не обвинили в уголовном преступлении или даже в административном проступке... Как и Линдона Бейнса Джонсона. Они были единственными демократами, избранными в Белый дом за последние 26 лет...

В 1960 году Джон Кеннеди побил Ричарда Милхауса Никсона и заплатил за эту победу своей головой, которую снесли в Далласе... Единственным преступлением, в котором обвиняли Кеннеди, было то, что он приносил кокаин и на несколько часов в день приводил голых женщин в Белый дом – обычно в обеденное время – и они резвились в когда-то элегантном бассейне Белого дома...

Которого больше нет. Когда Никсон принял офис, первым же своим распоряжением он приказал разрушить бассейн и сделать на его месте отвратительную маленькую комнату для прессы. Там даже не поставили кондиционер. Так все и остается до настоящего времени.

Говорили, что Никсон боялся воды, и Форд, кажется, не отличался от него. А Рейгана не видели на пляже или даже рядом с бассейном с пятидесятых годов, когда он работал на «Дженерал электрик» и продавал лампочки.

Пришло время: теперь мы увидим, насколько умен Рональд Рейган на самом деле. Спектр возможного хода событий удивительно широк.

Если после своего короткого отпуска, проведенного дома, в Санта-Барбаре, Рейган вернется в Вашингтон, значит, он глуп... Если Рейган, вернувшись в Белый дом, спрячется в Восточном зале и будет утверждать, что очень смутно помнит встречу с человеком по имени Оливер Норт, значит, он туп... А если Рейган вернется, охваченный безумием, как Джон Уэйн, сжав кулаки и зубы, чтобы еще два года бросать вызов Конгрессу, прессе и общественному мнению, значит, он сумасшедший.

Вот, собственно, и все варианты. Кажется, Рейган попал в ситуацию, в которой не может победить, впрочем, так же, как и все остальные... Но Датч – единственный из всех – может уйти и оставить все это позади.

Джордж Буш не может убежать, а тем более спрятаться. Для него будет удачей, если он не попадет в федеральную тюрьму, где ему придется каждое утро делать зарядку на грязной асфальтовой баскетбольной площадке вместе с вице-адмиралом Пойндекстером, генералом Сикордом и явно безумным подполковником ВМС Оливером Нор-том.

Их всех посадят на нары, и они потянут за собой остальных... Генеральный прокурор Эд Миз и повредившийся умом шеф ЦРУ Уильям Кейси тоже под прицелом; не исключено, что и они подвергнутся унижительному уголовному преследованию. Еще по меньшей мере тридцать три сотрудника аппарата Белого дома будут обвинены в серьезных преступлениях. Им придется молиться, чтобы избежать тюрьмы... На этот раз даже Пэт Бьюкенен будет вынужден уйти, несмотря на его эксцентричное решение выдвинуть свою кандидатуру в президенты. Все они виновны, как собака, стянувшая кусок мяса.

Гэри Харт и Джесси Джексон займут Белый дом, по меньшей мере, на следующие пять лет, и ко времени президентских выборов в ноябре 2000 года рейгановская революция будет отмечена в справочнике по истории звездочкой – подобно «Новым рубежам»¹ или гнусному уродству бывшего генерального прокурора Эда Миза, который к тому времени будет жить на барже в болотах рядом с Антиохией... В 2001 году президентом станет Джо Кеннеди, Мексика перестанет существовать, а штаты Вайоминг, Монтана и Айдахо будут огорожены, как штрафная колония для белой падали... В каждом котелке будет по цыпленку, и каждый честный фермер будет иметь 40 акров и собственного мула.

29 декабря 1986 года

1 Социальная программа президента Кеннеди (прим. перев.).

Ошибка акушеров

Когда Рейган и его жена Нэнси садились в президентский самолет, какой-то репортер крикнул им вслед:

– Каким будет восемьдесят седьмой год?

– Прекрасным, – ответил мистер Рейган. А потом добавил: – Лучше, чем восемьдесят шестой.

Кто, кроме Сэма Дональдсона, мог учудить подобное? Кто мог, стоя на горячем бетоне взлетной полосы в международном аэропорту Палм-Спрингс с маленьким микрофоном «Сони» в руке, выкрикнуть такой дьявольский вопрос президенту Соединенных Штатов, да еще ждать ответа...

На такое способен только Сэм. Он большой мастер в этом совершенно особом искусстве. Сэм – корреспондент программы новостей Эй-би-си. Он постоянно работает в Белом доме. Когда Сэм прорывается сквозь туман и бред обычной президентской пресс-конференции – или даже просто делает снимки для вечерних новостей, – ему нет равных.

В своих кошмарах я до сих пор слышу волчье рычание Сэма... Если вы хоть раз стояли рядом с ним на пресс-конференции и слышали, как он орет на президента, это останется в вашей памяти навечно. И это одна из причин того, что я перестал вести репортажи из Белого дома. Регулярно слушать подобные звуки не входит в обязанности нормального цивилизованного человека.

Если не считать Рональда Рейгана. Прошли всего сутки с начала нового года, когда раздался первый выстрел: «Каким будет восемьдесят седьмой?»

Нет, а правда?

Хорошо, Сэм... Я рад, что ты задал этот вопрос. Потому что я, в конце концов, президент, и сейчас я возвращаюсь в Вашингтон, чтобы 11 февраля отпраздновать свой семьдесят шестой день рождения... Но перед этим, Сэм, мне придется выдержать еще одну публичную операцию на кишечнике и столкнуться с катастрофическим падением моего рейтинга в опросах общественного мнения. Кроме того, мне надо попрощаться со старыми надежными друзьями, которые тоже лежат в онкологической больнице... А сам ты, на хрен, как думаешь, на что будет похож восемьдесят седьмой год? Ты, безмозглая, злобная скотина! Давно надо было отправить тебя в Советы. Как твой геморрой? Вино пьешь по-прежнему? А как поживает твой сынок? Научил его чему-нибудь тюремный опыт?

Не ручаюсь за точность цитаты, но что-то подобное мы еще услышим, и смысл сказанного будет не менее гнусным. Рейган, как и Никсон, всегда ненавидел прессу – даже в прежнее время, когда нуждался в ней, – а сейчас, в мучительные последние дни своего президентства, он больше не видит смысла скрывать это.

И в самом деле, зачем? Он – пожилой человек с благопристойными инстинктами и как президент добился воистину завидных результатов. Его имя будет сверкать в книге истории – если завтра он подаст в отставку и уберется из города, пока еще есть время.

Жестокий совет, но я дал его без злого умысла и даже с некоторым добрым чувством (подлинным признанием и даже симпатией) к одному из настоящих бойцов в политическом бизнесе. Рейган – политик более эффективный, чем Губерт Хэмфри, и актер, более одаренный, чем Чарльтон Хестон.

Кстати, правые чтили Хэмфри как истинного воина, но ему не удалось добиться избрания – и в конце концов, несмотря на множество похвал, его етали считать помехой.

Но по сравнению с тем, что ждет Рейгана, если тот захочет повторить путь Никсона, Губерт ушел легко. Тревожатся даже Эванс и Новак. Недавно на телевидении они успокаивали друг друга – во время интервью с Митчеллом Дэниелсом, «главным политическим советником Белого дома» и, по их словам, «главным архитектором недавней кампании президента Рейгана в поддержку сенаторов-республиканцев».

Юный Дэниеле – человек слабого телосложения, с нездоровым блеском в глазах. Он говорил с осторожным оптимизмом, несмотря на отвратительные результаты своего последнего проекта, который обернулся тяжелым и унижительным поражением для президента, как, впрочем, и для всей Республиканской партии... Дэниеле – мелкий слабак-яппи, который выглядит как существо, которое отвергли еще в роддоме, когда – в суете и неразберихе – его мать получила возможность выбрать между ним и здоровым ребеночком, из которого потом вырос Патрик Бьюкенен.

«Возьму крепенького, – сказала себе эта женщина. – Он будет жить долго и в конце моей жизни окружит меня заботой».

Ну что ж... может, так все и было. Еще мистер Дэниеле заявил, что и партия, и президент находятся в лучшем состоянии, чем кажется людям, несмотря на потрясающее падение ставок из-за Оливера Норты и скандала «Иран-контрас».

«У нас все в порядке, – заявил Дэниеле. – Уверю вас».

Но не все ему верят. Кажется, Дэниеле не больше «в порядке», чем Бернард Гетц¹ (1Человек, застреливший в метро четырех чернокожих подростков, после того, как один из них спросил у него 5 долларов (прим. перев.)).

С ним что-то не так, а теперь он сделал грубую ошибку, и ему от этого не оправиться так же, как Рональду Рейгану.

Как и жертвы калифорнийской «золотой лихорадки», они – обреченные жертвы отвратительной катастрофы, обстоятельства которой никогда не будут выяснены до конца, так же, как обстоятельства Нанкинской резни и аварии на шахте в Спрингхилле² (2Авария на шахте в Спрингхилле унесла 75 жизней. Некоторые из спасшихся пробирались целых восемь дней через завалы под землей (прим. перев.)).

Всех их надо уволить. С самого начала Кендлстик-парк был гнездом наркоманов и идиотов. Всю конструкцию надо разрушить, и на ее месте устроить свалку.

В наше время становится все труднее и труднее сохранять серьезное отношение к новостям. Снежный буран замел мой джип, стоящий на выгоне за домом. Офицер окружной службы охраны

животных идет по моим горячим следам. Они выдвинули иск, обвинив меня в «издевательствах над дикими животными».

– Я понимаю, что это звучит глупо, – сказал мне наш новый шериф, когда неделю назад мы встретились на торжественном обеде, – но от меня требуют тщательного расследования... Господи Боже, – бормотал шериф, – что ты там натворил, в конце концов? Ведь я советовал тебе держаться подальше от диких животных. Теперь от меня требуют официальный рапорт! Что я должен сказать этим людям? Что ты настаиваешь на издевательствах над животными? Что мы пытались остановить тебя, но безуспешно? Нет! – Теперь он кричал. – Я не могу сказать им такое!

– Я знаю, – сказал я. – Не беспокойся. Все это чепуха.

– Что? – завопил он. – Чепуха? – Потом, немного успокоившись, он с горечью усмехнулся. – Да нет, – сказал шериф. – В иске все выглядит по-другому. Как и в той сумасшедшей истории, которую ты написал для газеты!

– Тупица! – сказал я. – Это была политическая аллегория. Лиса – это Пэт Бьюкенен, начальник отдела общественных связей Белого дома.

– Что? – сказал шериф. – И ты на самом деле думаешь, что я могу написать такое в рапорте?

– Нет, – ответил я, – скажи офицеру службы охраны животных, пусть сам пишет рапорт.

Мысль была верной. На этом мы и порешили.

5 января 1987 года

В пасти тьмы

Мы ехали по ночной дороге в сторону Игнасио. В двухместной «БМВ 3.0» троим было тесновато. Башни моста Золотые Ворота окутывал легкий туман, а на дорожном покрытии виднелись пятна свежей крови... На этом месте несколько дней назад произошла большая авария.

По мосту было опасно ездить всегда, но в последние годы – особенно. Мост стал своего рода полигоном для испытания примитивных технологий, разработанных специалистами, которые занимаются изобретением правил уличного движения. Линии разметки превратились в лабиринт. К тому же они постоянно меняются. В наши дни ездить по мосту просто страшно. По меньшей мере половина полос движения постоянно заблокирована горящими светофорами или огромными грузовиками с горячим асфальтом. Вокруг грузовиков толпятся люди в широкополых шляпах; у них безумные взгляды, а в руках – кирки и лопаты.

Дорожные рабочие толпятся на мосту круглые сутки, а те несколько полос, которые они оставляют для машин, обычно заставлены большими красными знаками, выглядящими, как тяжелые стальные плевательницы. Эти знаки вызывают ужас у каждого водителя, который не знает, что они сделаны из резины... Никто не хочет ненароком зацепить такую штуковину. Правда, иногда появляется острое желание сбить всю цепочку знаков, штук пятнадцать-восемнадцать, открытой дверцей машины, сделав сумасшедший рывок на предельной скорости.

Но не эти мысли бродили в наших головах, пока наша маленькая машина летела на север к странной цели нашей поездки в Игнасио... В субботнюю ночь полуночное шоссе было свободно. Мы договорились с Ясновидящей на одиннадцать, но нас задержал звонок из Вашингтона, и теперь мы опаздывали.

По телефону мне сообщили, что шеф ЦРУ Уильям Кейси – центральная фигура в разрастающемся, как гриб после дождя, скандале «Иран-контрас» – на самом деле был давно «устранен» своими же сотрудниками, а пожилым джентльмен, который сегодня лежит в пентхаусе клиники Джорджтаунского университета, вовсе не Кейси, а подставное лицо. Этот человек надежно спрятан за стеной телохранителей из ЦРУ.

– Он просто марионетка, – сказал мой информатор. – Его убьют раковыми клетками или каким-нибудь биологическим ядом сразу после того, как в нем отпадет необходимость. Потом они соберут президентскую пресс-конференцию, где скажут, что Кейси жил и умер как настоящий американский герой – который, к сожалению, унес в могилу все секреты продажи оружия Ирану. Все сведения об Оливере Норте и уголовном преступлении президента Рейгана навеки останутся в его теперь ни на что не пригодной голове.

– Это разрушит все расследование, – объяснил мой источник. – Они обвинят во всем Кейси, похоронят этого несчастного старого алкоголика в закрытом гробу, а потом призовут всех к обновле-

нию.

Мой информатор редко ошибается, когда говорит о странных событиях, которые происходят в тайной политике. Но обычно его слова сложно проверить, и случай с Кейси – не исключение.

В конце концов я сдался и решил на несколько дней отложить свой политический обзор. Мой старый приятель Хист – бывший адвокат, у которого отобрали лицензию, – предложил составить ему компанию. Он собирался к экстрасенсу в Игнасио за советом по юридическому вопросу Хиста обвинили в уголовном преступлении: в прибрежной таверне он ткнул какого-то посетителя вилкой в зад. Адвокат разорвал с Хистом все отношения и отказался даже обсуждать причины своего поступка.

Даже общественный защитник не хочет иметь отношение к этой истории, с горечью рассказывал Хист, поэтому он решил передать дело экстрасенсу, которая никогда не оставляла его в беде.

– Она тверже дешевых гвоздей, – сказал Хист, – и получает все свое знание и мудрость от Майкла, который очень хорошо разбирается в политике. Может быть, она поможет разрешить твои сомнения относительно Кейси.

– Кто он, этот Майкл? – спросил я Хиста. – Он имеет какие-то связи с ЦРУ?

Хист растерянно засмеялся, но я видел, что он совершенно обезумел от боли. У него было сломано предплечье, а один глаз ничего не видел – результат происшествия в таверне – и он не мог вести машину. Поэтому за рулем сидел я.

– Ради Бога, помоги мне! – кричал Хист.

– Не волнуйся, – говорил я. – Мы едем, едем...

Далеко за полночь мы добрались до Игнасио, где нас нетерпеливо ждала экстрасенс – симпатичная женщина лет тридцати девяти, одетая в стильное белое платье и босая. В ее доме не было ничего, что говорило бы о занятиях черной магией.

Хист совершенно пал духом. Он не первый раз нарушил закон. В Окленде его знали как дикого пьяницу, который избивал женщин.

– Что скажет Майкл? – прстонал он. – Теперь только он может мне помочь.

Несколько секунд женщина пристально смотрела на Хиста, потом глубоко вздохнула и откинулась на спинку своего кресла из испанской кожи. Ее глаза стали вращаться, пока не закатились до такой степени, что остались видны только белки; губы беззвучно шевелились, как будто она во сне разговаривала с птицами.

Потом она стала постепенно приходить в себя, оглядывая комнату с отсутствующим выражением.

– Майкл говорит, что не может тебе ничем помочь, – сказала она Хисту своим глубоким голосом. – Он говорит, что ты проведешь следующие два года в замкнутом пространстве – скорее всего, в тюрьме Фолсом.

– Что? – закричал Хист. – О, Боже, НЕТ!

Он вскочил со своего кресла и, пошатываясь, вышел из комнаты. Мы услышали, как его вырвало на лужайке перед домом.

Я дотащил Хиста до машины, где он остался сидеть, лихорадочно посасывая из бутылки с шартрезом... Когда я вернулся в дом, там по-прежнему не было никаких признаков Майкла. Тогда я поинтересовался у женщины, где же он прячется.

– Он разговаривает с нами из астрального пространства, – ответила она. – Но он здесь, в комнате.

Внезапно мне все стало ясно. Эти люди думали на другой частоте – как мистер Кеннет на Парк-авеню: то, что они называли Майклом и что Хист пытался выдать за политического гуру-отшельника, на самом деле даже не было человеком.

Согласно оккультной книге, которая лежала на полу рядом с кучей камней, Майкл «состоял из 1050 индивидуальных сущностей, экс-людей, если можно так выразиться».

Ну ладно, подумал я, раз я здесь, почему бы и не задать этому парню вопрос? Может, хоть Майкл что-нибудь знает.

– Пусть он скажет, где сейчас находится Уильям Кейси, – сказал я женщине. – Есть ли доля правды в слухах, что он не там, где нам кажется?

Было видно, что вопрос ее озадачил, поэтому я объяснил некоторые детали, и она передала их Майклу, неважно, как и куда – и ответ прилетел, как ракета.

– Вы, наверное, сошли с ума, – сказала женщина. – Этот человек – директор Центрального раз-

ведывательного управления. Конечно, он на самом деле там, где всем кажется!

Вы что, хотите, чтобы меня арестовали?

Она встала и замахнулась на меня большим серебристым камнем.

– Убирайтесь из моего дома! – закричала она. – Я повидала достаточно людей вашего сорта!

Хист умер на заднем сидении, пока мы ехали обратно в город. С помощью капитана Ханссена я сбросил труп около хибары на Скотт-стрит. Там его сожгли вместе с мусором.

12 января 1987 года

Безумный Патрик и большой Эл

– Я верил, что, если меня выдвинут кандидатом, то я смогу добиться избрания.

Александр Хеш

Когда Большой Эл бросил свою шляпу на стол, все смеялись. Теперь смех затих. По мере того, как кампания выдвижения кандидатов от «Великой старой партии» на президентские выборы 1988 года все глубже тонула в трясине позора и смятения, имя «Хейг» все быстрее всплывало на поверхность. «Генерал» никогда не умел стартовать быстро, но те, кто с ним близко сталкивался, скажут вам, что он способен на взрывные ускорения во время забега.

БЕЗУМНЫЙ ПАТРИК И БОЛЬШОЙ ЭЛ

Кто-то заметит: «короткий рывок», но бывает, что «длинный рывок» и не требуется. Именно в такие моменты люди, которые думают о себе, что они быстрые от природы, оглянутся через плечо и увидят, что Большой Эл догоняет их, словно пантера, и почувствуют его горячее дыхание.

Вначале не слышно никакого шума, но внезапно вы слышите причудливую смесь бормотания и ворчания, а потом странное бесформенное создание хватает вас сзади и сбивает с ног, как овцу.

В Хейге нет вялости или медлительности. Однажды он за 68 секунд стал из майора бригадным генералом. Это случилось в те старые добрые времена, когда он только начинал работать на Генри Киссинджера. Срочное присвоение генеральского звания понадобилось, чтобы Эл мог носить в Белом доме правильную униформу.

Получилось как в фильме Мейсона Уильямса. Хейг получил звание так быстро, что некоторые решили, что он был генералом всю свою жизнь. Он получил погоны, так сказать, на «поле битвы». Присвоение Хейгу генеральского звания в свое время казалось правильным и никогда не подвергалось сомнению официально... Если не считать шуток Ричарда Никсона, которому эта история казалась очень смешной.

В бессонные ночи, когда Никсон с Киссинджером пил джин в Зале Линкольна, он часто прикалывался по поводу молниеносной карьеры Хейга. «Сколько звезд мы можем вырастить на этом парне?» – спрашивал обычно президент, пока Маноло ходил за мартини, а Генри просматривал ежедневную стопку служебных записок, подготовленных его честолюбивым личным помощником – генералом Хейгом...

Потом Никсон – между припадками, во время которых он падал на колени и пьяно молился перед портретом Эйба Линкольна – пытался читать длинную нудную речь, которую написал для него Патрик Бьюкенен, его постоянный личный секретарь, человек-секира, в то время как раз получивший задание решить «проблему Агню».

И вот, через двадцать лет, мы видим Злобного Патрика и Большого Эла, Диких парней, которые бродят вокруг Вашингтона подобно паре бешеных лягушек в сезон спаривания, откладывающих по три тысячи яиц каждую ночь, и раскручивают гнусный по сути список кандидатов: Хейг и Бьюкенен, Бьюкенен и Хейг. Что значат эти имена? «Мы убьем того, кто попытается нас съесть, и съедим того, кого убьем...»

БУКМЕКЕРСКИЕ СТАВКИ НА КАНДИДАТОВ ОТ «ВЕЛИКОЙ СТАРОЙ ПАРТИИ»

Роберт Доул 3-1

Патрик Бьюкенен 4-1

Александр Хейг 8-1

Джордж Буш 11-1

Джеральд Форд 13-1

Джек Кемп 22-1

Джордж Шульц 33-1
 Джеймс Бейкер 34-1
 Говард Бейкер 40-1
 Пол Лэкселт 44-1
 Ивен Метчем 59-1
 Пьер Дюпон 66-1
 Уильям Армстронг 70-1
 Пэт Робертсон 188-1
 Харольд Стэссен 100-1

Подмечают дорожки вокруг игрового поля: Фрэнк Синатра, Рой Кон, Генри Киссинджер, Деннис Хоппер, Ричард Никсон и прочие.

Список кандидатов от «Великой старой партии» вызывает много сомнений. Он дает возможность выбора между Жирными и Дикими, ни одному из которых не удастся сойти за настоящего человека. Большой Папа ушел. Рональду Рейгану никогда больше не кататься на слоне. Он самый старый человек из тех, что жили в Белом доме, за исключением «Пятки» Уиллиса; Рейган был настоящей находкой для своей партии...

Но восьми лет достаточно. Эти ребята должны быть счастливы, что им удалось так долго продержаться, если принять во внимание то, что натворил Оливер Норт. «Полковник», как они его называют, похож на добермана из тех, что Герман Геринг держал в качестве охранных собак. При виде такой твари люди обмениваются взглядами и думают: «Слава Богу, что этот пес не умеет говорить».

Когда в ноябре стали известны некоторые детали «Иран-контрас», в списках «Великой старой партии» произошли большие перемены. Мнения в партии разделились в тех вопросах, в которых Пэт Робертсон не разбирается. Теперь Пэт ушел и оставил правое, евангелистское, крыло партии без вождя. Освободилась арена для тяжелой артиллерии: политических прагматиков типа Доула, Хейга и Бьюкенена.

Джордж Буш допустил серьезный промах. Он больше не фаворит, и если он получит повестку – вызов для дачи показаний относительно своей роли в «Иран-контрас», его окончательно выкинут за борт. Буш оставил на месте преступления множество отпечатков пальцев, но до сих пор ему удастся обойти капканы... На прошлой неделе он даже как-то умудрился продвинуть своего пресс-секретаря Марлина Фит-цуотера на место Ларри Спикса, и тот стал пресс-секретарем Белого дома. Это то же самое, как если бы Клайд отправил Бон-ни представлять себя в суде. Буш обречен, но все еще опасен.

Единственный «опытный» и внушающий доверие кандидат в президенты – Джеральд Форд. Никсон упорно старался вернуть уважение к себе, что может стать большим плюсом для Джерри. Помилование Никсона кажется вполне добропорядочным поступком – просто соблюдением этикета – по сравнению с сегодняшним лицемерием и вероломством.

За последние полгода самым большим неудачником оказался Пол Лэкселт, которому не удалось передать свое место в Сенате преемнику-республиканцу. Хотя в Неваде полно жуликов и неудачников, их там не очень-то любят.

У Шульца внешность президента, но, возможно, республиканцев не устраивает его происхождение.

Если у республиканцев есть будущее после 1988 года, то, возможно, оно, подобно духу Германа Геринга, скрывается в Аризоне, где недавно «Ива» Мечема избрали губернатором. По сравнению с ним Бьюкенен кажется сентиментальным обывателем. Своим первым официальным распоряжением Мечем отменил оплачиваемый выходной на день рождения Мартина Лютера Кинга. Это смутило всех в Аризоне, за исключением Ку-клукс-клана и нацистов. Даже Барри Голдуо-тер был потрясен.

Крысы никогда не умирают. Когда они оставляют один корабль, они забираются на другой – на сей раз их новый корабль называется «Аризона».

19 января 1987 года

Ловушка в Хардинг-парке

Когда Паркер позвонил мне из Феникса, я растерялся. Ему уже второй раз удалось найти меня в убежище, которое я считал абсолютно надежным. Прошлый раз это был Билт-мор в Аризоне, теперь – Эль-Дриско в Сан-Франциско, а ведь тут отыскать человека невозможно в принципе!

Но люди Паркера выследили меня без особых проблем. Речь шла о 22 тысячах долларов, которые я задолжал. Мы с Паркером заключили пари на результат Хершеля Уокера в этом сезоне, первом в качестве защитника далласских «Ковбоев»... Хотя Паркер едва не проспорил, все же удача встала на его сторону, и теперь ему не терпелось заключить со мной новое пари на Суперкубок. Сначала он хотел удвоить ставки, а потом раскрутить их в логарифмической прогрессии.

ЛОВУШКА В ХАРДИНГ-ПАРКЕ

Паркер был фанатом «Мустангов». К тому же у его жены что-то было с Дэном Ривзом, когда тот играл за «Северный Даллас-сорок». С годами преданность Паркера своей любимой команде все росла. Он хотел сделать крупные ставки на Денвер. Его вера была тверда и чиста, а глаза светились безумной жадностью.

Кроме того, он хотел купить «Ботхаус-Холл», давно заброшенный дом у дороги на берегу озера Мерсид – в классическом стиле Раймонда Чэндлера, как в «Большом сне», или более ранних сагах Богарта... Вокруг этого обветшалого дома кружится драматический дух, ощущение, что здесь может случиться все, что угодно...

Так оно и есть на самом деле. О «Ботхаус-Холле» Паркер, преуспевающий владелец автостоянок из Феникса, услышал в Скотсдейле, где он жил на краю поля для гольфа.

Деньги для Паркера ничего не значили, по крайней мере, если верить самому Паркеру, но он был убежден, что азартный бизнес следует делать только на поле для гольфа, где вас никто не может подслушать. Такие мысли – нормальное явление в Фениксе, где простых людей и даже журналистов избивают, режут, душат их собственными кишками, взрывают, превращая в облако розового мяса по причинам, которые порой столь незначительны, что не стоят даже простого спора.

Паркеру хотелось смотреть Суперкубок, сидя в таком месте, где никто его не узнает, а если узнает, не сможет сказать об этом по-английски. Я предлагал уединенный «спортивный бар» на побережье Тихого океана. Это место обычно скрыто в полосе тумана, но в зале стоит 15 или 16 телеэкранов, а, главное, там есть сделанная по последнему слову техники линия, связанная напрямую с крупнейшей букмекерской конторой Лас-Вегаса.

Но в конце концов мы остановились на площадке для гольфа в Хардинг-парке, поставили на траву большой телевизор, который я захватил с собой из театра О'Фаррелла, и подключили его к 200-футовому удлинителю. Теперь мы могли смотреть игру прямо с поля для гольфа.

Бею неделю «Мустангам» предрекали поражение с итоговой разницей счета больше чем в 9 очков, но Паркер отказался брать фору. Мы договорились о стоимости его «мерседеса-600», который он дал мне много месяцев назад как залог в нашем сумасшедшем пари на Хершеля. Мы оценили машину в 33 тысячи долларов – и на этой основе, сказал Паркер, он не возражает против пари по принципу «двойной выигрыш или ничего», может быть, с небольшими побочными ставками, время от времени.

– Замечательно, – сказал я. – Мы будем делать ставки на каждую атаку, каждый пас и пробежку, каждое нарушение и каждый удар ногой по мячу.

Мы начали с подбрасывания монеты, которое выиграл Денвер, что стоило Паркеру первых ста долларов. В тот день для него это была первая из многих, очень многих потерь.

Те, кто поставил на то, что далласские «Ковбои» победят с перевесом более чем в 9 очков, к концу первой половины игры попали в положение, которое нельзя было назвать очень приятным. Эта позиция, которая казалась практичной и убедительной на 21 или 22 минуте, позже стала выглядеть довольно сомнительно, особенно после того, как Рич Карлис из команды Денвера дважды нанес очень опасные удары. Правда, этот отвратительный обиженный судьбой маленький пузырь оба раза промахнулся – один раз с 6-ярдовой линии.

Несмотря на его промахи, разница очков, которая к этому моменту игры должна была составлять 16-9 или, по крайней мере, 13-9, равнялась всего одному очку, и вес начал смещаться.

Но к середине третьей четверти стало ясно, что крутые ребята из Далласа просто слишком велики для «Мустангов», в команде которых средний вес игрока был на 20 фунтов меньше...

Атака Денвера – быстрая банда азартных мастеров своего дела – ничего не могла поделать с Филом Симмсом.

К концу третьей четверти счет равнялся 19-10... а потом 26-10, точно на один занос мяча выше девятиочковой разницы, и оставалась длинная, неприятная последняя четверть.

В конце игры Рич Карлис забил таки гол, но в этом уже не было смысла. Денверские Мустанги потерпели еще одно сокрушительное поражение – такое же унижительное, как давнишнее поражение

«Фортинайнерс».

К закату солнца Паркер потерял 71 тысячу долларов, но, казалось, это его не волновало. Он был уверен, что вернет деньги, обыграв меня в гольф, где он делал по 6 гандикапов и часто играл в смешанных турнирах профессионалов и любителей.

Мы начали с девятой лунки и сделали «толстой железной» клюшкой удары в лунки 16,17 и 18, поставив на каждое попадание по тысяче долларов. Паркер играл с лихорадочной энергией наркомана или человека, которому нечего терять, и ему каким-то образом удалось выиграть три или четыре удара. У меня не хватило духу продолжать издевательство над Паркером. На 17 лунке у меня получился самый элегантный удар в моей жизни – с 220-ярдов я стукнул по мячу деревянной номер семь, мяч перелетел через высокий кипарис и ударился во флажок. Но до того как Паркер увидел это, я оттолкнул мяч в канавку и сказал, что потерял его. Тогда мне казалось, что я просто обязан так сделать.

Но настоящий ужас начался, когда мы, в конце концов, собрали наши вещи и попытались уехать назад в город. Темнело, оранжевые фонари ружейного тира мягко отражались в озере. Слышались громкие выстрелы из дробовиков. Мы медленно выехали со стоянки и направились к шоссе.

Когда Паркер увидел большой замок и цепь на воротах, которые были широко открыты, когда мы заезжали внутрь, он пришел в крайнее волнение.

– Матерь Божья! – завопил он. – Я знал, что это случится! Нас ждут снаружи! Это ловушка!

– Чушь, – сказал я. – Это какая-то ошибка. Нам надо просто вызвать полицию. Мы позвоним в ближайшее отделение. Они всего в пяти минутах езды от нас.

– Ты, сумасшедший ублюдок! – кричал Паркер. – Я знал, что тебе нельзя доверять!

Потом он исчез в зарослях парка, бросив все, кроме своей сумки «Харлей-Дэвидсон» и спичечной коробки, полной голубых капсул «экстази».

Больше мы никогда Паркера не видели. Через пять минут подъехало несколько полицейских машин. Одновременно с ними появилось несколько машин, полных пьяных подростков, которые начали нахально дразнить меня с другой стороны изгороди.

– Вы, маленькие грязные пьянчуги! – огрызнулся я. –

Придет день, и вы окажетесь по эту сторону изгороди!

Потом полицейские Джон Пробст и Пол Гвинассо разогнали подростков, открыли ворота и выпустили нас наружу... за исключением Паркера, который спрятался между деревьями, как крыса.

26 января 1987 года

Унесенные ветром

На днях я беседовал с журналистом из Аризоны, и тот сказал мне, что следует осторожнее делать выводы относительно гнусного скандала, тень которого накрыла Белый дом.

– В этих событиях нельзя видеть повторение Уотергейта, – сказал он. – Тут совершенно другая ситуация.

– Ты прав, – ответил я. – Больше напоминает Карсон-Синк.

– Чепуха, – сказал он. – История с Карсон-Синк вообще не имеет ничего общего с политикой. Это «вымирание» животных было загадочной катастрофой – даже биологи были озадачены.

– Не совсем так, – сказал я. – Они знали, что причина – в яде, который убил все живое.

Это правда. Карсон-Синк – национальный заповедник дикой природы, в котором умерли все животные или, по крайней мере, большинство из них, а те, что выжили, с трудом перебрались через пустыню и отравили другие земли принесенным в себе ядом. Там жили гуси, белые цапли, лысухи, вороны, утки, голубые цапли, белые пеликаны и около трех миллионов рыб... «Раньше это было отличное место, – сказал один из местных жителей. – Мы приезжали сюда и кормили птиц. Теперь мы не можем даже есть их».

В Вашингтоне это не стало бы проблемой. Здесь до сих пор в моде каннибализм, но по природе своей это скорее форма искусства, а не использование в пищу плоти. Здесь пищевая цепочка настолько пропитана ядом, что аборигены давно выработали к нему иммунитет и вполне благоденствуют.

Например, Уильяма Кейси и Роберта Макфарлейна съели так быстро, что некоторые сравнивали их с рыбой фугу, которую в Японии считают изысканным деликатесом, блюдом для настоящих гурманов.

Кейси, бывшего шефа ЦРУ, съели за несколько часов, сразу после его первого и последнего кон-

такта с грозным токсином «Иран-контрас». Он исчез так быстро, что никому не удалось даже поговорить с ним. Пришлось довольствоваться сообщениями об опухоли головного мозга, которая лишила его способности вести беседу.

Макфарлейн, бывший советник президента по национальной безопасности, продержался немного дольше, но в конце концов и его постигла та же судьба. Вскоре после того, как он предстал перед сенатской комиссией по разведке и дал свидетельские показания, способные подорвать доверие к президенту Рейгану, он впал в депрессию и проглотил тридцать таблеток валиума. Происшествие было названо «попыткой самоубийства». Попытка не удалась, и Макфарлейн в настоящее время «уютно отдыхает» под охраной и наблюдением службы безопасности в госпитале военно-морских сил в Бетесде, по соседству с Кейси.

Надолго там Макфарлейн не задержится. Скоро понадобятся свободные койки: расследование продолжается, и другим ребятам из Белого дома тоже придется давать показания под присягой. Валиум сметут с прилавков, а желудочные отсосы в Бетесде будут работать без перерыва. В конце весны спецпалата будет переполнена и станет напоминать кошмарную сцену из «Унесенных ветром», изображающую полевой госпиталь, где раненные лежат прямо на улице... Будут раздаваться стоны и плач, многих пациентов скуют цепями, как обычных преступников, — с номерами, нарисованными прямо на лбу чернилами, и повестками в суд, прилепленными суперклеем к их серым пижамам.

Прошлый раз подобный удар по Вашингтону — Уотергейтский скандал — сломал судьбы многих людей: целого клана высокопоставленных преступников, работавших в штате Белого дома и Республиканской партии, в том числе Ричарда Никсона. Многие отправились в тюрьму, многие были сломлены, а небольшая кучка самых опасных негодяев неприлично разбогатела.

Но на этом сходство кончается. Гордон Лидди в уотергейтской команде был «плохим парнем» — подлейшим из подлых — но он всего-навсего организовал несколько ограблений, уничтожил некоторые документы и выключил уличные фонари перед Макговерн по просьбе штаба президента на Капитолийском холме. За это он получил четыре года тюрьмы, где держал язык за зубами и пользовался всеми благами федеральной «программы физического развития», благодаря которой к моменту окончания срока имел шестой дан и черный пояс по каратэ.

Все преступление Гордона заключалось в исполнении сомнительных приказов, краже документов и угрозах изувечить каждого, кто будет ему мешать. Его главная вина — запугивание — оценивается по шкале уголовных нарушений довольно низко: мелкий уровень по сравнению с преступлениями, за которые, в конце концов, придется отвечать подполковнику ВМС Оливеру Норту.

Гордон Лидди был жесток, но он никогда не делал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало управление неонацистским теневым правительством прямо из подвала Белого дома, кражу миллионов долларов, полученных от незаконной торговли оружием, использование украденных денег для подрывной работы против иностранных правительств, продажу оружия в Иран обезумевшему от ненависти международному террористу аятолле Хомейни, который одной рукой заплатил Нарту миллионы долларов за противотанковые управляемые ракеты, а другой — в 1983 году заплатил за взрыв, который разнес казармы американских моряков в Ливане и убил около трехсот подчиненных Норта.

Это очень далеко от Semper Paratus (1Semper Fidelis («всегда верный», лат.) — девиз военных моряков США), и в госпитале Бетесды для Олли Норта уже зарезервирована кровать с наручниками. Сегодня Норт прячется за Пятой Поправкой — так же, как его бывший босс в Белом доме, бывший председатель Совета по национальной безопасности вице-адмирал Джон Пойн-декстер.

Но плотина не может сдерживать напор вечно, и когда она прорвется, вся местность покроется изломанными телами, висящими на ветвях деревьев, подобно мертвым бакланам, лысухам и белым пеликанам вокруг Карсон-Синк.

Многие были призваны, и многие были избраны. Президентский номер в Бетесде находится в готовности 24 часа в сутки, как всегда, и один из углов палаты полон игл, насосов и других могучих приспособлений, которые зарезервированы для вице-президента Джорджа Буша. Говорят, у него тяжелая аллергия к валиуму, но, прежде чем закончится кошмар «Иран-контрас», ему понадобится какой-нибудь другой сильнодействующий препарат.

Ни один человек в Вашингтоне не верит, что ковбои, лизоблюды и недоумки вроде Норта, Пойндекстера и Макфарлейна действовали самостоятельно, что они руководили всем этим коррумпированным цирком без ведома вице-президента, наследника Белого дома и экс-директора ЦРУ Джорджа Буша.

Нет. Есть пределы искусству контроля над ситуацией, и закрыть это дело будет не так просто, как «загадку природы» вроде Карсон-Синк или низкопробный взлом вроде Уотер-гейта.

16 февраля 1987 года

Свежая кровь на тропе

— *Я понятия не имею, какие советы в свое время давали президенту эти джентльмены.*

Марлин Фицуотер, новый пресс-секретарь Белого дома

Сага о Марлине Фицуотере печальна. Марлин – новый пресс-секретарь Рональда Рейгана, глава отдела по связям с прессой и великий политический оперативник по своей сути. Он упорно карабкался наверх и преуспел в поистине дьявольском бизнесе, жестоком ремесле, которое съедает лучших работников.

Последним пресс-секретарем Белого дома, который подходил для этой работы был Пьер Сэлинджер. Он работал на Джона Кеннеди в начале шестидесятых. Пьер был хорош. Ему верили все – и Большой Джек, и журналисты. У него был быстрый ум. Если вам надоедало болтаться на пресс-конференциях в Белом доме и вы начинали считать, что слишком умны для такой работы, все что вам надо было сделать, это нагло повести себя на еженедельной пресс-конференции президента: если вы не получали порку от Кеннеди, то получали ее от Пьера. Он был настоящим художником и представлял вам столько свободы действий, сколько вы хотели; и когда мистера Сэлинджера цитировали в «Washington Post», то обычно – на первой полосе.

После убийства Джона Кеннеди Пьер потерял работу. Сейчас он живет в Париже и делает репортажи для Эй-би-си о событиях в Европе.

Он устанавливал стандарты стиля и тона. Ни один из халтурщиков, пришедших после него, не был способен соответствовать этим стандартам, они даже не могли понять их... до появления Джима Брэди в 1981 году.

Брэди был классным актером, но недолго занимался своим делом. Прыщавый молодой придурок по имени Хинкли выпустил одну пулю в голову Джима, а другую – в плечо Рональда Рейгана. Но Датч выжил, а у Брэди оказалась прострелена голова, и ему на смену пришел Ларри Спикс, ограниченный подлый пузатый яппи из Миссисипи. Единственный веселый эпизод в карьере Спикса произошел, когда тому пришлось официально отрицать, что президент Рейган назвал одного из известных журналистов, работавших в пресс-корпусе Белого дома, «сукиным сыном».

Со Спикса градом лился пот, и он вытирал лоб голубым шелковым платком. «У вас, должно быть, проблемы со слухом, – обратился он к репортеру. – Президент сказал всего лишь, что день солнечный, а вы – сильный профессионал».

Некоторые слушатели тогда засмеялись, но Спикс был серьезен. Не смеялся и Марлин Фицуотер, получивший вскоре место пресс-секретаря вице-президента Джорджа Буша. Фицуотер готовил себя к должности, которую всегда хотел занять: должности главного придурка, голоса президента, наследника трона Джоди Пауэлл и Рона Зиглера.

Противная работа, но она редко приводит в тюремную камеру. Зиглер каким-то непонятным образом проскочил через тьму Уотергейтского скандала – как и Патрик Бьюкенен, который был виновен как шестнадцать собак (и который выйдет невредимым из скандала «Иран-контрас» потому, что он, как говорят, только писал речи и близко не подходил к деньгам).

Но если бы в этом мире была настоящая справедливость, Патрика и Оливера Норта сковали бы одной цепью, как сиамских близнецов, и заставили проехать автостопом от побережья до побережья по хайвею номер шесть, который причудливой ^линией идет от моста Джорджа Вашингтона в центре Нью-Йорка до причала в Малибу...

Шестой трассы сегодня больше нет: она поглощена серой паутиной новой системы автомагистралей. Изменились номера дорог. Поверх старого двухполосного асфальта положено бетонное покрытие. Но шестой хайвей все еще встречается на старых автомобильных картах, которые бесплатно раздают на станциях «Галф» и «Синклер».

Обычно чтение газет означает бесполезную потерю времени, но последняя суббота стала исключением. Первая страница «Нью-Йорк тайме» напоминала «Откровение». Сверху донизу вся страница была обвинительным актом роковому и извращенному видению старой доброй Американской Мечты:

Первая колонка начиналась так: «РЕЙГАН НЕ ПОДОЗРЕВАЛ НИ О КАКИХ ТАЙНЫХ ОПЕРАЦИЯХ, СКАЗАЛ ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ»... Конечно, пресс-секретарем был Марлин, и лучшее, что он мог сказать, было: «Когда речь идет о президенте, не может быть тайн. Он, безусловно, ни о чем не подозревал».

Затем, для комического контраста – ироничная колонка с историей Денниса Б. Ливайна, скандального биржевого мошенника, распустившего язык. Заголовок бил наотмашь: «ОСУЖДЕН. Ливайн получил два года тюрьмы».

Вернемся к делу: «США ПЛАНИРУЮТ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ ЕГИПТУ В ВОЙНЕ С ЛИВИЕЙ». Далее следовало разъяснение: «По некоторым сообщениям, Рейган одобрил решение о помощи в проведении превентивной атаки в случае непосредственной угрозы со стороны Ливии». В соседней колонке – опровержение Фицуотера: «Не существует ни политической установки, ни плана действий, который был бы приведен в действие».

Затем настоящий прикол: фотография шириной в две газетные колонки – Марио Комо с усталым видом прикрывает глаза рукой – и один из самых злобных заголовков, всего в одну короткую строчку: «Вопрос: Как насчет вице-президентства?»

Почетное место на верху шестой колонки занимает «Бразильская проблема». Разъяснения банкиров: «БРАЗИЛИЯ ОСТАНОВИЛА ВЫПЛАТУ ПРОЦЕНТОВ ИНОСТРАННЫМ БАНКАМ. ОБЩИЙ ДОЛГ РАВЕН 108 МИЛЛИАРДАМ ДОЛЛАРОВ».

Остальные сюжеты вытеснены на нижнюю половину страницы: «Риган и миссис Рейган ссорятся из-за рабочих нагрузок президента», «Сенатская комиссия сообщает о слабом контроле над продажей американского оружия» и, на десерт, «Судья получает в подарок отравленные сладости; арестован подозреваемый – человек, дело которого судья вел».

Все это производит впечатление плохих новостей и крупных проблем для Марлина Фицуотера. По мере того, как все больше и больше людей из его круга попадают в камеры предварительного заключения и в федеральные тюрьмы, его жизнь становится все более странной и нелепой ... Марлин опоздал занять свое место лет на пять. То, о чем он всегда мечтал – чудесный офис в Западном крыле Белого дома с тиковым паркетом и испанской кожаной мебелью, – внезапно стал напоминать тюремную камеру, а вовсе не Зал на вершине, который, по словам его мамочки, всегда дожидался Патрика.

Все они виновны. Все они – преступники, и многие из них будут слушать приговор суда, одетые в те же костюмы в тонкую полоску от Ральфа Лорана, которые они носили, когда после длительных заседаний в Овальном кабинете обменивались историями о Египте, Бангкоке и рейдах спецподразделений в Конго.

Подполковнику ВМФ США Оливеру Нортю за его вклад в вероломную аферу «Иран-контрас» придется, скорее всего, провести три года в тюрьме Ломпок. Люди вроде Ригана, Кейси и Пойндекстера сядут в тюрьму вместе с ним – так же, как парни из Уотергейта, которые в свое время тоже были крупными фигурами в Белом доме.

Но главной проблемой Марлина будет Датч, Старец, президент, великий оратор и посредник – Рональд Рейган. Когда раскроются все детали этого грязного дела, тогда даже преданные президенту люди вроде Эда Миза и Джона Тауэра будут вынуждены взглянуть в лицо ужасной реальности и признать, что президент – главный преступник и его следует посадить в тюрьму.

23 февраля 1987 года

Прощай, Джордж!

– Недавно мне приснилось, что питчер-левша наносит замечательный удар по мячу. А я бегу, бегу и никак не могу добежать до первой базы.

Ветеран «Негро-лиги», телепередача 11 февраля 1987 года

– Но до того, как все кончится, Джордж испытает муки, гораздо более острые, чем может причинить обычная подагра, или болотная лихорадка, или разгул псориаза.

Хантер С. Томпсон, «San Francisco Examiner», 2 марта 1987 года

Вечером в субботу Большой Джордж был сбит пушечным ядром, и это было впечатляющее зрелище. В событиях присутствовали почти библейские скорость и мощь – как в «Откровении», где реки полны крови, посевы превращаются в яд и люди грызут свои языки.

Еще в пятницу, до полуночи, Джордж был главной фигурой в республиканской политике, офи-

циальным фаворитом во внутрипартийной предвыборной борьбе; именно его должны были выдвинуть кандидатом от «Великой старой партии» на президентских выборах 1988 года. Но уже через 12 или 13 часов, к полудню субботы, он валялся в канаве вместе с низкопробными мошенниками, грязными посредниками и проститутками, вроде Дикого Билла Кейси, Спиро Агню и безумного Боба Макфарлейна, который сделал такую дебильную попытку самоубийства, что над ним смеялись даже дети.

Молот опустился внезапно, как раз в момент, когда Джордж начал чувствовать себя в безопасности. Шестнадцать недель он отлеживался в кустах, как маленький грязный зверек, а потом внезапно выскочил оттуда, громко визжа... Весь ход событий показывали по телевидению. Вначале мы увидели, как Джордж появился из своего серебристого правительственного самолета в Нешуа, штат Нью-Гемпшир, а потом, через 13 часов, мы узнали, что его недостойный сын вместе с дебильным доктором из Гватемалы по имени Касте-джон обеспечили Джорджу уголовное преследование и три или четыре долгих года в камере вроде тех, где к заключенным обычно подсаживали медведей или больших змей. Джордж будет сидеть в какой-нибудь федеральной тюрьме, Эглине или Ломпоке, или в новой темнице без окон в Фениксе.

Нам продемонстрировали отвратительную сцену. Только что Джордж радовался результатам опросов общественного мнения, которые пророчили ему лидерство в Джорджии и остальных одиннадцати южных штатах и безоговорочную победу на супервторнике в первую неделю марта 1988 года. Он рассчитывал на победу в первичных выборах: у остальных претендентов не было шансов за ним угнаться. Может быть, Доул возьмет Канзас, а Новый Орлеан – в кармане у Эла Хейга, но общая победа гарантирована Джорджу.

Так было до субботы. Джордж пребывал в восторге; он заказал ящик калифорнийского шампанского для своих сотрудников... а потом позвонил своему сыну Джебу в Майами. Сынок первый и сказал ему о письме.

– Какое письмо? – спросил Джордж. – Я не посылал тебе никакого письма.

– Ага, – ответил Джеб. – Не мне. Я имел в виду письмо об Оливере Норте – об этом деле, которое ты уладил с доктором Кастеджоном.

Джордж застыл на месте, а потом упал на колени, как пьяный, и открыто зарыдал на глазах у своих сотрудников.

Игра закончилась. Сынок и папаша еще орали и ябедничали друг на друга, а номер «Miami Herald» на всех перекрестках уже продавали, на первой странице которой рассказывалось о переписке Буша и Кастеджона.

Речь шла об уголовном преступлении. Джордж подписался под письмом, в котором он рекомендует подполковника Норта гнусному Кастеджону. Теперь хитрый и лицемерный вице-президент не может говорить о своей невиновности. Если бы он задержался в Нью-Гемпшире подольше, его бы там, вероятно, арестовали. Он обречен.

Джордж пошел по тонкому льду. Он переполнен обывательской спесью и темными инстинктами яппи, и они привели его туда, где он оказался сегодня, – и могущественные люди с тонким политическим чутьем уже подписали ему приговор.

В тот же день в Нью-Йорке судом присяжных, которые мало отличались от самого подсудимого, был оправдан Джон Готти, главарь мафии. Он вышел на улицу, и, как любого явного бандита, его сопровождали шесть телохранителей, напротив зала суда его ждал серебристый «кадиллак», а дома – кладовая с множеством костюмов, сшитых на заказ, и двумя серовато-белыми шубами, сделанными из меха волчат, убитых в чреве матери.

Джордж Буш одевается в другом стиле. Он, в конце концов, – вице-президент, и пока «Майами геральд» не нанесла ему внезапный удар, исполненный в виде зловещего сюжета в субботнем утреннем выпуске, пока другие газеты не пересказали эту историю всем американцам, Джордж выглядел как наиболее вероятный следующий президент Соединенных Штатов.

Но все это было до того, как он говорил с Вороном, который сказал Джорджу «никогда».

Согласно источникам из Белого дома, птица появилась около полуночи и захватила Джорджа врасплох. Он совершенно расклеился, когда зловещее создание влетело в его окно и несколько раз прокаркало: «Никогда!»

Тогда смысл этих слов был неясен – хотя все происходило 13 марта, в пятницу; а, кроме того, это была ночь полной Луны... но Джордж – не Сын Луны. Он рожден под другой звездой – 12 июня

1924 года. И он отмечен Знаком Курицы.

Несмотря на это, Джордж преуспевал. Он учился в Йеле и обрел друзей в политике – так много, что ему вскоре предложили место посла в Пекине, затем пост председателя Республиканской партии и, при Ричарде Никсоне, – директора Центрального разведывательного управления.

Это было в добрые старые времена, когда в Белом доме сидели настоящие мужчины, а президент блуждал по ночным коридорам со стаканом джина в руке, бредя и стеная перед большим портретом Эйба Линкольна и Джона Филиппа Со-узы. За президентом следовал Генри Киссинджер с записной книжкой.

Когда Никсон добирался до пинты джина, он становился неуправляемым пьяницей. А в те дни, когда вся его жизнь растекалась как нагретый желатин, а федеральные маршалы тащили его ребят в тюрьму одного за другим, любовь Никсона к джину становилась все крепче и крепче.

Его мозг отключился, и ночами, незадолго до финала, только бармен Маноло спасал президента от ареста за пьянство в общественном месте.

Бывали ночи, когда Никсон желал сам вести машину – через мост на Виргинию или к своему личному причалу на реке, где стояла его президентская яхта «Секвойя», которую он использовал как убежище. На яхте он мог всю ночь напролет играть в азартные игры со своими друзьями.

У Рейгана, кажется, нет друзей – только Никсон, который звонит ему ежедневно в своей новой роли преемника Джорджа Шульца, этого обреченного изменника.

16 марта 1987 года

Роковая любовь в скалистых горах

Вечером в прошлый четверг, едва я успел расположиться перед телевизором, чтобы посмотреть президентскую пресс-конференцию, зазвонил телефон. Это был номер горячей линии, верный знак беды...

Не обращай внимания, сказал я себе. Надо работать. Меня нельзя беспокоить в такое время. Может быть, сегодня состоится последняя пресс-конференция Рейгана. Он довольно плохо выглядел последнее время. Кажется, что ему уже 110 лет и он совершенно не ориентируется в окружающем мире... Его взгляд стал вязким, желеобразным, у него появилась привычка нелепо размахивать руками, даже когда рядом находятся фотокорреспонденты. В пресс-центре лежало несколько фотографий, на которых он выглядел довольно идиотски, но ни одна из газет не стала публиковать их, чтобы не пугать читателей...

Когда Рейган появился на телеэкране, мой телефон все еще звонил. Я пытался не отвлекаться, но после тридцати или сорока звонков не выдержал и снял трубку.

Это был Текс. Он звонил со стоянки трейлеров, и его голос срывался.

– Лоретта! – вопил он. – Она умирает! Скорее, док! Приезжай и захвати с собой хлороформ!

– Что? – сказал я. – Ты спятил? Перезвони мне после пресс-конференции.

– Нет! – закричал он. – Она при смерти! Скорее! Я положил ее в ванну.

О боги, подумал я. И что теперь? И причем здесь хлороформ? Но у меня не было выбора. Текс был опасным скотом, а Лоретта – пьяницей... и если она умрет, меня назовут семейным доктором и публично высекут.

Я попал в гнусную ситуацию, но деваться было некуда. По дороге к своему джипу я прихватил бутылку хлороформа из медицинского ящика. Хлороформ был старый, но я решил, что он еще не потерял свою силу.

Буран все свирепствовал, и дорога была покрыта черным льдом. У трейлера, где жил Текс, я еще снаружи услышал шум и вопли. Дверь была приоткрыта; я нашел их обоих в ванной. Лоретта с закатившимися глазами лежала в ванне, а Текс стоял рядом на коленях, придерживая ее голову над водой. Он бился в истерике.

– Зачем ты это сделала? – кричал он. – Я не могу смотреть, как ты умираешь!

Ванна была полна воды, а на кафеле вокруг краснели пятна крови. Лоретта глухо застонала и попыталась сесть. Текс не удержал ее, и она тяжело упала набок.

Тут Текс глянул в зеркало и увидел, что я стою сзади. Тогда он совершенно расклеился и начал всхлипывать. Потом пошарил рукой позади себя и достал длинную бутылку шартреза. Налил два больших стакана и дал один из них Лоретте.

– Вот, милая, – сказал он. – Выпей это. Я больше так не могу.

Она проглотила зеленую жидкость... потом судорожно выпрямилась в воде, и у нее началась ужасная рвота.

– Умирает, – сказал он спокойно. – Мы ей уже ничем не поможем. Это все бухло виновато. Она зашла слишком далеко.

Лоретта отчаянно застонала и попыталась заговорить, но Текс внезапно встал с колен и начал поливать ее водой из мощного массажного душа. Вода била Лоретту по животу и издавала отвратительный гулкий звук.

Текс постоянно бормотал что-то о смерти и виски, и еще о наказании. Потом он спросил меня, принес ли я хлороформ.

– Нам он понадобится утром, – сказал он умиротворенно. – Когда дело пойдет к концу, у нее начнутся конвульсии.

Он схватил меня за руку и вытащил из ванной комнаты.

– Не беспокойся, – сказал он. – С ней все будет в порядке, но она должна и дальше принимать лекарство.

– Лекарство? – спросил я. – Какое лекарство?

– Витамины, – ответил он и показал мне горсть больших белых таблеток, которые показались мне смутно знакомыми. – Ей надо принять еще пару таблеток прямо сейчас, – сказал он. – Я хочу преподать ей урок, который она никогда не забудет.

Внезапно я понял.

– Ты, свинья! – прорычал я. – Ты, злобный ублюдок! Какие, к черту, витамины! Это антабус.

– Ну и что? – заметил Текс. – Я уже перепробовал все другие способы.

Это было отвратительно. Антабус – жестокое рвотное средство, действие которого запускается алкоголем. Его используют только закоренелые пьяницы: они знают, что умрут, если только подумают о том, чтобы выпить виски. Это похоже на бомбу, прикрепленную к коробке передач вашей машины таким образом, что она рванет, если вы дадите задний ход.

Я чувствовал себя грязным преступником уже потому, что при всем этом присутствовал. Текс хотел взять хлороформ, но я положил бутылку в карман и торопливо вышел из трейлера. Снег все еще падал.

К тому времени, когда я добрался до дома, пресс-конференция с президентом закончилась, но она, видимо, доставила Рейгану такое удовольствие, что он медлил с уходом. Удаляясь в свои апартаменты, он сделал паузу, чтобы еще раз жестоко ткнуть иглой прямо в сердце Джорджа Буша. Рейган подтвердил перед телекамерой, что его законопослушный вице-президент и преемник виновен, по меньшей мере, в такой же степени, как Пойндекстер и буйнопомешанный Оливер Норт.

Буш отрицал свою вину, но его ложь только ухудшала дело: он выглядел еще более беспринципным. Лицо Буша отекало, и, по слухам, его мучает разрастание жировой ткани на спине, между лопаток. Из-за этого он не может нормально ходить. Он избегает телеинтервью, а Говард Бейкер, новый начальник аппарата Белого дома, попросил его держаться подальше от Роуз-Гарден, когда президент принимает высокопоставленных особ или появляется, чтобы дать фотожурналистам возможность сделать снимки. «Они не хотят, чтобы Буш появлялся рядом с президентом, – сказал один из вашингтонских репортеров. – Эта штука у него на спине растет так быстро, что скоро он будет выглядеть как Квазимодо».

Буш никогда не отличался способностью внушать преданность своим сотрудникам и даже членам собственной семьи. Даже политики-республиканцы не хотят фотографироваться рядом с ним, а в последние недели интенсивность дезертирства из его лагеря стала напоминать бегство вкладчиков Бразильского банка... Вначале его предал собственный сын, и личная переписка вице-президента появилась в газете «Майами геральд». Арабский торговец оружием Аднан Ха-шогги нанес следующий удар, предложив предъявить погашенные чеки, чтобы доказать, что Джордж лжет, когда говорит, что никогда не договаривался о нелегальной отправке денег для «контрас» в Никарагуа. Затем сам президент облил Буша помоями на национальном телевидении... Но все это было пустяками по сравнению с грязным башмаком, который обрушился на его голову в понедельник, когда Манушер Горбанифар заявил, что хочет выступить перед Конгрессом и выложить все, что знает, о темной изнанке «Иран-контрас», включая сведения о том, «кто врет и куда ушли деньги».

Когда он выполнит свою угрозу, в Вашингтоне полетит с плеч много голов. Сегодня в доме Бу-

ша невесело. Скоро Джорджа посадят на тележку рядом с остальными и повезут на гильотину.
23 марта 1987 года

Подонки общества

– *Американская жизнь в восьмидесятые... Человек по имени Орл: Фрейд в отчаянии, Бог рыдает и даже Дьявол посрамлен... Доколе, о Господи, доколе?*

– *Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим. И нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; и сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли.*

Ин. 2:13-16

На прошлой неделе программы новостей были заполнены телепроповедниками. Все они отчаянно сражались с силами Сатаны и позором своего собственного племени. Это был, как они говорили, кризис Святой Церкви, и этот кризис сильно ударил по их доходам/Дьяволу удалось схватить Бога за горло, корабль потерял управление и на полной скорости устремился к скалам. Расплата за грехи внезапно стала явью.

Все большие пацаны, занятые в религиозном бизнесе, показались на публике, взявшись за руки. Единый праведный порыв охватил всех, кроме Пэта Робертсона, его протеже, маленького грязного дегенерата Джима Беккера и жены Беккера-ра, Тэмми, которая призналась в своем пристрастии к наркотикам.

Может быть, не стоит употреблять слишком сильные выражения, говоря о тех по существу мелких прегрешениях, в которых злополучная чета Беккеров была замечена на протяжении семнадцати лет супружеской жизни. Они рука об руку шли к славе и добились успеха, став владельцами крупного религиозного телесиндиката «Шоу Джима и Тэмми». Шоу было достаточно безобидным – не сильно отличалось от «Оставь это Бобру» – но очень доходным: за прошлый год оно принесло 129 миллионов долларов. И если Тэмми пристрастилась к валиуму, а голого Джима как-то ночью, семь лет назад, видели с церковной секретаршей, что с того? Если мы потребуем от нашего президента и крупных бизнесменов придерживаться стандартов, исключающих подобные шалости, Белый дом и половина офисов на Манхэттене будут стоять пустыми ближайшие сто лет. Бетти Форд съедала столько валиума, что ей, в конце концов, пришлось открыть собственную клинику, и даже Ричард Никсон навещал тощую китайку в плавучем доме неподалеку от Сан-Франциско.

Нет. Беккеры потерпели крах из-за других – скрытых – причин. Их вина состоит в преступлении против природы – или, по крайней мере, против природы их собственного племени – и, в итоге, они были съедены тем же племенем могущественных каннибалов, которые сожрали Спиро Агню, Джеймса Уотта, Уилбура Миллса. А скоро каннибалы будут грызть кости Майкла Дивера, который был когда-то лучшим другом Нэнси Рейган и ближайшим советником президента.

Такие дела. Мы живем в паршивое время, и скоростной ряд изобилует останками крупных катастроф. Скоро Майкл Дивер отправится в тюрьму вместе с подполковником ВМС Оливером Нортон, недавно пониженным в должности адмиралом Джоном Пойндекстером и бывшим генералом ВВС Ричардом Сикордом.

Уцелеют только проститутки, черные проповедники и подлые дебилы вроде бывшего министра внутренних дел Джеймса Уотта, который недавно согласился на место в новом совете директоров клуба Пи-ти-эл1 (1PTL – аббревиатура, имеющая две расшифровки: «Prise The Lord» и «People That Love» («Славь Бога» и «Люди, которые любят»). Клуб Пи-ти-эл представлял собой комфортабельный курорт. С помощью мошенничества Джим Беккер получил многомиллионный личный доход, не уплатив при этом причитающиеся налоги. За это он получил 45 лет тюрьмы, но был освобожден досрочно через 5 лет за примерное поведение. Кроме того, Джима Беккера обвиняли в супружеской неверности, в гомосексуальных связях, жадности и пристрастии к роскоши. Его конкурент Джерри Фолуэлл называл Беккера лжецом, вором и извращенцем, «самой большой язвой и раковой опухолью на лице христианства за две тысячи лет существования церкви» (прим. перев.)).

Супруги Беккеры обречены, а Робертсон залег в кустах, забравшись так далеко, как только мог себе позволить, не отказываясь при этом от своих претензий на президентские выборы 1988 года... Но теперь, на дымящихся руинах когда-то святого клуба Пи-ти-эл, как монстр во власянице, вышед-

ший из баптистского ада, поднимается злобный ханжа – преподобный Джерри Фолуэлл, заклятый враг тандема Бек-кер-Робертсон. Сегодня Фолуэлл занимает место религиозного советника вице-президента Буша, другого кандидата 1988 года.

Одиноким Джордж опять попал в беду. У него инстинкты навозного жука. Ни один современный политик не может соревноваться с ним в таланте публично обливать себя грязью. Буш разыщет грязь, где бы она ни пряталась, – если надо, он готов не спать сутки напролет, – и когда он находит новую кучу, он падает и начинает безумно барахтаться в ней, фыркая носом, переворачиваясь на спину и брыкаясь ногами в воздухе, словно дикий кабан, пришедший на водопой.

Не все заметили связь между Бушем и Фолуэллом в омерзительном деле клуба Пи-ти-эл. В Белом доме эту историю восприняли как долгожданный отдых от ежедневного кошмара, порожденного «Иран-контрас», как маленькую бандитскую войну между религиозными проповедниками, которая может на несколько дней убрать имя президента с первых страниц газет. Никто не понимает толком, что значат эти разборки, но читать о них гораздо интереснее, чем об обвинениях, выдвинутых против Майкла Дивера, или о том, что Пойндекстер в очередной раз сослался на Пятую поправку.

Оливер Норт на некоторое время успокоился, Фон Холл все еще отказывается позировать в обнаженном виде для «Плейбоя», Бобби Макфарлейн находится в безопасном окружении, вдали от сильнодействующих медикаментов, где-то южнее Арлингтона, а Датча отправили оттачивать остроумие среди шестиклассников в Колумбию, штат Миссури.

В Мадвилле было невесело, но большой глаз телекамер был направлен южнее, на проповедников, которые вели себя как стадо бабуинов.

Газеты называли это «священной войной» в змеином гнезде жмотов, а богатенькие проповедники жестоко дрались между собой за право на телепередачи, которые приносят отличный доход на рынки Иисуса.

Орл Роберте продолжал кланить деньги в прямом эфире Ти-би-эс в «Башне проповедников» в Тулсе. Его сын, Ричард, из «Группы молящихся об изобильной жизни» попросил своих зрителей прислать «однократное пожертвование в 15 долларов, чтобы предотвратить окончательный крах клуба Пи-ти-эл». При этом он продолжал мучить верующих напоминаниями о семейном кризисе. Орл выпросил-таки у своей паствы восемь миллионов долларов, выкуп, который, по его словам, он должен был собрать по указанию самого Бога до полуночи Дня дурака, но это еще не значит, что битва окончена¹ (Орл Роберте в марте 1986 года заявил, что разговаривал с самим Богом, и Бог сказал ему, что если Орл не соберет к 31 марта 1987 года 8 миллионов долларов, то будет «призван домой», то есть умрет. Когда наступил назначенный срок и Орл Роберте не умер, ему пришлось объявить, что требуемая сумма собрана).

Орлу надо все больше и больше. Цена, названная Господом Богом, составляет не просто восемь миллионов долларов, а «восемь миллионов долларов помимо наших обычных текущих расходов».

Другими словами, Господь Бог говорил о доходе нетто – не о брутто, – он хотел получить свои восемь лимонов в коричневой сумке к полуночи Дня дурака.

И он получит свои деньги, в этом нет сомнения. Орл Роберте – помешавшийся от жадности белый подонок, которого следовало повесить на телефонном столбе на окраине Тул-сы еще 44 года назад, пока он таинственным образом не трансформировался в долларососу, которым стал, открыв для себя телевидение.

30 марта 1987 года

Клуб неудачников

– Он джентльмен, и, может быть, в этом заключается его проблема; он слишком хороший человек.

Сенатор Альфонс Д'Амато, республиканец от Нью-Йорка, о сенаторе Терри Сенфорде, демократе от Северной Каролины, «New York Times», 3 апреля 1987 года

Губерт Хэмфри дополз бы до самого Кэмп-Дэвида ради такого комплимента – но, увы, не сложилось, потому что он не был слишком хорошим человеком. Как, впрочем, и Терри Сенфорд, которого высоко ценил Губерт.

Альфонс врал, но делал это с таким жестоким изяществом, что Сенфорд рядом с ним смотрелся неотесанным чурбаном. Честно говоря, 69-летний свежееиспеченный сенатор из Северной Каролины

стал в Вашингтоне мерзостью недели. Он выставил себя перед всем Сенатом жалким, лепечущим придурком и так опозорил слово «либерал», что ему посочувствовал даже Патрик Бьюкенен.

Бьюкенен, новоявленный темный магистр высокомерного, злобного ультраправого крыла «Великой старой партии», в начале недели подарил миру цитату: «Этому демократическому Конгрессу не хватит пороку пойти на убийство».

Это одна из тех фраз, которые в Вашингтоне возвращаются и преследуют своего создателя, а в случае Патрика едва эти слова покинули его уста, как бумерангом стукнули его по лбу.

В четверг новый, контролируемый демократами Сенат проголосовал 67 против 33 за то, чтобы преодолеть вето Рональда Рейгана на законопроект о федеральных дорогах и дать слабоумному старому маразматика отведать кнута, который он еще не скоро забудет. Как с политиком с ним теперь покончено, и благодарить за это ему стоит Бьюкенена и Терри Сенфорда.

В субботу Рейган смылся в Канаду, словно какой-нибудь уклонист от Вьетнамской войны в шестидесятых, и зарылся головой в снег, словно страус. Кабан в туннеле сдох, и рейга-новская революция завершилась.

Бьюкенен истек слезами, как воин, раненный в живот, но Сенфорд только хихикал и хлопал в ладони, как евнух. Ладони у него были белые, как лилия, мягкие и пухлые – ладони облажавшегося южного либерала, который ухитрился три раза по-разному проголосовать за один и тот же законопроект в течение суток.

Даже Губерт Хэмфри покраснел от стыда, заброшенный в своей беспокойной могиле в глубинах Стикса. Даже Счастливый Воин никогда не пытался три раза при голосовании менять свое мнение. «Каждый хороший либерал должен иметь два мнения, – часто говорил он. – Но не три. Это такое же преступление против природы, как содомия».

На прошлой неделе в Клубе неудачников был отличный урожай на новых членов: кроме Датча, Патрика и Тупого Дяди Терри, туда попали еще Мэри Бэт Уайтхед, морская пехота США, Двайт Гуден, Джимми Картер, папа Иоанн-Павел II, Говард Бейкер, Деррик Коулмен, Терри Уэйт, Майкл Дивер, Уильям Рэнквист и преподобный Гэри Хейдник из Филадельфии, которого арестовали за 55 случаев изнасилования, убийства, похищения и принуждения к каннибализму.

Это была неудачная неделя для министров. В подвале Хейдника обнаружили двух голых умственно отсталых черных женщин, прикованных цепями к канализационным трубам, и еще одну, сидящую в грязной бетонной яме... Если верить «Ньюсуик», несколько месяцев они жили «на дешевой собачьей еде и рубленом человечьем мясе». Преподобного Гэри Хейдника препроводили в центральную тюрьму Филадельфии, где его взяли в крутой оборот другие заключенные, заявившие, что есть преступления, с которыми они не могут смириться.

Наш старый знакомец Джордж Шульц и его злополучный Госдепартамент, похоже, чувствовали что-то подобное. Посольство США в Москве было разоблачено как змеиное гнездо секса, насилия и катастрофического предательства. Отличилась особо доверенная охрана из морских пехотинцев США. Они окончательно погрязли в разврате, пьянстве и наркотиках и путались с женщинами всякого сорта, в том числе с женщинами – агентами КГБ, которые получили доступ ко всему: от сейфа посла до шифровальной комнаты ЦРУ и главного секрета начальника агентуры – списка всех русских в Москве, получавших деньги от разведки США, после чего все эти люди были обречены.

«Наши люди продолжают исчезать, а наши шифры постоянно взламываются, – сказал один дипломат. – И никто не может понять, как». Когда сверхнадежную систему сигнализации отключали агенты КГБ, которым очередной раз требовалось залезть в СВЕРХСЕКРЕТНЫЕ файлы, сексуально озабоченные охранники объясняли это программной ошибкой в новейшей высокотехнологичной системе, похожей на невероятно запутанный клубок проводов.

«Не волнуйтесь, – говорили пехотинцы нервничающим штатным следователям, – у нас все под контролем. Все, что нам надо, – просто исправить несколько глюков, несколько маленьких ошибок в системе».

Злополучный посол-республиканец все эти сложности современной электроники уяснить никак не мог. Он был одним из рейгановских выдвиженцев, очередной богатенький слабак, который не хотел неприятностей.

Даже Белый дом не мог закрыть на это глаза. В один прекрасный день весь отряд был отозван и расквартирован по гауптвахтам – от лагеря в Пендлтоне до Квантико, главной базы морской пехоты за пределами Вашингтона.

Двое были обвинены в «шпионаже», что тянет на смертную казнь, остальных для начала отправили драить галюны, а потом посадили в те же федеральные тюрьмы, которые скоро примут под своим кровом бывших героев морской пехоты Оливера Норта и советника по национальной безопасности Роберта Макфарлейна (тоже отставного морпеха).

Надо распустить всю морскую пехоту, покончить с ней, как с другими бессмысленными реликтами типа «морских пчел», Гитлерюгенд и эскадрилей Лафайета. Морская пехота бесполезна, как сиськи на брюхе старого злобного кабана. Последний раз они сделали что-то полезное в 1951 году, когда провели известную высадку в Инчхоне, проложив дорогу основным силам генерала Дугласа Макартура, и спасли Америку от полного позора в Корее.

Это было 36 лет назад, и с тех пор все их подвиги заключались в том, что они слонялись по посольствам, как стая пьяных павлинов, и причиняли своей стране неприятности. Первая воздушно-десантная дивизия армии США может съесть всех морпехов на завтрак, а остаток дня потратить на пиво и волейбол. Единственное решение «проблемы морпехов» – разогнать их всех.

Уничтожение морской пехоты никак не повлияет на боеготовность страны, зато сэкономит 10 или 12 миллиардов долларов раздутого военного бюджета. В эту сумму следует включить и 4 миллиарда, которые уйдут на то, чтобы убрать всю совершенно новую систему безопасности в посольстве США в Москве и создать другую – огромный бетонный вигвам без окон или подземный бункер, вроде тех, что строил Альберт Шпеер. Все, что нам нужно, – просторное помещение без «жучков», шпионов и сексуально озабоченных бухих в стельку шлюх из КГБ. И главное, чтобы не было даже призрака морской пехоты США. *Res ipsa loquitur*.

6 апреля 1987 года

Незабвенные

– Похоже, что эти ребята в шортах делают то же самое, что делали ребята в брюках на Уолл-Стрит.

Обозреватель «Denver Post» Бадди Мартин, 18 апреля 1987 года

Бывают такие недели, которыми могут наслаждаться только тупые упертые безумцы вроде Джонатана Уинтерса¹ (1Американский комик. Для Хантера Томпсона – олицетворение глупого, бездумного веселья), и последняя неделя выдалась как раз такой. В заголовках новостей оказалось много известных имен (почти все – в плохих), и полная луна висела в небесах. На закате в пятницу баньши прокричал по такой горе трупов, что морги не смогли ее переварить, а тюрьмы заполнялись, как дешевые отели в Калькутте.

Когда Уинтерс оказался в подобной ситуации в «Незабвенной»² (2Фильм 1965 г. по одноименному роману Ивлиана Во), он сначала лил слезы жадности и разочарования, потом поднял лицо вверх и стал молить Небеса о помощи... «Должен быть способ, – стонал он, – отправить эти трупы в космос».

Начало недели было тихим, не считая активных разоблачений Джона Хинкли, который, оказывается, переписывался с самыми ужасными и безумными убийцами всех времен и народов, включая Теда Банди и Чарльза Мэнсона... Психиатр Хинкли совсем было хотел отправить его на Пасху домой, но визит оказался сорван бурей протестов, исходящих от секретных служб.

Президент поехал в Санта-Барбару и радостно играл там с первоклашками и прочими своими братьями по разуму, но общественность совершенно не одобрила идею освободить Хинкли и пустить того в аэропорт с кошельком, набитым стодолларовыми банкнотами и фотографиями Банди и Мэнсона.

Воздушное путешествие и так – настоящий кошмар для каждого, кто не может позволить себе нанять собственный «Лирджет», и шансы не добраться пункта назначения на коммерческих авиалиниях (особенно в пятницу вечером) становятся все выше и выше.

Даже 22-минутный местный перелет может забросить вас черт-те куда: грозовое облако – и вы три часа сидите на взлетной полосе, жара хуже, чем в сауне, а потом вас арестуют охранники Федерального управления авиации за то, что вы попытались закурить, или поинтересовались, почему ваш багаж улетел в Ки-Уэст, или даже беспомощно зарыдали в манере, которая напрягла стюардессу, потому что напомнила ей симптомы «эмоционального истощения», из-за которого вы можете воткнуть

напильник пилоту в голову и начать балаболить на арабском...

Эти кошмары совершенно реальны, и последнее, чего вам не хватает в этом классическом наборе опасностей, – того, что мелкий очкарик, сидящий с вами локоть к локтю в центральном ряду – это Джон Хинкли, парень, который стрелял в президента, а теперь несет ахинею и растерянно бормочет, что надо позвонить Теду и Чарли.

В пятницу Хинкли не попал в заголовки; он сидел, накачанный торазином, весь в черных ремнях, стальных «молниях» и кольцах в каком-то подвале, без окон, без телефона-и черновик сочинения на тему «Как я провел пасхальные каникулы» пестрел большими красными штампами «Запрещено».

Никому его писанина уже не было интересна. К тому времени огромный телеглаз национальных новостей повернулся в другом направлении. Затишье закончилось, и к ночи пятницы масло лилось в огонь от побережья до побережья...

Стаи огромных крыс вырвались из-под поленниц и принялись жрать человеческую плоть в близлежащих весьма фешенебельных районах – от мрачных каньонов Уолл-Стрит до мэрии в Атланте – а потом двинулись на запад сквозь временные зоны к штаб-квартире Гэри Харта в Денвере, к кормушкам с куриным мясом вдоль Кэмелбек-Роуд в Фениксе.

Великая пятница стала одним из тех жестоких, ломающих жизни дней, когда люди, которые по выходным обычно идут кататься на лыжах или играть в теннис, обнаруживают, что грубые незнакомцы ведут их по коридорам их собственных офисов, толкают в прихожих их собственных квартир, сковывают за спиной руки наручниками из хромированной стали – а в карманах нет даже десятицентовика, чтобы позвонить адвокату по платному телефону из «обезьянника», забитого татуированными мужиками, на головах которых запеклась кровь.

Вот что происходило на этой неделе со удачливыми дельцами, биржевыми брокерами, профессиональными баскетболистами и гонщиками и прочими ребятами от «Гуччи»/«Ро-лекс», когда колеса правосудия белых воротничков завертелись со страшной скоростью.

Ральф Лорен не попал за решетку, но многие из тех, кто утверждал, что знал его лично, были арестованы, словно обычные преступники. В Нью-Йорке обнаружилась компания молодых брокеров из дорогих брокерских контор уровня «Пруденшл-Бейч секьюритиз инк.» и «Нью-Йорк депозитори траст», и они признались, что не понаслышке знакомы со вкусом кокаина, забыв, что это не совсем законно.

То же самое произошло в Фениксе, где ребят, которые за зимний день зарабатывают по две тысячи долларов, играя в баскетбол против таких людей, как Ларри Берд и «Мэд-жик» Джонсон, местный суд присяжных упрятал в тюрьму якобы за то, что те регулярно покупали грамм кокаина у официанта в местном ресторане... Они теперь раздавлены, опозорены, и профессиональный баскетбол закрыты для них во всем цивилизованном мире, кроме Израиля, Сицилии и Филиппин.

И снова кокаин: в Атланте сенатор штата Джулиан Бонд и мэр Эндрю Янг оказались втянуты в постыдный скандал, который вынудил обоих – двух видных активистов борьбы за гражданские права нашего времени – нести по национальному телевидению ахинею, отрицая слухи, что жена Бонда озверела и обвинила обоих в том, что они джанки.

К аресту Гэри Харта наркотики не имели никакого отношения. Просто надо было дать кандидату в президенты по губам, чтобы он почувствовал вкус собственной крови. Бывшие политические союзники отправили федеральных чиновников получить тридцать тысяч долларов по расписке от держателя фондов Харта. Это произошло в Голливуде, ночью со среды на четверг. Потом «New York Post» обозвала Харта сексуальным маньяком, которого давно надо было засадить в долговую тюрьму, и даже старые друзья называли его извращенцем.

В политике такие вещи случаются. В любом городе – это самая жестокая игра, а когда дело доходит до борьбы за кресло президента Соединенных Штатов, нет никаких правил... Это выяснил на прошлой неделе генеральный прокурор Эд Миз, когда человек, которому, как он считал, он может верить до конца жизни, сдал «Washington Post» информацию о секретной полуночной встрече Миза с бывшим директором ЦРУ Уильямом Кейси, у которого врачи якобы констатировали смерть мозга. Миз стоит перед лицом многочисленных уголовных обвинений – тайный сговор, лжесвидетельство, препятствия осуществлению правосудия – и, скорее всего, проведет какое-то время в тюрьме, в компании с подполковником морской пехоты США Оливером Нортон, контр-адмиралом ВМС Джоном Пойндекстером и генерал-майором ВВС в отставке Ричардом Секордом.

«Феникс сани» станут чемпионами НБА раньше, чем эти преступные свиньи вернутся домой.

Мизу придется сменить больше номерных знаков на своей машине, чем Кэрилу Чессмену¹ (Бандит и насильник, казненный в 1960 году. Известен тем, что пока ожидал исполнения приговора, сидя в камере смертников, написал четыре книги в свою защиту (прим. перев)), прежде чем ему удастся втихаря добраться домой в Окленд.

20 апреля 1987 года

Корабль смерти

– На прошлой неделе власти Луизианы приказали барже покинуть воды штата. Они утверждали, что из тюков мусора, лежавших на палубе, в воду стекала темно-коричневая жидкость. Кроме того, они опасаются, что использованные медицинские принадлежности, обнаруженные в мусоре, могут быть заразными.

Associated Press, 25 апреля 1987 года

Человек по имени Петерсон пришел из долины на прошлой неделе и сказал, что ему нужно виски. Он сказал, что работает в группе сопровождения Fabulos Thunderbirds, так что я спросил:

– Сколько тебе надо?

Мы быстро договорились. Встающее солнце наблюдало за загрузкой в местном магазине, а вечером следующего дня Петерсон был уже на пути в Монтану с полным грузовиком запечатанных в пластик кварт. Через шесть часов в Гранд-Джанк-шен его арестовали за пьянство, нарушение общественного порядка и хулиганство; виски при нем уже не было. Он говорил по телефону с Марией и попросил пять с половиной тысяч долларов, чтобы выплатить залог и выйти из тюрьмы. Она передала мне разговор и спросила, что мы будем делать.

– Ничего, – сказал я. – Вообще ничего. Пусть сидит, пока Fabulos Thunderbirds за ним не придут.

Это было четыре дня назад, и с тех пор мы о нем ничего не слышали. На Западе полно головоломок. Стоит оставить входную дверь открытой – и вот ты сидишь и размышляешь, не придет ли кто-нибудь вроде Теда Банди, или Гэри Гилмо-ра, или Пери Эдварда Смита с колюще-режущими предметами в руках.

Так и живем. Правда, недолго. Я кое-что вспомнил и сообщил шерифу, что Петерсон рассказывал о своей дружбе с человеком по имени Круз, из Палм-Бей в штате Флорида, который сошел с ума и без видимой причины перестрелял кучу народу в местном супермаркете.

Первые репортажи сообщали о двенадцати или о восемнадцати убитых. Никто точно не знал. Местные тележурналисты сначала решили, что стрельбу открыли два белых парня с огненно-рыжими волосами, которые одновременно оказались заперты в супермаркете «Винн-Дикси», когда пытались осуществить два разных вооруженных ограбления.

Конечно, это был бред. Киллер из Палм-Бей оказался пожилым седым алкоголиком из Луисвилля, у которого не было друзей, зато была дурная привычка стрелять по детям, когда те крались по газону перед его домом.

Это дешевая и жестокая история, как почти все на этой неделе...

В воскресенье я говорил с человеком по имени Харрелсон из Бей-Минетты, Алабама. Он радовался тому, что наконец-то вернулся домой после сумасшедшей недели в Новом Орлеане, Тампико и Веракрусе, куда он ездил, чтобы решить свои проблемы, возникшие в связи с Международным мусорным кризисом.

Лоуэлл Харрелсон – президент «Нэшнл Вест Контрак-торс инк.», ранее неизвестной алабамской компании, которая зарабатывала деньги на Восточном побережье, перевозя муниципальный мусор на стальных баржах, которые Харрелсон арендовал в Джексонвилле, – и до прошлой недели это был отличный способ зарабатывать на жизнь.

Сейчас ситуация изменилась: компанию «Нэшнл Вест» выследили и официально признали владельцем больше чем трех тысяч тонн разлагающегося мусора из пригородов Нью-Йорка, который плавает на баржах в Мексиканском заливе, как ядовитая куча отбросов из ада, которой никто не разрешит никуда пристать.

Мусор завернули из портов Северной Каролины, Миссисипи, Алабамы, Луизианы, Техаса, Кубы и Мексики... Даже Гаити не позволяет приблизиться этому кошмару к береговой линии ни за какие деньги.

Это как корабль смерти, плавучий монстр, наполненный ядом и болезнями, и его таскает туда-сюда по морским трассам нанятый буксир, команда которого на грани мятежа, а капитан сходит с ума от страха. Груз – 62 тысячи фунтов гнилого мяса, человеческих экскрементов и неопознанных токсичных отходов – настолько ядовит, что его нельзя утопить даже в самых глубоких местах океана.

Каждые двадцать-тридцать минут власти семи стран предупреждают по радио капитана и команду, что им всем грозят большие тюремные сроки, если они хотя бы подумают о том, чтобы покинуть судно. Президент Мексики послал канонерки и боевые вертолеты патрулировать побережье Юкатана и, если что, завернуть транспорт на восток, к Кубе. Но Кастро предупредил, что всех членов команды освежают заживо, как бананы, если они подойдут к Кубе – даже на резиновых спасательных плотиках, пытаясь скормить ему душещипательную байку, как баржу унесло ураганом.

Пляжи Гаити заполонили озверевшие толпы, размахивающие вудуистскими палками, а с Ямайки капитану радиовали, что если он начнет тонуть в открытом море, то ему следует приготовиться пойти на дно вместе с кораблем. Законы против затопления токсичных отходов в океане очень жестоки.

В это время, у себя в Алабаме, бедняга Харрелсон еще отвечал на телефонные звонки и настаивал, что «СМИ устроили большой шум вокруг пустячного дела», и что он, Харрелсон, «найдет решение этой проблемы к вечеру понедельника».

Когда я говорил с ним в воскресенье, мне показалось, что он близок к истерике. Почему к нему относятся хуже, чем к Гитлеру, спрашивал он, когда его единственное преступление – попытка честно заработать на жизнь перепродажей мусора?

– Знаешь, Лоуэлл, – сказал я, – у тебя появилась новая проблема. Рынок отходов меняется.

– Что ты имеешь в виду? – огрызнулся он. – Это уважаемый бизнес. Я покупаю мусор на Севере и продаю его на Юге для захоронения. Это всем выгодно.

– Уже нет, – сказал я. – Ворон каркнул по тебе, Лоуэлл. Свалки переполнены. Ты не сможешь продать этот товар.

– Я знаю, – сказал он. – Это ужасно. В Новом Орлеане я не могу даже выпить. Они меня там ненавидят.

Для Харрелсона Луизиана стала его Ватерлоо. Губернатор Эдвин Эдварде, не новичок в уголовных процессах, глядя на баржу Лоуэлла, сказал, что не может вынести такую отвратительную вещь. В полночь ополоумевший капитан бросил якорь и скрылся в темноте.

Тем временем Харрелсон отправился в Тампико – с большим чемоданом, набитым зелеными деньгами, – и попытался купить там место под свалку, но мексиканское правительство ему отказало.

В воскресенье Харрелсон был дома в Бей-Минетте, обсуждая стратегию со своим адвокатом – а его корабль смерти все еще прятался в тумане где-то севернее Козамела. Охрана побережья благополучно спланировала это дело в Госдепартамент, где обреченному Джорджу Шульцу придется с ним разбираться.

– Не волнуйся, – сказал Харрелсон. – Завтра я приму решение. Это все, что я могу сейчас тебе сказать. Эта ситуация тяжело далась моей семье. Позвони мне завтра в офис.

27 апреля 1987 года

Американская мечта

– Моя работа – служба новостей,

Эй, люди! Дайте то, что радует людей.

Чужой провал и грязное белье –

Вот лучшее для новостей сырье.

Дон Хенли. «Грязное белье»

– В выступлениях и интервью лидеры партии замечали, что их вдохновляет цепочка недавних хороших новостей, открывающих им определенные возможности, а именно: скандалы в Белом доме и на Уолл-Стрит, а также свара между телепроповедниками, которые в большинстве своем поддерживали на последних выборах кандидатов от республиканцев.

Сообщение с состоявшегося на прошлой неделе закрытого собрания Национального комитета Демократической партии в Санта-Фе

Это было на прошлой неделе, но теперь все по-другому. Река Стикс с тех пор трижды меняла

русло, и мир изменился. Джулиус Ирвинг ушел, вместе с Боевой Машиной Брэд-ли, Джимом и Тэмми Беккер, а также фаворитом Кентуккий-ских скачек Демонсом Бигонем, который пал прямо во время забега в Черчхилл-Даунс. Когда Демонса увозила кошмарная «лошадиная скорая помощь», из его носа текла кровь.

В последний раз что-то подобное случилось с лошастью на «Прикнессе», когда эффектная кобылка по кличке Рива Ридж свалилась прямо на дорожке и ее пришлось «ликвидировать» перед ста тысячами фанатов скачек и камерами 66 телеканалов.

Толпа сошла с ума от горя, когда безымянный черный конюх в белом комбинезоне вышел на дорожку и пустил огромную, в 240 гран, пулю 45 калибра ей в голову... Ее похоронили прямо на поле, большой кран выкопал ей могилу почти там же, где она упала, и тем мрачным вечером над Мэрилендом раздавались только стоны одиноких рожков.

Подполковник Оливер Норт (морская пехота) не слышал никакой унылой музыки, когда на прошлой неделе за ним приехал белый фургон, ничего не слышал и Гэри Харт. Они сдохли, как собаки, без достойного повода – по крайней мере, не было другой причины их гибели, кроме безумия.

Объяснить это невозможно. Судя по всему, Оливер Норт переехал в подвал Белого дома пять лет назад и там превратился в нечто худшее, чем сумасшедший доктор Франкенштейн. Он контролировал все, до чего только мог дотянуться, – от президента Израиля и секретных банковских счетов американской армии в Швейцарии, до ЦРУ, Джорджа Буша и домашнего телефона китайского министра обороны, – пока не связался с на редкость жестоким преступником по имени Карл «Шпиц» Ченнел, который несколько лет использовал Норта как богатого Иуду-пастыря и, в конце концов, сдал его.

Говорят, босс звал его Олли, и его счету на покрытие расходов позавидовал бы даже Джон Дилорин... но это тоже было на прошлой неделе, до того, как бывшие друзья предали его и заявили, что он всегда был душевнобольным преступником.

Сначала адмирал ВМС Джон Пойндекстер, потом Шпиц... А на следующей неделе Норта ждет предательство его старого приятеля, генерала Секорда (ВВС, в отставке), и бывшего советника по национальной безопасности Роберта Макфар-лейна, который не так давно пытался покончить жизнь самоубийством.

Секорд на этой неделе станет в Вашингтоне основным свидетелем, вторым будет Макфарлейн. Ченнел уже признал себя виновным в мошенничестве с налогами и назвал Олли своим соучастником.

С Гэри Хартом на прошлой неделе тоже случился припадок безумия, но другого сорта. Он очутился между молотом и наковальней: с одной стороны, его обвинили в бесчувственности, с другой – в том, что он сексуальный маньяк.

В большинстве штатов это очень серьезное обвинение. Избирателям не нравятся такие сложные противоречия. Как может мужчина казаться лишенным человеческих чувств, быть холодным на ощупь, как ящерица, и при этом постоянно сходить с ума от дикого и неукротимого вожделения? Никто со времен Калигулы не выделял таких фокусов. Может ли бывший сенатор Соединенных Штатов и нынешний вероятный фаворит на президентских выборах в самой могущественной державе на свете обладать лицом Авраама Линкольна и душой Джерри Ли Льюиса?

Такие вопросы среди президентских «спонсоров» не пользуются популярностью, а Гэри Харт со своими проблемами не слишком хорошо справляется. У него чувство юмора настоящего кальвиниста, а пятнадцать лет в тени Уоррена Бит-ти не прошли для него бесследно. Когда в Вашингтоне дело доходит до «женского вопроса», Харт показывает себя неумелым любителем. Четыре поколения Кеннеди бродили по Капитолийскому холму голые и безумные, как сатиры, а Уилбур Миллс валялся в грязи и вопил, как носорог, с главной стриптизершей Бостона по имени Фанни Фокс... Но никто не называл их извращенцами, и только немногие звонили в полицию.

Но Гэри Харт лишен удачливости такого типа. Он одновременно и проповедник, и адвокат – обладатель дипломов права и богословия Йельского университета. Это гремучая смесь, но она плохо подготовила его к событиям уикэнда.

Неделей раньше его арестовали в Лос-Анджелесе и содрали пятьдесят тысяч долларов, которые он собрал на торжественный обед. Это была классическая подстава, в большой политике к таким пора бы и привыкнуть, но Гэри принял все на свой счет и следующие десять дней оправдывался на первых страницах газет от побережья до побережья.

Это продолжалось, пока он снова не нашел свое имя в вечерних новостях – на этот раз в мрачной сексуальной истории. Воскресный выпуск «Miami Herald» на первой полосе обвинял его в иссту-

пленных сексуальных выходках в его вашингтонском доме на Капитолийском холме.

Этим утром «Нью-Йорк тайме» каким-то образом связала Гэри с дебильным рок-н-рольным культом в Аспене, созданным старым другом Харта, Доном Хенли... Вся команда Харта отреагировала бешеной волной праведного негодования. Менеджер избирательной компании Харта Билл Диксон обвинил «Gerald» в погоне за дешевой сенсацией. «Система, докатившаяся до засад в кустах, подглядывания в окна и персональных преследований, очевидно, безумна, — сказал он. — Те, кто освещает жизнь политиков, обязаны проявлять самообладание». Ну... может быть. Но последний политик, кто так говорил, был Спиро Агню, который кончил тем, что таскал ведра с мячиками для гольфа на дешевых муниципальных площадках для менеджеров «Курс бир», пока те обсуждали будущее компании.

У Гэри будущее светлее — если только он получит необходимую помощь. Старый друг Харта Джордж Макговерн предложил накачать его женскими гормонами, которыми лечат хронических насильников в тюрьме штата Аризона.

4 мая 1987 года

Калигула и семь гномов

— О! Где-то в этой благодатной стране светит ярко солнце;
Там играет оркестр, и у людей светло на сердце,
И там смеются люди, там кричат дети,
Но в Мадвилле было невесело — великий Кейси промахнулся.
Эрнест Лоуренс Тейер. Кейси на поле
КАЛИГУЛА И СЕМЬ ГНОМОВ

Демон зла, одержимый сексом, извращенец-ковбой-проповедник остался в прошлом... Гэри Харт вернулся в Колорадо, а его мощнейшая президентская кампания 1988 года лежит в дымящихся руинах, катастрофа страшнее, чем все, что происходило в Мадвилле.

У Кейси был неудачный вечер. Он промахнулся. Его оскорбляли. Фанаты плевали в него, и даже мальчик, таскающий биты, ударил Кейси по ноге, когда тот вернулся на скамейку.

И что? Стихотворение было впервые напечатано в «Examiner» 3 июня 1888 года, но там не сказано, что на следующий день Кейси вновь вышел на поле и при трех занятых базах отправил мяч триплом вдоль правой границы поля. Говорят, он потом жил счастливо, и женщины вились за ним хвостом.

Вот вам разница между бейсболом и большой политикой. Даже несчастный Кейси знал, что у него будет еще один шанс, и далеко не один. Его позор скоро забылся. В том сезоне он выбил 55 хоумранов и лидировал по триплам в «Негро-лиге».

Но когда на прошлой неделе Гэри Харт промахнулся, он понял, что погиб навсегда. Никогда в жизни он не выйдет больше на поле. В самой большой, быстрой и жестокой игре на свете не бывает следующих шансов.

Запрещенный прием может привести тебя в котлован, заполненный черепами и обожженными костями других исполинских неудачников — Джорджа Ромни, Герберта Гувера и безумного Уилбура Миллса.

Это мерзкая лига. Адольф Гитлер тоже там, рядом с Григорием Распутиным, адмиралом Того и Иди Амином... А теперь к ним присоединился Гэри Харт, по такому дикому поводу, что его невозможно объяснить.

Кто-то назвал случившееся сексуальным скандалом, кто-то — настоящим безумием. Самая интеллигентная президентская кампания от демократов со времен Джона Ф. Кеннеди в 1960 году рухнула огромным огненным метеоритом... И фаворит букмекерских контор, столь же сильный, как Ричард Никсон в 1972 году, неожиданно попался в паутину грязных слухов и был растоптан, как таракан.

Это произошло со страшной скоростью, словно большой корабль столкнулся с айсбергом и затонул так быстро, что даже спасательные лодки пошли на дно вместе с ним... Большая часть команды утонула вместе с капитаном и многими, многими пассажирами. Вчера вечером, когда над Денвером садилось солнце, прежде элегантные штаб-квартиры Харта на 16-й и Пайн стояли словно опустевшие, брошенные дредноуты, и в национальном сообществе азартных игроков было невесело.

В Вегасе не очень активно делают ставки на будущие выборы, но повсюду существуют группы башковитых ребят, которые относятся к этому очень серьезно. Хотя пока большинство ставок делается на состав списка кандидатов и их предварительные результаты, потенциальные выигрыши при ставках 50 к 1 или даже 77 к 1 на то, что псих вроде Линдона Лароша и Пьера Дюпона станет президентом, держат игроков в напряжении...

Но игроков могут и пнуть, как собак, без предупреждения и без видимой причины – что и случилось на прошлой неделе с теми, кто поставил на Гэри Харта. На ранних сроках Харт считался фаворитом, на него ставили 8 к 1, и тут он неожиданно взорвался, как «Челленджер», и исчез.

Игроки остались в полном замешательстве. Харт шел настолько впереди всех демократов, что его отречение оставило гонку 88-го до Белого дома в страхе и смятении.

Пока Ворон не каркнул по Харту, «Wall Street Journal» называл кампанию демократов «возвращением Белоснежки и семерых гномов»... Гэри шел на 55 пунктов впереди всех, кроме Джесси Джексона, с которым всюду шли переговоры.

Джексон и Харт организовали негласный союз во время кампании 84-го и были готовы заключить его и в 1988-м. За три дня до того, как бомба угодила в Гэри, Джесси и менеджер предвыборной кампании Харта Билл Диксон приватно встречались в Санта-Фе и договорились делиться знаниями, талантливыми сотрудниками и, может, даже 15-процентной долей депутатов, которую, по мнению Диксона, Джесси возьмет во время съезда следующим летом.

Теперь эта сделка выглядит дурацкой шуткой, и новые цифры показывают, что Джексон поднялся с 15 процентов до 20. «В супервторник Джесси может выиграть 9 штатов, – говорит Диксон. – Гэри был его единственным соперником на Юге».

Только безумец будет сейчас делать ставки на демократическую гонку. Игра изменилась, а до первого съезда в Айове осталось 10 месяцев.

Для политики это много, но шансы демократов вряд ли изменятся до рождества. Семь гномов баллотировались на пост вице-президента, а теперь они, скорее всего, поделят голоса на семерых.

Джефард, скорее всего, выиграет Айову – только потому, что проводил там 75 процентов уикэндов, давил присутствием, а Дукакис уверенно ведет в Нью-Гемпшире, Массачусетсе и Мэне... А вот дальше все неясно. Байден победит в родном городе, Делавэре, а Бэббит уверенно возьмет Аризону и, возможно, три других западных штата.

Скорее всего к началу супервторника никто из них не выиграет больше одного предварительного голосования... Тогда в голосовании примут участие 11 южных штатов, включая такие крупные, как Техас, Флорида и Джорджия.

На волне предварительных побед в Айове и Нью-Гемпшире Гэри Харт был бы блокирующим фаворитом на супервторнике – но времена изменились, и сейчас лучшее пари – что на выборах по Югу победит сенатор Сэм Нанн, парень из Джорджии, который часто появлялся на телевидении как участник дела «Иран-контрас».

Но одного Юга недостаточно; никто не отправится в Атланту бороться за выдвижение. 1988 год может принести нам тупиковый и торгующийся съезд, первый с 1952 года, когда Аик напал из засады на Тафта.

Теперь, когда Харт и Тед Кеннеди вышли из игры, единственной серьезной фигурой остался губернатор Нью-Йорка Марио Комо, который может оказаться перспективной темной лошадкой. Комо может залечь на дно еще как минимум на полгода, потом в последний момент выскочить и выиграть Нью-Йорк, Нью-Джерси и Калифорнию одновременно, а потом получить большинство голосов на съезде.

Он – почти единственная надежда демократов победить коррумпированного обывателя Джорджа Буша – у которого до последней недели не было и тени надежды на победу.

11 мая 1987 года

Старая ксерокопия

Дорогой Дэвид,

Забудь про огромный огненный шар мудрости, который, как я уже рассказывал, снизошел на «Мак»... (да, старый добрый «Мак»; он с нами уже 91 неделю подряд, и я до сих пор люблю ощущение от работы на нем, люблю, как он реагирует. Это словно магия... старый добрый «Мак»...)

Ладно, отложи пока мудрость. Мы доберемся до нее на следующей неделе, если только я попаду в Вашингтон, – что может произойти не так скоро, как мы думали: секретные службы следят за мной на обоих побережьях из-за заговора с целью убить Джорджа Буша. Спецагент в Денвере сообщил по телефону, что если я только подумаю появиться в Вашингтоне, предварительно не договорившись с ним, моя жизнь может превратиться в серию кошмарных недоразумений.

Завтра я должен встретиться с ним лично в «Холидей Инн». Он едет из Денвера в фургоне с клеткой позади водительского сиденья и, возможно, захочет забрать меня с собой.

Я предупреждал тебя насчет Буша. Он – зло, гораздо худшее, чем мы думали.

Джордж может войти в историю как самый мерзкий яппи всех времен и народов. Он снова лидирует в президентской гонке-88.

Билл Кейси мертв. Секорд сломлен, а Макфарлейн сошел с ума. Норт обречен, как, впрочем, и Пойндекстер, и, возможно, Датч.

Почему бы и нет? Пусть убирается прочь. Он перестал быть частью решения. Скажи этой женщине1 (1Нэнси Рейган), чтобы забрала его обратно в Калифорнию, туда, откуда он вышел... Он мне все равно никогда не нравился.

Примерно так думает Джордж Буш, Дэвид. У него очень рациональное мышление, как у Альберта Шпеера, – и, как Шпеер, он действительно верит, что его сердце работает правильно.

В самом деле... но это другая история, и мы обсудим ее в другой раз. До полудня мне надо встретиться с агентом в «Холидей Инн».

Между тем есть одна штука, которую я хочу подкинуть тебе для размышлений. Я нашел ее на столе пресс-релизов в пресс-центре во время Уотергейтских слушаний в 1974 году. Как и все остальные документы, это ксерокопия, но ее отличает мрачная простота, почти сияющая ясность.

Это частичная расшифровка телефонного звонка между Джоном Эрлихманом, в то время курировавшим все внутренние дела в Белом доме, и вторым по могуществу политиком в Америке – калифорнийцем Гербертом Калмбахом, личным адвокатом президента. Читай и плачь.

Э: Эрлихман.

К: Калмба.

Э: Привет, как дела?

К: Более или менее. Мне назначено на завтра на два.

Э: Где – в жюри или у федерального прокурора?

К: В жюри, мне назначено на сегодня в 5:30 у Сильвера.

Э: Вот как?

К: Да. Я просто хотел пробежаться по некоторым вопросам, как мы и договорились. Я был здесь вчера вечером, и мне звонил О'Брайен.

Э: Он сказал тебе насчет Дина?

К: Нет.

Э: Дин решил сотрудничать с Федеральным Прокурором в надежде получить неприкосновенность.

К: А подробнее?

Э: Он спустил всех собак на меня и Боба... по его версии, он был пешкой. Что касается тебя, то Дин сказал, что мои переговоры с ним, относящиеся к тебе, – единственный во-прос, по которому мне придется отвечать в этом деле. Я сказал: Джон, Господи, о чем ты говоришь? Он сказал: да, я пришел к тебе от Митчелла и сказал, что Митчеллу нужны деньги; можем ли мы позвонить Гербу Калмбаху и попросить его собрать некоторую сумму. Я сказал, и Дин тоже сказал, и ты ответил «да».

К: Знаешь, когда мы обсуждали это, Джон отдал мне распоряжение, и я пришел спросить тебя, Джон, должен ли я принять это назначение? Ты сказал: «Да, это на время, потом двигайся дальше». Тогда это было все, что мне надо, чтобы убедиться, что я не подвергаю свою семью риску... И я тогда решил, что мы с тобой полностью понимаем друг друга.

Э: Это естественно, Герб, я никогда преднамеренно не поставил бы тебя в затруднительное положение.

К: Да. И когда мы разговаривали, ты знал, что я собираюсь сделать, знаешь – пойти и достать бабки на это дело; это было по-человечески.

Э: Это был страховой фонд.

К: Боже, если бы я мог доказать, что все это предназначалось только для гуманных целей, и все!

Э: Да, но дело в том, что я, конечно, никогда не сообщал тебе, что я постоянно действовал на основании того, что говорил мне Дин.

К: Да. Это не было противозаконно... Но я просто не могу поверить, что ты, Боб и президент – слишком хорошие друзья, чтобы поставить меня в такое положение, когда мне придется рисковать собственной семьей.

Э: Да, и я не буду втягивать президента в это, если ты сможешь решить вопрос.

К: Ой, нет, я не смогу.

Э: Да... Ну, что касается правомерности того, чем мы занимались, думаю, мы оба полностью полагались на Дина. Я не делал независимой оценки. Думаю, Боб тоже.

К: Я тоже ее не делал, и у меня просто ощущение, Джои, что я не знаю, можно ли полагаться, вот.

Э: На кого, на Дина?

К: Нет, я имею в виду, собираются ли они сказать, ну, Герб, ты должен был знать...

Э: Я не представляю, как ты мог бы узнать. Ты не навел никаких справок.

К: Никогда. Я спрашивал только у тебя, Джон, после разговора с Джоном Дином.

Э: И ты выяснил, что я не знал всего дьявольского расклада.

К: Ты сказал, что я должен это сделать, и что...

Э: Да. И сказал я это не на основании собственных изысканий, а на основании того, как все было мне представлено.

К: ...Могу я прийти к тебе завтра перед тем, как идти к ним в два?

Э: Если хочешь. Они потом тебя спросят.

К: Точно?

Э: Обязательно.

К: Да, пожалуй, не стоит.

Э: Они спросят, с кем ты обсуждал свое заявление, и я буду благодарен тебе, если ты скажешь, что говорил со мной в Калифорнии, потому что тогда я как раз расследовал это дело для президента.

К: А не сейчас?

Э: Ну, я не хочу просить тебя врать...

18 мая 1987 года

Время маньяков

На прошлой неделе республиканцы устроили демарш. Джордж Буш заплатил налоги, Боб Доул заявил, что Буш – второкурсник-обыватель, а Джек Кемп отправился в Саванну гулять с людьми, которые пригодятся ему на супервторнике... и там же оказался порочный евангелист Пэт Робертсон.

«Великая старая партия» долго сидела в окопах. За грехи всех этих полубезумных продажных неонацистов – начиная с Олли Норта и Айвена Боески и кончая Джерри Фолуэллом и кошмарным вырождаком Джимом Беккером -- ее бичевали все, кому не лень. И республиканцам стало казаться, что окружающий мир похож на мрачную пещеру летучих мышей где-нибудь в Антарктиде... Конгресс был в смятении, генералов взяли в оборот, проповедники сошли с ума, а президенту светили тюрьма, позор и импичмент.

Датч уверял, что все это ерунда, но многие умные парни думали по-другому. Дело «Иран-контрас» обернулось огромным позором; японцы печатали в Теннесси доллары; боевая машина Брэдли оказалась бесполезным вложением 55 миллиардов, и, возможно, самым плохим приобретением армии США; ВМС продемонстрировали свою беспомощность; иранские террористы ночами бродили по залам Белого дома, а кое-кто из ближайших советников президента, друзей старых добрых времен, готовился получить срок за мошенничество и воровство.

Эд Миз опять оказался под следствием – на этот раз по обвинению во взяточничестве, преступном сговоре и мошенничестве. Министерству юстиции США – которым Миз управлял, будучи генеральным прокурором, – снова пришлось собирать то, что называется «независимым советом», чтобы расследовать причастность Большого Эдда к «крупному скандалу в связи с политической коррупцией».

Ну... Доколе, Господи, доколе? В последний раз, когда Миз попадал под следствие, он работал в Белом доме главным советником президента и вроде бы продавал низшие правительственные долж-

ности любому богатому калифорнийскому республиканцу, который мог одолжить ему денег.

Миз шел к месту в Верховном суде США – как раз к должности генпрокурора – и ему целый год пришлось отмываться от этих обвинений. По крайней мере, до такого состояния, чтобы ему разрешили взять под контроль все Министерство юстиции США. Его утверждение в Сенате заставило бы сгореть от стыда даже Айвена Боески, но Миз так ничего и не заметил. Все, к чему он стремился, по его словам – рента и достаточно власти, чтобы засадить за решетку своих врагов. В конце концов Сенат утвердил его на должности генпрокурора США большинством в три голоса, и Большой Эд продолжил свой путь.

Майкл Дивер еще управлял Белым домом, и Датч не мог ошибаться... Но то время миновало вместе с Дивером, и Кей-си, и Нофzigerом, и большинством других больших людей.

Света в конце туннеля не видно. Все классические боги республиканцев – армия, церковь и банки – принародно всплывают пузом вверх. «Челленджер» взорвался, Терри Уэйт исчез, Джеймс Лофтон арестован за содомию, рейгоно-мика на деле оказалась низкодоходцрй «вуду-экономикой», как назвал ее Джордж Буш еще в 1980 году, и даже секс несет с собой кошмары... Президент оказался дураком, дождь насыщен кислотой, а возлюбленная Сигма Чи больна СПИДом.

И в этой кошмарной неразберихе шествует безумный ковбой-священник Гэри Хартпенс, посидевший и в Сенате США и в Церкви Назаретян – один из самых успешных политиков последнего времени.

– Гэри был самым ожидаемым президентом, больше мы такого не увидим, – сказал бывший менеджер предвыборной кампании Харта Билл Диксон, уезжая из города на старом «мерседесе 280».

– Хочешь знать, что на самом деле произошло? – огрызнулся он. – Давай я расскажу тебе действительно отличную историю.

– Почему бы и нет? – отозвался я.

– Ну ладно, – сказал он. – Вот как все было. «Miami Gerald» – это несерьезно. Они всего-навсего перепечатывали слухи... Пугали нас возможные показания по бракоразводному процессу Джоуи Тайдингса. Помнишь Тайдингса? Сенатора из Мэриленда? Парня, который пытался прикрыть НСА1 (1Национальная стрелковая ассоциация), оружейное лобби?

Я помнил, ну и что?

– Ну, так, – сказал он. – Джоуи Тайдингс разводился с женой и думал, что Гэри спит с ней. Она хотела семь миллионов долларов, а он предложил ей три... Но она не согласилась, и он нанял частных сыщиков следить за ней. Еще он следил за Гэри – днем и ночью – везде, несколько месяцев.

Он так и не поймал их, но его шпики видели Гэри с семьей другими женщинами, и они были готовы предать это огласке. Нас ждало кое-что похуже, чем дневники маркиза де Сада с фотографиями.

На следующий день Диксон уехал, но по дороге в аэропорт он прикупил «National Inquirer», который разъяснял это дело с предельной ясностью. Там была только одна фотография Харта, долбящего по маримбе, и выглядел тот безумнее, чем Джерри Ли Льюис... и больше нечего сказать. Харт был безумнее, чем шесть негодяев.

Тем временем все республиканские кандидаты, кроме Буша, отправились в Саванну давить на людей, выбивать деньги и клясться, что они, в отличие от Гэри Харта, – не прелюбодеи... В этой сфере Джордж казался неуязвимым, как, впрочем, и в других темных областях. Он казался неуязвимым всем, кроме психа по имени полковник Даттон, который должен был на этой неделе выступать в Вашингтоне свидетелем по делу «Иран-контрас».

Это звучало зловеще, но никого из пацанов не волновало. Даттона считали человеком компании со своими тараканами в голове, но ничего настолько клинического сумасшедшего, чтобы он выдал что-нибудь серьезное... Говорили, он по всем статьям был совершенно неприметный; неотличим от любого другого уволенного подполковника ВВС, не считая упорных слухов, что первый год службы он провел в гражданской одежде – как единственная живая связь между заговорщиками «Иран-контрас» и небезызвестным яппи Джорджем Бушем... Говорили, что только Даттон спрятал достаточно камней в носок, чтобы прибить вице-президента Буша к одному кресту с настоящими преступниками – Нортон, генералом Секордом, адмиралом Пойндекстером и сержантом морской пехоты Клейтоном Лоунтри.

Даттон – еще один из прытких воров-полковников, которые в той или иной степени работали на обреченного и разжалованного подполковника Оливера Норта, известного в Белом доме как «Олли».

Вероятно, на этой неделе Даттон окажется на месте свидетеля – под присягой и с полным им-

мунитетом – и его показания определяют будущее вице-президента Буша и всей Республиканской партии на следующее десятилетие.

25 мая 1987 года

Озверевший и безумный парень

– Пока проповедники талдычат о страшных несчастьях,
Учителя учат, что знания ждут,
Тюрьма ведет к пачкам сотен долларов,
Богиня прячется за ее воротами,
Но даже президент Соединенных Штатов
Должен иногда стоять обнаженным.
Боб Дилан

На прошлой неделе они отрывались в Адмиральском доме. Соседи по Эмбасси-роу пытались не обращать внимания на дикие крики и грубую барабанную музыку столько, сколько могли выдержать, как они говорят, – но в конце концов им пришлось вызвать патрульную машину секретной службы, чтобы справиться с беспорядками...

Это, прежде всего, официальная резиденция вице-президента Джорджа Буша, которому не свойственно предаваться оргиям и после полуночи врубать на полную тупое буги.

«Я думала, что он мертв, – сказала жена европейского дипломата, живущая напротив. – Они всегда были тихими людьми, – сказала она. – Я видела женщину, которая время от времени бродила по саду, но она никогда не делала ничего подозрительного... Мистер Буш часто летал на вертолетах, по его участку часто ходили странные люди, но в Вашингтоне к этому быстро привыкаешь...»

«Шум был невыносимый, – сказал сосед-швед. – Они кричали и жгли костры на газоне. Некоторые женщины разделись догола. Шум стоял ужасный. Они все были пьяны».

Вечеринка затянулась на всю ночь. Подъездная дорожка была забита лимузинами и грузовиками «National Inquirer», доставившими пачки выпуска от 2 июня с бывшим лидером от демократов Гэри Хартом на обложке.

Харт уже снял свою кандидатуру с предвыборной гонки после кошмарного скандала из-за секса и виски, который свел его шансы к нулю и оставил Демократическую партию в смятении. Харт был уверенным лидером, превосходящим всех кандидатов от обеих партий. По замерам в Вашингтоне он выигрывал у Буша с разрывом в 20 процентов. Умные деньги уже отдали ему гонку 88-го. «А он повел себя, как полный кретин», – сказал один профессиональный политик.

И правда. За пять-шесть ужасных часов передовицы каждой газеты в стране провозгласили Харта идиотом и сексуальным маньяком. Даже «National Inquirer» напечатал цветное фото на разворот, где Харт с глазами опасного алкоголика гулял по Бимини¹ (1Один из Багамских островов) с двумя девками из Майами.

Народ содрогнулся, и показатели зимней гонки 88-го исчезли, словно дым... Это стало разгромом демократов – и началом новой жизни Джорджа Буша.

Демократы снова вляпались. Согласно национальному регистру избирателей, они все еще «партия большинства», но последние 20 лет они двигались от одного безумного поражения к другому, и проиграли четыре из пяти последних выборов. «Вьетнамская война уничтожила демократов, – сказал бывший специалист по опросам общественного мнения Белого дома Патрик Кэделл. – Последним нашим легитимным победителем был Джон Ф. Кеннеди в 1960 году. Джонсон был случайностью, а Картер – везением».

Кэделл сидел над обрывом берега моря в Санта-Барбаре, в тени «Небесного ранчо» Рональда Рейгана, высоко на прибрежной скале. Он размышлял над пачкой компьютерных распечаток и секретными данными по выборам, которые услужливо выплевывал компьютер «Эппл». Кэделл был сильно пьян.

Его глаза слезились, как надрезы на грейпфруте, а голос превратился в шипение.

– Забудь это безумие вокруг Гэри, – просипел он. – Он никогда бы не выиграл... по моей информации, мы не выиграем выборы еще 66 лет. Мы могли бы выиграть, только если бы Томас Джефферсон был в списках. Я лучше буду работать на вигов.

Кэделл присел к пальме и швырнул мне тяжелый том, набитый цифрами.

– Вот, – сказал он. – Прочитай. Все еще хуже, чем мы думали. Зря мы влезли в это дело. Надо было идти работать на

Айвена Боески.

Это был чудовищный документ, 75 страниц мрака и разбитых надежд:

- Начиная с 1968 года, республиканцы выиграли четыре из пяти президентских выборов, три – полная победа.

- 23 штата с 202 из 270 избирательных голосов, необходимых для победы, голосовали за республиканцев все пять выборов.

- Напротив, демократы в 0 штатов выиграли пять раз подряд, удерживая только почти полностью черный округ Колумбия – с гигантской суммой в три голоса – все пять выборов.

- Учитывая штаты, где они выиграли четыре раза из пяти, избирательная база, республиканцев увеличивается до 36 штатов с 354 избирательными голосами – на 84 больше, чем необходимо для победы.

- Напротив, у демократов к округу Колумбия прибавляется только Миннесота, и база выходит в 13 избирательных голосов. При этом единственный раз, когда Миннесота голосовала общим списком, штат проголосовал за республиканцев.

- Если собрать вместе все голоса народа со всех пяти выборов, республиканцы выигрывают у демократов с разрывом от 42 до 53 процентов – или в сумме более 40 миллионов голосов.

- Республиканцы набрали больше 50 процентов голосов на каждом из пяти выборов в 40 штатах.

- Только три штата отдали демократам больше 50 процентов – при этом только девять штатов дали демократам больше 45 процентов голосов.

- Взглянем с другой стороны. 25-й в списке республиканских штатов по среднему народному голосу, Индиана, дала республиканским кандидатам по среднему голосу больше, чем дал любой демократический штат кандидатам-демократам.

- В десятом в списке демократических штатов, Висконсине, из пяти выборов только один раз выиграл кандидат-демократ – и то с перевесом в 2 процента.

- 11-й и 12-й демократические штаты, Мэн и Мичиган, проиграны в последних четырех выборах подряд. 13-й демократический штат, Иллинойс, проигран во всех пяти выборах.

- До 1980 года две главные демократические группы населения, кроме черных, на которых могли полагаться демократы, – мужчины и молодые избиратели. В 1980 году Рейган выиграл мужчин с разрывом в три раза большим, чем среди женщин. В 1984 году молодые избиратели превратились из лучшей группы демократов в худшую. В 1984 году Рейган получил голоса 71 процента белых мужчин в возрасте до 30 лет.

Кошмарные цифры шли одна за другой, доказывая, что именно Джордж Буш был прав с самого начала и он будет у руля до 2000 года...

1 июня 1987 года

Выбор Олли

– Дело не в том, чтобы совершить геройский поступок и пройти серьезное испытание; это деловая ситуация, и она должна восприниматься именно так.

Альберт Хаким, торговец оружием в США

– Если уж мне дали 52 года за то, что я сделал, Олли Норт должен получить 300.

Эдвин П. Уилсон, бывший агент ЦРУ

Первый этап дела «Иран-контрас» завершен. Они тянули резину пять недель, не продемонстрировав за это время ни мудрости, ни черных шкур на стене. Линдон Джонсон уже развешал бы минимум половину этих продажных дурней на телефонных столбах Пенсильвания-авеню только за то, что они поставили его в идиотское положение.

Джонсон скорее отправился бы на ферму при тюрьме Перчман, чем попытался бы обойти уголовный приговор, разыгрывая дебильность и принародно хихикая, как чокнутая старуха... А Ричард Никсон пытался уничтожить каждое человеческое существо, которое хотя бы улыбнулось ему не так, как следует. Последний президент, который не обращал внимания на публичные насмешки и обвинения, что он дурень хуже Альфреда Э. Неймана, был злополучный Уоррен Хардинг, безразличный ко

всему, кроме покера, ржаного виски и баб.

А до Хардинга был Улисс Г. Грант, которого изводила косоглазая жена с мозгами Тэмми Беккер и ужасной жадой известности. Миссис Грант хотела, чтобы вокруг нее постоянно вились фотографии, но, позируя, отказывалась показывать лицо... Юлиссис скалил зубы ипил по-черному, а между тем его главный помощник расхищал казну и обзывал его пьяным придурком.

Это очень поучительные истории. Дело «Иран-контрас» продолжится на следующей неделе, и Рональда Рейгана снова выставят обманутым простофилей, который подписывает все, что перед ним кладут... Но на этот раз будет кое-что новое: хотя бы кто-нибудь из овального кабинета для разнообразия посмотрит слушания по телевизору.

Показания будут давать, как обычно, медленно и ужасно, но они будут хотя бы немного по делу. Это большое дело, вовлекающее в себя больших политиков с большими амбициями, – и открытое воспоминание об Уотергейте, когда весь мир ждал приговоров.

До сих пор это не было основной чертой дела «Иран-контрас». Пресса уже кричит об «открытом процессе» и «оправдании». Перед нам – не довольное позирование героев Уо-тергейта, таких как конгрессмен Питер Родино и сенатор Дэ-ниэл Иноуйи, которые бросились на бастионы и свалили преступное правительство.

Ричард Никсон был «не преступником», по его словам, а Спиро Агню клялся, что никогда «не признает себя виновным». Но они оба бежали из Вашингтона, как отравленные крысы, а многие из тех, кто звал их «Босс», отправились в тюрьму.

Нынешнее расследование еще не достигло этой стадии, но обязательно ее достигнет. Обвинения слишком серьезны, и на позиции выкатили слишком мощную артиллерию, чтобы теперь дать делу со взхлипом умереть... Нет, взрыв должен произойти, головы должны полететь, и если стулья позора еще стоят пустые, долго они пустыми не останутся. Виновных скоро схватят и уничтожат, как вонючих животных.

Подполковник морской пехоты США Оливер Норт, может, и не получит 300 лет – даже если Эд Уилсон и прав, – но он слишком виновен, и это слишком очевидно, чтобы он ушел без своих законных 25-30. Значит, он отсидит как минимум три года – если только ему в голову не придет хорошая идея, например, сдать кого-нибудь покрупнее.

Что же... Перед Олли стоит мерзкий выбор: он может стать или Джоном Дином этого скандала, или Г. Гордоном Лидди... Но в любом случае скоро он станет богатым и известным: его увидят с Донной Райе, а Робин Лич будет на него жаловаться. Единственные, кто может серьезно пострадать в таких делах – мелкая сошка, бедные простофили вроде Фон Холл и психованного «Крошки» Макфарлейна, которые считают, что «просто служат президенту».

Однако. Они все служили президенту, и они признали Олли Норта его глашатаем, «идеальным шефом», который работал всю ночь, тратил миллион долларов в день и носил в заднем кармане брюк сверхсекретный коммуникатор «KL-43».

Черт побери, да! Им нравилось работать на Олли. А кому бы не понравилось? Время от времени он ударом сбивал с пальмы орехи, просто для практики, а потом посылал эти орехи аятолле... Олли был мастером, говорили они, настоящим патриотом.

И еще он был честным, говорили они. Невероятно! Этот человек никогда не воровал – не считая двухсот долларов, которые как-то раз взял, чтобы купить себе зимние покрышки на заправке к югу от Арлингтона.

Поэтому-то Олли Норт и сядет в тюрьму. Не потому, что слишком любил свою страну, а потому, что поставил на свою машину покрышки по пятьдесят долларов... Так поступают только дураки. Вот человек, который мог разгуливать, как Джеймс Бонд, по вестибюлю любого швейцарского банка и офисам «Меррил-Линч» между Лондоном и Гонконгом, а он купил в Вашингтоне дешевые протекторы для собственной машины.

Норту достанется: 30 лет за сговор и препятствие правосудию.

Фон Холл виновна в тех же преступлениях, но она получила иммунитет и не будет арестована ни за что из того, что говорила по телевизору, – даже за оргию уничтожения бумаг, которую они с Олли устроили, когда позвонил Эд Миз и сказал, что игра вот-вот окончится. Теперь она станет хорошо оплачиваемым организатором выступлений в кампании Буша в 1988 году.

И Ричард Секорд, и Хаким получают сроки – скорее всего лет по 15-16 на брата, и обоих, мечтающих поделить те 8 миллионов чистой прибыли, которые ждут их в швейцарском банке, выпустят

через года два.

Макфарлейн в тюрьму не пойдет. Он останется под наблюдением психиатров и так никогда и не осознает весь ужас преступлений, которые регулярно совершал в тумане выпивки и валиума.

Кейси получит 600 лет заочно. Кейси никогда не будет свидетельствовать против кого-либо и сойдет в могилу, зная обо всех преступлениях больше всех, за исключением Олли Норта.

Миз сядет. Он был объектом слишком многих федеральных расследований по куче дурацких причин. Остались только Рейган и Буш – и если Олли Норт не хочет попасть в тюрьму, ему придется сдать одного из них. Рейган может выйти из игры, но Буш – нет. Он – будущее партии, в то время как Рейган – прошлое. Оливеру Норт, как говорят мальчики у Дюка Зиберта, придется сделать выбор.

16 июня 1987 года

Теория стекания

С Рональдом Рейганом скоро будет покончено: он стал еще одной классической жертвой принципа Питера и проклятия, висящего над Белым домом. Прошло немало времени с тех пор, как кто-нибудь выходил оттуда живым – или хотя бы достаточно живым для чего-нибудь, кроме многодолларовых приглашений на выступления и случайных фотосессий.

Есть очень редкая фотография, сделанная на похоронах убитого президента Египта Анвара Садата: четыре живых президента Америки стоят в слотом фокусе 35-миллиметрового кадра – Ричард Никсон, Джимми Картер, Джеральд Форд и Рональд Рейган.

Троих из четырех уже выгнали из Белого дома с позором или поражением, или и тем, и другим, а четвертый пока готовится. Шансы против того, что Рейган досидит 19 месяцев до конца второго срока, поднялись до 13 к 1 и еще растут...

На этой неделе на государственных волнах отзовется «Иран-контрас», дела в Вашингтоне пойдут плохо: следователи из комитета Конгресса уже выступили с долгожданным меморандумом, содержащим очевидные улики, которые дискредитируют Рональда Рейгана в глазах общественности настолько, что приведут к импичменту.

Мы снова видим подполковника морской пехоты Оливера Норта, руководившего всей операцией. Норт людям из Белого дома разослал множество секретных меморандумов, но он пытался уничтожить их большую часть, когда его предупредил уже и так запятанный генеральный прокурор Эд Миз, что «большой аэростат» вот-вот взлетит...

Мудрый Миз каким-то образом ухитрился дать Норт почти 48 часов на уничтожение улик – но даже при этом ему не хватило времени, и Норт недопонимал деструктивную функцию своего компьютера, чтобы грамотно уничтожить все, что он туда ввел... А когда более умные люди написали нужный набор восстановительных команд, принтер начал изрыгать полный комплект темных дел и криминальной тарабарщины, вытащенный из редко используемого чипа памяти глубоко в потрохах машины.

Много из восстановленного оказалось в опубликованном отчете комиссии Тауэра, своеобразном внутреннем расследовании, второпях организованном Белым домом. Там был полный набор – от постоянных жалоб Норта на недосып до меморандума Норт от бывшего советника по национальной безопасности «Крошки» Макфарлейна, гласившего: «Если бы народ Америки знал, какой ты герой, они бы провозгласили тебя госсекретарем».

Норт этому верил, и это стало причиной всех бед. Его уже называли «великим героем Америки» и президент Рейган и бывший начальник отдела по связям с общественностью Белого дома Патрик Бьюкенен, безжалостный правый фанатик, внезапно ушедший в отставку, как только началась эта история, чтобы участвовать в президентских выборах в паре с Александром Хейгом или Линдоном Ларошем.

Наследство Рональда Рейгана будет не таким, как у остальных персонажей с той известной египетской фотографии... Ричард Никсон был преступником, Джеральд Форд – бесстыжим махинатором, а Джимми Картер – полным растяпой, который придал когда-то гордым политическим ценностям вроде «благопристойности» и «честности» дурное звучание.

Но все это мелочи по сравнению с ужасным позором и полупреступными ошибками, которые Рональд Рейган собирает оставить в биографиях и воспоминаниях жалкого поколения восьмидесятых, которое, как он считал, он ведет и вдохновляет (при том что говорил репортеру из журнала

«People»: «Это поколение может увидеть Армагеддон»).

В периоды стресса Датч всегда отступал к своей широко известной вере в Библию – и особенно в «Откровение», которое он цитировал с той же бездумной одержимостью, что охватывала Джимми Картера, когда тот цитировал Боба Ди-лана, или сияла в поклонении Ричарда Никсона Винсу Ломбарди.

«Откровение», однако, – совсем другое дело. Может, это самый суровый текст, написанный человеческой рукой:

«И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя».

Какого еще американского президента – начиная от коррупции Гранта и Хардинга и кончая суровым судом военного времени Рузвельта и Трумэна – биографы осудят за что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее обвинение, что он оставил целое поколение в убеждении, что единственная вещь в природе, более ядовитая, чем дождь, – это возможность контакта с человеческой кровью, независимо от причины?

Между СПИДом и кислотными дождями осталось не так много того, что Скотт Фицджеральд в последних строках «Великого Гэтсби» называл «нетронутое зеленое лоно нового мира». Это одни из самых чистых, высоких и ясных слов, написанных о настоящей красоте того, что только начинали тогда именовать Американской мечтой, и обо всех ее волшебных возможностях...

Давайте посмотрим, как пишут великие. Шаг назад.

«И по мере того, как луна поднималась все выше, стирая очертания ненужных построек, я прозревал древний остров, возникший некогда перед взором голландских моряков, нетронутое зеленое лоно нового мира. Шелест его деревьев, тех, что потом исчезли, уступив место дому Гэтсби, был некогда музыкой последней и величайшей человеческой мечты; должно быть, на один короткий очарованный миг человек затаил дыхание перед новым континентом, невольно поддавшись красоте зрелища, которого он не понимал и не искал, – ведь история в последний раз поставила его лицом к лицу с чем-то соизмеримым с заложенной в нем способности к восхищению»¹ (1Перевод Е. Калашниковой).

Эти строки никогда бы не появились, если бы Дэзи была гасителем СПИДа, а в затерянный бассейн Гэтсби с каждым дождем попадала бы отравленная вода.

Дети Рейгана должны им гордиться. После СПИДа и кислотного дождя этим обманутым детям восьмидесятых остаюсь не так много возможностей в жизни и любви. Помимо огромного и крайне запутанного государственного долга и шокирующего осознания того, что твоя страна соскальзывает к статусу второсортной державы и что в Токио на пять американских долларов едва ли купишь чашку кофе, этих несчастных и никчемных ребят каждый день мучает знание, то секс – это смерть, и дождь убивает рыбу, и каждый политик, которого они видят по телевизору, – лжец и дурак.

22 июня 1987 года

Еще 4 года

– Оно снова явилось. Разрасталось во мне как опухоль, росло из меня, как вторая голова, было неотторжимо от меня, хотя не могло быть моей частью – а такое большое. Как огромный мертвый зверь, который раньше, живьем, был рукой моей или ногою. И моя кровь обращалась во мне и в нем как в одном общем теле. И сердце мое с невероятным усилием проталкивало кровь в Большое. И уже не хватало крови. И она нехотя втекала в Большое и возвращалась больная, отравленная. А Большое вспухало, взбухало на моем лице как горячая синяя шишка, росло изо рта, и тень от его края уже легла на мой уцелевший глаз¹ (1Отрывок из романа «Записки Мальте Лауридса Бригге». Перевод Е. Суриц).

Райнер Мария Рильке.

Из книги «Шизофрения: книга в помощь врачам, пациентам и членам их семей»

Согласно отчету за 1978 год ныне распущенной Комиссии по психическому здоровью при президенте, отчету, который был списан в утиль сразу после выхода в свет, «в Америке столько же шизофреников, сколько людей живет в Орегоне, Миссисипи и Канзасе или в Вайоминге, Вермонте, Делавэре и на Гавайях вместе взятых».

Это было приблизительно десять лет назад, и цифры с тех пор только растут. С тех пор, как в

Белом доме обосновался Рейган, там мало говорят о психическом здоровье, но, по исследованиям Национального комитета Демократической партии, количество шизофреников, свободно расхаживающих сегодня по улицам, больше, чем население Флориды, Огайо и Техаса.

По расчетам НКД, ни один из этих штатов не является демократическим, кроме разве Гавайев, и это, скорее всего, изменится, если партия выдвинет сегодняшнего лидера – его преподобие Джесси Джексона из Чикаго и Гринвилля, Южная Каролина.

Джексон – черный, и страна к этому не готова. Даже в Хило... Для партии, дела которой и так идут неважно, это большая проблема. За последние пять выборов демократы проиграли совокупные голоса избирателей с ужасающей процентной разницей 77 к 21 ... и это при том, что они выдвигали белых.

Американская политика – сильно устаревший вид спорта, и все свидетельствует о том, что черный станет президентом США только тогда, когда Орл Роберте умрет и «возродится», как он клянется, «чтобы править миром вместе с Иисусом».

Телевидение меняет наше восприятие, но пока еще не слишком. Если бы Уоррен Хардинг «возродился» сегодня, с высокотехнологичной организацией, он скорее всего получил бы 44 штата и назначил бы четырех судей в Верховный суд.

Никсон назначил четырех, и Рейган назначит еще четырех до тех пор, пока полипы не сведут его в могилу, – и это определит сущность суда до конца нашего поколения.

Джимми Картер, так уж получилось, не делал назначений в Верховный суд. Он берег этот ход на свой второй срок, по договоренности с людьми, которые с ним работали.

Джимми ушел, как, впрочем, и Гэри Харт... Обоих подвели страсти и безумие. Харт, еще шесть недель назад – лидер демократов, заработал славу сексуального маньяка, который пил пиво по утрам и хотел распустить весь ВМС США, – но его дела шли нормально, до тех пор пока он не появился на обложке «National Inquirer» в тоненькой повязке на чреслах и с глазами, как раздавленные виноградины.

Это было для электората уже слишком – хотя этого никто не проверял – и Харт, сгорая от стыда, снял свою кандидатуру по причинам, которые не удивили никого в «Ротари-клубе» между Питтсбургом и Гарлиигеном, Техас.

Голоса шизофреников в голосовании не учитываются, несмотря на огромное количество психов. Харт имел все шансы выиграть одновременно и одобрение демократами своей кандидатуры, и президентство до того, как в газетах появилась его фотография с бабой из Майами, – и даже когда скандал закончился и пыль осела, в Айове он шел впереди всех демократов, кроме Джесси Джексона.

Голоса шизоидов – все, что осталось демократам сегодня. Они снова пошли по пути самоуничтожения, на год раньше времени.

Два месяца назад у них был всенародно популярный лидер, который выигрывал от 16 до 20 пунктов у Буша – а в это безрадостное Четвертое июля демократы дерутся друг с другом, как не рожденные крысы, и представляют избирателям полную клетку невнятных кандидатов в президенты, известных как «Семь гнмов».

Партию республиканцев осуждают с телеэкрана за преступления ужаснее, чем все, что делал Ричард Никсон или Босс Твид1 (1Твид, Уильям Марси – сенатор от штата Нью-Йорк, к середине 1850-х фактически захвативший власть).

Президент почти получил импичмент, ближайшие советники славных дней его первого срока могут сесть в тюрьму из-за жадности и коррупции... Генеральный прокурор и вице-президент оказались так глубоко в грязи, что появляются на публике только по повестке в суд.

Несмотря на это, профессиональные спорщики ставят три к одному, что вице-президент республиканцев и бывший директор ЦРУ Джордж Буш станет следующим президентом, добавляя еще четыре года безудержной жадности и грубых ошибок к тем семи, которые нам уже подарил Рейган.

Оливер Норт и адмирал Пойндекстер кончили тем, что получили приговор за большую часть преступлений Рейгана, – но для Буша или для будущего осажженной «Великой старой партии» это недолго будет оставаться проблемой.

Партия Гранта, Хардинга, Гувера и Ричарда Никсона начнет кампанию 1988 года, зная, что 23 штата голосовали за республиканцев на всех пяти выборах с 1968 года и еще 13 штатов выбрали республиканцев в четырех из пяти. Это 36 штатов из 50, с огромным перезрелым орехом в 354 избирательных голоса.

Для победы нужно всего 270.

С другой стороны, Демократическая партия не может рассчитывать ни на один штат. Только округ Колумбия с тремя избирательными голосами последовательно голосовал за демократов на последних пяти выборах.

Партия вигов потеряла надежду и исчезла с лица земли в 1852 году, хотя их показатели были лучше, чем то, что имеют сейчас демократы... Злополучного Захарию Тейлора, президента-вига, избрали в 1848 году, всего за четыре года до того, как они склеили лапы и навсегда покинули политику.

Настоящее чудо американской политики восьмидесятых – то, что Демократическая партия все еще существует. Это «партия большинства» хотя с тех пор, как Франклин Рузвельт в 1944 году был избран на четвертый срок, они только ныли, гундели и свирепо дрались друг с другом.

29 июня 1987 года

Танец семерых гномов

– Каждый раз, когда я приезжаю в город,
Ребята бьют моего друга;
И хотя это только собака,
Им придется перестать бить моего друга.
Песня кампании Чempa Кларка в 1912 году

В то время музыка играла в политике не последнюю роль. У каждого кандидата был боевой гимн или как минимум марш, и вульгарная песенка Кларка была не хуже других. Но она не принесла ему ничего хорошего. В то время Кларк был спикером, известным конгрессменом из Миссури и могущественным человеком в Вашингтоне. Еще он был демократом, страстно желавшим выдвинуться от партии.

Но его песня, очевидно, не подходила временам: общество защиты животных не обладало во время президентских выборов 1912 года особым влиянием – и когда подсчитали голоса, Чempa Кларк получил удар сильнее, чем те, которыми ребята осыпали его друга.

Шел тот самый год, когда Тедди Рузвельт вытащил билет «Сохатых»¹ (1Партия лосей, Bull Moose – Прогрессивная партия США, созданная в 1912 году для поддержки Теодора Рузвельта), разделив голоса республиканцев с «Мертвым Биллом» Тафтом, и президентом стал Вудро Вильсон – один из пяти президентов-демократов этого века.

В прошлом веке было избрано всего шесть демократов, и большинство из них – выходцы из клуба «Лентяй месяца»² (2Bum of the Month Club (клуб лентяев месяца) – чемпионы мира по боксу в тяжелом весе), а реальные шансы на то, что до 2000 года в Белый дом въедет еще один демократ, не больше, чем 50 на 50.

Это может быть долгожданное третье пришествие Кеннеди – молодой Джо, ему 34 и он в прошлом году впервые выиграл выборы... Или даже четвертое пришествие, как говорят некоторые отдельно взятые и очень нервные волхвы партии, которые думают, что Тедди может появиться, как Калигула, и совершить в 1988 году еще одну безумную попытку.

– Я начинал как издатель местной газеты. Но поскольку персонажи из преисподней пытались захватить нашу часть штата, я неожиданно обрел себя в политике.

Пол Саймон

Под прицелами СМИ кандидаты собрались на Хьюстонскую среду – вместе со знаменитым красноглазым йеху Уильямом Бакли из Иеля, который задавал большинство вопросов.

Бакли победил бы всухую, если бы шоу, в котором он участвовал, называлось «Вечернее развлечение» или «Донахью»¹ (1Шоу Фила Донахью, популярного журналиста, ведущего телебесед), а аудиторией были нормальные белые подонки... но в этом случае никто не выиграл, даже Джордж Буш, которому, похоже, было скучно, но только потому, что осмеянные Семь гномов – явно умнее его.

У Семерых гномов нет ни единого шанса. Это неплохие люди. Никто из них не допустил бы, чтобы такой головорез, как Оливер Норт, или слабаки, как Макфарлейн и Пойн-декстер, появились рядом с ними в общественном месте, разве только чтобы принести напитки... Впервые за долгое время настоящее лицо подонков, воров и мошенников, которые заправляют делами и ведут свой бизнес в Республиканской партии, открылось прилюдно – и это было ужасное зрелище.

Несколько раз дебаты оживлялись по мелочи, и один раз серьезно – когда объявили, что сенатор

Пол Саймон от Иллинойса – настоящий кандидат.

Саймон – маленький, страшный, странный и почти никогда не улыбается. У него губы, как у Мика Джаггера, и уши, как у молодого бабуина.

Но это неважно. Саймон может быть страшным, как Человек-Слон, и маленьким, как «другой Пол Саймон», который написал «Звуки тишины» и «Мост через бурную реку», и он по-прежнему останется единственным перспективным демократом. Сенатор – политик старой закваски, дотелевизионной эпохи, возвращающий нас к временам Гарри Трумэна и Кларенса Дэрроу. Он воплощает самое редкое свойство – потрясающее чувство прямооты, честности и внутренней убежденности. В политике это – настоящее чудо.

Со всей отчетливостью качества Пола Саймона проявились в результатах контрольных голосований в Айове сразу после хьюстонских дебатов, которые стали его первым появлением в предвыборном поезде-88. Ни разу не улыбнувшись, Саймон обогнал всех остальных кандидатов; когда его объявили настоящим кандидатом и возможным лидером, большинство политических профи было шокировано. Он приехал в Хьюстон, как слабая темная лошадка без единого шанса на победу, а уехал в пятницу утром, когда его имя стояло в заголовках и в верхних строчках рейтинга по Айове и даже Нью-Гемпширу; за 24 часа его шансы изменились от 70 к 1 до 7 к 1 и почти сравнялись с Джеффардтом и Джексонном, сегодняшними лидерами.

Похоже, это мощное изменение в гонке за выдвижение – самое существенное у демократов с момента провала Гэри Харта – и в пятницу утром многие мудрецы уже поползли к своим кульманам. Пол Саймон ступил на землю.

Единственным серьезным сдвигом в цифрах демократов после Хьюстона был видимый скачок губернатора Массачусетса Майкла Дукакиса. По сравнению с прыжком Саймона он был почти незаметен, но все же вывел Дукакиса из ниоткуда на позицию реального претендента: с 20 к 1 до почти вполупину меньшей ставки в пятницу.

Дукакис – смелый хитрован с отличными рекомендациями и жестким стилем драки. В тот вечер он не стремился к тому, чтобы его пинал и порол хозяин и ведущий Уильям Бакли, который хотел, чтобы Дукакис подставился со своими неонацистскими шуточками и увез из Хьюстона замечательный набор отпечатков зубов... Впавший в маразм Бакли потерял скорость, а Дукакис был быстрее и злее чем мангуст. Он подобрал некоторых лучших профи из персонала Харта, и его будет нелегко побить в Нью-Гемпшире или любом другом месте к востоку от Миссисипи и северу от линии Мейсона-Диксона... Но его шансы получить что-нибудь, кроме «Пурпурного сердца», за пределами одиннадцати южных штатов во время голосования на следующем супервторнике не выдерживают никакой критики. Старая гвардия побьет его, как гонг, а потом он сможет только оттянуть часть голосов у губернатора Нью-Йорка Марио Комо, который упорно твердит, что не собирается выдвигать свою кандидатуру.

Хьюстонские дебаты не занимают верхних строк в рейтинге Нильсона. Даже бескомпромиссные демократы – и те не особенно их смотрят, а яппи называют их тупыми.

Беда с этим богатым и измученным поколением! Когда-то давным-давно они полюбили мысль, что политики – даже отглаженные сияющие кандидаты в президенты – настоящие герои и очень интересные люди.

Это в корне неверно. Как правило, они – тупицы с порочными инстинктами и детьми-преступниками.

6 июля 1987 года

Это был ты, Чарли

Примерно около полудня четверга на прошлой неделе я оторвался от лицезрения телешоу Олли Норта и поехал в таверну в Вуди-Крике, чтобы съесть ланч. Стояло ясное, светлое утро, из тех, когда идея жить на высоте в три километра в горах, в конце наполовину заасфальтированной дороги, кажется мудрой и изящной, в отличие от иных зимних дней, когда эта же мысль кажется тупой и безумной.

В такой ранний час бар был почти пуст, не считая нескольких занятых табуреток в дальнем углу стойки: где несколько ковбоев и пузатых хиппи посасывали длинногорлые «буд-вайзеры» и со злобным видом смотрели повтор «профессионального рестлинга» по ESPN.

Никто из них не сказал ни слова, когда я сел и вытряхнул на стойку свой коричневый рюкзак, наполненный почтой и газетами, и начал рыться в куче, разыскивая что-нибудь, похожее на чек. Но там не было ничего, кроме двух счетов из журнала «Time» и записки от мусорщика, что, мол, мои контейнеры больше не годятся и он не будет меня обслуживать, пока я не куплю новые.

Я выбросил записку и спросил Сумасшедшего Боба, который сидел рядом со мной, нормальный ли сегодня специальный мясной хлеб.

– Ничего нет нормального, – ответил он. – Сегодня полнолуние. Происходят жуткие вещи. Эла ударила лошадь, а

Терри потерял глаз в драке с каким-то парнем. Вся долина провоняла смертью.

Я заметил, что должно снова начаться телешоу Олли Норта, взял пульт и переключил телевизор на Си-эн-эн, где Бернард Шоу уже говорил:

– Сегодня вечером вы увидите очередное заседание, посвященное допросу полковника Норта.

– Твою мать! – сказал Сумасшедший Боб. – Это должно быть классно. Он все утро возил этих нытиков носом по полу.

Мужик рядом с ним засмеялся и подвинул табуретку, чтобы лучше видеть телевизор. Кто-то за столиком сзади нас заорал:

– Сделайте на фиг погромче! Я хочу это слышать.

Я удивился. Бар не слишком хорошо приспособлен для бесед о большой политике. Чаще всего мне приходится крепко постараться, чтобы переключить телек на канал новостей... Но сегодня все по-другому. Эти ребята подсели на Оливера Норта. Они почему-то к нему привыкли и стали похожи на сопляков, которые впервые смотрят «Рокки».

Заседание, как обычно, открылось очередной лекцией Оливера Норта о долге, славе и патриотизме – в ответ на очередной бестолковый вопрос главного представителя комиссии Джона Нилдса, позорной медузы, которая каким-то хитрым образом получила назначение на пост главного юрисконсульта со стороны палаты представителей и задала большую часть вопросов в эти три дня.

Слушая Нилдса, Сумасшедший Боб так смеялся, что у него заболели ребра.

– Господи! – сказал он. – Если я когда-нибудь попаду в суд, надеюсь, ты пошлешь мне этого парня прокурором. Он, наверное, стришет траву у Эда Миза.

Очевидно, Нилдс был клиническим идиотом. Он задавал вопросы Норт, словно кидал куски мяса голодному волку. В конце четвергового заседания Норт набрал столько хоумранов, что они с адвокатом смеялись и хлопали друг друга по спине каждый раз, когда Нилдс задавал очередной вопрос, – и тогда Норт разражался очередной двадцатиминутной речью про то, как он любит жену, и детей, и форму, и, превыше всего, своего главнокомандующего, президента.

К полуночи четверга Оливер Норт был национальным героем, а его «Фонд судебной защиты» так раздулся от взносов, что даже Джордж Буш сказал, что Норт может стать следующим президентом или главой клуба Пи-ти-эл.

Буш показался на людях первый раз за многие месяцы и заявил свои права на Норта, словно тот был давно потерянным сыном: называл его великим героем Америки с сердцем Чарльза Линдберга и гонадами генерала Паттона.

Опрос общественного мнения в пятницу показал, что у Норта бесподобно высокий «рейтинг доверия», 96 к 4 – гораздо выше, чем у Рональда Рейгана, Иисуса и даже чистого кокаина. Скандал «Иран-контрас», который раньше казался хуже и грязнее Уотергейта, после выступления Норта по телевидению перескочил на шкалу американского героизма и сравнился там с Уэлли-Фордж или возвращением Макартура на Филиппины... Униженная повесть Оливера Норта была такой тяжелой и проникновенной, что заставила богачей с Уолл-Стрит открыто рыдать, а детей в Голливуде – танцевать и бормотать от счастья.

Она выжала слезу даже из Сумасшедшего Боба.

– Этот парень – стоящий, – сказал он, когда в четверг закончился эфир с Нортом. – Я хочу послать ему чек.

Я посмотрел на него долгим взглядом, а потом стукнул по голове.

– Ты идиот! – сказал я. – Меня достало твое бестолковое нацистское бормотание.

Он спрыгнул с табуретки и встал в боевую стойку, но я быстро отскочил и зашипел на него:

– Semper Fi! Semper Fi! Двести шестьдесят девять мертвых ребят в аэропорту Бейрута! Двести шестьдесят девять мертвых морских пехотинцев США, Бобби!

Он застыл, потом уронил руки.

– Да! – закричал я. – И мы знаем, кто это сделал, правда?

– Иранцы, – пробормотал он. – Этот вонючий аятолла.

Я знал, что он служил на флоте – девять или десять лет в

одной из сверхэлитных частей «морских котиков»... Морпехи получают хорошее паблисити, и они здорово смотрятся в телерекламе, но даже строевые сержанты на Пэррис-айленд признают, что 99 из 100 морпехов никогда не пройдут квалификацию в «морские котики». Беловоротничкового праздничного воина, такого, как Оливер Норт, никогда не наймут медбратом в подразделение «коти-ков».

Я обнял Сумасшедшего Боба за плечи и усадил его назад на табуретку.

– И кто же это был, Бобби, кто продал все эти бомбы и снаряды и ракеты иранцам?

– Господи Боже, – сказал он. – Оливер Норт, правда?

– Да, Чарли, – сказал я. – Это было он, и ему за это здорово заплатили, кстати. Рональд Рейган назвал его великим героем Америки, а Джордж Шульц обнял его и поблагодарил за хорошую работу.

Вот такая олимпиада.

13 июля 1987 года

Толстяк на лошади

Последняя неделя была небогата на новости, но для больших политиков такое время похоже на то, будто их заставляют торчать голышом посреди джунглей и наблюдать, как питон заглатывает свинью.

В Мадвилле было невесело, ну и что? Рональд Рейган выскользнул из петли, Джордж Буш уехал, а фотография Джессики Хан, «загулявшая по магазинам» в центре Манхэттена, в компании «телохранителя с пистолетом, заткнутым за пояс», оказалась на обложке «Нью-Йорк пост».

«Это входит в контракт, – сказал ее адвокат. – Мы недавно продали ее историю в журнал для мужчин за 2,5 миллиона долларов». Детали пока неясны, но адвокат сказал, что миссис Хан выбирает между «многомиллионными» предложениями от «Плейбоя», «Пентхауза» и «Эсквайра». Журналы борются за право опубликовать ее версию известного вечера во Флориде, когда Джим Беккер и как минимум еще два телепроповедника ее пороли и сексуально над ней измывались. «Они не имели никакого права рассказывать, что я знаю все уловки и приемы ремесла, – сказала она. – И я решила рассказать правду о том дне. Это было ужасно. Моя жизнь разрушена навсегда».

Секс и насилие стали обыденностью для поколения восьмидесятых, которое приняло рейгановскую революцию. Мы живем в варварские времена. Оливер Норт стал героем, Эд Миз богатеет, а чудовищный фильм «Синий бархат» номинирован на три премии Киноакадемии.

Два месяца назад Гэри Харт шел на 16 пунктов впереди Джорджа Буша в опросах, «за кого вы будете голосовать на выборах 1988 года», и колумнисты утверждали, что подполковник морской пехоты США Оливер Норт настолько проворовался, что с него надо сорвать форму до того, как он появится на национальном телевидении и будет давать показания в Конгрессе США... Но все изменилось.

«Miami Herald» разоблачила тайную жизнь Харта и выставила его одним из тупейших владельцев особняка всех времен и народов, и ему пришлось снять свою кандидатуру с президентских выборов и тихонько исчезнуть, как маньяку-педофилу... А на прошлой неделе Оливер Норт пришел на телевидение с историей о лжи, тупости и вероломстве в недрах рейгановского Белого дома, которая сделала его национальным героем, как Эди Мерфи и Дэниэл Бун или даже Уилли Саттон.

За короткий безумный период в шестьдесят шесть дней и два срока Харт и Норт поменялись ролями, причем таким способом, который воспринимают всерьез только в Голливуде, – а в победителях оказался Буш. Шесть недель назад у него был реальный шанс вылететь из Белого дома еще до того, как он поколесит по Айове и в день выборов появится на фотографии в обнимку с легендарным местным спортсменом и политическим мудрецом Маркусом Мелендезом, который может обеспечить больше голосов, чем осатаневший аист.

Когда прицел остановился на Джоне Пойндекстере, ушел от наказания не только Рейган. Буш, известный в Вашингтоне как самый крупный преступник в американской политике, проделал трюк, который откалывает каждый верблюд, лезущий через игольное ушко без специальной подготовки. Если бы в мире существовало настоящее правосудие, Джордж собирал бы вместе со Спиро Агню ба-

ки на худшей части автодрома в Балтиморе и сдавал их по два доллара за штуку.

Еще из новостей уикэнда: директор ЦРУ Уильям Уэбстер уволил двух высокопоставленных агентов за «роль, которую они сыграли» в деле «Иран-контрас».

Уэбстер хотел уйти в отставку с поста директора ФБР после десяти лет беспорочной службы, когда в прошлом ноябре разразился скандал «Иран-контрас»; но после того, как он узнал, что его формальный начальник Эд Миз все время был в курсе и не озаботился ознакомить его с ситуацией, он так разозлился, что отменил свою отставку и заявил, что останется еще на некоторое время, как минимум, до окончания разбирательства.

Большому Биллу Кейси не было до этого дела. Он был мертв. И Уэбстер подмял под себя ЦРУ и отложил свое возвращение домой в Сент-Луис «на неопределенный срок».

Так говорил Т.С. Элиот и, кстати, Уильям Берроуз. Но это было давно, и никто из них так и не вернулся к своим корням, в Сент-Луис. В этом городе почетно родиться, но для знаменитостей мост под огромной золотой аркой на западную сторону Миссисипи – дорога с односторонним движением. Единственная уроженка Сент-Луиса, вернувшаяся домой после того, как стала известной, – это Хэдли Ричардсон, первая жена Эрнеста Хемингуэя, и то, говорят, надолго она не задержалась.

Люди любят рассуждать о разнице между шестидесятыми и восьмидесятыми, и точно так же – о разнице между Уотергейтом и чудовищным делом «Иран-контрас»... Хорошо, я скажу, в чем разница: преступники Уотергейта знали, что виновны, и остальные это тоже знали. И когда осела пыль, опозоренный президент исчез, и его поделщики тоже. Они были преступниками, и они так же презирали принципы демократии, как и отребье, которое наполняло каждый день последних двух месяцев по-настоящему позорными свидетельствами.

Все расследование «Иран-контрас» было фарсом и аферой, в которой выиграли только вашингтонские адвокаты, получающие тысячу долларов в час за время в суде. Впрочем, выставленный адвокатами Норту счет в миллион долларов уже покрыт частными пожертвованиями.

Если этот мелкотравчатый скандал – все, на что способно сегодняшнее поколение, значит, оно заслуживает то, что получило, и ему придется с этим жить. Они заслуживают того, чтобы их назвали Поколением свиней.

Даже Текс Колсон не продавал бомбы и ракеты ополоумевшим персидским маньякам, которые использовали их, чтобы убивать его людей, – и даже Киссинджер не обнял бы его со словами «Отличная работа».

Но где же в этом деле пресса? Где сыны Вудворда и Берн-стейна, могучая новая волна журналистов, ведущих расследования, которая собиралась обрушиться на Уотергейт?

Киссинджер был монстром, заносчивым элитаристом с грубым немецким акцентом и циничным презрением интеллектуала к политикам, на которых он работал всю жизнь. Киссинджер похаживал ночью по Белому дому, пил воду «перье» и делал заметки, пока Никсон пил джин и бушевал перед портретом Авраама Линкольна.

Но Генри Киссинджер, несмотря на все совершенные им мерзости, был настоящим принцем среди толпы из полувменяемых подонков, ветеранов-морпехов и специалистов из Аннаполиса, которых Рональд Рейган нанял работать в подвалах Белого дома для управления аппаратом государственной безопасности, словно банду безумных Ангелов Ада.

20 июля 1987 года

Ковбои на море

– Кувейт. Супертанкер «Бриджтон» утром в пятницу подорвался на магнитной мине, а другой кувейтский нефтяной танкер, шедший под американским флагом, эскортировали по Персидскому заливу три корабля ВМС США... Команды Саудовской Аравии, США и Кувейта (морская оборона) на прошлой неделе сообщили, что они очистили от мин все мореходные каналы Эль-Ахмади, где ранее корабли регулярно натывались на мины... «Бриджтон» взорвался в 40 милях к югу от этой зоны. Иранский премьер-министр Хусейн Мусави назвал инцидент «непоправимым уроном американскому политическому и военному престижу». Он сказал, что мину поставили «невидимые руки».

Служба новостей «Ехэминег»

Новости приходят сюда, в горы, автоматными очередями. Некоторыми ночами, когда все идет, как надо, у меня работает двести кристально-ясных телеканалов, а по всем трем моим телефонам по-

стоянно звонят богатые издатели, известные гуру и кандидаты в президенты с обоих побережий... Но так бывает не всегда: на прошлой неделе в антенну-тарелку ударила молния, и телефоны отрубились на три дня. И никакой информации, никаких новостей – кроме того, что сообщали Эду Брэдли из Нью-Йорка по спутниковой связи.

Что мало помогало. Так что на фронте наступило затишье, и мы смогли сосредоточиться на местных новостях. Некоторое время мы провели на автодроме, Эд потренировался стрелять из «Люгера», Дуг поменял два окна, Пи-Джей О'Рурк отделал все крыльцо «Ватко ойл», а корреспондент CBS приехал косить лужайку... В деле «Иран-контрас» наметился перерыв, и контр-адмирал Джон Пойндекстер медленно полз к той довольно изысканной скале в Вашингтоне, под которой он жил, когда не давал показания и не обманывал президента.

Пока Пойндекстер заливался полудохлым соловьем и блокировал комиссию своей заносчивостью в стиле позднего Роя Кона, куклы Оливера Норта продавались, как горячие пирожные, от побережья до побережья, а Рональд Рейган страдал временными провалами памяти.

Но Конгресс нашел на прошлой неделе нового героя – милого придурка по имени Джордж Шульц. Когда-то Шульц бывал рядом – как говорят, «не раз находился рядом с плахой»: он был секретарем казначейства при Никсоне во время Уотергейтского скандала, и вышел сухим из воды, поклявшись, что он ничего ни о чем не знал... А теперь он госсекретарь при Рейгане, по уши увяз в скандале «Иран-контрас» – и снова он клянется, что был «отрезан от потоков информации» очередным вероломным президентом, и снова уставился продажным взглядом гончей собаки в телекамеры и заявляет, что чист, как свежесвыпавший снег.

«Президент выносит идеальные суждения, – сказал он, – но только когда ему предоставили все факты». А когда Джордж пытался предоставить президенту «факты», ему помешали преступники вроде Оливера Норта и свиньи Пойндекстера. Они умудрились перехватить бразды правления внешней политики США, заявил он перед камерами конгрессмену. А когда Джордж отчаянно пытался донести свою правду до безнадежно изолированного президента, его называли дураком и принародно выставили идиотом.

Это правда – и это, вероятно, единственный пункт, по которому банда головорезов Норта и Пойндекстера выходит кругом правой. Ни один из них, как Айвен Боески, не сможет теперь получить работу, но что касается их суждения о прежнем Шульце, они видели в нем то, чем он и являлся, и всегда относились к нему как к падали.

Тем временем «Фонд защиты Оливера Норта» к прошлой пятнице собрал больше полутора миллионов долларов общественных пожертвований – несмотря на непрерывное подчеркивание в прессе того мрачного факта, что все два миллиона долларов судебных затрат Норта, как и все «свидетельства», будут оплачены налогоплательщиками.

Мы с тобой, Чарли! В следующий раз, когда тебе позвонит человек из налоговой службы, спроси, сколько из твоего счета пойдет на оплату адвоката Норта и ежедневные миллионные оперативные расходы по сопровождению «сменивших флаг» кувейтских нефтяных танкеров, которые курсируют туда-сюда по Персидскому заливу в зоне военных действий между Ираном и Ираком.

Сначала это была очевидная афера, еще до того, как первый конвой поднял паруса, – но когда первый поддельный «супертанкер США», шедший в строю под эскортом вооруженных кораблей США, почти затонул, подорвавшись на mine, шутки кончились. Капитан ВМС Дэвид Йонкерс, начальник экспедиционного корпуса США, предупреждал злодея аятоллу, что корабли так нагружены оружием и готовы к сражению, что «первая же ракетная атака [Ирана] будет, скорее всего, и последней». Больше не будет таких ошибок, как та, которая несколько недель назад привела к гибели 37 моряков на военном корабле «Старк»; на этот раз его ребята будут в состоянии постоянной готовности, как бригада тренированных акул. Всех атакующих порвут на клочки.

Обреченный и неблагонадежный Шульц завершал свою лекцию злополучному специальному комитету, когда его «дачу показаний» прервал выпуск новостей, где говорилось, что гигантский, 401000-тонный «Бриджтон», длиной в 1200 футов, напоролся на мину, когда шел в 40 милях к югу от хорошо размеченного мореходного канала Эль-Ахмади, тщательно разминированного саперами США и сотнями хорошо обученных водолазов.

Что «Бриджтон» делал в 40 милях от курса, простодушный капитан Йонкерс объяснить не смог. В это время его корабль набирал воду и собирался погрузиться на глубину 90 футов в устье канала, ведущего к главному кувейтскому нефтеналивному терминалу – словно огромная протырявленная

пивная банка размером в четыре футбольных поля.

В воскресенье вечером «Бриджтон» еще держался на плаву. Шульц тоже, но обоих эксперты описали как «судорожно ищущих ближайшую безопасную гавань».

Шульц завершил свои позорные показания вечером в пятницу, приготовившись к долгожданному появлению главного монстра этой саги – генерального прокурора Эда Миза.

Миз докатился до того, что, по вашингтонским слухам, ему нужна помощь трех референтов, чтобы натянуть утром штаны. Если бы Миз столкнулся с серьезным расследованием, которое вел бы нормальный человек, а не идиот вроде Нилдса и Лаймена, у него были бы большие проблемы. Альфонс Карр был прав.

27 июля 1987 года

Валите все на мертвого Билла

Эд Миз, похоже, сидит. Ему надо посыпать голову веществом из греческой урны – или полить черным, как сажа, «Рустолиумом», который в течение двух-трех секунд превращает все, чего коснется, в абсолютно черное. Навсегда. Ему нипочем и дождь, и даже огонь. «Рустолиум» – «магнум» 44 калибра в мире аэрозольных баллончиков. Баллончик за пятерку может превратить машину в кусок черной лавы быстрее, чем за две минуты. Стекла тоже. Интенсивный матовый черный.

Ка прошлой неделе, в среду, Большой Эд снова появился в телевизоре, и на какое-то время, когда тоскливая кавалькада нытиков и дармоедов, и доносчиков, и темных дельцов, заправляющая слушаниями по делу «Иран-контрас», начала сходить на нет, нам стало немного веселее.

Когда из Вашингтона прилетело блюдо от CBS, я услышал, что за ним кто-то охотится. Я сижу в пятидесяти футах на крыльце, за две стены и две двери от телевизора – но сразу же могу сказать, что это не Джон Нилдс, человек-сморчок... Миз съел его живьем вместе с Питером Родио, непрерывно приговаривая юридические термины, что спутало все карты.

Но сейчас, несомненно, все по-другому. Кто это, кто наставляет Миза тоном грубого надзирателя?

Это сенатор Уоррен Рудмен, бывший прокурор откуда-то из Новой Англии, нью-гемпширский республиканец: «Живи свободно или умри». Рудмен агрессивен и жесток, и Миз явно нервничает из-за его манеры задавать вопросы. Рудмен хочет кусок его задницы или, по крайней мере, так кажется... Может, и нет; все эти люди – политики и адвокаты.

Но Мизу пришлось отступить на позицию чести Мертвого Билла, «который не может быть здесь, чтобы защитить себя».

Ну, Эд, это не вопрос. В этот раз мы поговорим про «дело Эванса», громкое дело контрабанды оружия, которое слушалось в Нью-Йорке прямо перед тем, как разразился скандал «Иран-контрас»... Вроде бы речь шла о 17 миллиардах долларов или там было 17 подсудимых, а денег было 200 миллиардов... Эти цифры легко проверить. А пока давайте послушаем...

Рудмен говорит: «У вас наверняка были свидетельства того, что происходят странные вещи ("дело Эванса")».

Теперь Рудмен, похоже, хлещет Миза прямыми обвинениями в обмане, халатности или должностном преступлении... А Миз потерял равновесие. Его циничные апелляции к регламенту сегодня не работают.

Руд: «Единственный важный вопрос, который мы зададим вам: Как это ни вы, ни президент не собрали этих людей в комнате и не обнаружили, прямо на месте, что происходит и кто это делает, для кого, зачем и куда идут эти деньги?»

ЭМ в ответ на обвинение Рудмена смиренно признает, что «его люди в этом вопросе мало помогли президенту»: «Да, это так».

Руд, как Халк Хоган в командном соревновании, неожиданно передает остаток времени сенатору Уильяму Коэну, республиканцу от Мэна... который начинает колебаться.

ЭМ неожиданно начинает обращаться к Коэну: «Да, сэр».

Да... а теперь судья Митчелл: «Разве вас не волнует, что вам сказали неправду, а поэтому вы потом делали заявления американскому народу, которые тоже были неправдой? Вас это не волнует?»

Да, Эда Миза это волнует, но не слишком сильно...

Митч хочет знать, каким образом он может поверить в то, что Миз говорил (без свидетелей) пе-

ред пресс-конференцией 25 ноября... с президентом, вице-президентом, адмиралом Пойндекстером, Мертвым Биллом... И НЕ ДЕЛАЛ ЗАПИСЕЙ.

«Какова причина того, что вы не делали записей во время этих чрезвычайно важных разговоров с начальниками? При том, что вы всегда делали записи раньше?»

Миз опять зарывается в мелочи, с остервенением толчет воду в ступе – а его волосы уже седые-седые...

Митч: «Хорошо, даже толкуя в вашу пользу все сомнения, с этим очень трудно согласиться».

ЭМ говорит, что правда иногда невероятнее, чем вымысел, и хочет прояснить с Митчеллом вопрос, почему с этим трудно согласиться.

Митч не шутит. Он может завтра заявить свою кандидатуру в президенты – и покрошить в капусту одновременно и Буша, и Доула.

Крутые ребята из Мэна не любят Эда Миза. А теперь Митч зачитывает показания подполковника Роберта Эрли, представителя Норта в Совете национальной безопасности...

Митч: «ВЫ ГОВОРИЛИ С ПОЛКОВНИКОМ НОР-ТОМ ВЕЧЕРОМ 21 НОЯБРЯ?»

ЭМ: «Нет, насколько я могу вспомнить, не говорил». Митч хмурится: появляется призрак лжесвидетельства: «Это страница 15 примечаний, доказательство 47 – вы можете обратиться к...»

Тонем Мрачного Жнеца Митч спрашивает, в курсе ли Миз, что полковник Норт уничтожил существенные документы в те крайне важные 72 часа перед пресс-конференцией Миза 25 ноября 1986 года.

Митчелл ломает Эда Миза: никаких улыбок, никакой робости: это судья из Новой Англии, допрашивающий человека, который, как он знает, лжет комиссии...

А ТЕПЕРЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДЭННИ ИНОУЙИ... МРАЧНЫЕ ГЛАЗА ЗА ЗЕЛЕНЫМИ ЛИНЗАМИ ОЧКОВ... РАЗОЧАРОВАННЫЙ И ОСКОРБЛЕННЫЙ ЗЛОДЕЙ... и он говорит Эду Мизу: «Мистер генеральный прокурор, независимо от того, какой иммунитет у вас есть (у Миза нет никакого), если вы лжете Конгрессу, это федеральное преступление, разве не так?»

Миз соглашается, очень нервно. (Где мой чертов адвокат? Какой идиот посоветовал мне прийти сюда без него?)

«Дайте мне взглянуть на мои записи, если позволите, – или на записи мистера Ричардсона». – Теперь он рыщет по столу, как ящерица по горячему камню.

ДИ: «Значит, вы имели дело с хорошим другом [Мертвым Биллом], не с незнакомцем – почему же вы постеснялись задать ему вопрос на 64 тысячи долларов?»

Миз снова углубляется в процедуру. Что бы он теперь ни сказал, это сочтут неправдой. У него появился общественный долг перед Датчем, и, возможно, ему грозит обвинение в лжесвидетельстве – еще одно преступление вдобавок к остальным. Когда Миз вернется в Окленд, ему очень нелегко будет найти хоть какую-то работу.

Нет ничего, ничего.

Гертруда Стайн

3 августа 1987 года

Последнее такси в Шотландию

Уже полночь мы наконец-то собрались и приготовились отбыть в Шотландию. Путешествие начнется в горах Денвера, с долгой поездки на такси, потом – прямой рейс до Нью-Йорка, чтобы забрать там паспорта, а потом уже по воде. По плану мы должны были прибыть в Эдинбург как раз вовремя, чтобы побеседовать с огромной толпой британских мотоциклистов на Эдинбургской книжной ярмарке.

Это большое событие. Ярмарку устраивал мой старый друг Ральф Стэдмен, известный английский художник, и мы были очень возбуждены. Но Ральф ужасно волновался: была уже полночь четверга, а я еще был в Колорадо, на континенте, и между нами – четыре аэропорта и Атлантический океан. Наше выступление назначено на субботу, а тусовка уже ждет несколько дней.

– Они пьют виски и буянят, – жаловался Ральф по телефону. – Ни разу не видел такой ужасной толпы. Они наверняка порвут меня в клочья, если ты не доберешься сюда вовремя.

– Не волнуйся, – сказал я ему. – Все под контролем. Наш водитель будет здесь через двадцать минут. На него можно положиться. Я знаю его не первый год.

Это было правдой – по крайней мере, я верил, что это правда. До Денвера – четыре часа, но когда я говорил с водителем, он сказал, что в это время доедет за три с половиной. Мария волновалась, как мы минувем перевал Индепенденс на большой скорости с незнакомым шофером, но я велел ей расслабиться.

– Дилли – отличный водитель, – сказал я. – Всю дорогу до аэропорта мы можем спать.

Это были последние спокойные слова, которые я произнес за десять часов. Поездка стала нормальной еще до того, как мы вышли из дома. Около часа ночи я услышал шум большой машины у подъезда, а потом стук в дверь.

– Входи, Дилли! – закричал я. – Мы уже готовы.

В темноте раздался странный смешок, потом хлопнула входная дверь, и в кухню вприпрыжку вбежал костлявый мужик с диким взглядом.

– Всем привет, – сказал он. – Меня зовут Эрл. Дилли не смог приехать. Ему пришлось отправиться в Теллурид на

концерт «Дэд», так что он одолжил мне свое такси.

На его лице засияла безумная ухмылка: он протянул мне руку, потом обнял Марию и поцеловал ее в лоб.

– Чудесно, чудесно, – сказал он. – Дилли говорил, что вы хорошие ребята. Доберемся как надо.

Вот черт, подумал я. Он одет в черную майку «Харлей-Дэвидсон» и тяжелые мотоциклетные ботинки – не самая подходящая обувь для работы на педалях на узкой ветреной дороге через перевал, которая поднимается на 12 тысяч футов вверх и всегда покрыта снегом.

Но у нас не было выбора. Самолет в Нью-Йорк улетал в 6:30, времени искать другого водителя не было. Когда я предложил Эрлу пива, он сказал, что предпочел бы водку.

– За рулем она лучше, – сказал он. – Не так сильно пахнет.

Когда мы вышли из дома, была уже половина второго. Эрл вел машину жестко, с визгом проезжая повороты. До вершины перевала мы добрались без происшествий – и тут начались проблемы.

Эрл хотел остановиться на минутку и заехал на темную стоянку.

– За меня не беспокойтесь, – успокоил он нас. – Я совсем не хочу спать. Прямо перед отъездом я съел дюжину «вайвернов»¹ (1 Стимулятор) и чувствую себя все лучше и лучше.

Я же почувствовал себя хуже. Эрл постоянно отпивал водку из бутылки, которую хранил под передним сидением. Его глаза были как черные дыры в космосе, и он непрерывно бормотал себе под нос, пока вел, и поворачивался к нам с каждой новой идеей.

– В Аризоне меня первого арестовали за хранение ЛСД, – сказал он как-то. – Судья был другом нашей семьи, так что вместо тюрьмы он отправил меня в приют для душевнобольных.

А теперь, на вершине темного и пустого перевала он неожиданно переключился на задний ход и подъехал задом к краю, к морю грязи.

– Матерь Божья! – закричал он. – Никогда так раньше не ездил! Как она умудрилась переключиться?

Колеса беспомощно вращались, погружаясь все глубже и глубже в покрытую лишайниками грязь. Около трех мы остановили проходящий автобус, набитый туристами из Техаса, и дали водителю сто долларов, чтобы он вытащил нас из грязи... Я посмотрел на часы и понял, что мы никак не попадем на самолет в 6:30, но Эрл сказал, мол, никаких проблем.

– Утром в Нью-Йорк летит полно самолетов, – радостно сказал он. – Все, что от меня теперь требуется, – лететь, как летучая мышь из ада.

Это он и сделал – часто прикладываясь к большой бутылке водки, которую зажал между колен, и к маленькой черной баночке, которая висела у него на шее на цепочке.

Однажды, в Лидвилле, мы остановились заправиться, и Эрлу пришлось оторвать крышку бензобака гвоздодером, потому что Дилли не дал ему ключи. Потом он открыл молотком капот, чтобы проверить масло. Женщина из «Квик-марта» угрожала вызвать полицию, но успокоилась, когда я дал ей стодолларовую банкноту.

В 7:15 мы провизжали по пандусу аэропорта. Мария бросилась внутрь, чтобы найти другой рейс на Нью-Йорк, пока я разгружал сумки, а Эрл ввязался в мерзкую драку с местным грузчиком.

– Этот мужик смеялся надо мной, – объяснил он потом. – Пришлось его побить.

Охрана аэропорта уволокла его в клетку, и тут Мария вернулась, вся в слезах, и доложила, что на Нью-Йорк нет мест до шести или семи.

– Пятница, – сказала она. – Заполнен даже список ожидания.

Все было безнадежно. Нет мест до Нью-Йорка или хотя бы до Ньюарка – нет паспортов, нет паспортов – нет и полета в Шотландию. Пьяные байкеры затопчут Ральфа, как лягушку, чего он и боялся, – а мы не можем даже найти места на самолет обратно в Аспен... Мы застряли в денверском аэропорту, с Эрлом на шее, которого забрали бы в тюрьму, если бы я не отдал охране еще три столбовых купюры.

– Спасибо, мужик, – сказал он. – Меня освободили условно, мне нельзя попадаться. Давай выбираться из этой чертовой дыры. Мы можем быть дома к полудню – но мне надо остановиться у дома Роберто, у меня там небольшое дельце.

– Что? – закричал я. – Ты, обожравшаяся наркотой свинья!

Он глуповато хихикнул и дрожащими руками начал загружать в машину наш багаж. Шутки кончились. У нас не было выбора. Эрл без конца бормотал, пока мы забирались назад в покалеченное такси, – а потом он выжал сцепление, и мы с ревом покатали к Роберто.

17 августа 1987 года

Свинья недели

– А склизких тварей миллион

Живет; а с ними я. :

Сэм Кольридж. «Поэма о Старом Моряке»

Политическая машина на прошлой неделе скатилась в очередную череду колдобин. Сорвавшаяся чугунная чушка жутко щелкает и скрежещет – катится, куда не надо, плохие зубья с кривыми краями не сцепляются, не схватывают и не держат ничего, а вместо оси – Великий Столб Дурости. Именно его используют политики, черную быструю дорогу вниз – но не полированную медь, по которой соскальзывают пожарные, когда звонит колокол.

Нет, этот столб – другой. Он темный, как подводный трубопровод, скользкий от человеческого жира, исчерченный длинными царапинами и отметинами зубов, и если долго на него смотреть, в душе рождается трепет. Отчаянные храбрецы борются изо всех сил, но соскальзывают с этого столба, и только некоторые умудряются подняться. Этот столб похож на волшебный бобовый стебель с огромным длинным корнем.

La bas. В бездну. Туда, где чудовища слепы, и обреченные кричат всю ночь. Там внизу – Спиро Агню, и скоро к нему присоединится Ричард Никсон... Там же Линдон Ларош, Джим и Тэмми, Майкл Дивер, Патрик Грей и, может быть, Гэ-ри Харт...

Там есть и старожилы: Босс Твид, Филипп Нолан, Джо Мак-карти, Мартин Борман, Калигула, адмирал Того, Джеймс Хоффа1 (1Профсоюзный деятель, президент профсоюза «тимстеров», символ срачивания американских профсоюзов с мафией. Бесследно исчез в 1975 г. (считается, что убит мафией)) и целая толпа мутантов и зомби, таких, как Папа Док, Губерт Хэмфри и Улисс С. Грант.

Это специальный вид ада для падших навечно политиков. Имя этому племени – Бесстыдники, они – порочные таланты, нечасто проявляющие себя; парни, которые могут ползти так низко и так долго, что даже Томас Эдисон вряд ли может себе это представить.

Обычному избирателю трудно осознать образ мыслей настоящего злодея, бесчестного монстра с мозгами крысиного короля и душой таракана, который сегодня почти стал американским президентом на следующие четыре года. Он приведет с собой свою банду: циничную систему адвокатов, и торговцев, и сутенеров, которые разворуют государственную казну, извратят законы, будут насмехаться над правилами и бодрствовать 22 часа в сутки в поисках повода развязать войну – хотя бы с каким-нибудь злополучным племенем Африки или яростным фанатиком вроде аятоллы Хомейни. И теперь, пока рынок ставок замер и рассматривать серьезно стоит только Гэри Харта, пока Айова волнуется, нам надо найти новую идею, что-нибудь удивительное (может, жестокое или даже извращенное), чтобы пережить период затишья.

Ответ, как обычно, появился внезапно и с неожиданной стороны – от моего донельзя замученного нервного агента по имени Стэнки, который ведет в офисе все более жалкую жизнь, потому что

люди зовут его «свиньей».

– И они не шутят, – говорит он. – Они действительно меня презирают. Я волнуюсь. Это какая-то грязная психология толпы, замкнутая сама на себе. Меня все больше ненавидят.

На корпоративной вечеринке в пятницу он получил звание Свиньи недели ...

– Я не могу больше этого выносить, – сказал он. – Некоторые из них – наркоманы, и они могут не раздумывая меня ударить. Мне страшно.

– А что? – сказал я. – Отличная мысль.

Это правда. Редкий день обходится без того, чтобы в газетах или ночном телешоу не всплыл рассказ о чьем-нибудь действительно свинском поведении.

«ТЕХАСЕЦ, БОЛЬНОЙ СПИДОМ, ЗАНИМАЛСЯ СЕКСОМ С 54 ДЕТЬМИ», – это заголовок новости откуда-то из тexasской глубинки.

«Я была шокирована», – сказала Дебра Кока, офицер полиции по работе с несовершеннолетними в Фолс-Конти. Дальше в истории говорится, что Джимми Этридж, безжалостный дегенерат, «преднамеренно заразил минимум 54 ребенка – может, даже сотни, по всему Техасу и в северных штатах Мексики – смертельным вирусом СПИДа, заболевания со стопроцентной смертностью».

Стэнки читал мне эту историю и плакал.

– Почему не он – Свинья недели? – кричал он. – Почему я? Я никогда не насиловал детей. Я не больной.

– Ты прав, – сказал я. – Этот Этридж – определенно Свинья недели.

А может, и нет, подумал я, когда наконец-то сумел отвязаться от Стэнки и его нытья... Этридж, конечно, ужасен, но кое-кто идет с ним ноздря в ноздю.

Например, бейсболист Хатчер, открывающий бьющий в «Хьюстон астрос», которого поймали с битой, в которой было столько пробки, что он мог каждый раз отбивать обычный мяч на 600 футов – пока после очередного удара мяч не взорвался в воздухе, как ракета-«шелкопряд».

Его отстранили на десять дней, сделали предметом общественного порицания... Но когда его уводили, он продолжал настаивать, что он невиновен, потому что бита не его: она принадлежит его партнеру по команде Дэйву Смиту, сказал он, и он взял ее случайно.

Однако. Хатчер намеренно подставил Смита без какой-либо веской причины. Это классический пример того, что многие называют «Поколение свиней»... Ужасная концепция: самоощущение негодя в системе координат между Эдом Мизом и Айвеном Боески.

Пара Миза и Боески собрала больше всех обвинений в жульничестве, коррупции и откровенном мошенничестве от Уолл-Стрит до Тихуаны – теперь они герои целого поколения: жестокое и очерстневшее поколение восьмидесятых, Поколение свиней.

Оба эти джентльмена будут уверенными фаворитами в борьбе за звание Свиньи недели в любую обычную неделю. Они будут в верхних строчках рейтинга вместе с Элом Дэви-сом, уроженцем Окленда и перманентным кандидатом на звание Свиньи.

Но на этой неделе никто из этих гнилых мусорщиков не увезет домой звание Свиньи недели... Эта честь принадлежит бывшему сенатору от штата Джорджия Джулиану Бонду, который очень грамотно уехал в Атланту от крупного кокаинового судебного процесса, а потом стоял и смотрел, как его давняя официальная любовница и хорошая подруга Кармен Лопес Батлер получила двадцать два года в государственной тюрьме Джорджии.

Двадцать два года. За то, что связалась с Джулианом Бондом и его влиятельными политическими друзьями, в том числе с мэром Атланты. Это всеобщий позор; и если есть гарантированный победитель в конкурсе на Свинью недели, то это Джулиан Бонд.

14 сентября 1987 года

А вот и судья

– Мы полые люди,
Мы чучела, а не люди,
Склоняемся вместе -
Труха в голове,
Бормочем вместе

Тихо и сухо,
 Без чувств и без сути,
 Как ветер в сухой траве
 Или крысы в груди
 Стекла и жести¹. (1Перевод А. Сергеева).

Т.С. Элиот. «Полые люди»

На прошлой неделе появился толстяк.

По его словам, это был «вопрос взаимодействия спроса и предложения». Как обычно, чисто математическая ситуация. Результат свободного рынка. Очевидно, что в Верховном суде США есть спрос на правосудие, а судья Борк решил, что он – предложение.

Почему бы и нет? Его назначил президент, а у президента сейчас белая полоса. Он получил все, до чего только мог дотянуться с тех пор, как проиграл промежуточные выборы в восемьдесят шестом.

Президент – тот, кто разделил сенаторов от «Великой старой партии» и двенадцать членов палаты представителей и превратил весь Конгресс в демократическую крепость впервые с 1980 года.

Хватит о победах...

Судья Борк, дипломированный изувер из школы Муссо-лини/Торквемады, был самой легкой и толстой целью со времен банды Бездельников месяца, которую пытался протащить Никсон в последние безумные месяцы своего правления...

Они были маньяки и неудачники, и Сенат отклонил их кандидатуры.

Но судья Борк – существо другого рода. Он умный, с маленькими пухлыми ручками, несолидной бородкой и безжалостной ультраконсервативной юридической философией, походившей на поместь Герберта Гувера, Длсо Маккарти и папы.

В конце недели он выглядел победителем – с уверенным большинством голосов в 8 к 6, которое остановило Теда Кеннеди, смутило демократическое большинство и оставило президентскую кампанию-88 Джо Байдена в дымящихся руинах.

Байден шел на слушания во вторник как серьезный претендент на президентство в США в 1988 году. Он был молодым сенатором из Делавэра, который платил все налоги, быстро соображал, нанимал квалифицированных подчиненных и обладал тем, что на выборах называется «харизмой в стиле Кеннеди».

Говорят, он шел бы с ускорением. Может, третий в Айове, потом уверенно второй в Нью-Гемпшире – и абсолютный победитель на супервторнике по Югу. Когда из гонки выпали Харт и Нан, крупные штаты – Флорида и Техас – походили на огромные зрелые вишни, мечтающие упасть Байдену в руки.

Это был сценарий прошлой недели, но все изменилось. Тед Коппел и Пэт Бьюкенен потратили во вторник 33 минуты «Вечерней строкой», обсуждая кандидатуру Байдена, и после их беседы Джо Байден оказался глубоко в яме, в компании с другими идиотами, которые оступились так, что им пришлось выступать по национальному телевидению, как Ричарду и его верной собаке Чекерсу.

Сенатора Байдена без предупреждения выставили лжецом, плагиатором и простофилей, который большую часть времени провел в соплях, разыгрывая из себя дурачка. Они говорили, что лучшие строки выступлений он украл у Бобби Кеннеди и как-то раз, двадцать лет назад, списывал на экзамене в университете в Сиракузах.

Байден немедленно, в девять часов утра, созвал в Вашингтоне пресс-конференцию, где занялся самобичеванием и публичным валянием в грязи.

Как-то я беседовал с одним мужиком из Вашингтона, который сказал:

– ТОЛЬКО ОБРЕЧЕННЫЕ СПОРЯТ С ПАТРИКОМ БЬЮКЕНЕНОМ.

Он согласился разговаривать только при условии, что я не назову его имени.

– Расслабься, – сказал я. – Я буду нем, как рыба. Если судья узнает твое имя, то, гарантирую, не от меня.

– Пожалуйста, – сказал он. – Они выкинут меня, как охромевшую скотину – ты знаешь, с кем мы работаем, правда?

– Конечно, – сказал я. – Я знаю его не первый год, он – жестокая свинья, но, может быть, лучший в своем деле.

– Или худший, – пробормотал он. – Этот кошмар, который он устроил Джо Байдену, переходит

все границы.

– Это политика, – сказал я. – Политика восьмидесятых.

И это правда. Я говорил не с Питером Пэном. Этот человек – адвокат, хорошо оплачиваемый политконсультант. Он живет в особняке на Капитолийском холме, рядом с бывшей резиденцией Гэри Харта. Его нытью и униженным причитаниям по тому, что грубые ребята сделали с Джо Байде-ном, нет оправдания. Это дело, которое он выбрал.

Перед нами – самая мерзкая политическая история с тех пор, как Харт пренебрег прессой, которая за ним следила и видела, чем он занимается в свободное время.

Этот тоже готов. Он скатился от фаворита 2 к 1 в Белый дом до однокомнатного номера в Ирландии, откуда он сбежал, не заплатив по счету, когда бывший менеджер его кампании Билл Диксон выступил по радио где-то в Висконсине и неосторожно заявил, что Гэри Харт «скоро вернется в предвыборную гонку».

Это дурацкая идея. Один из бывших спичрайтеров Харта сказал: «Если это пробный шар, то один из худших со времен Гинденбурга».

У Джо Байдена – другая проблема. Он не был лидером, как Харт; он был больше похож на Харта в 1984 году – настоящая темная лошадка, чья команда роет землю копытом, – а денег в банке у него больше, чем у остальных, кроме разве что Марио Комо, выбывшего в этом году из гонки.

Но Байдену пришлось мошенничать, чтобы закончить юридический факультет в Сиракузах, а теперь он отвергает, что украл свои речи из выступлений Бобби Кеннеди.

Какой идиот будет отвергать такое обвинение?

Черт, да я бы гордился тем, что время от времени крал у Бобби отличные трели.

НАГРАДА СВИНЬИ НЕДЕЛИ, однако, не достанется этим людям, этим калекам, этим мошенникам и жуликам, которые... ладно, проехали. Свиньей недели должен стать гад, который выдал, что Джо Байден мошенничал в университете.

Никто не знает, кто это был. Лично я считаю, что это Патрик Бьюкенен, который делал такие вещи отнюдь не единожды – но не под видом свиньи. Он – киллер, и дело свое знает туго. *Res ipsa loquitur*.

21 сентября 1987 года

Борьба за голос дегенератов

На прошлой неделе мне досталась белая хлопковая футболка марки «Fruit of the Loom». Это длинное порождение ткацкого станка, снабженное смывающимся рисунком, размера XL, которое после первого же знакомства с горячей водой сядет до такой степени, что отлично подойдет борзой собаке. Подумаешь! Сегодня она отлично смотрится, и люди на меня оборачиваются. Спереди очень большая, яркая, заметная надпись... И прямо посреди текста, словно кричащий орел на старом серебряном долларе, – суровый профиль Ричарда Никсона.

«ОН ЗАГОРЕВШИЙ, ОТДОХНУВШИЙ И РВЕТСЯ В БОЙ! – написано на футболке. – НИКСОН В 1988».

Почему бы и нет? На этой неделе Луна – в Скорпионе, и Он опять среди нас. В обычных опросах общественного мнения его пока нет, но это скорее вопрос протокола... В настоящих, «черных», опросах, где написано то, что действительно говорят люди, значится: Человек вернулся...

Он вырос. Это очевидно. В недавних закрытых чартах в Вегасе Никсон шел третьим, сразу за вице-президентом Бушем и лидером сенатского меньшинства Бобом Доулом.

Остальные не набирают даже двузначных чисел. Это Говард Бейкер из Белого дома, Пластиковый Джек из Буффало, проповедник Робертсон, и тупица Дюпон, который в некотором роде ведет свое стадо на убой.

Единственная темная лошадка в этой толпе... да... Генерал, Большой Эл, который обделывал свои делишки в Белом доме и совсем было захватил контроль, но Джордж Буш отбросил назад его и оттеснил от источника власти.

Это было в старые добрые времена, когда мужчины были мужчинами, а воров пороли, как собак.

Тогда им нечего было бояться. Не то, что сегодня, в эпоху дешевых скандалов. Где могучие игроки? Сторонники Спи-ро Агню, толпа из «Веско», ребята Бискайна и Нормана?

Где они? Хитрые деньги говорят, что они исчезли, как прошлогодний снег... Но хитрые деньги ошибаются: их ставит в тупик кандидатура Эла Хейга, и они в Лас-Вегасе уже списали его со счетов. Говорят, у него нет никаких шансов. Говорят, в нем есть что-то знакомое. У Большого Эла нет денег, нет союзников, нет силовой базы, он тоже кажется сумасшедшим.

Конечно, это сочетание неудачно. Они называли его дураком и мошенником, очередным старым воякой с душой угря и мозгами троянского коня.

Ха-ха-ха... Они смеялись над Томасом Эдисоном, и сильные люди плакали, когда Рассел Чатам в Джексон-Холе съел половину стада лосей за шесть дней и отправился на север за следующей партией.

Они называли его дегенератом, но его картины покупали даже банкиры, а когда «мясная тошнота» закончилась, Рассел был богат. Может, богаче всех на Западе... Это было давно, но урок ясен до сих пор, и генерал усвоил его и пустил в дело с тем же голодным мщением, которое он привносил во все свои начинания.

Ставки на Никсона-Хейга на 1988 год кажутся сейчас хорошим выбором – особенно при 11 к 1. В таких местах, как Илай и Джемпот (до 20 или даже 24 к 1), цифры еще подрастут, но в Лондоне они останутся такими же.

Они там не слишком верят в нас. Недавняя передовица в «Экономисте», крайне благоразумном и консервативном британском еженедельнике, дошла до громких сетований, что американское чувство юмора умирает. «Что случилось с улыбкой Америки? – спрашивают они. – Почему защитные реакции янки теперь – мрачность и пессимизм?»

Ну и пускай удивляются. Скоро выйдет в свет и разразится очередной дегенеративный негативный рейтинг, и они получат ответ на свой вопрос. Главная ирония президентской гонки-88 (в ходе которой безумная страсть общества к морализированию уже унизила и уничтожила два несомненно ярких и выдающихся таланта) – это то, что неизбежный победитель в ноябре 1988, без сомнения, будет дегенеративным распутником, хуже, чем все, кто въезжал в Белый дом со времен Уоррена Хардинга или даже Улисса С. Гранта.

До выборов еще остается целый год, и общим местом стало, что злополучных кандидатов в президенты еще перемелют жернова морализаторства...

(О как! Дядя Пэт теперь будет мной гордиться. Я не «обвинял набобов в негативизме», но какого черта? Я никогда не работал на таких бандитских свиней, как Спиро Агню.)

Джо Байден покинул нас – как минимум, вышел из президентской кампании 1988 года – и мы немного обеднели. Он был игроком, а такие политики нам нужны. Благодаря таким, как он, мы можем считать себя нацией выскочек, мечтателей, авантюристов, великой мировой силой с романтической страстью к приключениям.

Если бы Бена Франклина и Тома Джефферсона закидали шапками адвокаты, бабы и проповедники, мы могли бы стать богатой и солидной британской колонией, вроде Канады, – или еще одним непрерывным экспериментом по построению мутировавшего демократического колосса, как Бразилия. Распутство Бена раздражало даже французов, а Джефферсон знаменит тем, что порол рабов. Но французы до сих пор – наши союзники, а покупка Луизианы до сих пор воспринимается как отличная инвестиция.

Если «дело Америки – бизнес», как говорит Кевин Коль-ридж, то Франклин и Джефферсон по всем параметрам остаются хорошими американцами.

Байден пал так быстро и легко, что удивился даже Гэри Харт. Полгода назад они оба были чемпионами – лидером и его тенью, двумя бойкими молодцами, которые боролись за место под солнцем, победу и работу, наделенную самой большой властью в мире.

Принято считать, будто избирателям нравится, когда летят головы: сначала Харта, потом Байдена, а скоро – Дже-фардта и Гора. Один из самых дешевых и презренных вашингтонских политконсультантов сказал, что демократы не перенесут еще одного кошмарного появления в прессе – что вся партия превратится тогда в ночную телешутку.

Но он не прав. Избирателей откармливают этим зрелищем тупых наказаний. Электорат требует дегенерата в Белом Доме.

28 сентября 1987 года

– Лорена, годы все проходят,
Снег снова на траве лежит.
Генри Де Лафайет Уэбстер. Лорена¹

(1Сентиментальная баллада «Лорена», написанная в 1856 г. молодым священником Г. Уэбстером, пользовалась невероятной популярностью в армии Конфедерации и пелась у каждого лагерного костра)

Дорога в Белый дом всегда была ненадежной и опасной, но в этом году добавилась новая действительно серьезная угроза – гильотина. На прошлой неделе она продолжала работать сверхурочно. Весь левый ряд был завален летящими головами и глыбами свернувшейся крови.

Большая часть этой крови натекла из бедняг-демократов, но была там и капля жидкой голубой крови, которая могла натечь только из Джорджа Буша, нынешнего лидера «Великой старой партии» и уверенного фаворита по ставкам на победу в 1988 году.

Джордж, увернувшийся во время бега по длинному перешейку дела «Иран-контрас» от большего числа пуль, чем Рэмбо, исполнился спеси и отправился в давно откладывавшийся европейский тур, который, по словам его советников, должен был максимально обеспечить предвыборную рекламу. За девять дней Буша фотографировали по всему миру – с лидерами Италии, Польши, Западной Германии, Франции, Бельгии и Британии.

«На протяжении всего пребывания в Польше, – написано в сообщении «USA Today», – два специальных оператора, нанятые предвыборным штабом, снимали все, что делал Буш, для последующего использования при номинировании. В Лондоне эта команда снимала встречу Буша с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер.

«Надеюсь, эти фотографии пригодятся – когда я войду в политику», – сказал Буш, стоя перед домом 10 по Даунинг-стрит».

Эта здравая мысль менеджера кампании могла сработать и даже принести какие-то голоса – но затем Джордж вернулся домой, появился перед камерами и вывел сам себя из гонки в одном из ключевых штатов, в Мичигане. Он сказал: может, Советский Союз поделится парочкой обученных танковых механиков. «Пошлем их в Детройт, – сказал он. – Мы можем использовать их умения».

Однако. Безупречная логика. Если советский автопром не может создать ничего вменяемого, давайте привезем русских в Детройт, поставим их работать на конвейерах «Пинто», и тогда кончатся надоевшие всем отзывы машин и трагические ошибки.

Кто знает, почему Буш так сказал? Мичиган для него потерян: Джек Кемп смешнее, а Пэт Робертсон лучше организован. Почему Джорджу Бушу захотелось самостоятельно забить последний гвоздь в собственный гроб?

Ладно... Буш – истинный республиканец восьмидесятых, квинтэссенция республиканского духа, он действительно так думает... Высокие трудовые затраты? Наглые работники? Взрываются конвейеры, и как только кто-то включает радио, загорается целая колонна новых фургонов...

Кому это надо? Избавимся от этих ленивых гадов. Уволим их и привезем русских штрейкбрехеров. По крайней мере, они не скрывают своих коммунистических взглядов.

В большинстве опросов Буш по-прежнему лидирует, но только не в серьезных. В недавнем опросе Эй-би-си/«Washington Post» оба – и Буш, и Доул – проходят в Белый дом, с двукратным преимуществом над нынешними основными демократическими кандидатами Джесси Джексоном и губернатором Массачусетса Майклом Дукакисом.

Возможно, это правда – как минимум, это более или менее было правдой на прошлой неделе – но единственные политические обозреватели, заявлявшие, что в это верят, были несчастные придурки из Си-би-эс и «Washington Post», которым пришлось заплатить за опрос.

До ноября 1988 года осталось еще два Хеллоуина, и к тому моменту вышибут мозги многим умникам. Можно ставить 50 к 50, что ни одно из тех имен, которые сейчас лидируют в чартах, не будет даже в списках на Хеллоуин 1988 года. Все лидеры демократов попадали вниз, быстрее, чем надо, чтобы разбогатеть на Сингапурской бирже металлов.

Полетели головы. Харт пал под натиском слухов о сексе, Джо Байден бежал, как крыса, когда его сдал его «старый университетский друг», – рассказал, что Джо списал там какие-то строчки на каком-то невнятном экзамене в Сиракузах двадцать лет назад, а на прошлой неделе меч упал на Дукаки-са и фаворитку феминисток Пэт Шредер и на их когда-то гордые команды.

Неосторожные разговоры, застарелая зависть и мерзкие разборки в окружении превратили са-

мую умную и квалифицированную группу кандидатов в президенты от демократов со времен выборов 1960 года в толпу деморализованных неудачников, которые постоянно ссорятся, как их надо называть: «семь гномов», или шесть... или уже пять.

Лояльная оппозиция сбита с ног уже за целый год до начала игры... Единственный человек в Америке, который, кажется, понимает ситуацию – это Ричард Милхаус Никсон, 74-летний бывший президент из Нью-Джерси. Три-четыре месяца назад, сразу после падения Харта, Никсон составил аналитический отчет, где описал свое видение ситуации и спрогнозировал варианты развития событий на выборах 1988 года.

«Лучшая помощь республиканцам на этих выборах, – писал он (в одном из своих регулярных «конфиденциальных меморандумов» для Рейгана и других ребят из Белого дома), – это слабость демократов. Сроду они не были таким разношерстным сборищем тех, кого бывший посол Уильям Буллит звал “первосортными второсортными людьми”».

В этих словах не было ничего особенного или оригинального: просто обычная догадка, учитывая источник – но мы постоянно забываем, что, несмотря на все свои преступления, и извращения, и даже неприятные проблемы с алкоголем, Никсон обладает замечательной способностью схватывать самую суть, которая сделала его, возможно, самым успешным политическим механиком своего поколения. Он попадал в каждое госучреждение по всему спектру национальной политики, разве что не был губернатором Калифорнии, да и к губернаторскому посту он был настолько близок, что, когда проиграл, впал в публичную истерику. Именно тогда он назвал прессу бандой прогневших ублюдков, которые сломали ему жизнь и которые «никогда больше не получают шанс ударить Ричарда Никсона».

Тогда над ним смеялись – но через шесть лет Ричард Никсон был избран на пост президента США в жестокой уличной драке, от которой Демократическая партия уже не оправилась. Четыре года спустя Никсон снова выиграл – и тогда его арестовали и выгнали из Вашингтона, как заразное животное.

Но это неважно. Джордж Герберт Уокер Буш надолго с нами не задержится. На следующий Хеллоуин он будет жить где-нибудь в Нью-Джерси, неподалеку от фермы Никсона.

5 октября 1987 года

Время пришло

– Больше половины американцев, участвовавших в новом опросе, ответили, что они, как минимум, «скорее всего» будут голосовать за вице-президента Джорджа Буша, если он станет кандидатом от Республиканской партии.

Associated Press, 10 октября 1987 года

Национальный телеграф часто приносит странные вещи, и настоящие новостные наркоманы привыкают искать в них смысл – обычно это невозможно, и обычно по вполне очевидным причинам.

Например, опрос «по предсказанию большой победы Буша» совершенно некомпетентен – по крайней мере, не в «Denver Post», где он оказался двухдюймовой затычкой на восьмой странице воскресного выпуска.

Никто не знает, откуда взялся этот опрос. Я думаю – наверное, от Буша. Он представляется хорошим объектом для дискуссии – по крайней мере, для специалистов.

Цифры впечатляют, и ответы вроде бы искренние. «На вопрос, с какой вероятностью они будут голосовать за Буша, если его выдвинут» (предположительно в 1988-м, хотя год нигде не упоминается), «14 процентов всей выборки ответили “чрезвычайно вероятно”, 16 процентов – “очень вероятно”, и 24 процента – “скорее всего”».

Были и оставшиеся 44 процента, которые отвечали, «скорее всего нет» и «однозначно нет», но автор статьи из «Post» выбросил отрицательные цифры как мелочь – и поставил как заголовок фразу «Половина опрошенных готова отдать свой голос за Буша».

Ладно, подумал я... может, и так. Может, Джордж уже заявлен на выборы 1988 года и сейчас просто копит очки. Другой опрос, уже телевизионный, показал, что Буш идет на 15 пунктов впереди Боба Доула и как минимум вдвое обходит нынешнего лидера демократов Джесси Джексона.

«Кто готовит эти цифры, и как бы мне с ними связаться?» – подумал я. Это казалось рискованным предложением, и я хотел в нем поучаствовать. Сегодня в американской политике нет лучшей ставки, чем 2 или 3 к 1 против Джорджа Буша, или даже 3 к 2... Передайте этим людям, пусть свя-

жуются со мной: я готов поставить деньги.

Настоящие шансы Буша в 1988 году сейчас 4 к 1 и растут, несмотря ни на какие опросы. За Буша говорит сам Ричард Никсон, один из лучших гандикаперов.

В июньском меморандуме 1987 года под названием «Президентские выборы-88» Никсон изучил все-все кандидатуры, и ему пришлось сказать несколько слов о Джордже:

«Буш продолжает прочно лидировать в опросах. Его главное преимущество в том, что он самый опытный из всех кандидатов, к тому же у него лучшая организация, больше денег и что самое важное – он участвует в кампании как вице-президент».

Никсон понимал эти преимущества. В 1960-м у него было все то же самое, но его утопила банда молодых выскочек, работавшая с Джеком Кеннеди, – и это имя с тех пор снится ему в кошмарах. Он знает, каково это – быть богатым парнем на свадьбе в «Градзуэйт».

Что касается Буша, продолжал Никсон, «он лояльный вице-президент, и не пройдет как сильный независимый кандидат. Его популярность тесно связана с Рейганом. Если популярность Рейгана идет вверх, его – тоже растет. Если рейтинг президента падает, то его – тоже падает».

Между прочим, это было написано до того, как хваленая организация Буша получила по ушам от команды проповедника Робертсона в Мичигане и Айове – и до того, как Рейган решил за назначением судьи Роберта Борка переместить вес Белого дома на Верховный суд США.

Это было большой ошибкой – одним из тех больших высокомерных прыжков туда, что генерал Макартур называл «опасностью утраты чувства реальности». Появился Борг и прошел по национальному телевидению, лязгая зубами и рыча как бультерьер, в своем уникальном стиле – который взбудоражил даже старых сенаторов от «Великой старой партии» и заставил целое поколение тинейджеров бояться слова «судья».

Белый дом ошеломлен, а «популярность» президента падает, как камень в торфяном болоте.

Несколько недель назад разъяренный Борг явился на слушания с несолидной бородкой и глазами фанатика, у которого есть высокопоставленные друзья... Ему надо защищать собственную репутацию: он все-таки известный политический киллер, «грязный трус, который застрелил мистера Говарда».

Но это другая история, для нее сейчас нет времени. Все, что нам надо знать о судье Борке, это то, что умные деньги в Вашингтоне давали против него не меньше 7 из 14 голосов членов юридического комитета, который возглавляет дискредитированный кандидат в президенты от демократов Джо Байден из Делавэра, – а когда на прошлой неделе прошло голосование, результат был 9 к 5.

Это одна из тех редких политических разборок, где ни одна сторона не может позволить себе проиграть. Назначение Борка проделало львиную долю работы демократической оппозиции. Это была одна из тех вещей, как говорит И.И. Каммингз, которые нельзя переварить.

Говорят, что «реванш Джо Байдена» или «закон кармы»... Но Ричард Никсон знал, что это на самом деле такое. Его избирали почти на каждый государственный пост в Америке, кроме разве что шерифского, и он понимает политику лучше, чем кто-либо другой. Он механик, истинный наркоман системы рычагов и противовесов; последнее, что он видел на слушаниях по Борку, – седовласого джентльмена по имени Кеннеди, который сидел по левую руку от Байдена и считал голоса.

Факел снова передан. Это был реванш Джо Байдена: не все демократы – наркоманы, развратники и дураки... Природа не терпит пустоты, и природа современной американской политики требует, чтобы Кеннеди охотился за Белым домом.

Недавние исследования «новых реалий» национальной политики, проведенные Институтом Гэллапа и «Times Mirror Co.» из Лос-Анджелеса, «с целью создать исчерпывающий политический портрет американского электората», «обнаружили», что к Дэну Ратеру «благоприятно относятся» больше людей (87 процентов), чем к Билли Грэму который идет следом с 66 процентами...

Двумя ступенями ниже Грэма стоит Рональд Рейган с 62 процентами. А на ступень выше Рейгана находится сенатор Тед Кеннеди с 64 процентами... И там нет и намек на Джорджа Буша или судью Борка.

Дискутирующие все видит так же, как Ричард Никсон, который точно так же не вошел в верхушку рейтинга... Однако Чаппакуиддик был давно. Хватит. Время пришло.

12 октября 1987 года

– Я дал ей время покаяться в любодееании ее, но она не покаялась. Вот, Я повергаю ее на одр и любодеествующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертию...

Откр.2:21-23

Забудем судью Борка. Он – нытик-либерал с дрожащими коленями, если сравнивать его с «Откровением». Вот где язык, который сдирает кожу с твоей спины, – по крайней мере, в Библии короля Якова. Тогда не было прав Миранды¹ (1Права лица, подозреваемого в совершении деяния которыми оно обладает и которые должны быть разъяснены при аресте до начала допроса); виновны были все, а наказание было скорым и ужасным.

Некуда было бежать, негде было скрыться. Это был конец мира, время последнего суда: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них». Это «Откровение» 9:6 – один из самых мягких и прощающих стихов, любимый стих Рональда Рейгана. Президент очень увлекается «Откровением». Я люблю эту книгу за резкую и страшную силу языка, а Датч действительно верит ей.

Как-то под рождество 1985 года он сказал репортеру из журнала «People», что «это поколение может увидеть Армагеддон».

Однако. Это он о нас. Сожженные в огне, разорванные в клочья, как ящерицы. В 4:8 все сказано предельно ясно:

«И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет».

Многих кислотных торчков увозили в смиренных рубашках за то, что они видели что-то подобное, но такие видения обычно не длятся больше 72 часов. Но Рейган верил в пришествие этих кошмарных «четырех зверей с шестью крылами, исполненных очей» примерно 72 года. Библия стала оплотом его веры, и он не собирается отказываться от нее сейчас – особенно когда она объясняет, почему мир вокруг него разваливается на части.

Естественно. Это, наверное, Армагеддон, а не то, что пишет «New York Times». Что они там знают? Это как вдова Билла Кейси, гонящая от себя мысль, что ее муж мог говорить с редактором «Washington Post» на полном серьезе. «С чего бы ему говорить с репортером? – спрашивала она. – Он был много выше этого».

Ладно... может, и так. Но если Кейси на прошлой неделе смотрел вниз – или даже вверх – на безбожную кашу улик, которую собрали эти низкие репортеры, вряд ли он радовался. «New York Times» назвала это «худшей неделей президентства Рейгана», причем часть помоев может достаться и Кейси.

Он был человеком с Уолл-Стрит, а рынок обрушился. Он был силовым юристом правого крыла, а кандидата, которого он протаскивал в Верховный суд, отклонил Сенат с гигантским разрывом в 16 голосов. Он был директором ЦРУ, а его любимый «секретный» проект – нашумевший «Иран-Никарагуа» – так далеко вышел из-под контроля, что США пришлось ввязаться в случайную войну на двух полушариях. Он был крупным политическим мыслителем, участвовавшим в высшем и очень тонком маневрировании в отношениях с Советским Союзом и другими мировыми силами, но и эти маневры провалились.

В конце недели в Белом доме поднялся переполох из-за того, что советский вожь Михаил Горбачев отменил свою долгожданную поездку на саммит в Вашингтоне – а этот визит мог спасти президентство Рейгана.

Визит Горбачева для Датча – не мелочь. Он должен был стать большим событием для СМИ, а Рейган это любит. Говорили и о «туре по стране», и даже о частном визите на президентское ранчо в горах около Санта-Барбары: служба безопасности отгоняла бы тысячи журналистов, а Марлин Фитцутер ежедневно кормил бы их пикантными новостями.

Всего этого не будет. Человек с отметиной зверя угробил все рейганистское крыло в «Великой старой партии». Рейган – их президент, и когда он уйдет, они окажутся без работы и без перспектив.

Трагические события последней недели заставили одного из них издать стон настоящего отчаяния. «Мы вроде алхимиков-неудачников, – сказал источник в Белом доме, названный в газете «сломленным республиканским политиком». – Все, чего мы касаемся, превращается в грязь».

– Если бы Рейган сумел преодолеть экономический спад, в 1988 году республиканцы бы прочно

засели в Белом доме. Но администрация теряет управление экономикой, и теперь президентом изберут любого осла, выдвинутого демократами.

Ричард Никсон, июнь 1987 года

Добро пожаловать в страну ослов! Это животное служило символом Демократической партии с 1828 года, когда Эндрю Джексон захватил Белый дом в вихре популизма (что до сих пор определяет лицо партии). Джексон стоял у руля восемь лет, а его вице-президентом был Мартин Ван Бюрен, который в 1836 году унаследовал пост президента – последний вице-президент, выигравший выборы.

Когда в прошлом июне – задолго до обвала рынка – Никсон говорил, что если бы ему «пришлось делать ставки прямо сейчас, он поставил бы на Буша, но ранчо я бы точно не поставил», он прекрасно это понимал.

И никто не поставит на Буша после событий прошлой недели, которые привели к бичеванию вице-президента в национальной прессе. Когда рейганисты потерпели поражение на всех фронтах, неожиданно стало модно обзывать его безответственным неудачником, человеком без стоячего воротничка вокруг республиканской шеи.

Следующий президент, скорее всего, будет демократом, и, если следовать «Откровению», скупать ему не придется. Глава 19, стих 2 гласит: «Ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее».

26 октября 1987 года

Конец эпохи

Когда заходит речь о таких вещах, как «верная смерть», «полный провал» или «обреченное поколение», многие умные люди чувствуют дрожь в коленях. Но только не я. Я спокойно работаю с подобными темами. В них нет ничего нового, если только они не возникают одновременно. Все, что с бесстрастным видом говорят умники, встретившись со смесью Смерти, Обреченности и Провала, на-верное, стоит того, чтобы выслушать. Они встречаются совсем не так часто, а когда встречаются, то чаще всего это значит, что минимум у двоих ораторов – весьма серьезные проблемы.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Почему-то они потеряли хватку. Прыгают на рельсы, обезумев от виски или опиума. Кто знает? При Никсоне это был джин. Моцарта разрушил сифилис, а Мэрилин Монро стала жертвой синдрома «мертвых кишок»¹ (1Отмирание части кишечника из-за нарушений кровообмена (прим. перев.)), который обошелся ей в миллионы долларов.

Сегодня у нас есть Рональд Рейган – президент, который уехал побродить по горам. Семь лет он жил в Белом доме и руководил страной, словно какая-то дешевая имитация старого фильма Джона Уэйна.

Но год грядущий год будет значиться восьмым, и это будет плохой год для Датча – хуже, чем восемьдесят седьмой, и даже восемьдесят шестой, когда и мир, и его жизнь, и его последний фильм повернулись к нему темной стороной. Тысяча девятьсот восемьдесят шестой был годом, когда Рейган потерял контроль над Сенатом и около 88 процентов той огромной, почти волшебной системы политических рычагов, которые делали его таким жестким, устрашающим и почти неуязвимым с тех пор, как в 1966 году он стал губернатором Калифорнии.

Это было давно, но для Датча должно быть словно вчера. Это были славные годы, когда он начал думать, что он круче Джона Уэйна и жестче, чем Катон-старший. Тогда в Сакраменто своим первым официальным постановлением он сделал своей правой рукой Эда Миза, а вторым – закрыл государственные психиатрические лечебницы и выпустил психов на улицы: пускай сами о себе заботятся.

Люди жаловались, ну и что? Психи не голосуют.

И Эд Миз не будет голосовать года до 2000 – если прокурор по особо важным делам решит припугнуть его за роль в деле «Ведтек». Вина Эда в этом деле почти доказана (как это обычно случается, когда начинают спрашивать, как Эд добивался низкопроцентных кредитов), – и если прокурор решит, что ветер дует так, чтобы арестовать генерального прокурора США и посадить в федеральную тюрьму на три-четыре года, то Миз сядет. Он сделает столько отжиманий от горячего асфальта на длинной парковке неподалеку от Элгина, чтобы избавиться от пивного пуза и заработать квадратики на животе, такие же, какие были у Хью Ньютона¹ (1Один из лидеров партии «Черные пантеры»). Речь

идет о 22-месячном предварительном заключении Ньютона в 1967-1968 гг. по сфабрикованному обвинению в убийстве полицейского (был оправдан на суде)) после двух лет в одиночке.

Когда-то, в шестидесятые, Миз был помощником окружного прокурора в Окланде. Тогда по городу бегали Хью, и Кен Кизи, и Сонни Бартер – и служить прокурором было невесело... Миз тогда проигрывал девять дел из десяти, и только волшебная рука Рональда Рейгана спасла его от полного забвения на улицах Восточного Окланда и превратила из жертвы в личного помощника губернатора Сакраменто.

Это все равно что обязать Чарльза Мэнсона отвечать за спортзал в тюрьме для несовершеннолетних девочек. Миз невежествен и жесток, но он не дурак; он взял в свои руки ту систему рычагов и чугунных чушек, которая шла в комплекте с должностью, и стал одним из самых могущественных людей среди политиков Калифорнии. Рейгану понравился его стиль, и он дал ему столько возможностей, сколько требуется: не только нанимать, увольнять и наказывать своих врагов губительными для карьеры «административными наказаниями», которыми он постоянно уничтожал всех, кто ему не нравился; вдобавок Мизу поручили роль советника при его шефе, чем он и занимался вплоть до Белого дома.

В первые годы правления Рейгана Миз был одной из ног треножника: он направлял руку президента и писал за него все личные меморандумы и заявления.

Существуют сотни снимков веселых деньков в ранние восьмидесятые, на которых Датч и его команда бегает туда-сюда по лужайкам перед Белым домом, прыгают в поджидающие их вертолеты, что-то напряженно обсуждают друг с другом за большим столом в овальном кабинете.

Команда – это Миз, Майкл Дивер и Джеймс Бейкер, менеджер компании Джорджа Буша и нынешний секретарь казначейства одновременно.

Джим Бейкер – один из самых умных людей в Вашингтоне, и он одним из первых прыгнул с корабля. Он отправился на обед с тогдашним секретарем казначейства Дональдом Риганом, и после шести-семи мартини они решили поменяться должностями. Бейкер ушел из Белого дома, а Риган стал у Рейгана новым менеджером по персоналу – но ненадолго; события скоро догнали его, и ему пришлось с позором уйти в отставку.

Дивер, когда-то главный инсайдер, пошел другим путем. Он согласился стать лоббистом, очевидно, из-за личной жадности, а теперь его ищут в Вашингтоне, чтобы предъявить обвинения во впечатляющем списке мелких преступлений – от лжесвидетельства и обмана до пьянства в общественном месте и безжалостные нарушения кодекса морали. Его адвокаты выбрали уникальную тактику защиты: они утверждают, что в тот период он был так безнадежно пьян, что не чувствовал разницы между правильным и неправильным.

Эта тактика незамысловата, но если такая линия защиты пройдет, появится интересный прецедент. В Колорадо сейчас рассматривается похожее дело: мужчина утверждает, что лишился рассудка и не знал, что делал, когда вынюхал слишком много кокаина, вышел на улицу и насмерть зарубил нескольких человек мясницким топором.

Если хотя бы один из них добьется, чтобы дело передали одному из сотни новых судей, назначенных Эдом Мизом, и сумеет выйти сухим из воды, у нас будут большие проблемы.

В Поколении свиней Эд Миз из Окланда оказался одной из самых главных свиней – живое свидетельство классического утверждения Джорджа Оруэлла в «Скотном дворе»: «Все свиньи равны, но некоторые свиньи равнее других».

– В инцесте, убийстве, суициде
Выживает волшебная пурпурная птица
Сам себе Отец, Сын и Невеста,
И собственное Слово.
Говард Немеров.
«Феникс»

Другой Джордж Буш

Скиннер на прошлой неделе позвонил из Вашингтона, чтобы объяснить мне, что я опасно ошибаюсь в отношении Джорджа Буша и многого о нем не знаю.

– Я знаю, ты не хочешь этого слышать, – сказал он, – но Джордж оказался совершенно не таким,

как кажется, – не тем, кого ты бичевал. Я подумал, тебе стоит знать...

Я задержал его вызов и сказал, что перезвоню после игры Кентукки-Мэриленд. Я поставил на 5 очков, и Кентукки вели на 7 за 18 секунд до конца... В тот момент Джордж Буш был для меня никем, а вся его кампания – не более чем радио, доносящимся откуда-то с улицы.

Но Скиннер почему-то упорствовал... Он пытался что-то мне объяснить. Говорил, что Буш не тот, кем кажется, что где-то внутри него живет зерно подлинного короля-философа.

– Он умнее Томаса Джефферсона, – сказал Скиннер. – У него есть возможность внести в историю больший вклад, чем оба Рузвельта, вместе взятые.

Я был шокирован.

– Ты лживая свинья, – сказал я. – Кто заплатил тебе за эти слова? Зачем ты мне звонишь?

– Для твоего же блага, – сказал он. – Я просто пытаюсь тебе помочь.

...Он ответил на звонок по другой линии, но потом вернулся и принялся лепетать – горячо и бессвязно.

– Выслушай меня, – говорил он. – Я провел с ним весь вчерашний вечер, один. Мы сидели перед зажженным камином, слушали музыку и пили виски, и впали в сентиментальность, я попросил его не переживать на этот счет, а он сказал, что он – единственный живой голос Бобби Кеннеди в современной американской политике.

– Нет, – сказал я. – Избавь меня от этих помоев. Это уже слишком. Я ждал от тебя чего-нибудь большего.

Я захохотал. Сумасшедший дом! Джин Скиннер – один из самых жестоких и циничных политических киллеров – рассказывает мне, что провел два последних вечера, беседуя с Джорджем Бушем об истинном значении «Республики» Платона и «Притчи о пещере», курили сигареты «Джарум» и смущенно плакали, раз за разом слушая старые записи Леонарда Коэна на стареньком кассетнике «Накамити»!

– Да, – сказал Скиннер, – он много лет возит с собой в чемодане 350 кассет... Он любит музыку, действительно хороший рок-н-ролл. У него есть записи Элвиса Стюарта, которые он сам делал на «Наке».

Господи Боже, подумал я. В конце концов они его обратили: он готов. Откуда у него мой телефон?

– Ты, мразь позорная! Больше никогда мне не звони! – заорал я. – На следующей неделе я уезжаю на Гавайи. Я знаю, где ты был последние два года. Держись от меня подальше!

– Ты идиот! – закричал он. – Где ты был, когда мы искали тебя на прошлой неделе в Новом Орлеане? Мы зависли там на три дня. Джордж хотел познакомиться с братьями Невилл. Мы путешествовали инкогнито...

И вот он уже рассказывает мне, что, когда победа в шестнадцати штатов в супервторнике уже была обеспечена, Буш ополоумел от дешевого джина и надменности и воскресным вечером появился в аэропорту Нового Орлеана с одним-единственным телохранителем, на черном «порше 928» с аргентинскими номерами и тонированным стеклами.

Поверить в это было нелегко. Скиннер был профессионалом, я это знал, а Буш – бывшим директором ЦРУ. Это странная смесь; особенно странная, учитывая ненормальную за-цикленность Скиннера на Буше, которая очень меня беспокоила.

– Знаешь, чем я ему нравлюсь? – сказал он. – Тем, что я знаю стихи. Он любит поэзию. Он может прочитать «Аннабель-Ли» от начала до конца. – В этом месте его голос задрожал: – «Это было давно, это было давно, в королевстве приморской земли...» – Он остановился на минуту, потом продолжил мечтательным голосом, подкосившим меня: – «И, любовью дыша, были оба детьми, в королевстве приморской земли... Но любили мы больше, чем любят в любви...».

– Хватит, – сказал я. – Это невыносимо. Мысль о том, что Джордж Буш раскатывает по Новому Орлеану и цитирует Эдгара По, просто не укладывается в голове.

– Это еще что! – ответил Скиннер. – Он может спеть любую песню Боба Дилана. Он играет «Добро». У него есть вторая «Добро», в оригинальной упаковке. Невероятно, невероятно!

Я резко засмеялся, но он, похоже, не заметил.

– И еще он любит животных, – сказал Скиннер. – Животные – единственное, что он любит больше, чем музыку.

– Я видел, как он спасал погибшую кошку и пытался ее реанимировать, – сказал он. – Прямо

посреди Пенсильвания-авеню. Он склонил голову прямо к губам животного и вдохнул воздух ей в горло... Люди кричали и подбадривали его, собралась большая толпа, но он не отступал.

Меня затошнило, и я промолчал. Скиннер еще долго бормотал, соскальзывая с одной маразматической истории в другую, как будто рассказывал про Махариши. Я так и ничего и не понял.

Надо сказать, смысла в его рассказе и не было. Джордж Буш – жестокий негодяй из Техаса. У него нет друзей, и никто во всем Вашингтоне не хотел бы, чтобы его видели с Бушем ночью на улице. Говорят, есть в нем что-то такое – ощущение чего-то странного внутри, словно мертвое животное... Не может быть, чтобы он гулял ночью по Вашингтону или Новому Орлеану, болтал о Дилане Томасе и подбирал мертвых кошек.

Во всем этом было что-то неправильное, очень неправильное, даже извращенное... Сейчас Скиннер, казалось, верил во все эти рассказы – и хотел, чтобы я в них поверил.

Зачем? Это то же самое, будто «Поэму о Старом Моряке» написал Айвен Боески, или что Эд Миз каждое утро, как проснется, бросает стодолларовую банкноту в Потомак.

Я повесил телефонную трубку и почувствовал, что схожу с ума. Тогда я вышел под дождь и пошел в отель.

21 марта 1988 года